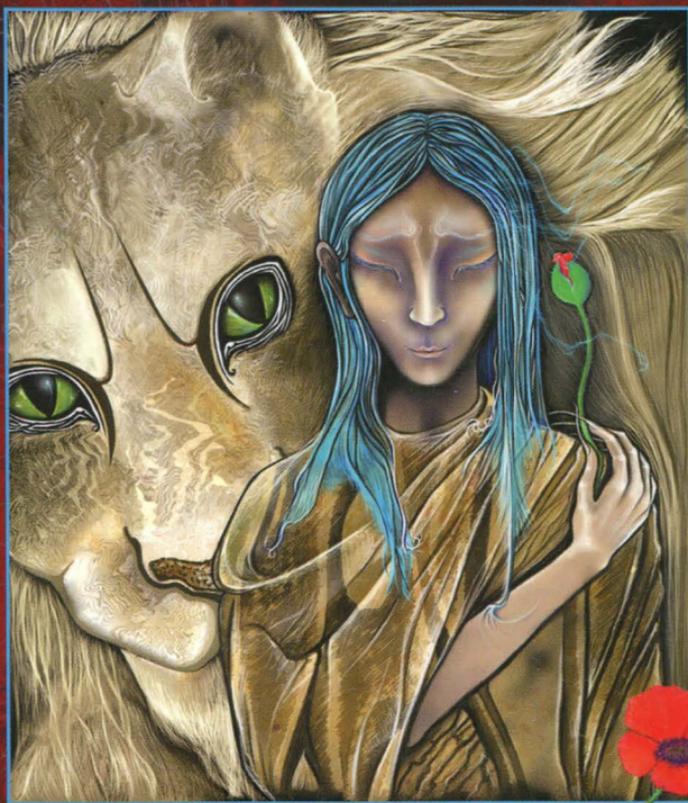

Алистер Кроули

ЧЕРЕЗ ПУЧИНУ

МАГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Телема

АЛИСТЕР КРОУЛИ

ЧЕРЕЗ ПУЧИНУ

МАГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2011 г.в.

Алистер Кроули

Через пучину / Пер. с англ. Алексея Осипова. — М.: Издательство «Ганга», 2011. — 416 с. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882-151-9

В очередном томе сочинений знаменитого британского мистика и мага XX века Алистера Кроули публикуются три его наиболее заметных художественных произведения, посвященные магии. «Утраченный континент» представляет собой фантастическое повествование о мифическом континенте — Атлантиде: о ее нравах и обычаях, магических ритуалах и умонастроениях ее жителей. «Через пучину» содержит в себе фантастический рассказ о предыдущем воплощении Алистера Кроули в Египте. Роман «Лунное дитя» рассказывает о сложной магической операции по рождению гомункулуса — мистического существа из плоти и крови, посвященного Луне.

© Ordo Templi Orientis

© Алексей Осипов, перевод, 2011

© Анастасия Баскакова, иллюстрация
на обложке, 2011

© Творческая группа «Телема», 2011

© Издательство «Ганга», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. SR I.C ., FR MARSYAS	5
LIBER LIX. ЧЕРЕЗ ПУЧИНУ	17
LIBER LI. УТРАЧЕННЫЙ КОНТИНЕНТ	63
ЛУННОЕ ДИТЯ	117

ПРЕДИСЛОВИЕ

SR I.C¹, FR MARSYAS

Твори свою Волю: таков да будет весь Закон

В очередном томе сочинений знаменитого британского мистика и мага XX века Алистера Кроули (1875—1947) публикуются три его наиболее заметных художественных произведения — один роман («Лунное дитя») и две повести («Утраченный континент» и «Через пучину»). Это магические тексты — недаром все они входят в официальный перечень его магических работ под соответствующими номерами. Для Алистера Кроули магия была эффективным средством, призванным помочь человеку осознать свое истинное предназначение в мире (Истинную Волю) и понять, что она полностью совпадает с Волей Божественной. Имя этой силы — Любовь. «Любовь есть Закон, Любовь в согласии с Волей» — таков Закон Телемы и системы Магии Алистера Кроули. Фактически, смысл всей Работы телемита — открыть в себе источник творчества и любви (по сути — открыть в себе Бога). И этой цели были посвящены все работы Кроули, от сложнейших магических трактатов до увлекательных художественных текстов.

Libet LI («Утраченный континент») представляет собой фантастическое повествование о мифическом континенте — Атлантиде: о ее нравах и обычаях, магических ритуалах и умонастроениях ее жителей, а также «достоверный рассказ» о так называемой катастрофе, что привела к ее исчезновению. Тема Атлантиды использовалась в эзотерике многократно, однако стоит заметить, что данная повесть Кроули никакого отношения к «атлантологии» не имеет. «Утраченный континент» — метафора и тонкая сатира, полная литературных и социальных аллюзий. Недаром многие сравнивают эту повесть с «Путешествиями Гулливера» Джонатана Свифта.

В своей «Исповеди» Алистер Кроули дает такую оценку этой своей работе:

¹ Sr. I. C. — глава Российского отделения Ordo Templi Orientis.

Множество других стихотворений, эссе и рассказов было написано тем летом [1913 г.]. Особняком среди них стоит «Утраченный континент» — что-то вроде романа, повествующего о цивилизации Атлантиды. Мне иногда кажется, что ему недостает художественной цельности. Временами мне видится в нем фантастическая рапсодия, живописующая мой идеал утопического общества; однако некоторые пассажи представляют собой сатиру на положение дел в нашей текущей цивилизации, в то время как другие содержат намеки на некоторые глубокие магические тайны или предвидения грядущих научных открытий.

Действительно, некоторые пассажи данной повести весьма откровенно намекают на тайны магических орденов, которыми руководил Кроули:

Черный фосфор всегда добавляет верховная жрица, и как она это делает, мне неизвестно. Стабильный *Зро*¹ — предмет непрерывных экспериментов магов. Величайшие из них считают, что доведение процесса до девятой стадии деления надвое было ошибочным, а многие открыто оплакивают открытие черного фосфора. Все, впрочем, согласны в стремлении достичь десятой стадии, которая превзойдет все достоинства девятой. Теоретически возможно добиться и одиннадцатой, на которой *Зро* принимает человеческую форму и начинает жить! Относительно того, не проделывалось ли уже подобное неким магом в прошлые времена, мнения разделились. Как бы там ни было, молю читателя не забывать, что я описал едва лишь одну седьмую часть свойств *Зро* и опустил даже то, что на девятой стадии он представляет собой не только еду и питье, но и универсальное лекарство — при условии правильного его понимания. Ибо *Зро* — воистину видение и голос!

¹ «Зро» — в повести «Утраченный континент» название универсальной, но существующей во множестве форм магической субстанции/силы, использовавшейся жителями Атлантиды. Его название произведено от др.-евр. זר (ZRO) — «сеять, размножаться» или «сперма, семя». — *Примеч. ред.*

Здесь стоит пояснить, что IX и XI степени считаются самыми тайными и важными в *Ordo Templi Orientis* (Ордене Восточных Тамплиеров), которым руководил Кроули. В частности, именно на IX° посвященному сообщалась тайна «Камня Мудрецов, Эликсира Бессмертия и Универсального Лекарства»¹. Впрочем, предоставим читателям самим испытать удовольствие от расшифровки загадочных намеков этого магического текста.

Liber LIX («Через пучину») содержит в себе фантастический рассказ о предыдущем воплощении Алистера Кроули в Египте. Эта книга была впервые опубликована в 1912 году и относилась к учебным материалам Ордена А.:А.:, основанного Алистером Кроули. Экзамен по ней полагалось сдавать на степени Философа (4°=7°). Само название этой степени предполагало, что на данном этапе посвященный работает со своей этической системой и картиной мира, особое внимание уделяя поклонению различным божествам. История человечества рассматривалась Кроули как последовательная смена эпох (эонов), отождествляемых с различными божествами Древнего Египта. Предполагалось, что данная повесть, излагавшая историю свержения матриархата Исиды патриархатом Осириса, может помочь читателю понять значение свержения Осириса Венценосным и Победоносным Ребенком-Хором, пророком которого считал себя Кроули.

Самое большое и самое известное из произведений Алистера Кроули, включенных в этот сборник, — «*Liber LXXXI*», роман «Лунное дитя», начатый в 1917-м и опубликованный в 1929 году. Его предваряет следующее авторское примечание:

Книга эта была написана в 1917 году в свободное время, остававшееся от попыток вовлечь Америку в войну на нашей стороне. Отсюда и мои иллюзии на эту тему, и то, как печально ведет себя в конце Саймон Ифф. Нужно ли добавлять, что, как то, без сомнения, демонстрирует и сама книга, все люди

¹ Бафомет XI° О.Т.О. (Алистер Кроули). «*Liber LII* (Книга 52). Манифест О.Т.О.» // Алистер Кроули. *Орден Восточных Тамплиеров. Возрождение магии*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 67.

и события в ней — чистой воды выдумка расстроенного воображения?

Здесь необходимо прерваться и сделать некоторые уточнения. Нет никаких оснований полагать, что текст в том виде, в котором он публикуется в настоящем издании, был действительно написан в 1917 году. Да, в 1917 году, находясь в США, Кроули начал работу над своим первым магическим романом, получившим первоначальное название «Сачок для бабочек». Однако именно в те годы Кроули публиковал в выходившем в Америке журнале «Фазерленд» статьи с ярко выраженной прогерманской позицией.

В августе 1915 года он напечатал особенно злобную, но оригинальную статью в чикагском журнале «The Open Court». В ней говорилось о «грязных карликах, подобных Георгу V», о «пузатых буржуа, подобных Пуанкаре» (французскому президенту), о Вильгельме II, «гении своего народа» и «воплощении Лознгринга, Зигфрида и Парсифаля», кайзера, «столь же значительном, сколь значительны были для Рима Кастор и Поллукс», «всеведущем, всемогущем, вездесущем и прекрасном, посланном, чтобы спасти Отечество от свирепых врагов». Текст заканчивался словами: «Аве, Гильельм, царь, император!» Кроули дошел даже до того, что сожалел о неэффективности немецких бомбардировок Британии. Он писал: «Большие разрушения были произведены в Кройдоне, особенно в его пригороде Эддискомб, где живёт моя тетушка. К сожалению, ее дом не пострадал. Покорнейше прошу графа Цеппелина сделать еще одну попытку. Сообщаю точный адрес: Итон-Лодж, Аутрэм-роуд¹.

Почему Кроули так себя вел — остается только гадать. Недоброжелатели считали, что таким образом он вымещает свой гнев на Британию, где ему не удалось достичь успеха. Доброжелатели (и сам Кроули) указывали на то, что статьи Алистера Кроули, написанные в гротескно-комичной

¹ Бут, *Жизнь мага*. Указ. соч.

манере, выглядят скорее пародией на прогерманскую пропаганду. Возможно, истина заключается в том, что тогда Кроули остро нуждался в деньгах и, не питая нежных чувств ни к Георгу V, ни Вильгельму II, он просто сделал то, на что получил заказ. Но поскольку всерьез относиться к политике он не мог, то вместо серьезной пропаганды у него получилось очередное шутовство.

Проблема Кроули была в том, что его специфический юмор был непонятен подавляющему большинству людей. (Вспомним, хотя бы его шутку о том, что за 16 лет он принес в жертву 2400 детей мужского пола!) Весной 1917 года полиция нагрянула с обыском в лондонский офис О.Т.О., после чего примерно на 60 лет Орден прекратил свое существование в Великобритании, а сам Кроули, вдобавок к прозвищу «самого безнравственного человека на свете», приобрел репутацию антипатриота и «германского агента». Возможно, святому гуру, медитирующему на навозной куче, подобная муравьиная суета была бы совершенно безразлична. Однако Алистер Кроули считал себя пророком и видел свою миссию в том, чтобы нести Закон Телемы людям, а для этого надо, как минимум, чтобы твои книги издавались.

В 1929 году Алистер Кроули познакомился с Реджинальдом Стивенсеном, одним из руководителей издательства «Мандрейк-пресс» и активным борцом с цензурой. Стивенсен оценил Кроули как человека интересного и незаурядного и решил помочь ему. Был разработан план публикации серии произведений Кроули, а также книги о нем, написанной Стивенсеном и призванной «исправить» репутацию «самого безнравственного человека на свете». Среди книг, намеченных к выходу, оказался и роман «Лунное дитя». Текст, подготовленный для издания 1929 года, разумеется, соответствовал поставленной задаче — очищению доброго имени Кроули от клеветы. Алистер Кроули представлен там сразу в двух ипостасях — юного и отважного Сирила Грея и старого и мудрого Саймона Иффа. Грей и Ифф успешно борются с главарями зловещей Черной Ложи (прототипами их послужили совершенно безобидные маги из Ордена Золотой Зари, с которыми когда-то поссорился Кроули) и помогают французскому командованию раскрыть планы немецкого генерального штаба.

К сожалению (или, может быть, к счастью), рекламная кампания по «отмыванию» репутации Алистера Кроули быстро сошла на нет. Как и следовало ожидать, неуживчивый маг быстро поссорился с Реджинальдом Стивенсеном, а отзывы на новый роман Алистера Кроули оказались, мягко говоря, достаточно противоречивы и сдержанны:

Перед нами — необыкновенная гениальность в построении фраз, рожденных прихотливой фантазией автора, однако мистицизм на страницах «Лунного дитя» не в меру обилен, хотя и умен. По всей видимости, мистер Кроули попытался представить полное, правдивое и подробное описание магической операции, при помощи которой в тело матери, носящей под сердцем ребенка, был призван дух луны — несмотря на все происки магов-недоброжелателей из Черной Ложи.

Сюжет полон заговоров и интриг; в нем фигурируют лица разных национальностей и упоминается «некое Аббатство» на Сицилии, избранное, по выражению автора, для великого эксперимента. «Лунное дитя» было написано десять с лишним лет назад, «в свободное время, остававшееся от попыток вовлечь Америку в войну на нашей стороне». «Нужно ли добавлять, — спрашивает автор, — что, как то, без сомнения, демонстрирует и сама книга, все люди и события в ней — чистой воды выдумка расстроенного воображения?» Можно добавить, что здесь чувствуется и перо сложившегося писателя, и острый, живой и непосредственный ум неустрашимого мыслителя, и энергичность человека, привыкшего облекать мысль в слово и воплощать слово в дело. Мы находим здесь рассуждения и о браке, и об алкоголе, и о чем угодно, — и почти не находим в сюжете опоры для этих рассуждений; мы находим здесь цитаты из Библии, из Байрона и Толстого и даже из Жорж Санд, Шопена, Максимилиана и человека, прославившего Солт-Лейк-Сити, — Джозефа Смита.

На страницах книги часто появляется некий Сирил Грей — главный персонаж всей истории. Однако в ткань повествования, образующую масштабный

гобелен, в котором уток непримиримо враждует с основой, вплетены и мадам Блаватская с ее теософией, и «христианская наука». В двух главах появляются еще более известные имена, одни из которых внушают почтение, другие — ужас. Общая идея такова: в ближайшие годы в Европе будут царить спокойствие и стабильность. Однако уже зреет новое поколение, которому не страшны ни бедность, ни смерть. Чего они будут страшиться, так это слабости и позора («Шеффилд Индепендент», 16 октября 1929 года).

* * *

Роману «Лунное дитя» дан подзаголовок «Пролог». Мы принимаем это за указание на то, что Алистер Кроули когда-нибудь напишет продолжение этой удивительной смеси черной и белой магии. В этой книге приводится немало подробностей, внушающих отвращение. Даже если кто-то и впрямь творит подобные мерзости, им не место в художественном произведении. Суть сюжета, коротко говоря, в следующем: белые маги пытаются завлечь дух луны в тело будущей матери, а черные пытаются помешать белым. В итоге лунное дитя все же рождается — и сразу же исчезает из повествования, завершающегося описанием войны. Белые маги раскрывают Фошу планы немецкого генерального штаба, а британская армия отступает из Монса. В целом атмосфера романа нереалистична и неприятна («Морнинг Пост», 25 октября 1929 года).

* * *

«Лунное дитя» — один из самых необычайно фантастичных, но и самых привлекательных романов, какие нам доводилось читать. Дважды разведенная «вдова» влюбляется в Сирила Грея, который оказывается магом и членом некоего священного ордена тавматургов. Ребенок Грея от этой женщины должен испытать во чреве матери особые сверхъестественные влияния,

чтобы впоследствии принести возрождение всему человечеству. Враждебная группа магов пытается сорвать этот эксперимент, и на вилле в Неаполе, где влюбленные проводят медовый месяц, разыгрывается битва демонологов. О развязке мы умолчим, но, так или иначе, она далеко не столь понятна, как основная часть романа.

Очарование «Лунного дитяти» — в самой манере повествования. Постоянно вспоминаются настроения Анатоля Франса и методы Рабле. На смену пространным рассуждениям о магии и спиритуализме внезапно приходит юмор, иногда обычный, иногда сардонический. От чернейших мистерий Гекаты мы переносимся к дивным светлым видениям поэтов, а от рутины повседневной жизни — к ужасам великой войны. «Лунное дитя» не более фантастично, чем любой основательный «триллер», однако являет собою одновременно и сатиру, и аллегория, полную хаоса и блеска гениальности («Абердин Пресс Журнал», 28 октября 1929 года).

Этот занятный роман был написан около двенадцати лет назад, но сейчас увидел свет впервые и был отправлен в печать безо всяких дополнений и исправлений. Читателя он заинтересует не столько как художественное произведение, сколько как источник сведений о средневековой магии, ибо мотивы и методы его действующих лиц слишком далеки от обычного человеческого опыта. Это история группы белых магов, которые «отправляются на душевную ловлю в четвертое измерение» и пытаются заманить дух луны в тело будущей матери, одновременно противостоя интригам черных магов, которые стремятся сорвать их планы. В романе подробно описывается немало церемоний, частью весьма неприятного характера, и звучит апология магии, которую, по всей видимости, следует принимать всерьез. Но сам сюжет в определенном смысле — хотя и не во всем — чистая мистификация,

и ни один из интеллектуальных уровней не выдерживается сколько-нибудь долго. Временами, как в беседе между черным магом Дугласом и американским соискателем Батчером, стиль снижается до откровенного фарса. Мистер Кроули умен и одарен как писатель, но здесь, как и в более ранних своих сочинениях, он слишком отождествляется с реальностью магического опыта, чтобы заинтересовать читателя, чувствующего себя в этих сферах не столь уверенно («Таймс Литерари Саплимент», 7 ноября 1929 года).

* * *

Возможно, сам автор и знает, в чем смысл всего этого бреда («Нью Стейтсмен», 4 ноября 1929 года).

Между тем, если отбросить натянутые попытки Алистера Кроули выставить себя британским патриотом и борцом с «черными магами», роман изящен, остроумен и мудр. Его сюжет строится вокруг попытки сотворить искусственную жизнь — гомункулуса, который и представляет собой лунное дитя из заглавия романа. Гомункулус должен зародиться в результате магической операции, описанной в романе со всеми подробностями. Как пишет биограф Кроули Мартин Бут,

...в своих исходных литературных предпосылках это произведение значительно опередило своё время. Кроме того, оно было пророческим с научной точки зрения. Кроули удалось предвидеть возможность оплодотворения в пробирке за несколько десятилетий до его изобретения. Действительно, в 1921 году он писал: «Не может быть, чтобы зарождение жизни невозможно было осуществить научными методами, и Мастер Террион убежден, что всего через несколько лет это будет сделано в лабораторных условиях».

Мастер Террион в своей пророческой ипостаси оказался совершенно прав. В 1953 году студент Чикагского университета Стэнли Миллер и его преподаватель — нобелевский лауреат

Гарольд Клейтон Юри — провели эксперимент: воспроизведя в лаборатории условия, при которых на Земле зародилась жизнь, они добились превращения неорганических соединений в органические — то есть, по сути, доказали возможность создания жизни искусственным путем.

Заслуживает внимания и весьма любопытная теория, при помощи которой в книге толкуются оккультные явления. Алистер Кроули объясняет их существование с помощью концепции измерений. Представим себе плоскость (например, поверхность воды) и трехмерный предмет, который на нее воздействует. Возьмем конус и погрузим его в воду острым концом, — и на поверхности воды появятся круги. Погрузим боком — и появятся параболы. Погрузим боком под углом — и появятся эллипсы. Но сознание, воспринимающее только два измерения, даже не отдаст себе отчета, что все эти фигуры взаимосвязаны!

Во многом, так же для человека обстоит дело с тем, что касается судьбы и значимых совпадений. Вселенная хранит свои тайны, и в действительности мы знаем не так уж много: несмотря на все научные достижения, истина и реальность остаются для нас такой же загадкой, как и тысячи лет назад. Устами Сирила Грея Кроули говорит: «Возможно, вселенная — четырехмерное тело или множество тел, достаточно разумных, простых и умопостижимых, проявляющихся в регулярном или иррегулярном многообразии — совсем как конус по отношению к воде». Эта метафора иллюстрирует проявление идей, души и бесконечности в воспринимаемом нами мире.

Луна, которой также уделяется немало внимания в этой книге, — это астрологический символ эмоций, поскольку луна отражает солнечный свет. Вечную душу в астрологии символизирует солнце, а все настроения — лишь ее проекции. Луна подвержена «страданиям и переменам, игре сил вселенной, и в искуплении ее заключается разрешение главной космической задачи». В эксперименте, который ставит Сирил Грей, Лиза Ла Джуффрия представляет луну: она должна преобразиться в олицетворение совершенной пассивной энергии, чтобы воспринять ряд видений, исходящих из «четвертого измерения». Во втором видении фигурирует воплощение души

в материальной вселенной. Затем Кроули переходит к «темной стороне луны».

Завершающая часть романа во многом посвящена темным видениям Лизы. После этого повествование довольно изящно сворачивается, предоставляя читателю самостоятельно осмысливать идеи, скрытые за оккультными символами.

Впрочем, как уже было сказано выше, роман «Лунное дитя» не смог изменить репутацию Кроули, созданную трудами таблоидов. Получившая противоречивые отзывы, книга была обречена на безвестность. Она так и лежала под спудом, пока «Вайзер Букс» не переиздал ее в 1970 году. «Лунное дитя» — одна из тех книг, которая помогла запустить движение «ню-эйдж» и сделать наш мир чуть более магическим.

Ибо акт подлинной магической публикации всегда производит изменения в реальности.

Любовь есть закон, любовь в согласии с Волей

Издание подготовлено российским отделением
Ordo Templi Orientis (www.oto.ru)

LIBER LIX

ЧЕРЕЗ ПУЧИНУ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наконец-то эти воспоминания возвращаются ко мне.

Минуло уже пять лет с тех пор, как я нашел в Булаке свою стелу¹, но воспоминания о моей жизни в эпоху Двадцать шестой династии, когда я был фиванским жрецом и князем, стали возвращаться лишь после некоего посвящения, которое я прошел в прошлом году в Бенаресе. Даже сейчас многое скрыто от меня; но мне приказано писать, чтобы в писании память открылась мне во всей полноте. Ибо без совершенного знания и понимания странной той жизни на берегах Нила, я не сумею ни узнать и понять эту, текущую жизнь, ни отыскать ту Гробницу, которую мне назначено отыскать, ни содейть в ней то, чему должно быть содеянным.

А потому с верою и доверием приступлю я, кто был — в определенном мистическом смысле — Жрецом Князей, Анх-эф-на-Хонсу, сыном Та-нех, святого и могущественного, и Бэсна-Мут, жрицы Звездной, к повествованию самому себе о причудливых событиях, приключившихся со мною в той жизни.

Итак..

В момент моего рождения восходил Афруимис, что в знаке Льва², и в нем — та странная сокрытая планета, что правит тьмой и магией, и запретной любовью. Солнце пребывало в конъюнкции с планетой Амона³, но в Бездне⁴, словно бы указывая, что власть и славу мои окутает покров тайны, и в Атерехинисе, втором деканате Дома Маат⁵, — что страсть и наслаждение мои

1 Т.е. погребальную стелу фиванского жреца Анх-эф-на-Хонсу, от лица которого ведется это повествование. Подробнее см.: Алистер Кроули. *Равноденствие богов. Закон — для всех*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 391. В традиции Телемы эта стела почитается как Стела Откровения. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

2 *Афруимис* — название первого деканата (1°—10°) Льва. Кроули описывает свою собственную натальную карту (12.10.1975, ≈23 часа, Лимингтон-Спа). Использованные здесь названия деканатов — не исконно египетские: Кроули почерпнул их из работы Поля Кристиана «История и практика магии» (1870).

3 *Амон* — древнеегипетское солярное божество, демиург, отец и царь богов в фиванской традиции, однако здесь под планетой Амона подразумевается Юпитер (см. «777», столбец XIX), а под конъюнкцией понимается расположение в одном доме.

4 *Бездна* — здесь: старинное название 4-го дома гороскопа.

5 *Атерехинис* — название второго деканата Весов. *Маат* — египетская богиня истины и справедливости, в западной эзотерической традиции ассоциирующаяся со знаком Весов.

также не будут от мира сего. В Доме Путешествий¹ и в Знаке Овна пребывала Луна, нежная моя госпожа. Мудрые истолковали это как предвестие далеких странствий: возможно, в дальний храм у истоков матери нашей, Нила; возможно...

О, глупость! Я едва выходил за границы Фив.

И все же довелось мне повидать удивительные, неведомые им страны, и об этом тоже поведаю я в должное время.

Я помню — как никогда не помнил в бытность свою в стране Хем² — все мельчайшие подробности моего рождения. Мать моя происходила из старейшего фиванского рода, и кровь ее была не просто царской — к ней примешивалась и кровь богов. Пятьдесят девственниц в серебристом виссоне стояли вокруг нее, потрясая систрами, словно бы смех богов вторил воплям женщины. У самого ложа возвышался жрец Хора с тяжким посохом в руках, увенчанным фениксом и с багром в основании. Зорко нес он свою стражу — вдруг поднимется из бездны Себек³?

На кровле дворца дежурили трое главных астрологов фараона со своими инструментами; четверо вооруженных мужей на углах башни возвещали восход каждого из богов. Трое этих мудрецов страдали и обливались потом над своей задачей: великая тревога охватила их. Целый день ожидали они моего рождения; когда же Тум⁴ приблизился к престолу своему, лица их стали бледнее небес, ибо было в ночи одно полное ужаса мгновение, пред которым бессильно все их искусство, и сокрыты боги, правящие им.

Все же казалось невероятным, чтобы Судьба распорядилась именно так; но столь велик был их страх, что послали они сказать жрецу Тота⁵, чтоб любой ценой избегал он грозного мига, даже если придется за то заплатить жизнями матери и ребенка; но вот страж возвестил, что пробил час.

1 *Дом Путешествий* — 9-й дом гороскопа.

2 *Хем* — древнее самоназвание Египта. — *Примеч. перев.*

3 *Себек* — древнеегипетский бог разливов Нила, изображался с головой крокодила. Считался защитником богов и людей; в позднейшей традиции мог восприниматься как вредоносный. — *Примеч. перев.*

4 *Искаж. Атум* — бог-демиург, создавший сам себя; иногда — персонафикация изначального хаоса. Также солярное божество, воплощающее заходящее вечернее солнце. — *Примеч. перев.*

5 *Тот* — бог мудрости и знаний. — *Примеч. перев.*

— Теперь же, теперь! — вскричал старейший из астрологов, когда забрезжил миг. — Скорее!

И внизу, под ними, жрец Тота призвал все свои умения.

Тогда — о, вот! — заговорила бездна. Чертог покачнулся и пал; Тифон¹ восстал в разрушительной мощи своей, шествуя по небесам. Мир заходил ходуном от сотрясения земли, и каждая звезда сорвалась с привязи своей и задрожала.

И посреди всего этого — смотрите! — Бэс-на-Мут, моя мать, и на руках у нее — я, смеющийся в пучине разрушения. И ведь ни одно живое существо не пострадало ни в малейшей степени! Но астрологи разодрали мантии свои и пали лицом на землю, ибо грозный миг, сам Неведомый Ужас, миновал, и с ним я вышел на свет.

Как я узнал значительно позже, в ужасе своем они разослали гонцов к старейшим и мудрейшим из жрецов; и к Верховному Жрецу Нуит², что жил на дне глубокого колодца, дабы глаза его созерцали звезды даже днем.

И он сказал им, что, коль скоро они сделали все, что могли, и Судьба перевернула их планы, решение вопроса очевидным образом находится в ее руках, и чем меньше они будут вмешиваться, тем для них лучше. Был он старик довольно грубый и бесцеремонный — а как я сам познакомился с ним, о том напишу в свое время.

Итак, меня должны были воспитывать, как подобало моему положению, наполовину князем, наполовину жрецом. Мне предстояло пойти по стопам отца, принять его жезл и анх, а с ними и трон.

Теперь время вспомнить некоторые подробности приуготовлений к этой высокой и святой задаче.

Воспоминания мои странным образом обрывочны и странным образом полны жизни. Я помню, как по достижении четырех месяцев от роду жрецы взяли меня и завернули в шкуру пантеры, подобную солнцу — сплошь пылающее золото

1 Под этим именем в работах Кроули фигурирует Сет (Сетх) — бог-разрушитель, противник и убийца Осириса, антагонист Хора. Собственно, Тифон в греческой мифологии — великан, сын Земли-Ген, олицетворение ее огненной разрушительной мощи. — *Примеч. перев.*

2 Нут — древнеегипетская богиня звездного неба. В мифологии Телемы Нут (Нуит, Ну) — великая богиня, одно из первоначал вселенной. — *Примеч. перев.*

и черные, как смоль, пятна. Они отнесли меня на берег реки, где грелись на солнце священные крокодилы, и там положили меня. Оставив меня, они воздержались от обычных заклинаний против крокодилийх злых духов; так три дня лежал я на берегу, лишенный всякой защиты. Только мать моя в определенные часы приходила покормить меня; она молчала и одета была, как царица, без священных знаков своего сана.

На шестом месяце жизни они отдали меня солнцу в пустыне, где не было ни тени, ни одежд; на седьмом — положили в постель с колдуньей, питавшейся кровью детей: проведя до этого долгое время в застенке, она была ужасно голодна; на восьмом — дали мне в сотоварищи нильского аспида, и царскую змею-урей, и смертельную гадюку из южных земель; но я невредимым прошел все эти испытания.

В девять месяцев меня отлучили от груди, и мать навеки простилась со мной, ибо никогда больше не дозволялось ей смотреть мне в лицо, кроме как на священных обрядах Богов, где, облаченные для Второго рожденья, о котором нам в Хеме ведомо, не будем мы более матерью и ребенком.

Следующие шесть лет полностью истерлись из памяти. Могу припомнить лишь величие города нашего, Фив, и суровость жизни, которую я вел. А жил я верхом на лошади, и даже ел и пил на ходу — ибо так и только так становятся царевичами. Также наставляли меня в обращении с мечом и с копьем, и с луком. Ибо сказано, что Хор — или Мен Ту¹, как мы звали его в Фивах, — был Отцом мне и Богом. Странную историю моего рождения я расскажу позже.

К исходу седьмого года стал я, однако, так велик и силен, что отец мой повел меня к старому астрологу, обитавшему на дне колодца. Это я помню, словно оно было вчера. Путь по великой реке, медленно текущие дни. Скрип скамей слышу я до сих пор и обоняю пот рабских спин. Мгновения быстро летящей пены в какой-то стремнине или водопаде. Огромные храмы, мимо которых мы проплывали; одиноко размышляющий на берегу ибис Тота; багряный полет птиц... — но ничто из увиденного нами по дороге не сравнится с концом путешествия. Ибо в пустынном месте мы нашли колодец и маленький

¹ Искаж. Монту — фиванский солярный бог, затем бог войны. Изображался, как и Хор, с головой хищной птицы. — *Примеч. перев.*

храм подле него, где могли бы обитать прислужники святого старца — самые святейшие из всех!

И вот отец мой подвел меня к устью колодца и трижды воззвал к имени Нуит. И пришел голос, висясь и взбираясь по стенкам, словно змея:

— Пусть дитя это станет жрицей Сокрытой!

Отец был достаточно мудр, чтобы понимать: мудрец никогда не ошибается; вопрос был лишь в том, чтобы верно истолковать слова прорицания. И все же боль и горькое недоумение охватили его, ведь я был мальчиком. И с риском для жизни — ибо старец умел быть и грубым! — снова воззвал он и воскликнул:

— Узри сына моего!

Но когда говорил он, наклонясь над колодцем, солнечный луч сошел и ударил его в основание черепа; лицо его почернело и кровь хлынула изо рта. И старик ловил языком кровь отца моего, и жадно глотал, и кричал радостно слугам своим, чтобы скорее вели меня в дом Сокрытой, где начнется моя новая жизнь.

Тогда вышли из домика евнух и молодая женщина дивной красоты; евнух оседлал двух лошадей, и пустились мы одни через пустыню.

Хотя я вполне мог ехать, как мужчина, они мне того не позволили; молодая жрица везла меня на руках. И хотя я ел мясо, как полагается воину, они мне того не позволили, но молодая жрица кормила меня грудью.

И отобрали они у меня доспех из позолоченной бронзы, что сделал для меня отец, из чешуек вроде крокодиловых, нашитых на крокодилову кожу, которую хитроумно продубили в соли и специях; и завернули меня в мягкий зеленый шелк.

Вот таким странным образом мы прибыли к маленькому домику в пустыне, и то, что случилось со мною там, боги пока не открыли мне; но я лягу спать, и наутро милостью их память о дальнейшем пробудится во мне даже после тысяч минувших с тех пор лет бега земли по небесным ее путям.

¹ Традиционный для новейшего времени эпитет Исиды. — *Примеч. перев.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

И вот много лет рос я, тонкий и нежный в женском своем платье. Старый евнух (а был он весьма мудр) наставлял меня в Магическом Искусстве и в поклонении Сокрытой, чьей жрицей мне было назначено стать.

Сейчас я уже многое помню о странных тех ритуалах, и все оно слишком священно, чтобы писать о том. Но я все же расскажу об одном приключении, случившемся со мной, когда мне минуло девять лет от роду.

В одной из священных книг сказано, что секрет того дивного напитка, что дает видение звездных чертогов Дуанта¹, лицезрение коих — жизнь вечная в свободе и блаженстве среди живых, заключается в некой тайной косточке, которая есть у сирийского медведя². И как же мне, ребенку, убить такого? Ведь отобрали они у меня все оружие.

Но в городском саду (а мы на тот момент уже вернулись в пригороды Фив) была целая колония медведей, которую некий вельможа держал ради увеселения. И вот я хитростью выманил медвежонка от матери и уложил его на месте большим камнем. Затем я содрал с него шкуру и сам залез в нее, и взял еще его челюсть и заострил ее на камне. И вот пришла старая медведица; в поисках детеныша она обнюхала меня и приняла за свое порождение, я же вогнал заостренную кость ей прямо в горло.

Удар мой был успешен: она только кашлянула единожды и умерла.

Тогда я с великим трудом снял с нее шкуру и затем (ибо время было уже позднее) пустился в обратный путь. Но я ужасно устал и не мог снова вскарабкаться на стену. И вот провел я без сна всю ночь и занимался тем, что точил и точил о камень

1 Искаж. Дуат — царство мертвых в древнеегипетской мифологии. В Додинастическую эпоху и в период Древнего царства считалось, что он находится на небе. С начала Среднего царства стал восприниматься как подземный мир. — *Примеч. перев.*

2 Ср. «Liber LXV» IV:26 и комментарий Кроули к этому стиху (Алистер Кроули. *Святые Книги Телемы*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 152—154), где «тайная косточка», заключенная в «Фаллосе Медведя», символически толкуется как «Основа Индивидуальности, отличающей Бессознательное Алистера Кроули; ибо он сохранил свою человеческую личность, дабы послужить Орудием Логоса нынешнего Эона».

кость медвежонка; на этот раз я привязал ее к ветке, отломанной от какого-то росшего в саду дерева.

Ближе к утру я уснул, завернувшись в шкуру старой медведицы. И огромный медведь, владыка сада, увидел меня, и принял за свою подругу, и пришел насладиться мной. Пробудившись от сна и увидав, как он вздымается надо мною, я ударил ему в сердце со всею своею силой и, покинув убежище свое, кинулся бежать меж дерев. Ибо ударил я не в цель, а вкось. И старик-медведь, тяжело раненый, сорвал с меня шкуру подруги и, обнаружив подмену, кинулся следом.

Но, по счастью, я заметил узкий проем и втиснулся в него достаточно глубоко, чтобы он не мог меня достать; насквозь пройти не было никакой возможности, ибо передо мной была закрытая дверь. В углу у двери нашелся старый, давно брошенный меч. Он оказался для меня слишком тяжел, и поднять его было нелегко; но все же я поднял его и нанес немощный удар по медвежьим когтям. Я умудрился так ранить зверя, что от боли он упал и отполз прочь, и принялся лизать себе лапы. Обо мне он совсем забыл; я осмелел и, покинув свое укрытие, ринулся на него. Медведь распахнул пасть, но прежде чем он успел подняться, я воткнул в нее меч. Он замотал головой; меня, приставшего к рукояти, подбросило в воздух, и я тяжело приземлился на плечо. Головой я тоже ударился оземь и остался лежать оглушенный.

Пришел я в себя от того, что некие мужчины и женщины поливали мне водой в лицо и бормотали возвращающие из беспамятства заклинания. Рядом, совсем рядом со мною мертвым лежал мой враг; и я, не забыв о своей задаче, взял клинок от меча (ибо он отломался), и отсек тайные части медведя, и взял оттуда искомую косточку. И так бы я и ушел с добычей своей, но вельможа из того дома заговорил со мною, и собрались друзья его и будто бы хотели надо мной посмеяться. Но женщины не стали такого терпеть: они обступили меня и принялись ласкать и гладить; и вот уж раздалась гневные речи.

Пока они ссорились между собою, мой страж, старый евнух, явился меж ними, ибо проследил он мой путь до самого сада.

И, узрев кольцо святого старца-астролога, задрожали они; и владыка дома надел мне на шею золотую цепь, а госпожа дала

собственный свой шелковый шарф, вышитый образами Исиды и Нефтиды, Аписа и Хатхор¹. Никто не дерзнул отобрать у меня косточку, что таким трудом мне досталась; и с нею изготовил я магический эликсир и узрел звездные чертоги Дуанта, как о том и было написано в древней мудрой книге.

Однако стражи мои были ошеломлены и объаты стыдом; несмотря на всю тонкость мою и нежность, мужество пылало в деяньях, подобных этому, — как же истинно стать мне жрицей Сокрытой?

Они держали меня в уединении и услаждали роскошью и лестью. У меня было двое рабов-негрят, обмахивавших меня опахалом и приносявших еду, и еще арфист из великого Мемфиса, игравший мне томные мелодии. Я же в горе своем непрестанно возбуждал в нем мысли о войне и любви; и тогда музыка становилась жестокой и громкой, так что старому евнуху приходилось врываться к нам и колотить арфиста своим посохом.

Как хорошо я помню свою комнату! Она была огромной и высокой, с украшенными резьбою колоннами из малахита и ляпис-лазури, и порфира, и желтого мрамора. Пол был из черного гранита, а свод — из белого мрамора. С южной стороны стояла моя кушетка, вся сплошь — мягкость редких мехов. Катаешься в них, и дух перехватывает от наслаждения. В центре стоял фонтанчик из чистого золота. Солнечный свет проникал внутрь через проем между стеною и крышей, а с остальных трех сторон мне виднелась высь бесконечной сини.

В зале жил громадный питон; он был слишком стар и мудр, чтобы даже шевелиться. Однако — так я в ту пору полагал — следил за мною и передавал сведения старому магу в колодец.

Глупость стражей моих, однако, проявлялась вот в чем: весь день я спал, и изнывал от скуки, и вяло играл; ночью же они думали, будто бы я сплю, но я не спал. Я вставал и яростно предавался упражнениям. Прежде всего я отправлялся в бассейн для плавания и задерживал дыхание под

¹ *Нефтида* — сестра Исиды, супруга Сета, часто изображавшаяся в ритуальных сценах в паре с ней. *Апис* — священный бык, посвященный Осирису или Птаху, или же самостоятельное божество. Почитался в Мемфисе. *Хатхор* — богиня неба, иногда — дочь Ра, супруга Хора; принадлежала к солнечному кругу божеств. — *Примеч. перев.*

водой, пока не призову сотню раз богиню Аурамот¹. Далее, я ходил на руках кругом комнаты; я научился даже прыгать на одной руке. Затем я взбирался по каждому из двадцати четырех гладких столпов; я практиковал семьдесят две атлетических позы. И всякими другими способами изощрялся я, стремясь сделать силу свою поистине огромной; и все это хранил в строжайшей тайне от стражей моих.

Наконец, однажды ночью решил я испытать свою силу и, откинув занавесь, вышел в коридор. Напрыгнув на охранявшего меня солдата, я повалил его наземь и, упершись правой рукой под подбородком, левой — в правое плечо, а коленом — в основание черепа, я оторвал ему голову от тела, прежде чем он успел хотя бы крикнуть.

Мне шел пятнадцатый год; мой подвиг был поистине чудесен. Никто не заподозрил меня; все посчитали происшествие чудом.

Старик-евнух в отчаянии отправился посоветоваться с магом в колодце. Ответ его был:

— Пусть будут принесены обеты жрицы!

Я считал колодезного старца безнадежным глупцом — ибо сам я был глуп и безнадежен. Мудрость его или цели были для меня совершенно непостижимы.

Вот так оно часто и бывает. Исстари люди посылали жрецов своих упрекать Нил в разливах, пока не выяснилось, что разливы — причина плодородия их полей.

О принятых же на себя обетах и о служении жрицей Сокрытой я поведаю далее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стояло весеннее равноденствие, и все соки жизни бурлили во мне. Меня провели по могучим каменным колоннадам одетого в белые, вышитые серебром одежды и покрытого вуалью из тончайшей золотой сетки, застегнутой рубинами. Они

¹ В Древнем Египте не было богини по имени Аурамот. В традиции Золотой Зари — по-видимому, ипостась Маат; соответствовала степени Практика ($3^\circ = 8^\circ$) и посту Приготовителя. — *Примеч. перев.*

не дали мне ни венца с уреем, ни немеса, ни короны Атеф¹, но обвинили мне лоб простой гирляндю зеленых листьев — вербены, и мандрагоры, и неких смертоносных трав, о коих не пристало говорить.

Жрецы Сокрытой пребывали в ошеломлении, ибо никогда ранее не избирали мальчика жрицей. Ведь прежде чем будут принесены обеты, должны быть представлены доказательства девственности, и получалось, что эту часть ритуала придется изменить или вовсе изъять. Тогда молвил Верховный Жрец:

— Мы проверим первую женщину, которой он коснется рукою, и этого нам будет довольно.

Услыхав это, я вознамерился сам проверить Бога; глядя в толпу, заметил я свободные одежды, и нарумяненное лицо, и похотливые очи некой известной в городе куртизанки, и коснулся ее. И те жрецы, что ненавидели меня, возрадовались, потому что хотели, чтобы меня отвергли. Женщину же увели в зал испытаний и произвели проверку. После этого в раздранных ризах выбежали они наружу, взывая к Сокрытой, ибо нашли ту безупречно девственной. Таковой оставалась она с тех пор и до самой смерти, как потом оказалось.

Но Сокрытая разгневалась на них за это и явилась под сверкающим покрывалом своим на ступенях храма. Там стояла она и вызывала каждого в свой черед; и поднимала лишь край покрывала с очей и глядела в глаза им; и бездыханными падали они, словно сраженные молнией.

Те же жрецы, что были дружественны мне и верны богине, взяли девственную куртизанку, и с триумфом провезли по городу, и скрыли лицо ей, и увенчали, как полагается. Через несколько дней умер тот, кто охранял священного козла Хема², и ее назначили на его место. И была она первой женщиной, изведавшей подобную честь со времен Злой Царицы из Восемнадцатой династии³, той самой, что, устав от мужчин в том возрасте, когда другие жены их еще не вкусили, отдавалась богам и зверям.

1 В древнеегипетской иконографии — венец Осириса. Представлял собой белую корону Верхнего Египта с двумя красно-зелеными перьями по бокам и иногда уреем на лбу. — *Примеч. перев.*

2 В Древнем Египте в облике козла (или барана) мог изображаться Банебджедет, один из богов плодородия. — *Примеч. перев.*

3 Возможная отсылка к Хатшепсут, единственной женщине-фараону Нового царства из 18-й династии. — *Примеч. перев.*

Тем временем меня привели к бассейну с жидким серебром — так они называли его; полагаю, то была ртуть, ибо помню, что погрузить меня в нее стоило большого труда, — у ног Сокрытой. В этом — тайна оракула: стоя в отдалении, жрец созерцает ее отражение в зеркале бассейна и видит, как шевелятся под вуалью губы; вот это и толкует он взыскующему истины.

Бывает, что жрец неверно читает молчанье богини или вопрошающий неверно понимает речи жреца. И являются глупцы, говоря: «Солгала богиня!» — и умирают от глупости своей.

А меж тем меня держали под поверхностью бассейна, и Верховная Жрица принимала обеты от лица моего, так говоря:

— *Клянусь кругом Луны;
Клянусь обращением Звезд;
Клянусь Покровом и Ликом, скрытым за ним;
Клянусь Светом Незримым и Зримую Тьмою;
от лица сей Девы, что погребена в водах твоих:
Жить в служенье и чистоте;
Любить в красоте и истине;
Хранить Покров от непосвященных;
Умереть пред Покровом...*

... далее следовало описание ужасного наказания за попрание обетов.

Я не дерзну вспомнить и половины, однако, были в нем такие слова:

... да разорвет ее фаллос Сета, и да пожрет ее внутренности Апоп¹; да будет обесчещена она похотью Бэса², а лицо ее свест бог ...

Даже имя его негоже писать.

После этого они отпустили меня; я лежал в бассейне, улыбаясь. Меня подняли и привели к ногам богини, чтобы я мог облобызать их. И вот, когда я целовал их, такой трепет прошел по мне, что я подумал, будто восхищен на небеса Амона, или

1 Апоп — великий змей, враг бога солнца Ра. — *Примеч. перев.*

2 В древнеегипетской мифологии — бог-карлик, шут богов, покровитель домашнего очага, защитник слабых. В квазиегипетской мифологии Золотой Зари и Телемы — олицетворение самых грубых материальных сил природы. — *Примеч. перев.*

почувствовал себя самою Аси¹, когда Хор и Хор-па-Крат² рассекли ее лоно, прынув к жизни в полном вооружении. Потом меня освободили ото всех одежд и секли тонкими прутами молодого орешника, пока кровь не побежала с меня в бассейн. Но поверхность его поглотила кровь какой-то таинственной силой; и они прочитали это как знак, что я принят. И тогда облачили меня в одежды, что пристали жрице Сокрытой, и вложили серебряный систр мне в руку и повелели провести обряд поклонения. Так я и сделал, и покров богини замерцал в темноте — ибо к тому времени спустилась ночь — странным звездным сияньем.

Так стало ясно, что я воистину избран по праву. В конце концов меня привели в пиршественную залу и посадили на высокий трон. Один за другим подходили ко мне жрецы и целовали меня в губы; одна за другой подходили ко мне жрицы и даровали тайное пожатье руки, обладающее скрытым смыслом. Весело шло пиршество; все яства на нем были приготовлены с помощью магии. Каждое закланное для стола животное было девственно; каждое сорванное растение растили и окружали заботой невинные девы в храмовых садах. И вино было сплошь ключевой водою, но так освященной святыми жрицами, что одна его чаша пьянила более, чем целый мех обычного вина. И опьянение это было чистым блаженством, экстазом, всецело божественным; оно давало силу и прогоняло сон и не оставляло по себе мучений.

И вот, когда первое серое мерцание Хормаху³ заставило побледнеть глубокую синь ночи, они увенчали и облекли меня лotosовыми цветами и радостно отвели назад, во храм, дабы провести утренний ритуал пробуждения Сокрытой.

Вот так и не иначе стал я жрицей священной богини, и некоторое время жизнь моя была безмятежной, будто гладь зеркала.

Но именно от Сокрытой пришло Дыхание Перемен.

1 Под этим именем в работах Кроули иногда фигурирует Исида (др. ег. Исет). — *Примеч. перев.*

2 Искаж. Хор-па-Хереду — в древнеегипетской мифологии ипостась Хора-младенца с «локоном юности» и пальцем у губ. В мифологии Телемы — пассивная или женская ипостась Херу-Ра-Ха (активная — Ра-Хор-Хут). — *Примеч. перев.*

3 Искаж. Хор-эм-Ахет («Хор на небосклоне») — солярная ипостась Хора. Здесь олицетворяет утреннее восходящее солнце (в древнеегипетской мифологии эту функцию исполнял Хепри). — *Примеч. перев.*

Касательно этого.

На Седьмое Равноденствие после моего посвящения в мистерии Верховная Жрица не справилась со своими обязанностями; во время ее инвокации Покров не засверкал, как обычно. Ее объявили нечистой и совершили множество ритуалов, но все было тщетно. Под конец она в отчаянии отправилась в храм Сета и предала себя в жертву этому ужасному богу. Все мужчины чрезвычайно этим обеспокоились и понятия не имели, что делать. А следует помнить, что все церемонии проводились исключительно одной лишь жрицей перед лицом богини, за исключением посвящений. Прочие [жрицы] также оказались отвергнуты ею, а, прознав об ужасающей кончине Верховной Жрицы, и вовсе уstraшились. Некоторые из них, конечно, скрыли от жрецов свой провал; но не проходило дня и ночи, как их обнаруживали во внешнем дворе храма разорванными на куски; так что было куда меньшим злом сказать правду.

Дело это превратилось в публичный скандал, ибо богиня поразила людей голодом и болезнью, ужасной и мерзкой.

Что же до меня, я не знал, что и делать: у меня Покров всегда заливался сиянием, и еще ярче обычного. И все же я ничего не говорил и отходил, скорбя и поникнув, словно бы мне тоже не повезло. Ибо не дерзнул бы я похвалиться милостью богини.

Тогда послали они к старому магу в колодце; и расхохотался он им прямо в бороды и не вымолвил ни слова. И послали они к священному козлу Хема, и его жрица сказали лишь:

— Я и такие, как я, могут быть угодны ей.

Но сочли они это сквернословием и насмешкой. И в третий раз послали они — в храм Тота, ибисоглавого бога мудрости. И ответил им Тот такую загадкой:

— На скольких ногах стоит мой ибис?

И они не поняли его.

Но старый Верховный Жрец вознамерился разгадать эту тайну, хотя бы и пришлось заплатить за нее своей жизнью. Он спрятался в храме и следил за мерцанием Завесы, глядя в отражение бассейна, пока одна за одной мы, жрицы, возносили хвалы богине. А позади, за пределами храма стояли жрецы, ожидая, когда подаст он им знак. Мы же о том не знали; когда подошел черед мне (последнему) поклоняться Сокрытой — о, глядите! — покров засиял, и старик-жрец воздел руки свои, дабы

указать на случившееся. И тогда сверкнул взгляд богини, пронзив Покров, и пал он мертвым оттуда, где стоял, на руки жрецов.

Погребли его с великими почестями, ибо отдал он свою жизнь за людей и за храм, чтобы вернуть милость Сокрытой. И приступили они все с великим смирением ко мне, ребенку, и молили истолковать им волю Богини. Воля же ее была в том, чтобы один лишь я служил ей днем и ночью.

И тогда дали они мне испить из Чаши мучений; таково было ее свойство, что говорящий ложь и призывающий при этом имя богини будет зримо и явно гореть в аду предо всеми в течение тысячи лет; и неугасимо будет то пламя. Был такой страдалец в ее храме в Мемфисе, я видел его собственными глазами. Там горит он и корчится, и кричит на холодном мраморном полу, и будет гореть так, пока не закончится его время и не уйдет он в еще более ужасное пламя, что под Западным пределом. Но я испил из той чаши, и небесные росы воссияли на коже моей, и неизреченная прохлада прокатилась по мне; и возрадовались они и склонились перед гласом Богини, который я им возвестил.

С тех пор я был всегда один с нею, Сокрытой. Задача моя сейчас — в том, чтобы наиболее полно погрузиться в тот тайный период моей жизни. Ибо несмотря на его окончание, повергшее в стыд немало мудрецов, для меня это поистине была целая вечность блаженства, устремления и достижения превыше всего того, что смертные — и даже посвященные! — зовут божественным.

Но для начала нужно объяснить, что представляет собой ритуал поклонения Владычице нашей, Сокрытой.

Прежде всего, жрица танцует мистический танец, которым изгоняются все и какие бы то ни было сущности, будь то псы или демоны, чтобы место было очищено. Затем в другом танце, еще более тайном и возвышенном, дух богини призывается в ее изображение. Далее жрица пускается в путь, минуя святилища многих великих и ужасных Владык Хема и приветствуя их. И затем принимает она в себя самую суть богини; и если все было сделано должным образом, Покров мерцает в ответ.

Иными словами, если Покров не засверкал, можно быть уверенным, что жрица каким-то образом не сумела слиться с Нею воедино. Причиной неудачи может быть нечистота мыслей жрицы, ибо сама богиня бесконечно чиста.

Но задача эта всегда нелегка, ведь с остальными богами ты хотя бы знаешь, как выглядит образ, и, сосредоточенно созерцая его, можешь без труда достичь уподобления ему, а через то — и понимания, и единства сознания с ним. Но из тех, кому случилось увидеть лик Сокрытой, ни один не прожил достаточно, чтобы сказать хоть слово или издать хотя бы крик.

И потому было для меня жизненно важно пребывать в совершенной гармонии с этой чистой душой, такой безмятежной, такой сильной. И с каким же ужасом воззрел я на себя, когда, бросив взгляд в собственную душу, не обнаружил там боле этого идеального покоя. Странно было это, словно смотришь на озеро и видишь, как ветер рябит его гладь, но не чувствуешь его дуновения на лбу и щеках.

Дрожа и стыдась, приступил я к вечернему поклонению. Я был раздражен, расстроен, но чем — не знал. И невзирая на все мои усилия, состояние это не исчезало вплоть до того священного момента, когда я принимал в себя Ее божественность.

И тогда — о! — Покров засверкал, как никогда досель, и — да, больше того! — исторг искры блистающего огня, и серебряные розы, и потоки пламени и благовонного аромата.

Я был до крайности изумлен этим и всю ночь нес стражу пред Ней, ожидая слова. Но слово не пришло.

О том, что случилось потом, я вскоре напишу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И получилось так, что я более совсем не покидал присутствия богини, делая исключение лишь для еды и сна. Милость ее вернулась к народу, так что все пребывали в радости.

Ибо стоило кому-нибудь возроптать, как его тотчас же убивали: люди помнили голод и мор и полнились решимостью избегать их впредь любыми возможными средствами. И с дарами своими храму были они чрезвычайно аккуратны.

Меня же с каждым днем терзал все больший страх; я изнывал от страсти, о которой не смел никому поведать. Не дерзал я говорить о ней даже с собственным сердцем своим, страшась открыть ее природу. Однако я все же послал свою любимицу,

деву Истару (тонкую, бледную и трепещущую, словно юный лотос на Западном Ветру), дав ей кольцо с моим знаком, к старому Магу колодца с вопросом.

И ответил он ей, молча указав пальцем в небо и затем на землю. Я истолковал этот жест как «Что вверху, то и внизу». Понимание это пришло ко мне, когда кинулся я в муках к ногам Госпожи моей, омывая их горькими слезами; ибо благодаря явленному мне очевидному знаку я знал: сделал я вещь столь ужасную, что и теперь — много тысяч лет спустя — едва осмелюсь написать ее.

Я влюбился в Сокрытую.

О, да, с яростной страстью животного, мужчины и бога, всею душою своею любил я ее.

И когда я понял это по явному знаку, Завеса вспыхнула страшным пламенем; оно пожрало ритуальные одежды мои, жадно облизывая их огненными языками, подобно тигрице, лакающей кровь; меня же огонь не тронул, не подпалив ни единого волоска.

И вот, обнаженный, я в страхе бежал и в безумии своем поскользнулся и упал в бассейн с жидким серебром, расплескав его по всему залу. И когда я кинулся прочь, окутавший меня от загоревшейся Завесы розовый водопад огня угас, о, угас...

Завеса снова была золотой сетью и не более.

Тогда пополз я, дрожа, к ногам богини и слезами и поцелуями попытался снова пробудить ее к жизни. Но не пылал больше Покров, лишь туман собирался кругом и заполнял храм, скрывая от глаз все, что меня окружало.

Тут возвратилась Истара, моя любимица, с кольцом и ответом; и, решив, что дурны принесенные ею вести, я перерезал горло ей, как агнцу, магическим серпом, и гадючий язык ее руками вырвал изо рта и швырнул его псам и шакалам.

Как жестоко я заблуждался, ведь доброй была ее весть. Поразмыслив как следует, понял я ее смысл.

Ибо, коль скоро пламенел покров в миг принятия мною божественной формы, значит, я пребывал в гармонии со священной Сокрытой.

Если я сокрушался и понять не мог, почему; если долгий покой мой пришел к концу — то же было и с ней!

«Как вверху, так и внизу!» И как я, мужчина, алкал овладеть божественностью и сжать ее в объятиях, так и Она, чистая суть, алкала обрести форму в любви.

И все же в полночь я не дерзнул повторить церемонию.

Вместо этого я распростерся ничком, раскинув руки, в стыде и муках, на ступенях у ее ног.

И — о, чудо! — Покров запылал. И я знал, что Она тоже винит себя за страсть и воздержанность. Так лежал я семь дней, не шевелясь; и все это время едва уловимо и тонко пламенила Завеса ровным голубоватым огнем, менявшимся на зеленый, когда мысли мои обращались от печали к желанию.

На восьмой день я встал, и покинул святилище, и оделся в новые одежды, алого цвета и золотого, и увенчал себя виноградом и лавром, и кипарисом. Я очистился и объявил всем, что будет пир. И напоил допьяна и жрецов, и горожан, а затем позвал стражу и изгнал их всех прочь изо всех помещений храма, повелев командиру под страхом смерти не пускать никого внутрь — чтобы был я в нем абсолютно один.

И вот, как старый серый волк, кружил я по внешнему двору, возвышая голос свой в траурном вое. И рыдания словно бы сотни тысяч волков ответили мне, но низко и приглушенно, будто доносились из самого чрева земли.

В полночь вошел я снова в святилище и отслужил ритуал.

Церемония шла, и меня все более воспламеняло бесконечное вожделение к Бесконечной; на этот раз я позволил ему вознестись в прыжке беспрепятственно, подобно льву. Но даже и так Завеса светилась изнутри алым, отсветом адского пламени. Вот подошел я к моменту Принятия сущности и вместо того, чтобы сидеть, замкнувшись в холод, спокойно и отчужденно, я собрался с силами и неистово ринулся к Покрову, и схватил его обеими руками. А был он соткан из золота, из трех тысяч перекрученных проволок — в пядь толщиной! — но я всей силою рванул его поперек, и (ведь и она приложила силу свою!) ткань расселась с ревом землетрясения. Лик ее во славе своей ослепил меня; я должен был пасть, но она уловила меня в объятия и прижала божественные уста к моим, пожирая меня светом очей. И стонали уста ее, и горло рыдало любовью; и язык ее проник в меня, как копьё солнца ударяет в рощу девственных пальм. Одеянья мои слетели, как увядшая листва,

и плоть пристала к плоти. И тогда каким-то странным образом она взяла мое тело и душу и обвилась кругом меня, и свилась внутри, как Смерть, что пожирает смертного мужа.

Но сущность моя не умалилась — она выросла; разум мой расширялся, пока не стал я самой Природой, зримой как единая, ощущаемой как единая, понимаемой как единая, образованной мною, ставшей частью меня и от меня же отдельной — и все это единомоментно! — и вместе с этим экстаз любви достиг колоссальных высот: башня, дотянувшаяся до звезд; море, готовое потопить солнце...

Невозможно писать об этом... Но люди на улицах подбирали золотые яблоки, падавшие с незримых ветвей, и незримые виночерпии разливали всем вино — странный напиток, целивший болезни и старость; и если проливали то вино сквозь зубы мертвеца (при условии, что бальзамирщик не приступил еще к работе своей), он возвращался из царства тьмы в совершенном здоровье и юности.

Что ж до меня, то лежал я, как мертвый, в объятьях священной Сокрытой — о нет, не сокрытой боле! — она ж наслаждалась мною десять, нет, тысячу раз. И в водовороте этой страсти вся сила моя была лишь соломинкой в вихрях самума.

Каким-то образом я не ослабел; напротив, сил у меня прибыло. Ребра мои трещали, но держался я прямо. Но вот я, наконец, пошевелился; казалось, сила ее перешла ко мне. И тогда я запрокинул ей голову и ринулся на нее и внутрь, будто комета, несущая солнце на роге своем! И дыхание мое участилось меж губами — ее и моими; и стоны ее стали тише, как у умирающего ребенка, ничем боле не напоминая дикого зверя в муках.

Но я, неистовствуя вождельем победы, все равно навалился на нее и в борьбе распротер ее руки в стороны и прижал к земле, а затем скрестил на груди, так что стала она беззащитна. И стал я подобен могучему змею из пламени и обвил ее, и сокрушил в кольцах своих.

Я теперь был властелином!

Тогда кругом вырос могучий звук, как бы крик от множества глоток; мое сознание вернулось в мелкий людской мир, который кажется таким отдельным и далеким от тебя, если сам ты далек и отделен от него.

Люди меж тем кричали:

— Храм горит! В храме Аси, Сокрытой, пожар! Могучий храм, прославивший Фивы, весь в огне!

И ослабил я кольца свои, и собрал себя, приняв форму могучего золотого сокола, и молвил ей последнее слово, слово, что воздвигнет ее из мертвых!

Но — смотрите! — не Аси передо мною, но Асар¹!

Белы были одежды его и усеяны звездами — алыми, синими и желтыми. Зелен его лик, а в руках его — кряк и плеть. Так восстал он, и храм кругом нас лежал в руинах и одни лишь мы стояли меж ними.

Не знал я, что и сказать мне.

Жители города тем временем сгрудились вокруг и непременно убили бы меня, но Тот, могучий Бог, мудрейший, с головою ибиса в лазурном немесе, в короне Атеф, с фениксовым жезлом и изумрудным анхом в руках, в магическом фартуке трех цветов; о, да! — Тот, Бог Мудрости, с коричнево-оранжевой кожей, словно обожженной в печи, явился нам всем во зримом облике. И старый Маг из колодца, которого никто не видал вне колодца тому уже трижды по двадцать лет, оказался внезапно в толпе; и кричал он голосом громким, возглашая:

— Се Равноденствие Богов!

И далее разъяснил он, что не Природу отныне должны почитать люди, но лишь самого Человека, человека в страданиях и смерти, человека в очищении и совершенстве его. И возвестил он формулу Осириса в следующем виде, в каком-то передавали нам ее Братья Креста и Розы вплоть до сего дня:

Ибо сказал Асар Ун-нефер²:

Он, признанный совершенным пред ликом богов, сказал:

Се части тела моего, очищенные страданием, прославленные судилищем.

1 В работах Кроули под этим именем фигурирует Осирис (др.-ег. Усир). — *Примеч. перев.*

2 Осирис Унефер («Пребывающий в благодати; Правогласный; Оправданный»), в греческом варианте Оннофрис — ключевой образ телемической мифологии, воскресший бог. В древнеегипетской мифологии — душа, прошедшая посмертное судилище и отождествленная с Осирисом. Приведенный далее текст восходит к церемонии Причастия, проводившейся в Герметическом ордене Золотой Зари. — *Примеч. перев.*

*Ибо Аромат умирающей розы есть затаенный вздох
страдания моего; огненно-красное пламя есть сила моей
несгибаемой Воли; Чаша Вина есть изливание крови серд-
ца моего, принесенной в жертву ради возрождения;*

*Хлеб же и Соль суть Основания Тела моего,
Которое я уничтожу, дабы могли они обновиться.*

*Ибо я — Асар Торжествующий, Асар Ун-нефер
Оправданный!*

*Я — Тот, что облечен телом из плоти,
Но в Ком пребывает Дух могучих Богов.*

*Я — Владыка Жизни, торжествующий над смер-
тью; тот, кто причастился меня, со мной и восстанет.*

*Я — проявитель в Материи тех, чья обитель —
в Незримом. Я очищен; я — блюститель Вселенной; я —
примиритель ее с вечными Богами; я — Усовершенст-
вователь Материи; без меня Мира нет!*

Так сказал он и явил таинства Осириса перед всеми ними; и неким мистическим образом все мы причастились им. Но я же! — в Аромате умирающей Розы я узрел, скорее, совершенство любви Госпожи моей, Сокрытой, кою завоевал я и за-
клял в торжестве своем!

Тем временем старый Маг облек меня (ибо я был все еще наг) в одеяния Жреца Осириса. Он дал мне ризы из белого льна, и леопардовую шкуру, и посох, и анх. И крюк он вручил мне, и плеть, и царским поясом опоясал. На голову мою он возложил короной священный змеиный Урей и, обратившись к народу, возгласил громко:

— Узрите Жреца Асара в Фивах! Он возвестит вам поклонение Асару. За ним следуйте!

И прежде чем кто-нибудь успел крикнуть: «Стой!» — он исчез с наших глаз.

Я отпустил людей; я остался наедине с мертвым богом; с Осирисом, Владыкой Аменти¹, умерщвленным Тифоном, пожраным Апофисом²... О, да, воистину я остался один!

¹ Аменти — царство мертвых в древнеегипетской мифологии. — Примеч. перев.

² Алофис — греческий вариант имени змея Апопа. — Примеч. перев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Величайшее изнеможение овладело мною, и пал я у ног Осириса, мертвый, как и он. Всякое представление о делах земных я утратил, ибо вступил в царство мертвых чрез врата Запада. Ибо почтить Осириса — значит, уйти в землю на западе; культ его есть культ Заходящего Солнца. Через Исиду обретает человек силу природы; через Осириса — силу страдания и испытаний, и насколько тренированный атлет превосходит дикаря, настолько и магия Осириса сильнее магии Исиды. И вышло так, что, предаваясь тайным ночным упражнениям, пока стражи мои тщились смягчить дух мой до состояния девичьего, обрел я силу вызвать это грозное событие — Равноденствие Богов.

Точно так же тысячу лет спустя тайный мой бунт против Осириса — ибо довольно уже страдал мир! — предназначен был для того, чтобы вызвать новое Равноденствие, в котором Хор взойдет на престол Закланного во всей своей юности, мощи, во всем своем торжестве.

Итак, я вступил в блистающие обители Аменти, облеченный в густой мрак, покуда тело мое лежало, погруженное в транс, в разрушенном храме у ног Осириса.

Бог же Осирис послал странную тьму сокрыть нас, чтобы никто не увидел нас и не побеспокоил. И вот лежал я мирно в трансе и одновременно пребывал в Аменти. Там я встал пред лицом бога-пожирателя, и сердце мое взвесили и нашли совершенным; и двое и сорок судей повелели мне пройти меж охраняемых ими столпов; и говорил я с Семью, и с Девятью говорил, и с Тридцатью Тремя; и в конце концов пришел я в обитель Священной Хатхор, и поднялся на мистическую гору ее, и был коронован и увенчан венком, и возрадовался безмерно, выходя сквозь Врата Востока, прекрасные врата, в землю Хема и град Фиванский, ко храму, что некогда был храмом Сокрытой. Там я воссоединился со своим телом, связав себя с ним магически предписанным образом, и восстал, и совершил поклонение Осирису при помощи знака, состоящего из четырех. И начал угасать Свет Осириса; он прокатился по городу, кружась, умножаясь, стеная; и поклонялись ему люди, подавленные, в великом страхе. Более того, они

прислушались к своим мудрецам и понесли в храм дары: золото, что высокими кучами усеяло храмовый пол; и быков, так что дворы наши не смогли вместить их всех; и рабов — словно бы для великой армии.

И вернулся я в мир; и, посоветовавшись с мудрейшими из жрецов, и с архитекторами, и со скульпторами, я отдал приказания отстроить храм должным образом. Милостью богов все шло достаточно гладко, однако меня не покидала мысль о том, что где-то в работе кроется ошибка — или, если угодно, некая слабость во мне самом и в моем желании. Ибо не мог я забыть Сокрытую, и безмолвные дни наедине с нею, и медленную зарю блистательной нашей страсти, и вершину всех чудес в ее уничтожении!

День освящения храма приближался, и я все больше и больше страшился какой-нибудь ужасной катастрофы. Но все шло хорошо — возможно, слишком хорошо.

Ни жрецы, ни паства ничего о том не знали, ибо бог являл им исключительные милости, как и пристало новому богу, — а как иначе упрочить ему свое положение? Зерна уродилось в четыре раза против обыкновения, скота — в восемь раз; женщины все стали плодовиты — о, да! бесплодные старухи шестидесяти лет рождали двойни, — и не было в городе ни болезней, ни горя.

Невероятно было стечение народа в великий день освящения.

Величаво воздвигнулся храм — настоящая твердыня из черного гранита. Колонны его украшали поразительные резные образы богов: все они поклонялись Осирису; чудесами живописи блистали стены; там рассказывалась история Осириса, его рождения, жизни и смерти от руки Тифона, поиски рассеянных его членов, рождение Хора и Гарпократа, месть Сету-Тифону и воскресенье Осириса.

Сам бог восседал на троне у стены. Из ляпис-лазури он был, из янтаря и выложен изумрудами и рубинами. Зеркала из полированного золота были там, из золота, отшлифованного сухим аспидовым ядом, так что работавшие над ними рабы умирали. Было негоже тем зеркалам отражать смертные лица, и потому рабы были слепы и укрыты покрывами, но даже и так хорошо, что они умирали.

И вот, наконец, началась церемония. Величавыми словами, словами, источавшими зеленые пламена, освятил я все, что было кругом, и сам город Фивы в придачу.

Я приветствовал присутствующих богов с такою силой, что ответили они эхом моего поклонения. И Осирис с радостью принимал его, пока обходил я четыре четверти храма.

Затем пришел черед таинственной церемонии Принятия. Я принял божественную форму, стараясь привести свое сердце в гармонию с его.

Увы мне! Увы! Я звучал в унисон с мертвой душою Исиды; сердце мое было подобно пламени стихийного вожделения и красоты; я не мог — я не мог! И вот небеса стали ниже, и черные тучи сгустились под сводом Нуна. Темное пламя молний разорвало их, не давая ни толики света. Гром взревел, и устремились люди. В темном святилище своем нахмурился Осирис: недовольство на челе его, оскорбленное величество — в очах. И тогда столп пыли, вихрь, спустился с неба прямо на меня, стоявшего одиноко, едва ль не бунтуя открыто, посреди храма, пока жрецы и паства съежились поодаль, стеная от страха. Он рвал массивную крышу, словно охапку соломы, и бросал громадные гранитные блоки в дальний Нил. Он нисходил, рыча и извиваясь, словно раненый царь демонов в образе змея в своей предсмертной агонии; он сокрушил меня, и вынес из храма, и унес на лиги и лиги в пустыню, и там рассеялся, швырнув меня с презрением на песчаную дюну. Оглушенный и бездыханный лежал я там; гнев и тоска терзали мне сердце.

Я встал, чтобы изречь могущественное проклятие; изнеможение охватило меня и, лишившись чувств, упал я обратно на землю.

В себя я пришел на утренней заре. Я поднялся на вершину холма и огляделся. Песок во все стороны, ничего, кроме песка. Точно так же обстояли дела и в сердце моем!

Единственным ориентиром для меня (когда встало солнце) был зеленоватый проблеск в небесах на востоке, который я принял за отражение нильской долины. Туда я устремил стопы свои. Весь день я сражался с убийственным зноем и текучими песками. Ночью я пытался спать, ибо к тому меня побуждало полнейшее истощение сил. Но стоило мне преклонить голову, как беспокойство снова принималось гнать меня вперед.

Некоторое время я брел, шатаюсь на каждом шагу, потом спотыкался и падал. Лишь на заре удалось мне уснуть, быть может, на какой-нибудь час и проснуться затем, едва не продрогнув до смерти от собственного пота. Я был так слаб, что с трудом мог поднять руку; язык так распух, что я был не в состоянии даже приветствовать солнечный диск приличными случаям славословьями. Разум мой утратил власть; я бы не сумел даже вспомнить нужные заклинания, чтобы привлечь к себе помощь. Жуткие тени, напротив, подбирались ко мне все ближе и ближе: одна — страшный демон-верблюд, отвратительная, грязная тварь; другая — черная обезьяна с синей мордой и багряными ягодицами, со шкурой, голой и паршивой, и гривой, умощенной маслом и подстриженной, как у прекраснейших блудниц. Этот малый насмеялся надо мною завлекательными жестами, что только блудницам и пристали, и тут же кидался в меня испражнениями. Были и другие, ужасные и грозные, огромные, облачные демонические фигуры...

Слова же силы, которые могли бы их подчинить, не шли мне на ум.

Солнце, согревшее мои продрогшие кости, уже принялось пытать меня. Язык мой распух, и я едва мог дышать; лицо мое почернело, глаза выкатились. Враги подбирались все ближе; они питались силой от моей слабости, обретали материальные тела; они дергали, кололи и кусали меня. Я обратился против них и слабо пытался дать им отпор, но они с легкостью избегали моих ударов, и визгливый хохот их колоколами гремел у меня в ушах. Как бы то ни было, я заметил, что они нападают на меня лишь с одной стороны, словно бы заставляя двигаться куда-то. Но мне хватило мудрости сделать так, чтобы тень моя всегда была позади меня, и они, видя это, ярились все сильнее; я же упорно двигался в нужном мне направлении. Тогда они изменили тактику и словно бы старались удержать меня на избранном курсе; и при виде этого я утвердился на нем.

Воистину боги вели меня! Ибо вскоре я достиг озерца с водой и высокой пальмы, стоявшей подле нее.

Я чуть ли не впился в эту прохладную воду; силы мои возвращались, хотя и небыстро. И все же одного взмаха рукой в правильном жесте хватило, чтобы враги исчезли. Уже через

час я достаточно освежился, чтобы суметь вызвать из озера друзей: рыбок, товарищей игр моих. И нимфа озера вышла ко мне, и склонилась, и приготовила мне рыбок на огне, от которого засверкала вода и сделалась светоносной. Еще она сорвала мне фиников с пальмы, и я ел. Все это весьма утешило меня, а когда я насытился, она положила меня головою к себе на колени и усыпила песнями, ибо голос ее был, как плеск озерной воды под весенним ветром, как журчанье ручья, как звон источника сквозь подушку мхов. Были в нем и низкие ноты, подобные морю, что бьется глухо о скалистый берег.

Долго, долго, долго я спал.

Когда я проснулся, нимфы рядом не было. Я вынул из-за пазухи шкатулку с некими священными травами и кинул в озерцо несколько зерен в благодарность за ее гостеприимство. Я благословил нимфу во имя нашей усопшей госпожи Исиды и, подкрепленный изысканной этой трапезой, двинулся в дальнейший путь. Но я и понятия не имел, что мне делать дальше; ибо я был мертвец в свои едва лишь два и двадцать лет.

Что ждет меня впереди?

И все же я шел и, взобравшись на гребень бархана, узрел, наконец, широту Нила и блистающий город, вовсе мне не известный.

Там, на дюне, стоял я зоны бесчисленных лет и возносил хвалы великим богам небесным за то, что я дошел. Ибо при виде Нила заря новой жизни взошла во мне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не медля более, я спустился по склону и вступил в город. Не зная, что творится в Фивах, и какие вести оттуда ожидают меня, я не дерзнул раскрыть себя; но, отыскав Верховного Жреца Хора, я показал ему некий знак и сообщил, что еду из Мемфиса и намерен посетить Фивы, чтобы совершить поклонение в святилище Исиды. Он же, переполненный новостями, поведал мне, что древняя жрица Исиды, ставшая жрецом Осириса, была в знак величайших милостей господних взята на небо. На этом месте я с трудом сумел удержаться от смеха; однако, сдержав себя, ответил на это, что не могу

теперь вернуться в Мемфис, ибо принес обет Исиде и Осирису для его исполнения мне не годится.

Тут он стал умолять меня остаться у него в гостях и посетить с поклонением местный храм Исиды. На это я согласился, и добрый сей человек дал мне новых одежд и драгоценностей из сокровищницы храма. Там и раскинулся я на мягких подушках; юные отроки широкими листьями пальм оведали меня. Жрец прислал мне кроме того и танцовщицу сна. Искусство этой девы было таково: столь нежные и плавные движения свивала она в танце, что разум в созерцании ее начинал ускользать; танец сопровождала она пеньем и пела все тише и тише, и двигалась все медленнее и медленнее, пока зритель не растворялся в блаженстве сна и сладчайших видений.

Затем она склонялась над спящим, словно Владычица Звезд Нуит — над черною землею, и в ухо ему нашептывала причудливый ритм и тайные слова, из-за которых дух его оказывался восхищен в царство Хатхор или иной какой золотой богини, за одну-единственную ночь пожиная урожай обновленья, какой не в силах принести поля сна обычных смертных.

На рассвете я пробудился; она все так же сидела подле меня и глядела мне в очи с нежной улыбкой на устах, ворковавших и шептавших так сладко. Это она пробудила меня легким поцелуем, ибо в искусстве этом есть время спать и время просыпаться, которое она, хорошо владея своим мастерством, угадала.

Я встал — она ж упорхнула подобно птичке — и оделся, и, отыскав хозяина своего, отправился с ним в храм Исиды.

Их ритуал (как оказалось) отличался в одном важном моменте от того, к которому привык я. За созерцание церемонии никому, кроме профанов, не полагалась смерть. Жрецам определенной степени посвящения дозволялось, будь на то их воля, стать ей свидетелями. И я, желая еще раз узреть дивное сияние Покрова, открыл Верховному Жрецу соответствующий знак. Велико же было его изумление; и, признав Геркулеса по ноге, стал он думать, что я, должно быть, какой-то тайный посланник или наблюдатель от самих богов — я позволил ему так считать. Тем временем мы пришли в святилище и встали незримо за колоннадой предписанным образом.

И случилось так, что сама Верховная Жрица избрала тот день для отправления обряда.

То была женщина высокая и темноволосая, чрезвычайно величественная, с членами мощными, как у мужчины; со взглядом, пронзительным, как у сокола, и повелительным челом. Когда настало время принимать божественную форму, она приблизилась к Завесе, и шепот ее был так тих, что мы ничего не могли расслышать, лишь видели, с какой яростной силой, с какой страстью, скрутившей ей мускулы, так что руки ее извивались, подобно раненым змеям, она делала это. Вены вздулись на лбу ее, и пена проступила на губах. Мы думали, что она умерла; тело ее дрожало и выгибалось, и, наконец, ужасный крик вырвался из горла, нечленораздельный и страшный.

Но все это время Завеса мерцала, хотя и довольно мрачно. Воздух полнился какой-то дикой, стремительной музыкой, раздиравшей самые уши нам своим грубым волшебством. Не была она подобна ни одной музыке, что слышал я раньше. Наконец, Верховная Жрица оторвалась от покрова и понеслась в словно бы пьяной пляске по храму. Вздохи и рыдания теснили ей грудь, а ногти оставляли кровавые борозды на влажных от пота боках.

Внезапно узрела она меня со спутником и одним ударом повергла его наземь — ибо запрещает закон противиться Жрице, когда она в экстазе Единенья, — и кинулась на меня, как дикий зверь, и вонзила мне зубы в шею, свалив и меня на пол. Затем она выпустила меня; кровь бежала ручьем; она же смотрела на нее неотрывно со странною радостью и трясла руками меня, как трясет и терзает лев пойманного быка. Жилисты были руки ее, с большими костяшками, а сила их — как у железных канатов. Но все же сила ее была не больше, чем человеческая. Тутхватила она ртом воздух, будто бы тонула; медвежье тело ее ослабело и всем весом своим рухнуло на меня, пристав устами к моим в жутком поцелуе. О, да, жутком, ибо как только я вернул его, почти механически, кровь хлынула из ноздрей ее и ослепила меня. И следом, более мертв, чем жив, погрузился я в блаженный транс.

Верховный Жрец Хора пробудил меня.

— Идем, — сказал он. — Она умерла.

Я выкарабкался из под бремени безумия — и тело ее конвульсивно содрогнулось, когда я перевернул его — и поцеловал покрытые пеною губы, ибо в смерти была она невысказанно

прекрасна и неопишимо радостна, а потом, шатаясь, приблизился к Завесе и со всей своей силой приветствовал ее, так что под напором чистой моей воли озарилась она. После повернулся я и вслед за Верховным Жрецом ушел к нему в дом.

Странно выглядел я, когда шел через город в новых своих одеяньях, темных от крови святейшей той чародейки.

Но никто не дерзнул поднять на меня глаза. По пути не перемолвились мы ни словом. Но когда мы вступили в жилище Верховного Жреца, он сурово обратился ко мне:

— В чем дело, сын мой?

Устав от безумия мира и бесполезности всего, в нем сущего, я ответил на это:

— Я возвращаюсь в Мемфис, отец мой. Я — Маг Колодца.

Но он знал Мага и спросил:

— Почему ты мне лжешь?

И сказал я:

— Я пришел в мир, где все речи ложны и все речи истинны.

И тогда воздал он мне почести, простершись на земле предо мною девять и девяносто раз.

Но я оттолкнул его с презреньем, сказав:

— Пришли немедля плясунью сна; утром я отбываю в Мемфис.

И пришла она, и я проклял ее и вскричал:

— Да будешь ты плясуньей любви!

И стало так. Приступил я к ней и познал ее. Наутро я препоясал чресла, взошел на барку Верховного Жреца и, водрузившись на золотые и пурпурные подушки, принялся услаждать себя арфами и лирами, и попугаями, и чернокожими рабами, и винами, и сладостными фруктами, пока не прибыл напрямиком в святой град Мемфис.

Там призвал я солдат фараона и предал жестокой смерти всех, кто сопровождал меня, и сжег барку, спустив ее по Нилу на закате, так что пожар встревожил глупых горожан. Проделав все это, я, в безумье своем, проплясал нагишом по всему городу и явился, наконец, к старому Магу Колодца.

Хохоча, я швырнул в него камнем и крикнул:

— Разгадай мне загадку моей жизни!

Но он ничего не ответил.

Тогда я скинул на него громадный камень и услышал, как треснули его кости, и в насмешку кричал:

— Разгадай мне загадку твоей жизни!

Но он ничего не ответил.

Тогда я обрушил вниз стены колодца и сжег стоявший подле дом со всеми прислужниками и прислужницами.

Никто не посмел остановить меня, ибо хохотал и ликовал я в безумии своем. Воистину и о да! — я хохотал... и хохотал... и хохотал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Исцелившись от безумия, я взял все сокровища старого Мага, которые копил он много лет, — и никто ни слова мне не сказал. Велики и дивны были сокровища те: золота больше, чем двенадцать волов могли увезти; рубины и сардониксы, и бериллы и хризопразы; алмазы и звездные сапфиры и много, о, много изумрудов; топазы и аметисты — камни, великие размером и красотой. Была у него статуя Нуит ростом больше женщины, из ляпис-лазури, испещренной золотом, вырезанная с чудесным искусством. И был у него тайный камень Хадита, какого не найдешь на земле, ибо невидим он до тех пор, пока видимо все остальное.

И вот отправился я на рынок и купил рабов. Прежде всего купил я себе великана-нубийца, чернее полированного гранита, поцелованного звездным светом; высокого, будто юная пальма, и такого же прямого, но притом страшнее собой, чем обезьяна Тота. И еще купил я себе бледного юнца с севера, вялого и томного. Но уста его рдели, как закат в пыльную бурю. Так он был бледен и слаб, что прочие презирали его и в насмешку дразнили девчонкой. Взял он тогда добела раскаленную железку из огня и иероглифами начертал у себя на груди мое имя. Плоть его шипела и дымилась, но ни на гран не померкла улыбка.

Большим караваном отправились мы на скалистый остров на Ниле, весьма труднодоступный, ибо воды кипели и пенились вокруг него. Там возвели мы небольшой храм, формой

похожий на улей; но не было в нем ни алтаря, ни ковчега, ибо в храме таком бога приносят в жертву ему самому.

Бога я сделал из себя: я напудрил волосы золотом и увил их цветами. Я позолотил себе веки и запялнул уста вермильонном. Золотом я окрасил перси и ногти и как Бог и Жертва в одном ежедневно приносил себя в жертву той странной твари, что была не кем иным, как мною. Великана-нубийца я сделал Верховным Жрецом и наделил жезл его магической силой, дабы он мог должным образом отправлять ритуалы мои. И он делал это с таким успехом, что многие мужчины из Мемфиса и из более дальних городов оставляли богов своих, приходили и приносили жертву. Бледного отрока я назначил стражем Святилища: он поклялся хранить верность мне до смерти.

В Мемфисе меж тем случились великие волнения; многие глупые и похотливые женщины поносили нас. Так велика была их ярость, что толпа женщин даже выступила из города и явилась на остров. Бледного моего отрока они прикончили у врат, хотя с мечом в руках он сражался против них. Затем они ринулись внутрь, и я вышел на них во славе своей. Колебания охватили их, и в тот же миг я поразил их ужасным зудом, так что они ринулись прочь, разрывая на себе одежды и отчаянно скребясь; люди мои хохотали, пока у них не разболелись животы.

Со временем, конечно, все они умерли от истощения и потери крови; четыреста две женщины пострадали в тот великий день. Но в Мемфисе на некоторое время воцарился мир.

Я же оплакивал утрату юного моего раба. Я набальзамировал тело его, как не пристало никому, кроме царя. У дверей храма поставил я его саркофаг, огражденный изгородью из ножей и копий, чтобы никому не была доступна слава моя.

Ни одному рабу вовек не воздавали почестей таких.

Так жил я, и трижды времена года сменили друг друга; после этого умер верховный мой Жрец.

Мне предстояло исполнить странный и жуткий обряд; никто иной и никто, не укрепленный магической силой, не сумел бы этого сделать.

Но и я тоже страшился вечного этого жертвоприношения. Я стал изнурен и сер лицом; не кровь была в жилах моих, но лед. Чем угодно был я сейчас, но не богом...

И вот я взял тело моего нубийца, и заклал четырех дев, и кровью их наполнил все полости в теле его. Восемью печатями запечатал я тело; девятой же был я сам, центр моего божества.

Медленно встал он, шатаясь; я же произносил страшные слова:

*A ka dia
Tuf ur bin
Bi aa chefu
Dudu ner af an niteru!*¹

Затем я прикоснулся к нему жезлом, и восстал он в полной силе бытия своего; и вошли мы, и в последний раз совершил он (хотя и в безмолвии) ритуал. После лег он, дряхлый и бессильный, смятый, как старый мех от вина; но ничего не дала мне его кровь. Я был холоднее, чем раньше. Но теперь воистину стал я Осирисом, ибо пламена холодного серого сияния источала кожа моя, а глаза застыли в экстазе.

О, да, самим Осирисом клянусь я в том! И как глаза всех живых непрерывно вращаются, так мои были неподвижны!

Затем я встряхнулся и отправился в город Мемфис; лицо мое было сокрыто под покрывалом, а вели меня рабы.

Шел я в храмы, один за другим, и отдергивал покров с лица, и люди все падали замертво, а боги валились с постаментов своих и разбивались вдребезги на полу.

И снова сокрыл я себя, и отправился на базар и, возвысив голос в песнопении, вскричал:

*Смерть, разоренье и отчаяние!
Возвысил я глас свой, и умолкли боги.*

¹ Фрагмент транслитерации надписи на Стеле Откровения. Буквальный перевод таков: «О Высочайший! Да славится он! Великий в силе своей! Дух, исполненный величия, внушающий страх богам!». В поэтическом парафразе Кроули этот фрагмент звучит так:

«О, вышнее единство въяве!
Пред мощью духа твоего
Склоняюсь я! В верховной славе
Сияющее божество!
Пред грозной силою твоею
Трепещут боги, смерть, робея,
Сама бежит перед тобой;
Я, я склоняюсь пред тобой!»

Открыл я лик свой, и все живое боле не живет.

Я вдыхаю жизнь и выдыхаю опустошение.

Я слышу музыку мира и эхо ее — Безмолвие.

Смерть, разоренье и отчаяние!

Дороги разошлись: Равноденствие Богов позади!

Новый день — новый путь.

Пусть те, кто слышит меня, будут унижены пред мною!

Смерть, разоренье и отчаяние!

И сбросил я покров свой, и ударили холодные молнии смерти, и жители города пали мертвыми, где стояли.

Кроме одного — юного отрока-флейтиста, который был слеп и не видал глаз моих, и не умер.

И обратился к нему я, так говоря:

— Восстань, созови жрецов и народ, всех, кто остался. И пусть возведут они храм Осирису, Богу мертвых, и да станут поклоняться мертвым во веки вечные.

Так я сказал и ушел прочь из города с двумя рабами, которых оставил прежде у врат, и пошли мы к Нилу, в пещеру на речном берегу; много лун провел я там, оплакивая Исиду, мою Госпожу. Ибо я отомстил за нее многими ужасными деяньями, но так и не сумел вернуть к жизни. Возлюбленный ее был ныне мертв во мне, и сердце не трепетало при мысли о ней. Любовь моя скиталась, призраку подобна, непогребенная, замерзшая, отданная на волю ветрам!

Рассказывать о деяниях моих в то время было бы, пожалуй, слишком ужасно. Ибо я предпринял великое покаяние в надежде воскресить в себе то мертвое начало, что люди зовут душой.

Для этого я постыдно морил себя голодом. Сперва окружая себя всевозможною роскошью яств, подносимых — вкусными и источающими пар — от часа к часу, я обрекал себя лишь на толику чеснока и соли и немного воды, в которой истолкли овес.

Если же возникало во мне малейшее желание отведать окружающих меня лакомств, я наносил себе глубокую рану острым камнем.

Кроме того, развел я в пещере большой огонь, так что рабы, приближаясь к ней, падали без чувств. Дым душил меня, так

что меня постоянно рвало черной зловонною слизью из легких, испятнанной тут и там пенящейся кровью.

Волосам я позволил отрасти очень длинно и приютил в них паразитов. Ложась спать — а этого я не делал, пока почерневшее горло мое и распухший язык еще могли хоть как-то выть имя мертвой моей Госпожи, — тогда (говорю я) умащал я свои члены медом, дабы крысы пещерные могли глотать их, пока я сплю. Подушкой служил мне труп женщины, скончавшейся от проказы, и как только мертвой души моей касалась любовь к моей Владычице, я принимался ласкать и целовать мертвеца, и петь ему нежные песни, играя милыми словами и жестами. Все это вызвало к душе моей, вина ее в слабости и развращенности. Часто горечь и грязь моей жизни преступали пределы чувствительности, и тогда часы напролет кружил меня яростный вихрь смеха. Рабы мои боялись подходить ко мне по ночам: я выскакивал из пещеры, и ловил кого-нибудь из них за волосы, и тащил внутрь, и подвергал изощренным пыткам. Это было мне чрезвычайно полезно: я изобретал для них совершенно зверские истязания, и если какой-нибудь пытке удавалось ввергнуть жертву в крайние муки, я применял ее затем к себе самому. Я погружал иглы в нильскую грязь, а потом загонял их себе под ногти, так что раны гнили и боль становилась нестерпимой. Или вот еще, надрезал я полосы кожи, а потом отрывал их; но с этим ничего особо не вышло, хотя на рабе результат был превосходен: моя же кожа стала слишком хрупкой и ломкой. А потом я брал кусок твердого дерева и камнем мозжил его об кости тела, раня покрывающую их плеву, так что они распухали. Но и это пришлось мне оставить; ибо конечность раба отмерла, а сам он распух и загнил, и позеленел, а потом в ужасных мучениях умер.

Тогда я был вынужден исцелиться магическим образом и потратил на то очень много сил.

И все же «до Счастливых было мне далёко», хотя губы болтались на моем лишенном плоти лице, как бобовые стручки, иссохшие и почерневшие, и ни единого дюйма не осталось на коже моей, который не покрывали бы шрамы.

Но испытания мои на том не закончились. Ибо люди Мемфиса, любопытствуя, чего это один и тот же раб так часто покупает трупы прокаженных, принялись, как водится

невеждам, распускать глупейшие слухи. Под конец стали уже открыто утверждать, что в пещере у Нила живет, дескать, святой отшельник. И тут же бесплодные женщины со всего города украдкой потянулись ко мне в надежде, что от моей святости расцветут их сухие прутья.

Я, однако, показал им мою мертвую прокаженную и сказал:

— Давайте я сначала сделаю детей ей, а потом и вашим делом займусь!

Это им не понравилось; впрочем, в покое они меня не оставили. Отправившись по домам, они подняли крик, что я — кошмар, я — упырь, я — вампир... И тогда уже все юные красавицы города, бросив возлюбленных своих и мужей, хлынули ко мне, неся с собою дары. Но я показал им труп прокаженной и молвил:

— Когда будете прекрасны, как прекрасна она; когда устану я от прелести ее и ласк, тогда и вам смогу доставить наслаждение.

Все они неистово взъярились на меня и возмутили мужчин города, чтобы те пришли и убили меня. Я же, не намеренный являть им свою магическую силу, под покровом ночи (как только услышал обо всем этом) пошел и укрылся в святилище Осириса, которое сам же заставил их построить. И там обрел я счастье: ибо, объединив разум свой с божественным, расширил я его границы. Разве не велико могущество царства мертвых?

Мне открылась вселенная как она есть — лишь точка в бесконечном ничто, но точка бесконечной же протяженности; и, став этой вселенной, я полностью в ней растворился. Более того, тело мое поднялось в воздух на огромную высоту, выйдя из тени земли, и земля вращалась подо мной; но ничего об этом я не знал, ибо был всеми этими вещами вместе и ни одною из них. Я был един с Исидой, Матерью Осириса, владыки ее и брата.

Горе, о, горе мне! Ибо неполно все это было и несовершенно; и не вполне я понимал случившееся.

Только то я знал, что должен вернуться в город мой, Фивы, и править там как Верховный Жрец Осириса, не стремясь более к целям неслыханным или невозможным, но спокойно и терпеливо живя в радости богатства и сана, как простой человек.

Но еще кое-что я узрел: как Исида есть Госпожа всей Природы и живых; как Осирис — Властелин Мертвых, так

суждено прийти и Хору, Сокологлавному Владыке, юному сыну, образу всей Природы и всего Человека, вознесенных над жизнью и смертью под высшею властью Хадита, который есть Сила, и Нуит, которая есть Материя, — хотя они суть Сила и Материя, превышающие все наши человеческие понятия об этих вещах.

Но о том позже, в должном месте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вот я вернулся в Фивы! Так перепуган я был и так изменился в свои неполные тридцать лет, что там не узнали меня. Поэтому поступил я служителем в храм Осириса и чрезвычайно понравился жрецам, ибо с помощью своей магической силы — которую они считали природной — пел богу песни и гимны. Не прошло и года, как они стали поговаривать о посвящении моем в жречество. Верховным Жрецом на сей раз был мужчина молодой и полный сил, чернобородый на манер Осириса — то есть, с единственным квадратным хохлом под подбородком, — избранный ими после моего отбытия в вихре на небеса. Верховною Жрицей — женщина сорока и двух лет, мрачная и красивая собой, со сверкающими глазами и суровыми устами; телом, однако же, стройная и гибкая, как юная дева. Случилось так, что был мой черед прислуживать ей с погребальными приношениями: мясом быков и гусей, хлебом и вином. За едой разговорилась она со мною, ибо искусством своим поняла, что я не обычный служитель. Тогда я вынул освященный Жезл Хема, доставшийся мне от отца, и положил ей в руку. Она же тому удивилась, ибо жезл сей есть знак посвящения великого и святого, такого редкого, что (как говорят) одна-единственная женщина вовеки прошла его. Тогда Жрица благословила себя, что было ей дозволено взглянуть на него, и молила меня сохранить ненадолго молчанье, ибо должна она еще кое-что сделать. И воздел я свой жезл в девяти и сорока благословениях, и она приняла от того просветление и возрадовалась. После пал я к ее ногам — ибо была она Верховной Жрицей — и почтительно облобызав их, удалился.

Три дня спустя, как стало мне известно, послала она за жрицей, искусной в некоторых смертоносных уменьях, и попросила у нее яду. И взяла его, молвив:

— Пусть же Верховный Жрец Бога мертвых отправится к мертвым!

Затем эта злая Верховная Жрица незаметно дала ему яд в священном причастье, и оттого он умер. В хитрости своей заставила она выбрать новым верховным жрецом некоего юношу, ленивого и тупого, думая про себя: «Нет сомнений, отвергнет его бог». Но по слову его заблестал образ Божий, как по обыкновению. И поняла тогда она — и все мы вместе с ней, — что слава божья покинула нас: что жрецы заменили правильный обряд какими-то искусными и обманными трюками.

Это ввергло ее в великую скорбь, ибо хоть и была она зла и честолюбива, но обладала также знанием и силой.

Однако вместо того, чтобы пустить в ход знание и силу, она решила противопоставить хитрость хитрости. Подозревая (и вполне верно), чьему хитроумию они обязаны всем этим, она подкупила его с тем, чтобы переделать механизм и посрамить Верховного Жреца. Но посрамлен он так и не был; лгал он, говоря, что Бог сияет ярче солнца, и лгал безопасно, ибо Маат, Владычице Истины, не было места в том храме. И во все это безумие ввергла их моя неудача в принятии божественной формы и последующая ложь жрецов, что в святости своей был я восхИщен на небо. Но и богатства, обретенные ложью, ничего им не принесли; ибо сошел на Фивы фараон и наложил тяжкую длань свою на храмовые сундуки, так что стали они бедны. Им даже пришлось продавать благоприятные пророчества за золото, но лишь разорение они принесли. Тогда начали они торговать проклятиями и посеяли великую смуту в городе. Люди стали еще беднее, и поток даров храму обмелел пуще прежнего.

Ибо нет ничего глупее, чем жажда наживы.

Исстари благословляли боги людей — и люди щедро давали от изобилия своего.

Теперь же жрецы сеяли мякиной и пожинали бесплодные нивы.

Я же ждал терпеливо в молчанье, что будет дальше. И глупая эта жрица не могла измыслить средств к достижению цели, иных, чем знакомые ей. Но юный глупец догадался, как

умер его предшественник, и не притронулся к святым дарам, но лишь притворился.

Тогда призвала она меня — а я был теперь посвященным жрецом — для совета; ибо намеревалась посадить меня на его место.

И вот устроила она для меня великий пир; и когда были мы уже хорошо пьяны, положила мне голову на грудь и принялась говорить чудесные слова о любви — мне, кто любил саму Сокрытую! Но я притворно изобразил все безумство страсти и продолжал поить ее, и она вещала с пеной у уст, словно у дохлой рыбы, распухшей на солнце, о том, как станем править мы вместе Фивами и (возможно) сместим фараона и примем у него трон и скипетр. Но, глупая женщина! — никак не могла она придумать, как ей убрать тупого юнца, возведенного ею в жрецы. И сказа я ей:

— Прими Форму Осириса, и все в Храме Его станет хорошо.

Я насмеялся над нею, ибо знал, что она не сумеет. Женщина же была так пьяна вином и любовью, что там же, на месте совершила ритуал Поклонения и Принятия.

Я же, будучи в веселом расположении духа, призвал силу свою и заставил ее и вправду стать Осирисом, так что окоченела она и взор ее остановился.

Она попыталась крикнуть от страха, но не смогла, ибо я наслал на нее безмолвие могилы.

Все это время я притворно изображал удивленье и восторг, так что она оказалась совершенно сбитою с толку. Устав насмеяться над нею, я возвратил ее в этот мир. Она не знала, что сказать. Сперва притворилась она, что познала великую тайну, но, понимая, насколько выше мое посвященье, не осмелилась продолжать. Наконец, во власти ужаса, кинулась она к моим ногам и призналась во всем, умоляя меня поверить, что, по крайней мере, любовь ее ко мне совершенно истинна. Могло быть и так; и как бы оно ни было, имел я к ней сострадание, ибо поистине было ее тело подобно цветку, белому и чистому, хотя рот — слишком тяжел и силен, кожа вокруг глаз пошла морщинами от похоти, а щеки отвисли от обмана.

Так что я утешил ее и сжал ее мягкое тело в объятьях, и пил вино ее очей и медом питался от уст.

Под конец я посоветовал, чтоб позвала она его на тайный пир, я же стану прислуживать им, сокрывшись под старой своей одеждой слуги.

На следующую ночь пришел он к ней, и я служил за столом, и открыла она (хотя и притворно), что любит его. Притворство ее было тонко, и думал он всерьез, что он — лев, она же — лань. Под конец он совсем обезумел и так ей сказал:

— Дам я тебе все, чего желаешь, за один поцелуй прекрасных этих уст!

И заставила она его поклясться самим фараоном — за нарушение этого обета фараон снял бы с него голову, — и поцеловала один всего раз, но так, словно страсть ее была страстью нильского прилива к пожираемым им песчаным берегам, и затем вскочила и сказала ему:

— За это, возлюбленный мой, отдай мне сан Верховного Жреца!

С этими словами она вывела, лаская, меня. В ошеломлении он разинул рот; затем снял кольцо своего сана и кинул к ее ногам, и выплюнул ей в лицо одно лишь слово, и пошел прочь. Я же, подобрав кольцо, закричал ему вслед:

— Что положено делать с тем, кто оскорбил Верховную Жрицу?

— Я был Верховным Жрецом, — отвечал он мне мрачно, обернувшись.

— Не было у тебя уже кольца! — в неистовстве бросила она ему, побелев лицом от ярости и роняя пену с губ — ибо слово то было воистину гнусно!

Она ударила в колокол, и явилась стража. По ее повелению принесли они орудия смерти и призвали палача, а сами ушли. Палач привязал его к железному колесу за лодыжки и пояс, и горло; и вырезал веки ему, дабы смотрел он на смерть свою. Затем он ножницами срезал ему губы, с такими словами:

— Этими губами ты возвел хулу на Святую, Невесту Осириса.

Дальше он один за другим вырвал зубы ему, каждый раз говоря:

— Этим зубом обрамил ты в слова хулу свою на Святую, Невесту Осириса.

Затем щипцами вырвал ему изо рта язык:

— Этим языком изрек ты хулу на Святую, Невесту Осириса. Потом взял сильную разъедающую кислоту и изъязвил ею горло ему, сказав:

— Из этого горла поносил ты Святую, Невесту Осириса.

Далее, взяв стальной, раскаленный добела прут, выжег ему тайные части, молвив:

— Будь же ты опозорен, порочивший Святую, Невесту Осириса.

Потом взял молодого шакала и дал ему питаться от печени его, говоря:

— Пусть твари, кормящиеся падалью, пожрут печень, посмевающую восстать и хулить Святую, Невесту Осириса.

Тут несчастный умер, и они кинули тело в городской ров, где его сожрали псы.

Все это время госпожа моя любовно развлекалась со мной, испуская стоны любви, сладостные, как никогда раньше, но взгляд погрузив в глаза того, кто любил ее, в плескавшуюся в них адскую муку; и тело сражалось за верховенство с душою.

Насколько могу я судить, лишь милостью Сета душа взяла верх там, внутри.

И хотя пишу я о том хладнокровно, многие тысячи лет спустя, никогда не изведал я такой радости от любви с иною какой женщиной, как с нею в тот час; и приходит ко мне сквозь туман времен каждое медовое слово, сорвавшееся с уст ее, каждый колдовской поцелуй (уста наши то и дело стремились в иные края), что высасывала она из моих слабеющих губ, каждое содроганье ее нежного, сильного тела. Я помню униженные драгоценностями кольца волос, впивавшиеся в меня с каждым прикосновением, словно гадюки; острый восторг ее отточенных ногтей, то бархатно-ласковых, то прихотливо-жестоких, то (в безумье любви) вонзаемых глубоко, чтобы пустить кровь, пока играли они вдоль моего хребта. Но я ничего не видел, Осирисом клянусь! Ничего не видел я, кроме страшно сверкавших глаз той заблудшей души, что корчилась на колесе.

Когда заплечных дел мастер выволок тело прочь, мы пали и лежали там, среди остатков пиршества, опрокинутых кувшинов, скомканных скатертей, погасших и разбитых светильников, раскиданных всюду золотых чаш, гравированных непристойными сценами, среди кусков мяса, свисающих через край

испещренных камнями блюд, пятнающих соком белую роскошь покровов; мы возлежали посреди всего, беспечные, словно ветер, и недвижные.

Кто-то скажет: настал конец времен. Но даже в огненной бездне сна, в которую погрузился я глубоко-глубоко, трепетало прохладное блаженство знания, что я выиграл партию, на которую ставил: я снова Верховный Жрец Осириса в Фивах!

Наутро поднялись мы и взглянули с отвращением друг на друга: рты набекрень; языки с углов их свисают наружу, как у мучимых жаждой псов; глаза мигают в агонии: лучи солнца нещадно мучают их; члены липки от несвежего пота. Но все ж встали мы и приветствовали друг друга, как подобает нашему сану, и затем разошлись и омыли себя.

Затем отправил я Церемонию Осириса и в последний раз сыграл постыдный тот фарс.

В сердце своем я тайно поклялся очистить храм от глупости и злоупотреблений. По этой причине в конце ритуала совершил я могущественное изгнание, изгнав все смертное и бессмертное, от Нуит, кругом очертившей Бесконечное пространство, до Хадита, Сути всех Вещей; от Амона, правившего прежде всех Богов, до Пифона, ужасного Змея, обитающего в конце всего; от Птаха, бога чистой души эфира, до Бэса, бесчувственной силы того, что грубее земли, что имени не имеет, что плотнее свинца и прочнее стали; что чернее густой тьмы бездны, что внутри всего и все объемлет.

Аминь!

Целый день размышлял я, держа сам с собою совет, и придумал хитрость, достойную хитрости тех, кто богохульствовал против Осириса, ставшего, наконец, Богом моим.

О, да! горько я отомщу за него завтра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Работа моя состояла в том, что я вдохновлял Верховную Жрицу проричать, и пророчествовала она, и говорила, что не будет Осирис доволен своими служителями, доколе не пройдут они четыре испытания по числу стихий. С древних времен ритуалы эти хранились для совершенно особой

степени посвящения. Капитул тем ничуть не смутился, но тут припомнил, сколь постыдно имитировал истинную магию, так что пошел даже слух, что все это — лишь измышления Верховной Жрицы с целью поднять вновь ко святости репутацию храма. Утвердившись в этом благодаря глупости своей, они радостно согласились и принялись похвалиться. Одного за другим пеленал я их погребальными свивальниками Осириса, привязав к груди должным образом освященный образ бога и талисман супротив четырех стихий.

И одного за другим помещал я их на вершину башни, высокой и узкой, где трудно держать равновесье, так что малейшее дуновение ветра сдувало их оттуда в небытие.

Кого же щадил воздух, я вслед за тем бросал в Нил, там, где бежит он быстрее всего и сильнее пенится. Мало кого отдавала вода. Этих я, впрочем, погребал в земле безо всякого склепа и гроба, чтобы стихия земли могла с ними сразиться. Тех же, кого и она пропускала, я бросал на разожженные древесные угли.

Тот, кто готов к таким испытаниям (привязанным поначалу к стихиям), найдет их простыми. Он останется неподвижен, хотя бы буря в гневе бросалась на башню; в воде поплывет он легко и невесомо; погребенный, введет себя в транс; и наконец, от огня защитят его сами пелены, даже если все Фивы соберутся раздувать под ним угли.

Но все было не так с фальшивыми жрецами Осириса. Из трех сотен лишь девять были признаны достойными. Верховной Жрице я помог пройти через все своею магией, ибо она чрезвычайно меня развлекала; в ее любви я нашел наслаждение более неистовое, чем ярость всех стихий вместе взятых.

И вот созвал я девятерых, что остались (все — мужчины), и дал им наставления, и поведал, что должны они образовать тайное братство, которое станет учиться формуле Осириса в высшей ее форме — посвящения души человеческой, и ей же после учить других; что им должно хранить дисциплину в храме лишь ради людей, дозволяя им всякий порок, но самим его избегая. Разве не брэнно тело и не чище всего душа? Потому древний обычай бальзамирования должен выйти из употребления и поскорее, ибо мир перешел под власть Осириса, а ему любезны плоть и могила.

Все они, как положено, присягнули этому тайному братству, которым я их назначил; каждой степенью правил один, тот же, что ниже всех, отбирал кандидатов и управлял храмом.

Затем произвел я Церемонию Призывания Осириса, разрушив предварительно богохульные механизмы; и теперь, наконец, Бог ответил мне, воссияв бесконечным сияньем. Тогда я открылся Жрецам, и безмерно возрадовались они, что после всех этих лет низвергнута ложь, и владыка вернулся к своим обязанностям.

Но Бог изрек пророчество, и было оно таково:

— В последний раз сияю я во храме моем; ибо я есмь бог Жизни в Смерти, сокрытый. Потому да будет отныне магия ваша магией тайной в глубине сердца; и кто совершит открыто любое чудо, знайте, что он — лжец и самозванно претендует на священную мудрость.

По этой причине я всегда закутан в белые пелены, украшенные тремя активными цветами; они скрывают Меня, с тем чтобы тот, кто знает Меня, прошел через них.

Затем призвал бог каждого из нас к себе по отдельности и в ухо каждому шепнул тайную формулу и слово силы, относящееся к степени, к которой я его приставил.

Мне же дал он высшую формулу и высшее слово, слово, в котором восемь и семьдесят букв, и формулу из пяти и шестидесяти частей.

Тогда же и там посвятил я себя обретению наиболее полного понимания Осириса, моего Бога, чтобы суметь открыть назначение его в устройстве всего Космоса.

Ибо тот, кто родился в годы силы Бога, думает, что Бог вечен, един, одинок. Но тот, кто родился в час слабости Бога, в час смерти одного и рожденья другого, прозревает что-то (хотя бы и немного) от порядка вещей. И ему нужно в полной мере понимать эту смену власти (ведь боги не умирают и не возрождаются, но один сегодня посвящает, а другой хранит, а завтра один возвещает, а другой освящает), ее цель и значение в великой структуре вещей.

Так и я в этот год V от Равноденствия Богов (1908), когда Хор занял место Осириса, стану при свете магической памяти моей

стараться в полной мере постичь формулу Хора — Ра-Хор-Хута, моего бога, правящего миром под рукою Нуит и Хадита. И подобно тому, как Анх-эф-на-Хонсу оставил мне стелу 666 с ключами к этому знанию, так и мне, возможно, удастся записать иероглифами формулу Владычицы Раздвоенного Жезла и Пера, что примет престол его и займет место, когда истощится сила Хора. Тогда же служение Богам должно было оставаться в тайне, а магия — пребывать сокрытой от людей. Им предстояло пасть с тронов своих на глазах у всех, чтобы пришли помойные крысы и смеялись над ними, и никто б не поднял на них руку, они же чтоб лежали, безмятежные, не пытаясь себя защитить. И все же чтоб было знание о них, доступное посвященным, но куда более трудное, безмерно более высокое и сокровенное.

Жизнь моя с того мгновения сосредоточилась сама в себе. Не было у меня больше времени ни на аскетические практики, ни на удовольствия; не принимал я никакого действительного участия в служении храму, очищенному и возрожденному, и ставшему изысканно совершенным и совершенно изысканным.

Далеко не все вполне постигли произошедшую перемену; но иные подчинились и уверились, что поняли, как бы сограждане их ни презирали. И так получилось, что чем невежественнее и глупее был человек, тем усиленнее он притворялся, будто понял, так что наименее верующие казались наиболее верующими — как оно и обстоит по сей день.

Но для меня все это было ничто: я изучал самую природу Осириса, сосредоточившись на символах таинственных и чистых. Я постиг, почему говорили, что Исида не сумела отыскать Фаллос Осириса, ибо так она поняла, что Хору предстоит наследовать ему в великой череде Равноденствий. Я даже создал осирические талисманы чистого света, и во свете их проводил все церемонии посвящения в его мистерии.

Были они истолкованы мудрецами, и переведены на язык сумерек, и вырезаны в камне и в памяти людской.

Но все больше занимала меня великая битва за понимание порядка вещей с точки зрения Судьбы, чтобы смог я оставить неложные и постижимые образы, способные просветить разум (мой или чей-либо еще) того, кто придет после меня, чтобы прославить Равноденствие Богов в конце времени Осириса.

Как ныне и случилось.

Три и тридцать лет вел я во храме Осириса жизнь Верховного Жреца, покорив себе всех. Пост жрицы я упразднил, ибо разве не оказалась Исида неспособной найти достойнейший Фаллос, без которого стал Осирис очень печальным богом? Да, был Хеми обречен пасть, и тьма воцарилась в мире, и скорбь на долгие годы.

Верховную мою Жрицу сделал я простой служанкой, и с покрытым лицом служила она мне много лет, ни слова не говоря.

Когда же прошли годы, я решил, что будет уместно наградить ее, и при помощи магии вернул ей тело юной девушки, и еще год прислуживала она мне с открытым лицом и болтая, сколько душе угодно.

Затем пришло время ее, и она умерла.

Тогда заглянул я в свою судьбу и понял, что работа моя завершена, да и от тела не было боле ни пользы, ни толку.

И потому решил я принять великую награду, положенную мне как верному служителю бога F.I.A.T., сокрытого за всеми проявлениями Воли и Разума, коему Исида и Осирис, и Хор — лишь посланники и слуги.

О том и о смерти моей я расскажу в другой раз. Но прежде поведаю об обитателях того царства, что окружает мир, чтобы те, кто страшится, утешились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Но меня предупредили, что разуму моему негоже еще понимать эти вещи, ибо содержатся в них великие тайны, к той относящиеся степени посвящения, коей я пока недостоин.

(Здесь рукопись неожиданно обрывается.)

LIBER LI

УТРАЧЕННЫЙ КОНТИНЕНТ

Liber LI. Утраченный континент. Повествование об Атлантиде: ее нравах и обычаях, магических ритуалах и умонастроениях ее жителей, а также достоверный рассказ о так называемой катастрофе, что привела к ее исчезновению.

* * *

Множество других стихотворений, эссе и рассказов было написано тем летом [1913 г.]. Особняком среди них стоит «Утраченный континент» — что-то вроде романа, повествующего о цивилизации Атлантиды. Мне иногда кажется, что ему недостает художественной цельности. Временами мне видится в нем фантастическая рапсодия, живописующая мой идеал утопического общества; однако некоторые пассажи представляют собой сатиру на положение дел в нашей текущей цивилизации, в то время как другие содержат намеки на некоторые глубокие магические тайны или предвидения грядущих научных открытий.

«Исповедь Алистера Кроули»

В прошлом году я был избран наследовать достопочтенному К.З.¹, вознамерившемуся умереть, то есть присоединиться к Тем, кто уже на Венере, — в качестве одного из Семи Наследников Атлантиды. Мне было назначено возвестить — в той мере, в какой это будет сочтено возможным, — правду об этой таинственной и утраченной ныне земле. Конечно, ни единому из Семи никогда не доверялось более одной седьмой части мудрости; Семеро же встречались на совете лишь раз в тридцать три года. Однако сохранность этой мудрости обеспечивали связанные взаимно системы «из грезы в истину» и «подготовки через антимоний²». Первая почти что говорит сама за себя; вторая практически непостижима для обычного человека. Суть ее в том, чтобы научить человека быть чем угодно, обучая его быть противоположностью этого. В итоге своем, — мыслят они, — что угодно превращается в свою противоположность, и таким образом противоположность эта достигается незапятнанной трудами ученика и безо всяких ложных о ней представлений, обычно навязываемых на раннем этапе учения.

Я, к примеру, неведомо для себя учился фиксировать все эти наблюдения, ведя беспечную жизнь мотылька. Все впечатления врезались в мягчайший воск моего разума, не доставляя мне ни малейшего беспокойства: ведь бороздка на воске ни в малейшей степени не походит на представляемый ею звук. Иными словами, я идеально наблюдал, ибо не имел и малейшего понятия, что занят наблюдением. Так, если сосредоточить внимание на своем сердце, оно может внезапно забиться сильнее.

Однако я перейду к описанию нашей страны.

1 К.З. (K.Z.) Предположительно, зашифрованные (посредством замены букв на предшествующие им в алфавите) инициалы Джона Яркера (John Yarker), скончавшегося в марте 1913 года. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

2 Игра слов: англ. antimony — «антимоний», алхимическая сурьма; antipomy — «антиномия, парадокс».

О РАВНИНАХ У ПОДНОЖИЯ АТЛАСА И О РАСЕ РАБОВ¹

Атлас — вот настоящее имя этого архипелага. Называть его континентом совершенно неверно, ибо каждый «дом», или горный пик, на нем был отрезан от своих соплеменников естественными, хотя местами и совсем узкими водными протоками. Африканские Атласские горы — боковой отводок этого хребта. То был подлинный, исконный Атлас, укреплявший весь древний мир своей моральной и магической силой, откуда и произошло имя мифического держателя земного шара. Корень этого слова — лемурийский «тла» или «тлас», то есть «черный», причины чему станут вам ясны в свое время. «А» — приставка женского рода, произведенная от формы, которую принимает рот при произнесении этого звука. Таким образом, «черная женщина» — самый точный перевод, возможный для английского языка; в латыни есть аналог и поближе.

Горы отрезаны не только друг от друга — этими морскими протоками, но и от равнин у их подножия — утесами естественного или искусственного происхождения, сглаженными и подрубленными по меньшей мере футов на тридцать² с каждой стороны, чтобы взобраться на них было невозможно.

Многие поколения труда сгладили эти равнины и сделали их совершенно плоскими. Виноградные лозы и фруктовые деревья растут лишь на верхних склонах, сами же равнины отведены в основном под зерно и под травяные пастбища для стад атласских амфибий. Зерно это принадлежало к виду, ныне уже неизвестному: оно вызревало в морской воде, так что периодические приливы играли там ту же роль, что и разливы Нила в Египте. Деревни стояли на огромных плавучих платформах из пористого камня — нигде на равнинах не росло ни единого дерева, так что древесины там не знали.

¹ В действительности рабских рас было четыре (некоторые говорят — даже пять), и у каждой из них имелись свои подрасы. Основные характеристики, впрочем, у всех были одинаковы. Кое-кто считает португальцев и англичан их потомками или же родичами. — *Примеч. А. Кроули.*

² Девять с небольшим метров.

Населял их тип людей, близкий к современной белой расе. Им не позволена была никакая пища господ — ни зерно, ни моллюски, водившиеся у берегов в изобилии; питались они лишь тем, что называли «хлебом небесным», который на деле спускали им с гор — это были всевозможные отбросы. Все население обречено было непрерывному и тяжкому труду. Молодые и деятельные ходили за амфибиями, выращивали зерно, собирали моллюсков и — для своих старших — «хлеб небесный», а также обязаны были плодить себе подобных. К двадцати годам они уже считались достаточно сильными, чтобы трудиться на предприятии, где работали бригадами на механизме, сочетавшем черты нашего насоса и топчача, по шестнадцать часов в сутки. Механизм этот снабжал Атлас «ЗРО»¹, или «силой», о которой я сейчас расскажу. Любой рабочий, выказавший хотя бы временную слабость, переводился на фосфорную фабрику, где неизбежно умирал в течение нескольких месяцев. Фосфор был для Атласа первейшей необходимостью, но ни в красной, ни в желтой своей форме не использовался, а лишь в третьем аллотропе — сине-черной, или, вернее, фиолетово-черной субстанции, встречающейся только в виде порошка, тоньше осажденного золота и тверже алмаза, в одиннадцать раз тяжелее желтого фосфора, совершенно огнестойком и настолько невероятно ядовитом, что, невзирая ни на какие предосторожности, каждая унция его стоила жизни в среднем двумстам пятидесяти человекам. О свойствах его я поведаю позднее.

Люди эти держатся в совершенно рабском и невежественном состоянии по мудрому совету первого из философов Атласа, написавшего некогда: «Пустой мозг — угроза для общества». В связи с этим он учредил систему умственной культуры, состоящую из двух частей:

1. Масса бесполезных и никак не связанных друг с другом фактов в качестве базиса.
2. Надстройка из лжи.

¹ Или *Зра'а*. «ЗР» медленно растягивается, затем губы внезапно округляются и оттягиваются назад, как бы в ехидном ворчании, чтобы произнести гласную резко и с силой. Исследователи спорят, не связано ли это слово с санскритским *шри*, «святой». — *Примеч. А. Кроули.*

Пункт первый имел принудительный характер; после него люди принимали второй безо всяких протестов¹. Язык равнин был простым, но емким. Существительных в нем было немного, глаголов — еще того меньше. «Опять работать» (для просто «работать» особого слова не было), «опять спать», «опять есть», «нарушать закон» (для «опять нарушать закон» тоже не было слова), «прийти снаружи», «найти свет» (то есть, пойти работать на фосфорную фабрику) — вот почти и все глаголы, употреблявшиеся среди взрослых. У молодых людей глагольный запас был еще проще и, вдобавок, отличался примитивной грубостью. Зато все пользовались необычайно разнообразными прилагательными (как правило, никак не связанными с существительными и потому совершенно бессмысленными) и великим множеством абстрактных существительных наподобие «Свобода» или «Прогресс», без которых ни один высокоразвитый человек не счел бы предложение законченным. Их вставляли в обсуждение самых материальных вещей. «Бессмертный нос картошкой», «непрогрессивные зубы», «сластолюбивая музыка», «реакционные брови» — такие словосочетания были обычны для всех. «Опять есть, опять спать, опять работать, найти свет — вот Свобода, вот Прогресс» — такую поговорку можно было услышать от каждого.

Религией этого народа было протестантское христианство во всей его красе, но с еще большей зависимостью человека от Бога. Они утверждали его догматы в манере одновременно почитительной и страстной, но не сообщая словам никакого смысла. Сексуальная жизнь была для рабочих под полнейшим запретом, любое нарушение каралось высылкой на фосфорную фабрику.

На каждом поле стояла, однако, громадная каменная скрижаль, на одной стороне которой были вырезаны изображения трех стадий жизни — поля, предприятия по добыче Зро и фосфорной фабрики, а на другой — следующие слова: «Чтобы взойти на Атлас — лети!» Под ними серия искусных гравюр наглядно показывала, как овладеть искусством полета. Известно, что за всю историю Атласа ни один человек этими инструкциями воспользоваться не сумел.

¹ В наше время мудрецы увидели для общества ту же самую опасность, в связи с чем открыли и применили против нее аналогичное средство в виде принудительного образования и дешевых газетенок. — *Примеч. А. Кроули.*

Главным страхом этих людей было какое бы то ни было отклонение от привычного. Обозначали его одним-единственным словом, хотя от века к веку слово это менялось. «Колдовство», «ересь», «безумие», «невоспитанность», «половые извращения», «черная магия» — вот основные формы, которое оно приобретало за последние четыре тысячи лет владычества Атласа.

Чихание, безделье, улыбка считались крайне подозрительными. Любое прекращение речи, даже на мгновение, потребное для вдоха,— чрезвычайно опасным. Но хуже всего было желание побыть одному. Соседи тотчас хватили правонарушителя и либо убивали на месте, либо отводили на фосфорную фабрику, откуда выхода уже не было.

Обычаи их были невообразимо отвратительны. Основными способами отдыха им служили изобразительное искусство, музыка и театр, в которых они демонстрировали достижения, не уступающие шедеврам Генри Артура Джонса, Пинеро, Легара, Джорджа Дэнса, Люка Филдса и Томаса Сиднея Купера¹.

О медицине они самым счастливым образом не имели понятия. Жизнь на свежем воздухе в этом ровном климате давала породу сильных юношей и дев, а первые же симптомы болезни у рабочего считались угрозой его эффективности и определяли его на фосфорную фабрику. Заработная плата была неизменно высокой, а поскольку никакой торговли не было, даже алкоголем, на который налагался строжайший запрет, каждый экономил все свои средства и умирал чрезвычайно богатым. По смерти все сбережения возвращались обществу, и в налогах, следовательно, не было никакой надобности. В одежде никто не нуждался и не знал ее, а «хлеб небесный» был «бесплатным Божьим даром». Мертвецов бросали амфибиям. Каждый

¹ *Джонс*, Генри Артур (1851—1929) — английский драматург, автор успешных пьес из жизни среднего класса и политических с той, противник Герберта Уэллса и Бернарда Шоу. *Пинеро*, Артур Уинг (1855—1934) — популярнейший в свое время английский коммерческий драматург. *Легар*, Франц (1870—1948) — австрийский композитор, автор оперетт. *Дэнс*, Джордж — один из двух известных английских архитекторов: либо Джордж Дэнс-старший (1695—1768), автор проектов многих общественных зданий и церквей в Лондоне, либо его сын, Джордж Дэнс-младший (1741—1825), также плодовитый архитектор и один из основателей Королевской Академии. *Филдс*, Люк (1843—1918) — английский художник и иллюстратор, автор коронационных портретов Эдуарда VII и королевы Александры. *Купер*, Томас Сидней (1803—1902) — английский пейзажист, знаменитый образами скота и жанровыми сценами.

строил себе хижину из изобиловавшего на равнинах пористого камня. Само слово «дом»¹ было в ходу лишь на Атласе; рабская раса именovala свои обиталища «ххоклост» (аналог английского слова «house»²). Недовольство было совершенно неведомо. В запрете на сношения с иностранными государствами не было никакой необходимости, поскольку их обитатели все равно считались дикими варварами. Людей, высадившихся с корабля, тотчас же перебили бы всех до единого, если бы Атлас допустил их на свои берега. Впрочем, у него были безотказные средства воспрепятствовать подобным высадкам, что он и делал,— и объяснялось это совершенно иными соображениями, суть которых станет предметом одной из последующих глав.

Такова жизнь на равнинах у подошвы Атласа, и таков характер рабской расы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О РАСЕ АТЛАСА

В городе, или «доме», который образовывала вершина каждой горы, обитала раса, не слишком превосходившая ростом нашу собственную, но обладавшая не в пример более мощным сложением. Уместным сравнением для низших классов были бы размеры и сила медведя; высший же обладал огромной грудной клеткой и плечами льва и его же поджарыми лядвиями. Подобная сила давала непогрешимую красоту, из которой самый их неумолимый закон делал уродство. Состоял он в том, что любое дитя, в первые семь лет жизни не проявившее каких-нибудь особых черт внешности, отдавали в жертву Богам. Такой особой чертой мог быть сочтен, к примеру, нос выдающегося размера, ладони и запястья неимоверной силы, достойная гориллы челюсть, слоновьи уши — все это гарантировало обладателю жизнь³, ибо во всех подобных отклонениях

1 Англ. «house» как строение, жилище.

2 Домашний очаг, родной дом.

3 Будда Гаутама был перевоплощением предыдущего Будды — миссионера с Атласа, или же легендой о нем. Отсюда и рассказы о его непоколебимой

от нормы они видели возможность развития расы. И мужчины, и женщины были волосаты, как орангутанги, и чисто выбриты от макушки до пяток. Считалось, что это повышает чувствительность осязания, а, кроме того, служит знаком почтения к «живой Атле», но о последней — в свое время.

Низший класс был малочислен. В задачи его входило надзирать за рабской расой, доставлять яства в пиршественные залы детей и уносить остатки, устанавливать «световые экраны» и обеспечивать продолжение рода посредством вынашивания, рождения и воспитания детей.

Жречество занималось дальнейшим приготовлением *Зро*, поставляемого заводами, и насыщением его фосфором. Этот класс не имел недостатка в досуге для «работы», о чем речь пойдет позже.

Верховные жрецы и верховные жрицы ограничивались в числе до одиннадцатигды тридцати трех в каждом «доме». Им доверялись величайшие тайны Атласа, а также проведение экспериментов, на которые были направлены усилия каждой воли¹.

Цветом кожи атланты разнились чрезвычайно, хотя волосы их неизменно были огненно-каштанового оттенка с синими отблесками. Женщины встречались и блее Афродиты; и смуглые, как Клеопатра; и желтые, как Дацзи²; иные — странно синие, словно татуированные лица китайнок; прочие же — красные, как медь. Зеленый, впрочем, был запретным цветом для женщин, а красный не приветствовался у мужчин. Фиолетовый случался редко, хотя ценился высоко: дети этого цвета пользовались особым покровительством верховной жрицы.

Но одной частью тела все женщины были черны — той чернотой, с которой ни один негр не сравнится; это обстоятельство и дало имя Атласу. Некоторые авторы абсурднейшим образом относят это на счет избытка фосфора в *Зро*. Я же замечу лишь, что отметина эта существовала задолго до открытия черного фосфора. Совершенно очевидно, что это признак расы. Именно рождение девочки без этой отметины возвело ее

шее, ушах, которыми он мог закрыть себе лицо, и прочих чудовищных де алях внешности. — *Примеч. А. Кроули.*

1 У них был свой Начальник, об имени, природе и обязанностях которого мне говорить не дозволено. — *Примеч. А. Кроули.*

2 *Дацзи* — нало ница Чжоу-Синя (Ди Синя), последнего правителя китайской династии Шан (ум. 1122 либо, по другим данным, 1050 или 1027 г. до н.э.).

мать в ранг богини и положило конец земным приключениям атлантов, как станет ясно в свое время.

Об этике этого народа достаточно сообщить лишь немного. Понятие «правильный» они обозначали словом «фф», для произнесения которого воздух выдувался изо рта с одновременным резким движением челюсти слева направо; таким образом, оно подразумевало «спиральную жизнь, противоположную ходу солнца» и, попросту говоря, приравнивалось к понятию «противоположный». «Все сущее неправильно» — таков, по всей видимости, был их главный принцип. Ноги «неправильны», так как носят вас со скоростью всего лишь пяти миль в час; давайте же откажемся от пешей ходьбы; давайте будем ездить верхом. Лошадь тоже «неправильна» в сравнении с поездом и автомобилем; а те, в свою очередь, — в сравнении с «аэропланом». Если бы скорость была главной заботой атлантов, они сочли бы «неправильными» и аэропланы, и все прочее с ними, пока не сумели бы превзойти скорость света.

Любопытнейшие остатки этих законов обнаруживаются в древнееврейской версии египетского свода законов, каковые — естественным для рабской расы образом — были облечены в форму афоризмов.

«Не сотвори себе кумира». Каждое дитя мужского пола по достижении мужества получало себе кумир для поклонения, чудотворного идола, на котором ему затем предстояло вырезать свидетельства главных свершений этого кумира.

«Помни день субботний, чтобы святить его». Один день из семи всякий атлант отводил для дел, не связанных с главной своей задачей.

«Не прелюбодействуй». Хотя атланты женились, единственным, что им воспрещалось, было соитие с женой.

«Почитай отца своего и мать свою». Напротив, те почитали детей своих, словно бы возглашая: «Се Бог, сотворил я его по образу своему, по подобию своему»¹.

Точно так же было одно и лишь одно-единственное исключение из правила молчания. То было изречение «Имени»,

¹ Один из самых подающих надежды детей покончил с собой, узнав, что не может двигать верхней челюстью. Этому мальчику, наряду с десятью другими героями поставили статую в Верховном Доме. Атлантский эквивалент понятия «горя» в самой крайней его степени («dukka» или «weltschmerz») — «вывих верхней челюсти». — *Примеч. А. Кроули.*

произнесение которого — смерть. Слово это постоянно было у них на устах — «Зкрра», схожее со звуком полоскаемого горла. Отсюда, возможно, произошли гэльское «*scirt*» («говорить») и английское «*scour*»¹ или «*scar*», что в ходу в Йоркшире и Пенниннах. «Зкрра» — еще и название «Высокого Дома» и того самого идола, о котором шла речь выше.

Прочие следы можно отыскать в фольклоре, некоторые — в виде суеверий. Так, правильное число участников пиршества — тринадцать: ведь если бы в зодиаке было на один знак больше, год оказался бы на месяц длиннее, а, значит, стало бы больше времени для «работы». Впрочем, возможно, это уже выродившееся толкование, предложенное египтянами. Атланты лучше кого бы то ни было знали, что зодиак — лишь условная схема. Тем не менее, можно утверждать, что Атласа никогда не страшило невозможное. И если бы кто-нибудь сказал: «Дважды два — четыре», — мысль его при этом была бы: «Ну, да, черт его раздери!».

Теперь я дам разъяснения относительно языка атлантов. Третий и величайший из их философов постиг, что речь причиняет больше вреда, чем пользы, и учредил в итоге особый обряд. С тех пор избирали двоих человек из множества для сохранения языка, который, кстати сказать, состоял исключительно из односложных слов, число коих было двести и четырнадцать и каждому из которых соответствовало диакритическое телодвижение, обычно идеографического характера.

Так, чтобы выразить понятие «неправильное», произносили «фф» с движением челюсти справа налево. «Фф» с потиранием лба означало «горячий»; с прикрыванием рта руками — «огонь»; с ударом по горлу — «умереть». Таким образом, каждому «корню» могли сопутствовать сотни жестов-деривативов. Грамматики у атлантов почти что не было: они и без нее схватывали все на лету.

Те два человека удалялись в пещеру на склоне горы, расположенную над самым обрывом, и оставались там целый год, говоря на языке и вырезая свою речь символически на камне. На исходе года они возвращались; старшего приносили в жертву, а младший снова уходил туда вместе с добровольцем, обычно из числа тех, кто желал искупить какую-либо вину, и учил

¹ «Промывать, прочищать».

его языка. Во время визита «в дом» он смотрел, не нуждается ли какой-нибудь новый объект в названии, и в случае нужды изобретал таковое и добавлял к языку. Обычай этот сохранился до самого конца. Остальное население вовсе отказалось от использования речи. Чтобы избавиться от корней, хватило лишь несколько лет практики. Далее они попробовали обходиться без жестов и за восемь поколений успешно преодолели это затруднение, освоив телепатию¹. Дальнейшие исследования были направлены на овладение действием без размышления; об этом речь пойдет подробно в должном месте. Имелись также и особые «слухачи»: три человека по очереди сидели на самой высокой горе, над «световыми экранами», и поднимали тревогу, если какой-нибудь шум нарушал покой Атласа. По их докладу верховный жрец, наделенный исполнительной властью, принимал меры по обнаружению и уничтожению причины шума.

«Световые экраны», о которых шла речь, представляли собой хитрую конструкцию из тонких пластин некоего шпата, полностью отсекавших свет и тепло солнца, но не за счет непрозрачности, а благодаря тому, что мы называем интерференцией. По этой причине прочие излучения солнца, считавшиеся необходимыми для жизни, все же попадали «в дом». Они вызывали величайшие споры. Некоторые считали, что сами по себе эти лучи вредоносны и не должны допускаться внутрь. Другие ратовали за то, чтобы экраны работали и при лунном свете, а не закрывались, как было принято, на закате. Впрочем, воплотить это новшество в жизнь даже не пытались, поскольку слишком многие из атлантов почитали луну. Третьи жаждали солнечного света, так как цель Атласа (считали они) состоит в том, чтобы достичь Солнца. Однако эта теория противоречила главной аксиоме о достижении чего бы то ни было через его противоположность; ее придерживались лишь низшие классы, в данную доктрину не посвященные.

«Дома» Атласа были высечены прямо в скалах при помощи Зро седьмой ступени. Стены их, невероятно прочные, были высоки и глаже стекла, а полы — весьма грубы и почти повсеместно разбиты (по причине, раскрывать которую мне

¹ Эта система коммуникации обладает огромными преимуществами перед любой другой. Она зависит не от расстояния, а лишь от воли передающего. К тому же, телепатические сообщения невозможно перехватить или потерять по дороге. — *Примеч. А. Кроули.*

не дозволено). Коридоры же везде были настолько узкими, что в них не удалось бы разойтись даже двоим. Когда двое встречались, было законом приветствовать друг друга, объединившись в «работе», а затем разойтись обоим по своим частным делам или же одному пройти над другим. Делалось это намеренно, чтобы при встрече с кем-то из сограждан всякий тотчас вспоминал о своем долге перед Атласом.

Пиршественный зал детей был обычно очень велик. Привезенная еще первыми колонистами мебель, которой взрослые постепенно отучались пользоваться, не нуждалась в ремонте. Широкий дверной проем распахивался к северу на склон горы, покрытый виноградниками, фруктовыми садами, полями и лугами, где дети проводили время. Ребенка кормили грудью всего три месяца, после чего он уже был в состоянии питаться самостоятельно хлебом и вином, а также мясом домашних амфибий, которых существовало несколько видов: свиноподобные звери, мясом напоминавшие дикую утку; нечто наподобие ламантинов, на вкус как лосось (жир их во всем, кроме текстуры, был подобен черной икре и служил лекарством от всех детских хворей). Третий, предок наших гиппопотамов, был приручен и использовался рабами для подготовки почвы под посевы: он топал по полям, покрытым морской водой, и оставлял глубокие ямы, в которые затем и сажалось зерно. Мясо его напоминало медвежатину, но было нежнее. Упомянем также о великом множестве черепах, о гигантских устрицах и огромных морских крабах, о некоей разновидности осьминогов, из которых получался питательный и изысканный суп, и о бесчисленных моллюсках, тоже попадавших на стол. В протоках кишели косяки мелкой ядовитой рыбы¹, укус которой приводил к немедленной смерти человека. Из-за этого сообщение между островами любым путем, кроме как по воздуху, оставалось невозможным, поскольку гиппопотамоподобный зверь, хотя и был невосприимчив к яду, плавать не умел.

О спальнях палатах я расскажу подробнее, когда речь пойдет о Зро.

¹ Ее называли «Жии-Жу», подражая свисту ее хвоста и последующему крику жертвы. — *Примеч. А. Кроули.*

О ЦЕЛЯХ МАГОВ АТЛАСА; О ЗРО, ЕГО СВОЙСТВАХ И СПОСОБАХ ПРИМЕНЕНИЯ; О ТОМ, ЧТО С НИМ СОЧЕТАЕТСЯ; И О ЧЕРНОМ ФОСФОРЕ

Древнейшей традицией магов Атласа была вера в то, что они — уцелевшие потомки народа, населявшего страну под названием Лемурия, остатками которой вполне может быть Южно-Тихоокеанский архипелаг. Эти лемурийцы, полагали они, построили цивилизацию, равную их собственной или даже превосходящую ее; но из-за неверного понимания магического закона (кто-то говорил — второго, кто-то — пятого, а кто-то — и вовсе двадцать третьего) привели и себя, и страну свою к гибели. Иные, впрочем, полагали, что лемурийцы преуспели в выполнении взятых на себя магических задач и разрушили свой храм. Как бы там ни было, а лемурийцы тоже имели тайную традицию и считали себя уцелевшими потомками еще более древнего народа, обитавшего во льдах, а тот, в свою очередь, — другого, жившего в пламени, а он уже — древнейших колонистов с Марса. Теория эта, *in fine*¹, сводилась к тому, что целью человека было достичь Солнца, откуда, согласно космологической школе, он был изгнан во время космической катастрофы, приведшей к образованию Нептуна. Задачей его с тех пор на каждой отдельно взятой планете было ниспровергнуть действующие на ней законы природы, то есть в достаточной мере подчинить ее, чтобы перепрыгнуть на следующую по направлению к центру планету. Как именно и в каком смысле осуществлялся этот прыжок, оставалось неясным даже наследникам Атласа².

Люди Атласа умели летать — это чистая правда — и притом способом настолько легким, что человечество будет очень смеяться, когда откроет его заново; им, однако, нужен был для этого воздух; холод и пустоту космического пространства они

1 «В конечном счете» (лат.).

2 Вопрос этот был подробнейшим образом обсужден и сдан, наконец, в архив на Стокгольмском Совете 1913 года. — *Примеч. А. Кроули.*

побороть не могли. Может статься, в каком-нибудь тонком теле умели они переправлять свой Палладий? Или, согласные умереть, попросту проецировали эту высшую оболочку на столь великое расстояние? Ответ на эти вопросы зависит, возможно, от того, вернет ли себе человечество знание о *Зро* и его свойствах.

Под заводами проходят¹ желоба², в которых собирается пот рабочих и смывается затем в открытый резервуар, находящийся за пределами завода. В этом резервуаре вращается с невероятной скоростью — благодаря многочисленным коническим шестерням — некая разновидность мешалки с острыми закраинами. Пот там сбивается в пену и постепенно исчезает, но запас его постоянно восполняется. Рабочие трудятся посменно: восемь часов работы, четыре часа отдыха, восемь часов работы и снова четыре часа покоя и отдохновения. Заводы не останавливаются ни днем, ни ночью.

Резервуар тот — из полированного серебра и агата и установлен под углом перед двумя огромными хрустальными шарами, вставленными в нечто вроде шпалеры из некоего зеленоватого металла; оптический их фокус находится посередине между ними.

Единственный признак деятельности заключается в том, что из этого фокуса с треском вырывается искра — если только воздух достаточно сух, чего в этой части мира достичь чрезвычайно трудно, хотя вентиляторы постоянно прогоняют его через хлорид кальция и серную кислоту, обдувая сами шары и их фокус. Вентиляторы эти работают на энергии приливов и отливов, ибо человеческий труд используется на заводах для одной исключительно цели.

В храме каждого «дома» есть еще два шара, во всем подобных тем, что на равнинах, и порождаемая внизу таинственная сила подается на эти шары вверху и в них собирается. Субстанция эта всегда именуется *Зро*, но для обозначения первого ее состояния нужно повертеть большими пальцами. Для второго — быстро подвигать всеми пальцами, а для третьей

1 Картина эта столь жива во мне, что и здесь, и в прочих местах я не могу удержаться от произвольного использования настоящего времени. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Существует еще шесть приспособлений для отделения шести тонких составляющих пота и транспортировки их в резервуар. — *Примеч. А. Кроули.*

стадии дистилляции — сжать ладони вместе и покрутить ими. Внутри сфер она возгоняется внезапно в воздух в виде ядовитых серебристых паров (четвертая стадия), которые тут же обращаются в радужную жидкость (пятая), а та, благодаря естественному стремлению к расширению, с силой выталкивается вверх через фонтан прямо в храм, где и выпадает на пол в виде полутвердой субстанции (шестая стадия). Опытные жрецы затем руками собирают ее и быстро лепят седьмую форму, которая подобно ножу из алмаза, но только живого. Этот инструмент, похожий на мексиканский мачете, используется, чтобы резать камень. Лезвие режет его, тыльная сторона — сглаживает. Камень ведет себя при этом подобно воску, отзывчивому к малейшему прикосновению. То, что не идет на оружие, затем поспешно собирают и замешивают женщины, имеющие ранг верховных жриц. Даже верховным жрецам неизвестно доподлинно, чем и как они месят его, но на восьмой стадии это вещество достаточно прочно, чтобы выдерживать огромный вес, и при этом постоянно испускает собственную силу. Из него делают кровати, так что спящий атлант как будто бы постоянно массируется. Именно этим объясняют тот факт, что атланты никогда не спят больше, чем по полчаса, хотя и четыре раза в день. Ложа эти работают всего лишь несколько дней, а затем переходят в девятую стадию; для этого их перетаскивают в помещение, где стоит чрезвычайно большой котел. Их кидают туда и окропляют черным фосфором¹. От этого *Зро* разлагается на две составляющих — жидкую и твердую. Ни одна из них не обладает никакими очевидными свойствами, но полностью послушна воле того, кто ее использует. Он может удовлетворить с ее помощью любые свои пищевые желания, будь то еда или питье. Взрослые не знают иной еды и питья, кроме этих. Детям вкушать эти субстанции не дозволено.

Черный фосфор всегда добавляет верховная жрица, и как она это делает, мне неизвестно. Стабильный *Зро* — предмет непрестанных экспериментов магов. Величайшие из них считают, что доведение процесса до девятой стадии деления надвое было

¹ Его требуется лишь небольшая толика; сам фосфор изменений не претерпевает, функция его — чисто каталитическая. Эта форма фосфора — одна из самых стабильных среди всех элементов. Реагирует она (насколько известно) только со *Зро*. Если же такое сочетание снова разложить, оно становится обычным желтым фосфором. — *Примеч. А. Кроули.*

ошибочным, а многие открыто оплакивают открытие черного фосфора. Все, впрочем, согласны в стремлении достичь десятой стадии, которая превзойдет все достоинства девятой. Теоретически возможно добиться и одиннадцатой, на которой *Зро* принимает человеческую форму и начинает жить! Относительно того, не проделывалось ли уже подобное неким магом в прошлые времена, мнения разделились. Как бы там ни было, молю читателя не забывать, что я описал едва лишь одну седьмую часть свойств *Зро* и опустил даже то, что на девятой стадии он представляет собой не только еду и питье, но и универсальное лекарство — при условии правильного его понимания. Ибо *Зро* — воистину видение и голос!

Мышцы народа Атласа суть мышцы гигантов, но выполняют они лишь одно дело. Им они обязаны мудрости магов, так что оно — одновременно и работа, и упражнение, и спорт, и игра, и наслаждение, и все прочее, что способно наполнить жизнь.

Работа эта никогда не прекращается. Она состоит из следующих частей:

1. Работа над *Зро*, то есть проведение его от первой стадии до девятой.
2. Работа со *Зро*, то есть ради своих собственных частных целей.
3. Работа на *Зро*.

Это последнее — задача всеобщая и почетнейшая. Съеденный и выпитый *Зро* перерабатывается посредством этой работы в квинтэссенцию высшей силы, хотя и аналогичную по свойствам обычному *Зро*. Этот новый *Зро* (атласский *Зро*) проходит те же самые стадии, что и обычный *Зро* рабов. Но он есть результат свободного и радостного труда и служит Магам для их экспериментов, а Правителю всего — как средство к существованию. Ничто не пропадает втуне. Так, например, они пробурили туннель насквозь через землю и наполнили его *Зро*, и говорят, что при помощи него атланты и ушли из этого мира.

Для такой работы, неважно со *Зро* или на *Зро*, каждый раз требуется, по меньшей мере, два человека. В процессе работы выделяется много тепла, и поэтому тела участников орошаются черным фосфором, который, как известно, огнестоек. Этот

черный фосфор, ядовитый для рабской расы, становится совершенно безопасным для всякого, кто тем или иным способом оказался насыщен *Зро*. Сам по себе он в первом своем состоянии опасен, как электрический ток высокого напряжения.

К *Зро* питают безграничное почтение. Одно время в гимназах его называли отцом богов, а дети до самого конца считались «рожденными от *Зро*», хотя все прекрасно знали, кто на самом деле отец¹. К такому зачатию, впрочем, относились с пренебрежением. Официально оно называлось «старым экспериментом» и в ходу оставалось единственно по той причине, что новых методов продолжения рода так и не изобрели. Рождение детей поэтому было в некотором смысле несчастной случайностью; оно оставалось всеобщим долгом, но все от него уклонялись, потому что, хотя процесс не сопровождался ни болью, ни каким-либо дискомфортом, он все равно был достижением второго сорта, и горделивые женщины с презрением отворачивались от него. Отчасти поэтому имя отца никогда не упоминалось.

Несколько раз на протяжении истории Атласа *Зро* «портится». При полном отсутствии внешних изменений его свойства вовсе пропадали или же ухудшались. В таких случаях на равнинах ловили в больших количествах молодых мужчин и женщин, приводили их на Атлас и отдавали в жертву Богу. Их кровь² смешивали с третьей производной *Зро*, и тогда он восстанавливал свои свойства. Мясо их поедалось верховными жрецами и жрицами во искупление неизвестной вины. *Зро* подвергался и другим ужасным опасностям, ибо являлся субстанцией одновременно и самой восприимчивой, и самой сильной на земле. Однажды его пришлось обработать ароматом, подобным лисьему, который приготовил верховный маг, а в другой раз — потоками лунного света от параболических зеркал.

Серьезнейший кризис разразился за пару тысяч лет до разрушения Атласа. Один из рабов, едучи себе на пахоту верхом

1 Невзирая на абсолютный промискуитет, царивший среди атлантов, это всегда можно было установить с полной уверенностью, поскольку каждый человек имел особую отметину, которая в неизменном виде или в вариациях неизбежно передавалась по наследству. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Эту субстанцию свободно использовали как эквивалент «жизни». Само жертвоприношение будет описано позднее, и тогда вам все станет ясно. — *Примеч. А. Кроули.*

на «гиппопотаме», упал с него и был немедленно укушен ядовитой рыбой, о которой уже шла речь. Благодаря произошедшему в детстве несчастному случаю у него, по причинам, слишком темным, чтобы их надлежало здесь описывать, не было чувствительного места на теле, уязвимо для Жиин-Жу. Он остался, таким образом, в живых и, как ни в чем не бывало, пошел на следующий день на работу. Зро в итоге был отравлен; третья часть населения Атласа перемерла в течение часа. Растения на зараженном острове пришлось уничтожить, равно как и всех его жителей. Снова заселен он был лишь спустя триста восемьдесят лет; из соображений магической экономии далее вдаваться в этот предмет невозможно.

Брак имел принудительный характер для всех, чьи чувства были достаточно единоплавлены и прочны, чтобы произвести на свет двоих детей. Дальнейшие соития в паре запрещались. Маги полагали, что для женщины вредно иметь более одного ребенка (*á fortiori*¹ двух) от одного отца, и потому обычай предотвращал глупые спорадические всплески выгоревшей похоти, делающие совершенно невыносимыми столь многие современные браки.

С браком как вершиной половой жизни тесно связана смерть как вершина того немногого, что осталось. Смерть едва ли угрожала атланту; скорее, он сам решал «пойти посмотреть», как говорили в старину, и принимал чрезмерную дозу особой производной черного фосфора в смеси с толикой Зро девятой стадии, что обеспечивало безболезненную кончину. То, что «оттуда» никто и никогда не возвращался, воспринималось как свидетельство наивысшей привлекательности смерти.

Отвратительные практики, связанные с некромантией и оживлением трупов, в которых несправедливо обвиняли атлантов, никогда не имели места. Толика вампиризма — да, в те дни, когда Зро еще не был доведен до ума; но ни один атлант не отличался такой глупостью или невежеством, чтобы начать путать жизнь со смертью.

Помимо добровольной смерти, существовала лишь одна угроза жизни атлантов. Если употребление Зро гарантировало жизнь и здоровье (и молодость — верховный жрец за сто лет был игрив и бодр, как котенок!), то злоупотребление

¹ И тем более (франц.).

им влекло немедленное извращение этих качеств. Как уже говорилось выше, сам по себе *Зро* периодически давал сбои и становился причиной эпидемий; но время от времени кто-нибудь умирал в особо омерзительной форме, и причиной тому было, как говорили, «неправильное понимание *Зро*»¹. Ошибки подобного рода были особенно распространены в первое время по его изобретению, до того, как пользование *Зро* превратилось практически в культ. Первым симптомом всегда становилась трещина на коже виска или иногда на переносице, реже — на веке или щеке. Буквально за несколько минут трещина эта превращалась в открытую рану, источавшую ужасное зловоние, и в течение двадцати четырех часов пациент сгнивал на корню, вплоть до мозга костей. Особенно кошмарно было то, что смерть не наступала, пока не разрушался позвоночный столб. Не было ни единого средства, способного продлить агонию хоть на час. Когда это выяснилось, страдальцев стали скидывать с утеса при первых признаках недуга. Таким же точно образом, кстати, избавлялись от всех мертвых тел. То была почетнейшая смерть, ибо, став «хлебом небесным» для рабов, покойные в дальнейшем перерабатывались на *Зро*, и трансмутация эта вполне стоила всех «воскресений во плоти» и «бессмертий души», о которых толкуют теоретические, догматические и прочие основанные исключительно на слухах и домыслах религии.

Вот что известно о *Зро* и материях, непосредственно с ним связанных.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ МАГИИ АТЛАНТОВ

Магия на Атласе была «Наукой Наук». То была окончательная сумма всех знаний. Методологически теория ее состояла в дифференциации, а метод, с теоретической точки

¹ После того, как *Зро* довели до девятой стадии, не стало никаких болезней, ибо любое недомогание мгновенно исцелялось при помощи одной-единственной дозы.

зрения,— в интеграции. Так, к примеру, пятый из великих философов указал Хранителю Речи на ежегодном жертвоприношении, что «Все сущее есть *Зро*». И это —несмотря на то, что в том же самом году этот самый философ открыл две новых формы *Зро*. Третий из них в свое время объявил: «Всякое ощущение в конечном счете есть боль; всякая мысль — безумие; а всякое состояние сверхсознания (имелось в виду состояние транса, вызванного приемом *Зро*, ценимое выше всего прочего) — полное уничтожение».

Следующий по порядку философ вывел, что в данном утверждении содержится постулат о нежелательности боли, безумия и уничтожения. Третий допустил, что именно это его сентенция и означала, но отверг постулат и остался стоять на своем. Все это легло в основу обширных магических теоретизирований, и на этих чисто психологических штудиях и основали всю магическую практику. То, что «Бога нет», было совершеннейшим общим местом. Под сим подразумевалось, что разум зря тщится постичь изнутри то, что по определению находится снаружи. Ставить чему бы то ни было ограничения представлялось им величайшим из преступлений, полной противоположностью истинному пути Солнца.

Практическая часть магии состояла по большей части в простом использовании уже известных сил, подобных тем, с которыми имеет дело современная наука. Однако ресурсы у Атласа были не хуже, чем у нас, а преимуществ — несравнимо больше. Весь архипелаг был лабораторией. Такого вопроса, как «затраты на исследования», вообще не стояло: для каждого это было делом жизни. Каждый думал только об одном: «Как достичь Венеры?» — и о смежных с тем материях. Да и основные законы магии неизменно правили миром и включали в себя законы химии и физики.

На начальном этапе колонизации *Зро* был известен лишь в сыром состоянии, но благодаря гению одного-единственного человека удалось получить третью стадию во всей ее чистоте. От этой стадии до седьмой *Зро* прошел как будто сам собою, совсем как радий. Тот самый гений, преуспев в достижении седьмой стадии, сделал себе меч и в три дня подчинил рабские расы. Эта быстрота была истинным даром судьбы, так как на четвертый день *Зро* принялся разрушаться. Маги искали

способы сделать это состояние перманентным, но не достигли в том успеха¹, так что ножи с тех пор всегда приходится менять дважды в неделю; однако в процессе этих неудач были открыты бесконечно более ценные восьмая и девятая стадии *Зро*. Традиция сохранила намеки на их труды в алхимии с ее трудностями с закреплением Универсальной Ртути, тайнами вечного движения и «питьевым золотом, сиречь Универсальным Лекарством». Ближе к окончанию десятой стадии было теоретически постулировано, что *Зро* полагается быть твердым, но получило ли это какое-то подтверждение, мне неизвестно.

Возвращаясь к магической теории, Квинтэссенция, или Универсальная Субстанция (которую некоторые пытаются отождествить с Гиле, а другие — со Светоносным Эфиром), по их словам, является одновременно жидкой и твердой, причем обе составляющие — в свою очередь, двойные: первая — текучая, как вода, и газообразная, как воздух, а вторая — земная и огненная. Сочетанию этих четырех фаз *Зро* мы и обязаны существованием вселенной. Квинтэссенция — это и есть *Зро* в некоем неизвестном и непредсказуемом состоянии. Некоторые надеялись обрести его на двенадцатой стадии, иные — на семнадцатой, а третьи — на тридцать седьмой; но все это были чистой воды догадки. Некое предание о том, судя по всему, дошло до Платона, неоплатоников, а вместе с ними — до тех евреев, которые сохранили фрагменты египетской традиции и построили на их основе новую иерархию посвященных; отголоски их учения можно найти у Парацельса. В какой-то период были разосланы на все четыре стороны миссионеры (а вовсе не колонисты, как по невежеству своему считали некоторые; проблем с перенаселением в Атласе не было), и партии их высадились в Мексике, Ирландии и Египте. Приключения тех, что двинулись на юг, составили поразительнейшую главу истории Атласа. Именно они открыли Южный полюс, а их наблюдения сделали возможным рождение теории, которая привела в конечном счете к пронзившему Землю туннелю со *Зро*².

1 Ни одно из состояний чистого *Зро* стабильным не является. Из вышесказанного ясно, что весь Атлас на тот момент был в руках рабских рас. К счастью, никаких неприятностей не возникало: рабочих рук хватало всегда. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Было еще поселение в Финляндии. Единственное, что от него осталось в исторический период, — это «Лапландские ведьмы». — *Примеч. А. Кроули.*

Помимо всего, о чем я рассказал, *Зро* обладал еще многими необычайными свойствами. Они, впрочем, считались «побочными» и за поглощенностью основной работой были выбракованы и забыты. Почти все они обнаруживаются у комбинаций *Зро* шестой стадии с черным фосфором в разнообразных пропорциях. Так, одна производная называлась «летучей огненной змеей». Нужно было отщипнуть шарик смеси и подбросить его в воздух; там он удлинялся и летел в желаемом направлении, убивая того, в кого попадал. Другую именовали «Оком Богов». Это был металл, похожий на платину, из которого делали тонкие зеркала и носили их в перстнях, или даже прикрепляли с помощью особого процесса к ногтю большого пальца. Видящий мог созерцать в них любое место или человека по своему выбору. Схожий продукт, почти целиком состоящий из фосфора, походил на эбонит; тот, кто желал слышать все, что говорят в каком-нибудь месте, носил его в ухе. Была еще алая прозрачная губная помада, вызывавшая любовь в каждом, кому попадалась на глаза. От использования ее отказались еще на раннем этапе истории Атласа — благодаря остроумным сатирам некоего поэта и более серьезной критике некоего философа, указавшего на то, что она располагает к злоупотреблениям. Тонкая паста почти что из чистого *Зро* делала носителя невидимым. Тут снова не обошлось без поэта, вызвавшего всеобщее презрение к ней предположением, что люди прибегают к этому средству, чтобы скрыть свое уродство. Этот поэт стал одним из немногих атлантов, погибших насильственной смертью, — не считая добровольных жертвоприношений.

Существовали также производные *Зро*, увеличивавшие человека в размере, и другие — уменьшавшие. Среди низших классов широкое хождение до самого конца имело зелье, от которого тело начинало светиться. Тщательно подобранная пропорция уравнивала его вес с весом вытесненного воздуха, и тогда можно было летать при помощи движений конечностей. Таким образом наблюдатели посещали равнины и возвращались оттуда. Был и другой, более древний способ летать; для него не требовалось никаких приспособлений, но раскрывать метод мне запрещено за исключением только упоминания о том, что он был тесно связан с искусством «мечтать истину».

Таковы лишь немногие из так называемых магических свойств производных *Зро*; однако они наглядно демонстрируют мощь Атласа, указывая, чем он мог позволить себе пренебречь. Все эти свойства были частью процесса «работы».

Искусство предсказания пребывало в столь же неудовлетворительном состоянии, как в современной Англии. Практика эта отнюдь не поощрялась. Маг сам творит будущее, а не пытается провидеть его. Как следствие, все правдивые предсказания непременно оборачивались катастрофами. Величайшая удача атланту казалась никчемной, поскольку была случайной, а если случайности вообще неизбежны, какая-нибудь из них вполне может оказаться фатальной. Атланты верили, что равны всему потоку вещей, и взирали на Природу с гордостью, словно мужчина — на плененную силой его копья девственницу. Все, что было Бытием, было *Зро*; все, что было Энергией, было «работой на *Зро*». Помимо этого не было ничего, кроме отходов производства и шлаков.

Дома были организованы в соответствии с магической теорией. Имелся, прежде всего, «Высокий Дом», затем четыре (впоследствии — шесть, а под конец — десять) «Домов Домов»; к каждому из них прилагалось то или иное количество обычных домов. Высокий Дом был главным святилищем всего архипелага и нуждается в отдельном описании.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ВЫСОКОМ ДОМЕ АТЛАСА, ЕГО ОБИТАТЕЛЯХ И ИХ ОБЫЧАЯХ; И О ЖИВОЙ АТЛЕ

Высокий Дом отделяли от ближайших соседей двадцать миль по морю. Диаметр его составлял около полумили, а высота — мили четыре. У подошвы его не было равнин; утесы круто и гладко обрывались в воду. Формой он походил на уплощенный цилиндр, но вершина расширялась в остроконечный набалдашник, похожий немного по стилю на купола московского собора Василия Блаженного. Там не было ни следа растительности, чрезвычайно, кстати, презируемой

атлантами. Ребенок пренебрежительно сшиб бы цветок, подумав: «Да ты даже двигаться не способен!» — или принялся бы гладить его, как какая-нибудь английская дегенератка — собаку. Единственным входом в Высокий Дом служило отверстие на вершине. Основание же было пронизано туннелями, так что из каждого дома шел канал для *Зро*, который, будучи доведен до высочайшего совершенства, отправлялся затем в центральное помещение Дома. Вместителище у подошвы располагалось глубоко под землей; там *Зро* дополнительно нагревался посредством трения и, закипая, источал синеватый или пурпурный дым. То было единственное средство к существованию обитателей Высокого Дома. В древние времена старый Высокий Дом, стоявший на острове, уничтоженном по приказанию Атлы, назывался Домом Крови, и жители его питались исключительно кровью, высасываемой из живых. Развитие *Зро* положило этому конец, но идея осталась прежней: поддерживать жизнь только Квинтэссенцией Жизни. Потому, хотя прочие «дома» ели и пили *Зро*, Высокий Дом питался его парами. В нем не рождалось детей, и никто из его обитателей не имел ранга ниже верховного жреца.

Единственное исключение, о котором никогда не думали, хотя и постоянно говорили, составляла сокровенная тайна Высокого Дома — «Живая Атла». У нее было много имен: «Пожирательница слов», «Необритая» (потому что бритвы из *Зро* были бессильны против ее волос), «Огненное Сердце», «Начало и Конец» и так далее; но в особенности — слово, которое я могу перевести только как «Ей», ущербное местоимение, существующее лишь в дательном падеже. Что такое на самом деле была Живая Атла, есть тайное тайных¹. Нам она известна только по эпитетам, сиречь покровам. Так, она была «Черной, что делает черное белым». Она была «двадцати шести футов в высоту и пятнадцати в ширину — о, Боги, она — суть Несоизмеримого!». Она была «супругой *Зро*», «сердцем *Зро*», «желанием *Зро*», «Атлой, пожирающей Атлас», «поглотительницей собственного дома», «пеликаном», «огненным гнездом феникса» — так называли

1 На этот счет существуют разные теории: по одной, Атла — что-то вроде аватары, по другой — некая разновидность Квинтэссенции; еще одна толкует «Ей» как «Ангела Венеры, силу наших устремлений». — *Примеч. А. Кроули.*

ее величайшие из поэтов. И восхваляющие ее гимны сводились к тому, что ее надобно уничтожить.

Всякого кто приближался к Атле, она мгновенно всасывала и пожирала. То была величайшая из смертей, которой многие страстно жаждали. Но чести этой удаивались лишь те, кому удалось открыть путь к дальнейшим усовершенствованиям *Зро* или иным способом добиться отличия и высшего признания от государства. Спрятавшиеся слушали крики жертвы и так познавали природу смерти. Чернота, казалось, обращалась пламенной розой, «единственным, что блистает на Атласе»¹, и, прынув вперед, поглощала ее. По каким-то причинам, о которых не осмеливались даже гадать, Атла отвергала женщин. От тех из них, кому случалось увидеть Атлу, объяснений ждать не приходилось. Они отходили от ее Присутствия с улыбкой и даже под самыми жуткими пытками, какие только могли изобрести маги, продолжали улыбаться. Улыбка эта не оставляла их затем всю жизнь, и светившееся в ней осознанное превосходство так раздражало окружающих и так контрастировало с гармонией атласской жизни, что женщин попросту убивали, а их спутникам на будущее воспрещали приступать к Атле.

Все придуманные магами теории о том, какова могла бы быть ее природа, опроверг известный эксперимент. Святейший верховный жрец, человек, по достижении половой зрелости настоявший на немедленном браке со всеми женщинами своего дома, маг, произведший четыре новых модификации *Зро* и открывший, как пропускать материю сквозь материю, удостоился великой кончины. Достигнув последнего коридора, где концентрированные пары *Зро* завивались спиралью в Присутствии Атлы, он попрощался с назначенными слушателями в манере, сообразной его достоинству, а затем, набрав в последний раз полные легкие *Зро*, ринулся в помещение. Они услышали, как в удивлении он воскликнул: «О!» — а затем с невыразимым восторгом произнес знаменитое предложение: «А за Атлюю — Отла!» — которое так и осталось совершенно непостижимым. Каково же было их удивление, когда семь дней спустя, он, не поздоровавшись, прошествовал мимо них, отправился к себе в «дом» и там затворился; никто его больше не видел и не слышал, но ко времени «катастрофы» он

1 На самом деле это просто комплимент. — *Примеч. А. Кроули.*

все еще был, несомненно, жив. Человек этот основал школу философии — или, скорее, она сама себя основала на том, что он, предположительно, открыл. Школа эта спорит с ортодоксальной за честь окончательного успеха.

Малые мистерии Высокого Дома были связаны практически исключительно с сотворением жизни и способами пересечь бездну между Землей и Венерой. Последние были самым непосредственным образом связаны между собою; теория гласила, что, если бы атлантический разум мог существовать в телах, достаточно тонких для путешествий по эфиру, задача оказалась бы решена. Некоторые из экспериментов были совсем грубыми и, по нашим понятиям, даже ужасными. Атланты пытались вывести новую расу при помощи скрещивания со змеями, лебедями, лошадьми и прочими животными¹. Греческие легенды о чудовищах, таких как Химера, Медуза, Ламия, Минотавр, кентавры, сатиры и тому подобные, представляют собою остатки атлантской традиции. За этими экспериментами не стояло ничего, кроме предположения о том, что они противоречат естественному порядку, а, следовательно, достойны воплощения. Обладатели более научного склада ума благовидно пропускали пары *Зро* через морскую воду; однако создать им удалось только морских змей исполинского размера, которых они запустили в проливы вокруг Высокого Дома в качестве стражников. Морской змей, будь он легендой или фактом, есть дитя этого эксперимента. Возможно, что некоторые из них живы и до сих пор. Другая школа, сильно возражавшая против самого сексуального процесса, «который необходимо превзойти подобно тому, как лемурийцы превзошли геммацию»², выводила мужчин и женщин, беря для этого разные части мозга, в особенности мозжечок, шишковидную железу и гипофиз, и культивируя их в разведениях *Зро* под воздействием незримых лучей черного фосфора. Наилучшим результатом стала раса прозрачных и необычайно высокоразвитых в плане интеллекта медузоподобных существ; они, впрочем, едва могли двигаться в собственной стихии, не говоря уже о том, чтобы

1 В особенности с обезьянами. Продукты этого эксперимента отправили на колонизацию некоего острова, но они сбежали и после многочисленных приключений добрались до Японии, где их потомки и процветают ныне. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Геммация — неполовое размножение посредством почкования.

перемещаться в космическом пространстве. Еще одна школа заявляла, что парообразный *Зро* сочетает в себе достоинства жидкой и твердой форм, так что можно добиться и огненного состояния *Зро*, который питает их тела и делает атлантов «споспешниками эфира». Эта школа считала, что огненный *Зро* уже существует в природе, «в самом сердце Живой Атлы», и что всякий, кто умирает, поглощенный Атлой, отправляется напрямиком на Венеру. Многие из них прилагали невероятные усилия, чтобы получить вести с этой планеты. Знакомые с ньютоновым первым законом движения, они развивали его до гипотезы о возможности получения такого состояния *Зро*, чтобы направленный поток его невозможно было ни отклонить, ни рассеять и чтобы, если удастся произвести его в нужном количестве, можно было построить мост от Земли до Венеры, по которому они бы туда и отправились. Тогда-то и был, как уже говорилось, пробурен туннель через планету, чтобы соорудить нечто вроде пушки для *Зро*. Но поскольку запасы *Зро* были прискорбно недостаточны, атланты направили часть усилий на изготовление такого *Зро*, который обладал бы способностью к самовоспроизведению. В алхимической традиции сохранились некоторые сведения об этой проблеме.

Тем не менее, еще одна группа магов спорила, что раз уж природа отлучила планеты от Солнца (весьма спорное положение; некоторые считали, что произошло это магическим образом, а если так, то это полностью разрушает всю аргументацию), было бы противно природе заставлять планеты падать на него обратно. Они озадачились попытками увеличить гравитационное притяжение Земли и (в качестве альтернативы) изменить ее орбиту. Их построения в целом воспринимались как утопические, что не мешало им хвастаться открытием *Зро*, способного уменьшать вес тела, а также приспособления наподобие эфирного экрана, делавшего материю несколько менее проницаемой для эфира и тем самым генерировавшего механическую энергию в неистощимых количествах. Устройство это, впрочем, работало лишь в очень малых масштабах. Экранчик длиной всего в два дюйма немедленно вырывался из креплений, что порождало землетрясения; камень по всей округе плавился в несколько минут, и даже море закипало там, куда били лучи от этого устройства. Самое

выдающееся светило этой школы провозгласило: «Материя есть расстройство *Зро*», — что приблизительно можно перевести как «Материя есть напряжение эфира». Вот как этот маг объяснял феномен гравитации. Поместите два шара из слоновой кости в резиновую трубу. Напряжение трубы становится наименьшим, когда шары в ней соприкасаются. Следовательно, естественная их тенденция — стремиться навстречу друг другу. Одно лишь трение этому препятствует. Эфир же бесконечно эластичен и лишен какого бы то ни было трения. Из этих данных он вывел Закон Обратных Квадратов.

Более мистическая школа повсюду видела сплошную жизнь. Она знала все, что известно нам, и еще куда больше об ионах и электронах; в каждом явлении она видела манифестацию Воли. Венцом ее штудий стало открытие того факта, что *Зро* девятой степени, съеденный или выпитый с сосредоточенным намерением, приносит желаемый результат, каким бы (в весьма широких пределах) это желание ни было. Дело дошло до выхода из употребления всех специализированных форм *Зро* и, как следствие, до унификации магической практики.

Казалось бы, магия при всем при этом должна была бы особенно порицаться, но нет — она считалась лишь средством и в качестве такового тем, что «само по себе не самоценно». Слово, обозначающее магию, «*иджинкс*», было единственным двусложным в их языке, ибо магия сущностно являлась двойною, и даже более двойной (в некотором смысле), чем само число два. Здесь было бы небезынтересно набросать вкратце очерк математики Атласа. Задача эта нелегка, ибо разум у атлантов работал совсем не так, как у нас.

Число один было идеей достаточно простой; но вот два уже представляло собой не просто два, а «результат сложения одного и одного», а также «квадратный корень из четырех». Сложность чисел по мере продвижения по ряду превышала уже всякое понимание. Семь было шестью плюс один и пятью плюс два, и четыремя плюс три, и т.д., равно как и квадратным корнем из сорока девяти, половиной от четырнадцати и тому подобными вещами. Доходило даже до «четыре плюс три от трех плюс четыре». Каждое число, в свою очередь, представляло идею или целую группу идей на самых разнообразных планах. Не было ничего невозможного в том,

чтобы обсуждать, скажем, портновское дело, пользуясь одними только числами. В качестве примера того, как был устроен разум атлантов, рассмотрим число три. Три, поскольку оно дает первую замкнутую геометрическую фигуру, предполагает плоскость, а в применении к измерениям пространства — объем. Само число три есть, следовательно, «та неизреченная святая вещь, в которой плоское становится объемным». Конечно, сюда стоит добавить и сотни других идей; постичь и гармонично свести их в одну колоссальную сверхразумную идею и было постоянной целью любого математика. В итоге все числа больше тридцати трех считались ложными, иллюзорными и не обладающими собственным реальным бытием¹. То были всего лишь некие временные и случайные образования, мнимые примерно в том же смысле, что и наш $\sqrt{-1}$. Например, число 156 понималось как своего рода расцвет числа 7: его никогда не записывали иначе, нежели в форме $77 + (7+7):7 + 77^2$. Одиннадцать обычно записывалось как три плюс пять плюс три. В подобных уравнениях атланты всегда пытались найти симметрию, а также «простейший путь к единице». Последнее объяснить довольно трудно.

Число одиннадцать было у них великим «Ключом к магии» — двойным числом «в акте становления единицей». Тридцать семь было «сутью одного», поскольку умножение его на три давало сто одиннадцать, три единицы, которое, будучи особым образом поделено на три, давало один. «Человек скорее будет представлять себе сорок восемь как тридцать семь плюс одиннадцать, нежели как четырежды двенадцать», — сказано в учебнике для младших классов, датированном ранним периодом истории Атласа. Наставить ум к мышлению в таком ключе они почитали своим моральным долгом.

Число семь считалось «совершенным» у них — как и у нас, но по иной причине. Семь понималось как связующая нить между Землей и Венерой — почему, я объяснить не в силах. Также это было «число Атлы» и «дом преуспевания» (для сравнения, два — «дом битвы»). Это была благодать, мягкость,

¹ Частичное исключение составляли простые числа, поскольку они были «самопорожденными»; каждое из них исследовалось отдельно и обладало собственным (и довольно простым) значением. — *Примеч. А. Кроули.*

² 156 — число Бабалон в магии Телемы; ср. математическую формулу, изображенную на печати А. А. А. . .

легкость, исцеление и «радость *Зро*», а еще — «игра фосфора». Многие математики, впрочем, яростно нападали на него; одно время пришли к почти всеобщему согласию заменить его восемью, а его «комбинацию экстаза» (тридцать один) — тридцатью тремя. Невзирая на сильную озабоченность такого рода идеями, математика, как мы ее понимаем, достигла совершенства, которое не превзошло уровень нашей цивилизации лишь потому, что теоремы атлантов, дошедшие впоследствии до Евклида и Пифагора (пусть и в неидеальном виде), образовали тот трамплин, от которого мы, в свою очередь, оттолкнулись.

Инициация детей также оставалась привилегией Высокого Дома. Отнятые от матери в три месяца, дети пребывали на попечении низших классов до возраста полового созревания, наступление которого открывало им пути к инициации. Из Высокого Дома присылали уполномоченного, дитя приводили к нему, отец и мать знакомили его со *Зро*, а далее любой член «дома», имевший к тому желание (то есть, на практике, все и каждый), давал ему полные наставления в «работе». Церемонии эти были длительны и утомительны; в процессе дети нередко умирали. Большой бедой это, впрочем, не считалось; некоторые магические школы даже утверждали, что надо радоваться. Представитель Высокого Дома имел право первенства даже перед родителями ребенка; иногда он производил инициацию единолично — то была великая честь, но неизбежно фатальная. В редких случаях детей мужского пола отсылали к Атле на пожирание. Родители обретшего такую удачу дитяти немедленно повышались в ранге и получали особые привилегии, иногда их даже перевозили в «Дом Домов». Все обитатели Высокого Дома появлялись на людях не иначе как под покровом, дабы никто не узнал, что они во всех отношениях выглядят точно так же, как и нижестоящие. Распоряжение об этом было отдано после Великого Заговора, о котором я расскажу в главе, посвященной истории Атласа.

О ПОДЗЕМНЫХ САДАХ АТЛАСА И О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ СНОШЕНИЯХ АТЛАНТОВ С ИНКУБАМИ, СУККУБАМИ И ДЕМОНАМИ ТЬМЫ

Я уже говорил о презрении, с которым атланты относились к растительному царству. Такое же пренебрежение распространялось на животных, включая и людей. Возможно, за этим стояла та идея, что, учитывая все их преимущества, они могли бы сами заботиться о себе и получше. Минералы, однако, воспринимались как совершенно беспомощные — отсюда и необычайное внимание, которое им уделялось. Под домами камень горы был весь изрыт гротами, иные из которых обладали самыми странными, фантастическими формами, но по преимуществу представляли собой бесконечные многогранники и сочетания кривых. У каждого «дома» было до двадцати таких садов. В возделывании их применялось три реагента: «семя металлов», «Семя Света» и «семя» еще одной непередаваемой идеи, которую приблизительно можно передать как «мистическое толкование Альфы и Омеги». Первые два давали весьма простые эффекты: из первого получались сияющие собственным светом драгоценные камни, росшие, однако, подобно цветам; второй точно так же воздействовал на металлы; третий же превращал любые минералы в цветы самых экстравагантных красок и форм. Такие качества, как текстура, прочность, эластичность и вообще все физические свойства, считались заслуживающими самого пристального внимания.

Для примера опишу несколько таких садов. У одного был потолок из мягко мерцавших сапфиров, наперстянки, колокольчика или горечавки, а меж ними — чампаковых звезд из рубина. Стены покрывали побеги ползучих лоз, в глубине которых скрывались крошечные аметистовые бутоны. Пол был из малахита, но живого, растущего, подобно кораллу, мягче любого земного мха и еще более пружинистого под ногой. На каждом темном листе сверкали капли росы из самородного алмаза, образованного под воздействием «семени света»

из содержащегося в воздухе углекислого газа. Другой грот был монохромно синим и сплошь «засаженным» разнообразными солями меди, которые произрастали инкрустациями и фесто-нами всех оттенков синего — от бледнейшей небесной лазури до глубочайшего ультрамарина и индиго. На полу прозрачная синева мешалась с зеленым и серым, в бездне которых вид-нелись силуэты анемонов оттенков оксидированного желе-за, хромированного серебра и медно-аммиачного цианурата. Пол этот во всех отношениях напоминал воду, только плот-нее; по его поверхности плавали гигантские лилии: огромные зеленые изумрудные листья с чашечками из жемчугов не ме-нее двенадцати футов в диаметре и венчиками из золота, на-столько чистого, что оно отливало зеленым, с платиновыми пестиками, увенчанными крупными трепещущими рубина-ми цвета голубиной крови. Еще один грот, целиком из метал-ла, представлял собой жасминовую беседку с полами из фи-алок. Эти создания мудрости развивались по иным законам, нежели растения, животные или даже кристаллы: они росли по закону самой Земли. Пока планета приближалась к Солнцу, они разрастались; когда Земля уходила в афелий, они с тою же готовностью съеживались. То были даже не рост и увяда-ние, но как бы вздымание и опадание вечно дышащей груди. Возможно, по этой причине — в числе прочих — Атлас пре-небрегал представителями высших царств Природы; они научились расти, но в неверном направлении, и пытаться испра-вить эту ошибку было уже слишком поздно.

Большую часть времени атланты работали в этих садах. Едва ли возможно было пройти из одного места в другое, не натол-кнувшись при этом на один из них, — так хитро были они раз-бросаны. И в каждом саду обнаруживались группы работаю-щих, благородных и радостных, поглощенных любимым заня-тием. Любой прохожий с охотой мог присоединиться к таким партиям, работать с ними, пока ему того желалось, а затем от-правиться по своим делам. В тех же самых садах стояли подно-сы и кубки, всегда полные *Зро*, и после работы освежающий отдых способствовал новому возвращению к трудам.

Об этих садовых работах рассказывали престранные сказ-ки. Говорили, что к предающимся отдыху жителям явля-лись инкубы и суккубы (какова бы ни была их природа, а я

в любом случае не намерен спорить с мнением Синистрари¹⁾ и что они с радостью их принимали. Еще более темные предания говорят о постыдных сношениях и соитиях с демонами скверными и злыми и настаивают, что вся сила Атласа была от дьявола, а постигшая его катастрофа — приговором Господа. Средневековые эти басни испорченного и извращенного фаллицизма так называемого христианства недостойны даже опровержения, ибо основаны они на гипотезах, противных всякому здравому смыслу. Разве снизошли бы те, кто почитал себя владыками Земли, до того, чтобы оскверниться и, более того, свести на нет всю свою работу соитием с низшими? Если бы в историях этих содержалась хоть какая-то истина, было бы куда правдоподобнее предположить, что атланты, тщась достичь Венеры, вызывали созданий с этой планеты, при том условии, что они могли отправиться к нам. А кто докажет, что это невозможно? Согласно теории магов, по мере приближения к Солнцу сила нарастает, и жители Земли сильнее проникаются магическим влиянием Нашей Звезды, нежели обитатели Марса и уж тем более — великого Юпитера, мрачного и вредоносного Сатурна, Урана или затерявшегося в звездных грезах Нептуна. Опять же, влияния каждой отдельно взятой планеты вполне могут — и даже должны — быть разнообразными. Если даже такая фундаментальная характеристика бытия, как величина ускорения свободного падения, варьируется в самых широких пределах, не должны ли и жители планет различаться и телом, и разумом? То, что живет на крошечной и лишенной воздуха Луне, не сможет обитать под пламенеющим покровом Солнца (что бы там ни скрывалось) с бьющими на сотни тысяч миль в эфир фонтанами водорода. И, уж конечно, столь безумных амбиций, как у атлантов, не встретишь у созданий, веками отличавшихся могуществом и мудростью, если б они не помнили со всей достоверностью, как пришли с Марса, и не были бы совершенно уверены в грядущем отбытии на Венеру. Человеку несвойственно упорствовать

1 *Синистрари*, Людовико Мария (1622—1701) — итальянский монах-францисканец, профессор теологии в Падуанском университете, консультант высшего трибунала инквизиции в Риме. Автор трактата «*De Daemonialitate*» («О демоничности»), посвященного вопросу о связях между человеком и демонами. Синистрари утверждал, что инкубы и суккубы — не падшие ангелы, а человекоподобные существа, обладающие чувствами и имеющие право на искупление своих грехов. — *Примеч. ред.*

в химерах дольше нескольких поколений. Алхимия достигла столь поразительных и столь благотворных для человечества в целом результатов — достаточно упомянуть хотя бы открытие цинка, сурьмы, водорода, опиума, газа как такового — что первоначальные идеалы сменились более ограниченными и практичными, или, по крайней мере, более быстроосуществимыми.

Не то чтобы эта точка зрения не подтверждалась некоторыми свидетельствами. «Нереальные и исполненные славы, лучи отца нашего Солнца, — говорит один из атласских поэтов, — пребывают в нас. Вызовем же их наружу изречением, которое не изречено, движением, которое не сделано, работой, что превышает всех работ, ибо велики они и славны, лучи отца нашего, Солнца. И тогда от невесты нашей, ожидающей в брачном покое, зеленой на зеленом Западе, синей на синем Востоке, вознесенной превышает Отца нашего ввечеру и поутру, произойдут наследники и воинства наши и восприветствуют нас во тьме. Тускло блистают сады наши в свете семени света; населены они тенями; принимают они форму; они — змеи, они — как деревья, они — как святой *Закра*, они — как все вещи прямые или изогнутые, крылаты они и чудесны. С нами трудятся они, и то, что было лишь одним, есть семь, а то, что было двумя, станет одиннадцатью! С нами работают они и дают нам испить напитка чудес; нас наставляют они в магии и кормят утонченной пищей. Вызовем же наружу тех, кто внутри нас, чтобы те, кто снаружи, могли войти внутрь, как было явлено Тем, кто творит тайное». Пассаж этот, не лишенный грубого витийства, проясняет те воззрения, которых придерживались в эзотерических кругах. Ибо в Атласе поэт не был, как в Англии, святым и возвышенным созданием, которого само его высокое призвание ставит в стороне от прочих; которое вознесено в сердцах людских на престол и обласкано королями и noble и которому никакие изливающиеся на него богатства и почести не чрезмерны, — но лишь одним из народа, не обладающим никаким особым влиянием. Каждый был художником уже в силу того, что он — человек; и каждый равно был им по природе своей, неважно имел ли при этом реальные достижения или нет. Творение Искусства ради Искусства, интерес создателя к своей работе умирал только вместе с работой. Но возможно, что приведенные выше слова — поэтическое

преувеличение, или что есть в них некий тайный смысл, или предназначены они для того, чтобы скрывать и уводить в сторону от истины, или же что поэт сам по себе не обладал полным знанием. Один лишь Высокий Дом со всей определенностью ведал все тайны Атласа, и маги его придерживались неоспоримой, хотя и довольно опасной доктрины, что истина и ложь любого постулата меняются, как день и ночь, в соответствии с состоянием того, кто внимает ему. Однако традиция, связанная с так называемым «Ангелом Венеры», столь сильна, что нуждается, по меньшей мере, в пристальном рассмотрении. Теория, по всей видимости, заключалась в том, что если бы маги Венеры пригласили атлантов к себе, средства к этому, несомненно, явились бы сами собой: так, если король хочет призвать к себе недужного паралитика, он посылает служителей своих, дабы те сопровождали и доставили гостя. Но независимо от того, являлся ли Ангел Венеры в действительности ангелом в современном смысле этого слова, или же то был всего лишь титул одного из верховных магов этой планеты, ясно, что Высокий Дом страстно алкал его присутствия. Проявиться оно могло бы в рождении ребенка, «не запятнанного Атлой», — по истине то был предел их желаний, внешний и зримый знак искупления, очевидная и явная гарантия реальности Достижения. Именно девственная Верховная Жрица обладала у них столь примечательной славой; следует ли считать это просто поэтической метафорой абиогенеза (если мы вправе назвать его именно так) одиннадцатой стадии *Зро* — это уже другой вопрос, и он остается открытым. Как бы то ни было, такова традиция, и многочисленные пародии на нее сохранились и до наших дней в историях о рождении Ромула и Рема, Вакха, Будды и прочих легендарных героев нашего времени; эхо их слышится в мифах даже таких варварских земель, как Сирия.

Вот так-то — и ни слова больше о Подземных Садах Атласа и о сношениях атлантов с обитателями Венеры.

О БРАКЕ И ИНЫХ ЛЮБОПЫТНЫХ ОБЫЧАЯХ АТЛАНТОВ; А ТАКЖЕ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ БОГАМ

Я уже упоминал о том уникальном понимании супружеского долга, которое противопоставляет обычаи Атласа обычаям любой другой расы Земли. Но соображения, на которых оно зиждется, еще ждут обсуждения. Я не сторонник того циничного и грубого подхода, приверженцы которого могли бы усмотреть в сегодняшнем английском браке практическое претворение позиции атлантов. Напротив, брак в Атласе породил высочайшие идеалы. Он напоминал «герметический брак» некоторых алхимиков. Связь между сторонами в отсутствии низшей своей составляющей становилась лишь крепче. Стоящая за нею идея представляла собою частное применение той общей предпосылки, что все естественное непременно нужно превзойти. Как станет ясно из последней главы, верным знаком успеха в Великой Работе считался выход за пределы сексуального процесса. Однако же узы брака не воспринимались исключительно негативно. Была у них и положительная сторона, весьма напоминавшая так называемую христианскую доктрину о Христе и церкви. Муж и жена обязаны были являться друг другу отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой, учителем и учеником и, сверх того, еще и товарищами. И отношения эти должны были существовать на всех планах. Иероглифом любви был крест; иероглифом брака — параллельные прямые, и если трансценденцией креста был круг, то линиям суждено было пересечься — но не здесь, на Земле, а на Венере. До того же каждый из партнеров жил своей собственной свободной жизнью; и часто бывало так, что женщина, родив мужчине двоих детей и выйдя за него замуж, рождала детей еще и другому, и еще, и так — пару столетий, обзаводясь тем самым целой когортой мужей. Такое положение дел неизбежно должно было приводить к ужасной путанице, имея сюда какое-то отношение вопросы наследства и собственности, но этих прискорбных явлений в Атласе вовсе не знали. Какую важность могли они иметь там, где каждому доступно все, что

душа пожелает? Действительно, в социальной структуре присутствовало некоторое разделение по труду (хотя и весьма незначительное), но никому и в голову не приходило считать, скажем, надзор за рабами более почетным, чем принесение великих жертв. В совершенном организме каждая часть столь же почтенна и необходима, как и любая другая, и никто, будучи в своем уме, не станет полагать иначе. Ибо у совершенного организма имеется определенная цель, и позор тому перу на стреле, что торчит не на своем месте. Природа человеческая есть то, что она есть, но, тем не менее, приходится согласиться, что эта безграничная удовлетворенность всеми сторонами заведенного порядка (не считая того, что цель установления этого порядка еще не была достигнута) объяснялась необычайной легкостью трудового бремени, возложенного на каждого индивидуума. Но невозможно рабам понять человека свободного. Для англичан всегда удивительно, что человек может целиком посвятить себя неустанному труду ради некоего идеала. Его называют чудачком, бесчестно чернят, действиям его безо всяких на то оснований приписывают самые низменные мотивы; его осмеивают, преследуют и, возможно, даже распинают. До некоторой степени им можно это простить, ибо английская филантропия почти неизбежно скрывает под собою мошенничество и порок.

Церемония заключения брака¹ у атлантов была проста, величественна, но и не лишена трогательности. В присутствии всего своего дома влюбленные в последний раз публично заключали друг друга в объятия. Двое их детей затем насильно расталкивали их. Воздев скрещенные и соединенные в замок руки, новобрачные пропускали между собою детей, перед которыми жрец и жрица несли, держа меж собою, священнейший из образов. Затем они расходились в стороны, и каждого многократно поздравляли и обнимали все, кто желал, а после жрец и жрица, превознося святой образ и поместив его в сообразное ему святилище, закрывали церемонию повелением «К работе!», подкрепляя его собственным примером.

¹ Существовала еще разновидность брака для тех магов, которые отвергали любые соития с противоположным полом, и, как следствие, заключали союз со всем полом в целом как таковым. В этом случае никакой церемонии не было, но каждый обладал особым знаком, подразумевающим, что он или она прошли посвящение такого рода. — *Примеч. А. Кроули.*

Еще одну важную область, в которой представления атлантов были полностью противоположны нашим, составляло детское образование. Оно полностью прекращалось в возрасте полового созревания, который иногда наступал рано — в шесть лет, но никогда не позже четырнадцати. В случае такой долгой проволоочки виновника в насмешку венчали квадратной черной шапкой, иногда еще украшенной кисточкой, и отсылали к рабам наставлять их в религии и тому подобных отраслях знания с воспрещением когда-либо возвращаться на Атлас. Именно так невежество и предрассудки равнин поддерживались на должной высоте.

Метод обучения поистине был примечателен. Некоторые из атлантов, сделавшие это своей профессией, влагали детям в руки разнообразные предметы и наблюдали, что те будут с ними делать. За несколько месяцев эксперты составляли точнейший профиль психологии ребенка и с тех пор руководили последним в полном с ним соответствии. Брачные обычаи атлантов не давали населению чересчур быстро расти, и потому нетрудно было обеспечить каждому ребенку достаточно внимания. Метод противоположностей также находил себе применение в образовании: естественные склонности ребенка постоянно стимулировались параллельными занятиями полностью противоположным им предметом. Кроме того, детям демонстрировали последовательности упорядоченных фактов и давали им объяснения. Не последнее внимание уделялось и тому, чтобы проверить, усвоило ли дитя эти наставления, запечатлевшиеся в его уме. Усилия разума, вынужденного постоянно извлекать свое содержимое из хранилищ подсознания, не наносили ему никакого вреда. Атланты обнаружили на практике, что каждое дитя выучивало все, что ему показывали, и что знания эти всегда находились в его распоряжении, а разум при этом не уставал и не подавлялся. Они также выяснили, что самой хорошей памятью обладали те, кто не сумел как следует развиваться на иных, более полезных для общества поприщах.

Самым особенным из всех их методов были поиски гениев. Этим занимались специалисты, уделявшие самое пристальное и благоговейное внимание всему, что делал ребенок, и всякий раз, оказавшись не в состоянии понять работу его ума, они приставляли к нему особого стражника, который делал

все от него зависящее, чтобы постичь дитя в достаточной мере и суметь помочь ему стать еще более непостижимым.

*Apud eos membrum virile membrano lucido erat; ob quod qualis circumcisio die nativitis facta erat. Vix credere dignum est, tanquam verum, feminarum montes venereales similitudine facies fuere, facies demoniacæ, sardonicæ, Satyricæ, cujus os erat os vulvæ, res horribilis atque ridiculose. Ferunt similia de virorum, quæ fingunt sicut imagines homonculorum fuere. Lege— Judica— Tace.*¹

У многих мужчин имелись окостеневшие лобные выросты, дораставшие до настоящих рогов; такие же образования иногда обнаруживались и у высших типов женщин. Оба пола носили покрытые причудливой резьбой головные уборы из золота; обладатели жреческого ранга украшали их живыми змеями, а верховные жрецы еще того пуще — перьями и крыльями, которые между тем представляли собою вовсе не останки дохлых птиц, но цветы, произрастающие из живого золота корон. Некоторые пережитки этой моды можно найти на изображениях египетских «богов», каковые боги были попросту атлантами, чьи миссионеры цивилизовали эту страну. Имена некоторых ранних богов это вполне подтверждают. Нун (евр. Ной) — у атлантов «свод», Зу (егип. Шу) — всякие идеи, связанные с ветром, Аси — «*сиппис quasi serpens*»², очевидно, имя действующей верховной жрицы. Ра — чисто атлантское обозначение солнца, а 'Мсе (египетский Хонсу) — луны. Идея 'Мсе — сильная женщина ('М), закрывающая пасть змею (С) или дракону, откуда и происходит XI-я карта цыганского Таро³, а также легенда, изложенная в Апокалипсисе⁴. В мистической греческой традиции, бывшей в ходу у гностиков, присутствуют сходные следы. ΣΟΦΙΑ происходит от звукосочетания SPh, содержащего идею «змеинового духа», то есть мудрости. ΙΑΟ есть Φαλλος, Κτεϊς,

1 «На мужском детородном члене имеется прозрачная плева, каковую ребенку обрезали в день его появления на свет. Что до женского холма Венеры, то ему — кажется невероятным, но истинная правда, — придавали подобие лица ужасного и, в то же время смешного, бесовского и злобного, как у сатира, коему ртом служило устье влагалища. Подобным же образом и на мужской орган наносили изображения гомункулов. Прочти! — Рассуди! — Молчи!» (лат.). — *Примеч. ред.*

2 «Женский половой орган, подобный змее» (лат.). — *Примеч. ред.*

3 Аркан XI, «Сила», в т. адиционных колодах Таро. — *Примеч. ред.*

4 Т.е., легенда о «жене, облеченной в солнце», и преследующем ее драконе (Откр. 12). — *Примеч. ред.*

Проктос¹. Слово ΛΟΓΟΣ означает мальчика (γ), естественным образом порождаемого Девой (λ) и змеем (σ). ΘΕΟΣ (основная буква которого, Θ, первоначально выглядела как ⊙) означает солнце в силе его, а также соединение Лингама и Йони. ΧΡΙΣΤΟΣ означает «страстная любовь Восходящего Солнца (ρ) и змея (Σ). I и T указывают на некоторые детали, не имеющие отношения к настоящей дискуссии. ΝΕΥΜΑ² (атлантское Ν Μ) — это «Свод Женщины». ΜΑΡΙΑ — Жена Солнца³; слова ΜΕΙΘΡΑΣ и ΑΒΡΑΧΑΣ, опять-таки, происходят из атлантского языка. «Жена вошла, Лингам, соединенный с Йони, рождает солнце из змеиноного ее лона» и «Из уст лона Солнце (взыскует) лона для желания своего, даже лона змеи» — так обозначался ход года, как его понимали древние. Представления о том, что каждой букве соответствует своя идея, придерживались очень строго; TΛA, черный, означало знак или метиону девственного лона, а ΙA (Привет тебе!) — «лицом к лицу» из-за еще одной особенности, о которой уже шла речь выше⁴. Этих нескольких примеров вполне достаточно, чтобы подчеркнуть уникальный характер языка⁵ и то, каким образом его сущностные догматические символы были привнесены наследниками Атласа в сокровеннейшие святилища народов, которые они сочли достойными подобной помощи.

Не должно мне обойти молчанием вопрос о жертвоприношениях богам, о которых уже было замечено вскользь. Жертвы эти были не то чтобы очень частыми; жертвами становились «неудачники», то есть те, кто был бесполезен для социальной экономики⁶. Поскольку они представляли собой капитальную статью расхода, целью было хотя бы покрыть убытки, раз ни-

1 «Фаллос, вульва анус» (др.-греч.). — *Примеч. ред.*

2 «Мановение, живок» (др.-греч.). — *Примеч. ред.*

3 ΜΑΡ — атлантский (а также санскритский) корень, означающий «умирать». Это слово проливает свет на то, как атланты понимали смерть. — *Примеч. А. Кроули.*

4 Т.е., в вышеприведенном латинском абзаце. — *Примеч. ред.*

5 Обратите внимание, что никакие тавтологии не пятнают его лингвистические рамки. «Как я уже писал» нигде не меняется на «как уже было замечено, подмечено, сказано, указано, отмечено, показано» и т.д. — *Примеч. А. Кроули.*

6 Я вынужден на мгновение вернуться к языку. ΟΙΚ, ср. греческое *Ὀικιας*, означало «Дом вторгающихся мужчин». ΝΟΜ, ср. греческое *Νομος* [«закон»], — «свод Дома Женщин», то есть то, что дает им приют или защиту. Отсюда и «закон». — *Примеч. А. Кроули.*

какой выгоды от них ожидать не приходилось. Поэтому жертв предавали в руки верховного жреца или жрицы, который и исторгал у них жизнь посредством инструмента, специально для того придуманного и идеально приспособленного к своему назначению, так что жертва умирала от истощения. Забранная таким образом жизнь отдавалась «богам» столь сложным образом, что описать его в этом кратком отчете нет никакой возможности.

Раннее наступление половой зрелости объяснялось тщательным планированием. Нормальный период вынашивания также сокращался до четырех месяцев. Все это было частью плана по экономии времени. Со старостью было практически покончено благодаря величайшей готовности атлантов «пойти посмотреть» при первых же признаках увядания сил. Без сомнений, они добились бы и дальнейших усовершенствований, если бы не утрата интереса к этому вопросу: деторождение стало рассматриваться как «старый эксперимент», вряд ли способный окупить затраты на дальнейшие исследования. Из двухсот или трехсот лет пребывания человека в полной силе всего лишь восемь в среднем тратилось впустую на детство, но даже и они не пропадали вовсе втуне, ибо экспертам требовалось некоторое время на обнаружение и упражнение склонностей ума. Тело, как следствие, полагалось рассматривать как машину, теоретический предел эффективности которой уже достигнут.

Вот столько и не более скажу я об обычаях атлантов в отношении брака, образования и религиозных жертвоприношений.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОБ ИСТОРИИ АТЛАСА ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ЕЕ КОРНЕЙ ДО ПЕРИОДА, НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРЕДШЕСТВОВАВШЕГО КАТАСТРОФЕ

Происхождение Атласа затеряно во тьме времен. Официальное религиозное объяснение заключается в следующем: «Мы пришли через воды (под водами) на живую Атлу»: оно, конечно, благочестиво, но невероятно. В нем, однако,

следует подозревать мистический смысл. Светский историк скажет: «Мы прибыли, спасаясь от уничтожения; нас было восемь человек на корабле, везшем живой *Зро*». Это напоминает одну из более поздних легенд, предположительно равной степени достоверности. Поэты откровенно заявляют: «Мы сошли с небес», — в связи с чем некоторые совершенно серьезно настаивают, что вышеупомянутые мореплаватели, несомненно, должны были предпочесть равнинам горы. Такое объяснение приходится отменить как противное природе. Другие утверждают, что первые поселенцы прибыли «по воздуху» или «на воздухе». Это должно подразумевать воздушные шары или аэропланы, так как искусство полета стало известно лишь много столетий спустя. Определенно ясно лишь то, что первые поселенцы были чисто военным народом. Гомер атлантов, Ило, описал первую в истории битву в таких подробностях, словно хотел не оставить ни малейших сомнений, что он пересказывает истинные факты — это примечательно контрастирует с ранними его работами. Первоначально, судя по всему, на остров прибыла лишь горстка атлантов, если только известные нам имена не были именами одних лишь вождей, но последнему предположению противоречат внутренние свидетельства. Доблесть их, вероятно, была поистине выдающейся. Местное население было вооружено всевозможными орудиями точного боя, имело в изобилии и кавалерию, и артиллерию, равно как и оружие, скорее всего, настолько же превосходившее современные ружья (если только Ило не преувеличивает), насколько эти последние — аркебузы. Невзирая на это люди Атласа «побили их палочками» или «пали на них с колбочками» и разбили наголову. Это упоминание палочек и колбочек вызвало у комментаторов абсурдные предположения, будто бы атланты пустили в ход глаза и загипнотизировали врага. Повторять за ними подобное — значит, обречь автора на презрение всех здравомыслящих людей. Всего состоялось восемьдесят шесть битв, растянувшихся на пять лет; затем местные жители были вынуждены запросить мира. Его даровали им на весьма щедрых условиях, которые колонисты нарушили, как только на это осмелились — в соответствии с обычной практикой всех колонистов, тогдашних и сегодняшних. Впрочем, все это случилось не менее чем за сто лет до основания первой магической коллегии. До тех

пор Атлу переносили с места на место по мере надобности. Теперь же ее водрузили с подобающими случаю церемониями на гору. Около трехсот лет спустя мы уже сталкиваемся лицом к лицу с первой Великой Тайной Атласа. Вот перевод летописного свидетельства об этом престранном событии:

И случилось так, что все люди почернели и умерли, и обитала живая Атла в одиночестве, рождая Меркурий — из чего, одно Солнце знает. Так пришли снова истинные мужи Атласа и их жены, рождая богов и богинь. И пустота была незыблема, и земля пребывала в мире. И тогда воистину возникло Искусство, и люди строили, но были слепы. И был свет, и шрам света стал причиной зла. И тогда мудрые уничтожили их своей магией, и о том нет ничего в летописях, ибо записано оно в том, что существует ныне.

Видимо, тут применимо изречение «*Si monumentum quaeris, circumspice*»¹. В любом случае, между древними битвами первых поселенцев, периодом великих строений и современным периодом (оказавшимся вполне стабильным) «домов» пролегло по меньшей мере две непереходимые пропасти. Возникновение «домов» стало возможным исключительно благодаря разработке *Зро*, что до некоторой степени помогает прояснить датировку. Следующие две с половиной тысячи лет были заняты мирным прогрессом; заводы работали без сучка без задоринки; а следующей вехой стало открытие черного фосфора. Был у атлантов обычай подносить Атле огни, и огни эти представляли собою свечи из желтого фосфора в золотых футлярах. Атла в те времена оставалась сокрытой. На одном весеннем празднестве покровы ее загорелись, огни погасли, а желтый фосфор в них, как потом выяснилось, превратился в черный порошок. Маги изучили его и с его помощью перевели *Зро* на девятую стадию. Это произвело настоящую революцию: больше не стало ни старости, ни болезней, а смерть сделалась добровольной. И, как ни странно, это же и привело непосредственно к Великому Заговору.

¹ «Ты ищешь монумента — погляди вокруг» (лат.).

В конце этого двухполовинотысячелетнего периода система «домов» уже устоялась. «Домов» уже было около четырехсот, и в каждом из них — в среднем по тысяче душ. Ими правили четыре «дома домов», чьи властители получали приказания непосредственно из Высокого Дома, который возглавляла живая Атла. Явным принципом развития Атласа была революция; и, как все порождения революций, он неминуемо должен был принять жесткую форму автократии. Демократия всегда пропитана консерватизмом. Единственная надежда — в том, чтобы застичь ее в одно из присущих ей мгновений дикого энтузиазма и сокрушить, прежде чем у нее достанет времени восстановиться. И Цезарь, и Наполеон поступали так по мере сил; Кромвель и Порфирио Диас¹ делали то же, хотя и в куда более узких рамках.

Затем некий софист — ибо философом его не назовешь — попытался сформулировать магический закон о том, что существующий стандарт жизни есть предел желаний; что дальнейший прогресс вредоносен; что Венера не стоит того, чтобы туда стремиться и что все усилия магов должны быть направлены на то, чтобы сохранить положение вещей как оно есть. Тот факт, что подобная пропозиция могла приниматься за «закон», не вызывает доверия ни к автору ее, ни к сторонникам. И, однако же, последних у нее нашлось немало. Девятая стадия *Зро* стала скачком, рассчитанным на возмущение самого спокойного из умов. Она разбила в пух и прах самые сладкие грезы отъявленных оптимистов. Поэты сложили свои стилеты². Верховные Жрецы, проводившие десятилетия в исполненных надежды экспериментах, увидели свои мечты воплощенными совершенно иным способом. Короче говоря, две трети населения заразились этой ересью и надеялись, что ее провозгласят Законом Магии.

Здесь необходимо объяснить, что каждый очередной Магический Закон становился и главным законом практической работы, и в результате поддерживающая его школа обретала

¹ *Порфирио Диас* (Хосе де ла Крус Порфирио Диас Мори, 1830—1915) — мексиканский государственный и политический деятель, в течение 35 лет (с двумя небольшими перерывами) занимавший пост президента страны. Фактически установил диктатуру путем устранения соперников и манипуляций с голосами избирателей. — *Примеч. ред.*

² Острые, как иголки, кинжалы из *Зро* седьмой стадии, использовавшиеся для того, чтобы писать на каменных стенах Атласа. — *Примеч. А. Кроули.*

особое значение. Каждый доминирующий закон на всем протяжении истории рано или поздно сбрасывался со счетов новым открытием, связанным со *Зро*, или каким-то иным практически важным вопросом, подобно тому как «Мир с честью» — боевой клич Дизраэли — потопили расчеты, показавшие, во что обойдутся боевые корабли, солдаты и патриотизм. Каждая следующая стадия *Зро* приводила к возвышению новой школы. На это же надеялся и вышеупомянутый софист, но закон, который он желал утвердить, был законом рабских рас.

«Закон», как полагается, отослали в Высокий Дом на одобрение. Можно было предвидеть некоторое сопротивление, но никто не был готов к крошечной тьме неприятия, что излилась оттуда, обращая сердца в лед. Ответа не последовало во все, чего никогда раньше не случалось. Более того, прекратилось даже нормальное сообщение. Дома, поддерживавшие инновацию, — а было их триста тридцать три — собрали совет, пришли к выводу, что бесполезно идти против Высокого Дома и были готовы уже уступить, когда женщина, некогда побывавшая в присутствии «Ей», встала и страстно подумала: «Живая Атла — глава нашего заговора». Иными словами, это они были лоялистами, а бунтовщиками — как раз маги Высокого Дома. Вот почему они откололись — их собственная глава оказалась против них. Было мгновенно решено идти в Высокий Дом и требовать ареста «Ей». Однако по мере приближения к цели остатки древней почтительности чуть было не запутали даже самых главных зачинщиков (могу упомянуть, что пятеро из каждых шести еретиков были женщинами), когда их глазам предстала непреклонная фаланга магов, «голова» которой направлена была прямо им в центр. Они дрогнули, но какая-то женщина крикнула: «Они всего лишь люди, такие же, как мы». Порядки сомкнулись; со всех сторон армия окружила крошечную фалангу, в которой всего-то и было что пятьдесят шесть душ в общей сложности. Именно тогда истина и открылась. Прежде чем был нанесен хоть один удар, нападающие испарились; уничтожение было мгновенным и полным. С того момента стало понятно, что правящая сила в Атласе представляет собою Нечто¹ бес-

¹ Вопрос этот обсуждению не подлежит. Даже по истечении стольких лет пускаться в рассуждения по этому поводу было бы слишком опасно. — *Примеч. А. Кроули.*

конечно более ужасное, чем сама живая Атла. Дабы избежать любого возможного повторения подобной напасти — ибо маги Высокого Дома знали, что любая манифестация Высшего неизбежно разрушает работу целых веков, — они объявили, что стали слишком ужасны, чтобы на них можно было смотреть, и с тех пор появлялись под тяжелыми покрывалами или, скорее, масками, которые владельцы их в часы досуга украшали фантастической резьбой, по большей части собственноручно. Дальнейшие изменения произошли в системе правительства. Глава одного из «домов домов» был провозглашен верховным: Высокий Дом более не принимал никакого участия в государственных делах. Так Атла была во всех отношениях низложена, хотя ей, как и раньше, оказывали почтение и приносили прежние жертвы. Выражаясь современным языком, она превратилась в «конституционного монарха».

Следующая тысяча лет ознаменовалась суровыми испытаниями и в других отношениях. Труд по восстановлению популяции был избыточно тяжким, и случился бунт или, скорее, забастовка рабских рас, которая закончилась заменой тех плодов земли, которыми они питались до сих пор, «хлебом небесным»; эта диета оказалась настолько подходящей к их природе, что никаких проблем с рабочими больше никогда не возникало.

Греческие легенды о сражениях между богами, гигантами, титанами суть воспоминания о настоящей войне или последовательности войн, продолжавшихся с перерывами более двухсот лет. Враг до небывалой степени развил морское вооружение. Он ставил перед собою такие задачи:

1. Истребить рабские расы и тем самым воспрепятствовать производству *Зро*.
2. Напасть на Высокий Дом и разрушить его.

Поначалу неприятелю сопутствовал большой успех. Они атаковали плавучие камни снарядами, и те тонули. Происходило это преимущественно на внешних островах, где враг не слишком боялся нападать крупными силами. Кроме того, он насылал разнообразные эпидемии. В результате Атлас был до такой степени ослаблен, что противнику удалось захватить водные пути и предпринять штурм Высокого Дома.

Бомбардировка длилась день и ночь целые месяцы. Из-за неверного понимания известного магического закона атланты в то время искренне полагали, что не имеют права пользоваться для защиты ничем, кроме палочек и колбочек своих протцов, которые, увы, оказались бесполезны против военной машинерии и против нападающих, столь хитроумно защищенных фортификациями, что к ним невозможно было подобраться ни с какой стороны. Подобные акулам вражеские субмарины оказались совершенно неуязвимыми. Таким образом, война поначалу была сплошь «в одни ворота». Но некий молодой маг, решивший, буде возникнет в том нужда, умереть за свою страну, сумел ответить ударом на удар. Он обнаружил, что *Зро* в стадии возникновения (то есть, между шарами) обладал способностью вызывать эндотермическую реакцию, в результате которой морская вода, к примеру, разлагалась на каустическую соду и соляную кислоту; и что полученная таким способом кислота в тысячи раз более активна, чем в обычном своем состоянии. Каменная чаша, в которой он проводил свой первый эксперимент, растворилась со скоростью масла под струей кипятка. Тогда он изготовил некоторое количество парных шаров и под покровом ночи бросил их в море поблизости от субмарин противника. Так за одну ночь ему удалось уничтожить корпуса почти всего вражеского флота; на заре остатки в панике бежали. На следующий год, они, однако, вернулись и стали предпринимать исключительно дневные набеги, задавшись целью стереть с лица земли заводы по производству *Зро*. Молодого мага вознаградили за службу, преподнеся его Атле, и его пример вдохновил и других на поиски способов дать отпор захватчикам. Тогда изобрели искусственную тьму и стали применять ее в сочетании с вышеуказанным методом, но это начинание увенчалось лишь частичным успехом, так как невероятная скорость «акул» позволяла им избегать любых угрожающих «облаков». Атласу был причинен огромный ущерб, и запасы *Зро* оказались серьезнейшим образом урезаны. Далее дела обернулись еще хуже и увенчались атакой на Высокий Дом. Осаждающая сторона окружила свои корабли горящими плотами, так что напасть на них стало невозможно даже ночью. Именно тогда Высокий Дом воззвал к героизму своих сынов. Вооруженные длинными мечами из *Зро*, они кинулись

в море — чтобы найти гибель в зубах Жиин-Жу, но не ранее, чем вражеские корабли были изрублены ими в щепки. Горящие плоты лишь способствовали шторму, указывая пловцам их жертв. Нападение на Высокий Дом помогло Атласу, наконец, воспрять. Тотчас было спланировано и проведено с немедленным и полным успехом ответное вторжение, враг истреблен, а страна его — не просто опустошена, но и совершенно уничтожена при помощи искусственно вызванного землетрясения. Но поскольку любые успехи такого рода носят временный характер, в качестве меры предосторожности Высокий Дом подняли на вершину горы, о которой уже шла речь ранее, а из «домов» специально был выбран один для развития искусства войны; на него возложили обязанность уничтожать любое живое существо, приблизившееся к Атласу на расстояние сотни миль.

Осталось рассказать лишь об одном происшествии, имеющем историческую важность. То была попытка нескольких глупых атлантов основать «империю» и таким образом полностью отмежеваться от миссионерской деятельности, о которой уже прежде говорилось. Первое поселение в Атласе — как бывает со всеми здоровыми колониями — устроили несколько стойких первопроходцев, укрепивших его в неуклонном развитии. Но затем, сиюминутно помрачившись умом, Атлас в бессмысленной попытке установить чуждое иностранное господство излил кровь и богатства свои на земли, совершенно не приспособленные к гению атлантов. Идея, разумеется, заключалась в том, чтобы увеличить приток рабочей силы и как следствие выработку сырого *Зро*. Начать с того, что авантюра оказалась дорогостоящей. Было крайне неэкономно (в научном смысле этого слова) посылать корабли менее чем с тысячей бойцов. Требующееся для этого количество *Зро* подразумевало труд по меньшей мере семи тысяч рабов, и кораблестроительство потому приняло колоссальные масштабы. И хотя завоевание страны как таковое не представляло особых трудностей, местных жителей приходилось почти полностью уничтожать, а заставлять оставшихся трудиться было нелегко. Но даже и тогда труд рабов, искони обитавших у подножия Атласа, оставался в десять раз более эффективным. Более того, ввозимые рабы подхватывали местные болезни и умирали сотнями; и хотя благодаря обильным жертвоприношениям

Восточно-Африканская империя протянула еще почти двести лет, ей тоже пришел конец, не менее бесславный, чем французской авантюре в Мексике или английской — в Индии, Египте и Южной Африке¹.

Основной причиной стала невозможность выводить и воспитывать детей и даже поддерживать численность женщин в столь неподходящем климате, но, самое главное, сырой *Зро* и близко не мог сравниться качеством с тем, который получали на Атласе, а *Зро*, вырабатываемый самими атлантами, невозможно было производить за пределами их родной страны. Урок был усвоен. До самого конца атланты не предпринимали больше никаких попыток двинуться ни в каком направлении, кроме истинного. Подавляющее большинство колонистов вернулось на Атлас; но многие, дегенерировав, как это всегда бывает с колонистами-завоевателями, отказались от *Зро* в пользу грубой и низменной пищи, переженились на местных и опустились еще ниже, до расы, уступающей даже нынешним потомкам тех, кто когда-то был равен рабам Атласа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О КАТАСТРОФЕ; О ТОМ, ЧТО ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАЛО, И ЕЕ ВЕРОЯТНЫХ ПРИЧИНАХ

Рассказывая выше о *Зро*, я уже дал необходимые, хотя и довольно расплывчатые разъяснения о свойствах этого примечательного вещества. Сейчас нужно дополнительно подчеркнуть, что сырой *Зро* во всех девяти своих формах, производившийся рабами и потреблявшийся «домами», на каждой стадии был ниже по качеству, чем та же самая стадия, производившаяся атлантами и потреблявшаяся Высоким Домом. Сырой *Зро* получали на заводах, принимая все возможные меры изоляции.

¹ Я пишу, немножко — хотя и совсем чуть-чуть — опережая события. Дабы проиллюстрировать заявленную здесь теорию, я попрошу читателя сравнить результаты колонизации Америки а) всей военной мощью Испании в зените ее славы и б) горсткой изгнанников, прибывших на «Мэйфлауэре». — *Примеч. А. Кроули.*

Жреческий же *Зро* первой стадии можно было изготовить когда и где угодно, после чего естественным образом и без дальнейших предосторожностей направить его в специально для этой цели предназначенный приемник. Полагаю, не требует пояснений, что *Зро*, производившийся в Высоком Доме, был еще более чистым и сильнодействующим. В магических экспериментах использовалась лишь небольшая его толика, в связи с чем возникает вопрос о поистине невероятных его количествах, порожденных многими веками непрерывного труда. У меня, однако, нет на сей счет никаких данных: тайны Высокого Дома всегда оставались нерушимы и не были открыты Наследникам Атласа в полной мере. Магам новой расы предстоит раскрыть их заново. Вполне возможно, что в той или иной форме *Зро* удалось сделать стабильным и начинить им колонну, предположительно «пронзившую землю» (скорее всего — и куда менее маловероятно — всего лишь на глубину нескольких сотен миль). Колонна эта, какой бы длины она на самом деле ни была, вершиной своей располагалась, несомненно, прямо под резервуаром Высокого Дома. Закончена она была лет за семьдесят до «катастрофы», но никаких попыток использовать ее по назначению, видимо, не предпринималось. Лично мне видится, что «катастрофа» зрела в некоем уме, и одной частью плана была именно колонна, а другой — то самое событие, к описанию которого я сейчас приступаю.

Событием этим стало рождение ребенка в Высоком Доме — ребенка, лишенного отличительного знака дочерей Атласа. То, что там вообще родился хоть какой-то ребенок, уже само по себе настолько невероятно, что я поневоле склонен заподозрить неверное употребление слова «рождение». Думаю, скорее, кто-то из магов перевел *Зро* на одиннадцатую стадию, когда он обретает человеческую форму и жизнь! Другая теория предполагает вмешательство «Ангела Венеры», о котором говорилось в главе о подземных садах Атласа. Сторонники этой гипотезы утверждают, что ребенок был рожден не жрицей, а самой живой Атлой.

Как бы то ни было, вся страна ударилась в неистовое веселье. Работать стали с невиданной прежде скоростью: можно даже сказать, всех охватило трудовое помешательство. Так продолжалось одиннадцать лет без перерыва, а затем безо всякого

предупреждения поступил приказ всем явиться в Высокий Дом — каждому мужчине, женщине и ребенку Атласа. Что именно там произошло, мне неизвестно, и гадать я не дерзну; но в тот же самый день семеро добровольцев, героически отвергших награду за столько столетий изнурительного труда, семеро добровольных изгнанников на ущербную планету, Наследников Атласа, отвратили лице свое от Высокого Дома и порознь устремились к дальним горам, чтобы хранить каждый свою долю Тайн Святого Народа и в должное время отыскать и воспитать пригодных для этого детей прочих рас земных, дабы в один прекрасный день другие семеро смогли принять такую же миссию, как та, что ныне подошла к концу.

Едва пик Атласа растворился в морской дали у них за спиною, как случилась «катастрофа». Высокий Дом и колонна под ним, со всем населением Атласа, прянули из земли с неистовством миллиона молний, породив зеленый ореол, что вспыхнул на Западе, затмевая закат.

И мгновенно Земля, покинутая богом, скорчилась в муках. Море ринулось в оставленную колонной бездну, и в тысяче сотрясений Атлас с его «домами» и равнинами был навек поглощен океаном. Приливная волна прокатилась по всему миру; великие потопы сносили деревни и города; землю трясло, ярились бури; смятение воцарилось повсюду. Годы и годы после катастрофы трепет этого события вселял ужас в сердца человечества¹. Вечные волны великой матери катятся с тех пор над Атласом, омывая иссохшие пики, простертые Землею в агонии,— голые мачты кораблекрушения, отмечающие место, где некогда царил утраченный континент. И, пощадив лишь наследников, из чьих преемников я имею высочайшую честь быть самым младшим и наименее достойным, над землями Атласа и народом его сомкнулось забвение, словно та последняя ночь, в пучине которой навеки угаснет солнце.

Ужель такие высокие цели не заслуживают подражания? Ужель подобные достижения не станут нам примером, не вдохновят на сходные устремления? Пусть тогда Земля падет с престола своего небесного, и человеческий род навек будет отлучен от Солнца! Люди Земли! Ищите наследников Атласа;

¹ Это событие и послужило источником легенды о потопе. — *Примеч. А. Кроули.*

пусть они построят вас в фалангу, пусть созиждут вас в пирамиду, что достанет вершиной до ожидающих вас высот, дабы основать новую династию атлантов, коя станет опорой и движущей силой Земли; первопроходцев собственного своего пути в небо, к владыке нашему и Отцу, Солнцу! И положит он руку свою под стегно свое и поклянется в том.

Во имя неизреченной ...тлы и святого *Зро* поклянется он в том и войдет в тело новой Атлы, живой на земле.

ЛУННОЕ ДИТЯ

Примечание автора:

Книга эта была написана в 1917 году в свободное время, остававшееся от попыток вовлечь Америку в войну на нашей стороне. Отсюда и мои иллюзии на эту тему, и то, как печально ведет себя в конце Саймон Ифф. Нужно ли добавлять, что, как то, без сомнения, демонстрирует и сама книга, все люди и события в ней — чистой воды выдумка расстроенного воображения?

Алистер Кроули
Лондон, 1929 г.

КИТАЙСКОЕ БОЖЕСТВО

Лондон, что в Англии, столичный город Британской империи, расположен на берегах Темзы. Вряд ли факты эти были незнакомы Джеймсу Эбботу Макнилу Уистлеру¹, шотландскому джентльмену, урожденному американцу, проживающему в Париже, однако совершенно очевидно, что он их в грош не ставил. Ибо он без лишнего шума приступил к собственным исследованиям и открыл еще один факт, до сих пор никому в глаза не бросавшийся, а именно — что город сей весьма красив ночью. Уистлер был насквозь пропитан фольклором шотландских горцев, и, соответственно, Лондон предстает на его полотнах окутанным нежной дымкой мистической красоты, волшебной сказкой утонченности и ностальгии.

Но тут мойры выказали свою пристрастность, ведь Лондону куда больше пристало быть написанным Гойей. Он чудовищен и безобразен, а вся загадочность его — не от мечтательных раздумий, а от тайно плетущихся козней. И все эти истины очевидны, прежде всего, тому, кто понимает, что сердце Лондона — это Черинг-Кросс².

Ибо старый Кросс, центр города даже с формально географической точки зрения, остается таковым и в географии духовной. Стрэнд устремляется с грохотом к Флит-стрит и, как следствие, к Ладгейт-хиллу, увенчанному собором Святого Павла; Уайтхолл несется к Вестминстерскому аббатству и Парламенту. Трафальгарская площадь, стерегущая с третьей стороны, до некоторой степени защищает его от банальностей Пикадилли и Пэлл-Мэлла с их георгианской поддельной лепниной — не соперники они историческому величию наших религиозных монументов, ведь Трафальгар и вправду сделал

¹ Уистлер, Джеймс Эббот Макнил (1834—1903) — знаменитый англо-американский художник, предшественник импрессионистов и символистов. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

² Черинг-Кросс — место пересечения трех лондонских улиц (Стрэнда, Уайтхолл-стрит и Кокспер-стрит), расположенное сразу к югу от Трафальгарской площади. Здесь же расположен одноименный железнодорожный вокзал, открытый в 1864 г. у. — *Примеч. ред.*

нам историю; стоит, впрочем, заметить, что Нельсон на своей колонне старательно устремляет взор к Темзе. Ибо река — подлинная жизнь города, аорта того великого сердца, коему Лондон и Вестминстер служат желудочками. Сверх того, станция Черинг-Кросс — единственный по-настоящему столичный вокзал. Юстон, Сент-Панкрас и Кингс-Кросс просто-напросто отправят вас в провинцию, может быть, даже в дикую Шотландию, и поныне столь же голую и бесприютную, как во времена доктора Джонсона¹; Виктория и Паддингтон зимою обслуживают театры Брайтона и Борнмута, а леотм — Мейденхеда и Хенли. Ливерпуль-стрит и Фенчерч-стрит — не более чем пригородные клоаки; Ватерлоо — мрачное преддверие к Уокингу; Большой Центральный — «идея», завезенная (в виде названия и всего прочего) прямиком с Бродвея предприимчивым железнодорожным барнумом² по имени Йеркс³; никто с него никуда не ездит, разве что на гольф в Сэнди-Лодж. Если и есть в Лондоне другие вокзалы, я о них забыл — очевидное доказательство их незначительности.

Но Черинг-Кросс старше самого норманнского завоевания. Здесь Цезарь погнушался авансами Боадичей⁴, специально приехавшей на вокзал встретиться с ним; отсюда святой Августин изрек свое знаменитое: «*Non Agli, sed angeli*»⁵.

Но погодите! Нет никакой нужды преувеличивать. Ведь Черинг-Кросс — и впрямь настоящая ниточка к Европе, а, следовательно, и к истории. Он сознает свое величие и судьбу; станционные служители никогда не забывают сказку о короле Альфреде и пирожках⁶ и слишком уж погружены в свои раздумья — кто знает, о чем? — чтобы уделять внимание нуждам без

1 Джонсон, Сэмюэл (1709—1784) — знаменитый английский лексикограф, критик и поэт эпохи Просвещения, чье имя стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века. — *Примеч. ред.*

2 Барнум — здесь: имя нарицательное, в честь Финеаса Тейлора Барнума (1810—1891), организатора знаменитого американского цирка. — *Примеч. ред.*

3 Йеркс, Чарльз (1837—1905) — американский финансист, развивал сети транспортного сообщения в Чикаго и Лондоне. — *Примеч. ред.*

4 Боадичья (Боудикка, ум. 61 г. н.э.) — королева бриттского племени, возглавившая неудачное восстание против римского господства в Британии. — *Примеч. ред.*

5 «Не англы, но ангелы» (лат.).

6 «... о короле Альфреде и пирожках»: имеется в виду популярная легенда XII века о том, как англосаксонский король Альфред Великий (848/849 — 899) попросил убежища в доме одной крестьянки; та, не узнав короля, поставила

пяти минут путешественников. Скорость движения поездов принорована к таковой римских легионов: три мили в час. И, разумеется, они всегда опаздывают — в честь бессмертного фавиевского «*qui cunctando restituit rem*»¹.

Этот вокзал окутан незапамятной тьмой: именно здесь, в одном из залов ожидания Джеймс Томсон замыслил свой «Город ужасной ночи»². Но все равно это сердце Лондона, быющее чистым вождением к Парижу. Тот, кто отправляется в Париж с Виктории, никогда его не достигнет! Вместо него он найдет город *demi-mondaine*³ и туристов.

Но Лавиния Кинг⁴ решила прибыть именно на Черинг-Кросс вовсе не из уважения к этим фактам и даже не повинаясь инстинкту. На свой особенный, эзотерический лад она была знаменитейшей в мире танцовщицей; в Лондоне она намеревалась воспарить на одном изящном пальчике, исполнить один беспечный пируэт и немедленно упорхнуть в Петербург. О нет, причина тому, чтобы спешиться именно на Черинг-Кросс, не имела ни малейшего отношения ни к единому из вышперечисленных фактов. Спросите ее сами, и она ответит вам со своей оригинальной улыбкой, застрахованной на семьдесят пять тысяч долларов, что оттуда ближе всего до отеля «Савой».

Итак, той октябрьской ночью, когда Лондон буквально орал в лицо любому поэту об ужасе и жалости к себе, Лавиния Кинг настезь распахнула окна своего люкса, ибо погода стояла жаркая не по сезону. Ей было все равно, что они выходили на исторические сады Темпла; излюбленный лондонскими самоубийцами мост, темной громадой высившийся за ярко освещенным полотном железной дороги, тоже оставил ее равнодушной.

его следить за пирожками в печи, но Альфред отвлекся, задумавшись о государственных проблемах, и пирожки сгорели. — *Примеч. ред.*

1 «...промедлением восстановил [нам] государство» (лат.). Часть знаменитого изречения Квинта Энния о римском диктаторе Квинте Фабии Максиме Веррукозе (ок. 280—203 гг. до н.э.), прозванном Кунктатором (Медлителем), «*Unus homo nobis cunctando restituit rem*» — «Один человек промедлением восстановил нам государство».

2 «Город ужасной ночи» — посвященное Лондону и выдержанное в крайне мрачных красках стихотворение шотландского поэта Джеймса Томсона (1834—1882).

3 «Дам полусвета» (фр.).

4 Прототип этого персонажа — американская танцовщица Айседора Дункан (1877—1927), основоположница свободного танца. — *Примеч. ред.*

Она просто-напросто соскучилась в обществе своей подруги и постоянной наперсницы, Лизы Ла Джуффрии¹, вот уже двадцать три часа безостановочно праздновавшей свой день рождения. На Биг-Бене пробило одиннадцать.

Как раз сейчас Лизе в восьмой раз за день предсказывали ее судьбу. Занималась этим дама, столь дородная и столь закован-ная в корсеты, что любой специалист по высоковольтным веществам испытал бы невольное искушение зашвырнуть ее по-дальше в сады Темпла, пока не поздно, и столь пьяная, что какой-нибудь лектор общества борьбы за трезвость с радостью выставил бы за нее бочку с виноградным соком равного веса.

Дама звалась Эми Броу; карты она толковала с неколебимой верой в силу повторенья, которое, как известно, мать ученья.

— Подарков на день рождения у тебя будет, конечно, тринадцать, — сказала она в сто тринадцатый раз. — А это означает смерть в семье. Потом вот еще письмо о поездке и что-то на-счет брюнета и большого дома. Он очень высокий, брюнет, и еще тебе светит путешествие — что-то связанное с письмом. Да, девять и три будет двенадцать и еще один — тринадцать: у тебя точно будет тринадцать подарков.

— Но у меня их только двенадцать, — пожаловалась Лиза, которая устала, маялась скукой и в настроении пребывала сварливым.

— Да брось, — вставила Лавиния от окна, — у тебя еще целый час впереди.

— Я вижу что-то про большой дом, — гнула свое Эми Броу. — Думаю, это какие-то скорые новости.

— Это поразительно! — вскричала Лиза, внезапно пробудившись. — Вот это самое значил мой вчерашний сон, тот ясновидящий прямо так и сказал! Это совершенно чудесно! Только вообразите, бывают люди, которые не верят в ясновидение!

— Дайте мне персик! — раздался из глубин кресла исполненный бесконечной печали вздох.

¹ Прототип этого персонажа — Мэри Дести Стерджес (1871—1931), компаньонка Айседоры Дункан и возлюбленная Кроули в 1911—1912 гг., ставшая его ученицей под именем Сестры *Vigakam* и сыгравшая важную роль в создании первых частей «Книги Четыре» (см.: Алистер Кроули. *Книга Четыре*. М.: Ганга, Телема, 2009). — *Примеч. ред.*

Глухой и резкий голос этот вырывался из недр длиннолицего синешекого американца¹, самым неуместным образом облаченного в греческое платье и даже сандалии. Непросто отыскать философские основания для неприязни к сочетанию подобного костюма с выраженным чикагским акцентом, но ничего не поделаешь. То был брат Лавинии, и одеяния его имели рекламные цели и были частью своего рода семейной забавы. Как он сам бы доверительно объяснил, платье заставляло окружающих считать его дураком, ему же давало возможность благополучно обчищать карманы жертв, пребывающих в этом блаженном заблуждении.

— Кто тут говорит про персики? — встрепенулся еще один спящий красавец, юный еврейский художник, обладатель сверхъестественных способностей к наблюдению².

Лавиния Кинг проследовала от окна к столу, который занимали четыре громадные серебряные чаши. В трех были лучшие цветы, какие только можно купить в Лондоне, — дань аборигенов ее таланту; четвертая до краев наполнилась персиками по четыре шиллинга за штуку. Один она швырнула брату, другой — Рыцарю Серебряного Карандаша.

— Не могу понять этого Валета Палиц, — нудила Эми Броу. — Это точно что-то про большой дом!

Блауштейн, который художник, зарылся лицом и тяжелыми выпуклыми линзами очков в персик.

— Да, милочка, — продолжала Эми, икнув. — Будет у тебя поездка, связанная с письмом. Девять и один — десять и еще три, тринадцать. Ты получишь еще один подарок, душечка, это так же верно, как то, что я сию тут перед тобой.

— Что, правда? — спросила, зевая, Лиза.

— Чтоб мне руку со стола не снять!

— Прекратите! — воскликнула Лавиния. — Я отправляюсь спать!

— Если ты пойдешь спать в мой день рождения, я с тобой больше никогда не стану разговаривать!

¹ Прототип этого персонажа — Раймонд Дункан (1874—1966), брат Айседоры Дункан, драматический актер, декламатор, режиссер и художественный критик, участник спектаклей Айседоры Дункан, основатель школы искусства движения в Дармштадте (Германия). — *Примеч. ред.*

² Прототип этого персонажа — английский художник Уильям Ротенштейн (1872—1945).

— Ох, давайте чем-нибудь займемся! — изрек Блауштейн, который никогда ничем не занимался, кроме рисования.

— Спой что-нибудь! — предложил брат, выкидывая персиковую косточку и снова устраиваясь на ночлег.

Биг-Бен отбил половину. О, Биг-Бен слишком велик, чтобы обращать хоть какое-то внимание на дела земные. Смена династий — и та ничто в молодой его жизни!

— Входите же, ради всего святого! — крикнула Лавиния, чутким ухом уловившая легкий стук в дверь.

Она надеялась на что-нибудь захватывающее, но, увы, там оказался всего-навсего ее ручной пианист¹, мертвецки-бледная личность с манерами спятившего гробовщика, моралью профессиональной подсадной утки и, к тому же, воображающий себя епископом.

— Пришел пожелать тебе долгих счастливых лет, — обратился он к Лизе, поприветствовав все собрание в целом, — и еще я хотел представить моего друга, Сирила Грея².

Собрание удивилось. Лишь после этих слов оно заметило второго джентльмена, оказавшегося в комнате незримо и неслышимо для всех. Был он высок и тонок, почти как пианист, но обладал при этом примечательным свойством не привлекать к себе внимания. Будучи, наконец, увиден, он поступил самым наиприличнейшим образом: улыбка, поклон, формальное рукопожатие и правильные слова приветствия. Но как только церемония завершилась, он буквально исчез с глаз! Беседа приобрела общий характер; Эми Броу уснула, Блауштейн удалился, за ним Арнольд Кинг, пианист встал с тою же самой целью и оглянулся в поисках друга. Лишь тогда все узрели его сидящим со скрещенными ногами на полу: на компанию он не обращал совершенно никакого внимания.

Эффект открытия был поистине гипнотическим. Только что этот случайный гость был для всей компании ничем — но тут немедленно стал буквально всем. Даже Лавиния Кинг, утомленная миром еще в тридцать, а теперь насчитавшая сорок три, обнаружила для себя что-то новое. Она устремилась

¹ Прототип этого персонажа — музыкант Энер Скин, аккомпаниатор Айседоры Дункан. — *Примеч. ред.*

² Прототип этого персонажа — сам Алистер Кроули в молодости. — *Примеч. ред.*

взор на это безучастное лицо. Квадратная челюсть, все поверхности прелюбопытно плоские; рот мал — маковый лепесток цвета киновари и чрезвычайно чувственный. Нос тоже невелик и кругл, но тонок, и вся жизнь лица, кажется, сосредоточена в ноздрах. Глаза небольшие, с блуждающим взглядом и выражением странно вызывающим. Хохолок непокорных волос на лбу вздымался, словно одинокая сосна на склоне горы — за этим исключением джентльмен был абсолютно лыс или, вернее, начисто выбрит, ибо скальп его был серого цвета. Череп при этом отличался выдающейся узостью и продолговатостью.

И снова она взглянула ему в глаза: взгляд их параллельным курсом уходил в бесконечность. Зрачки — величиной с булавоочную головку. Было ясно, что он ничего в комнате не видит. Тщеславие танцовщицы тут же пришло ей на выручку; она встала перед неподвижной фигурой и отвесила ей шутовской реверанс. С тем же успехом она могла поклониться каменной статуе.

Тут к своему удивлению она обнаружила на плече руку Лизы. Потрясение мешалось в глазах ее подруги с благоговением. Далее Лавинию бесцеремонно отпихнули в сторону. Обернувшись, она узрела Лизу, припавшую к полу супротив посетителя и впившуюся взглядом ему в глаза. Он же, судя по всему, пребывал в полнейшем неведении о происходящем.

Внезапный и беспричинный гнев затопил Лавинию Кинг. Она ухватила своего пианиста за локоть и увлекла его к дивану у окна.

Молва винила Лавинию в чрезмерной близости с музыкантом, а молва далеко не всегда лжет. Вот и сейчас она воспользовалась ситуацией, чтобы погладить его. Моне-Кнотт — ибо таково было его имя — принял ее поступок совершенно как должное. Страсть ее питала сразу и его кошелек, и самолюбие, а будучи лишен всякого темперамента (вот он, тип постного волокиты!), он вполне подходил танцовщице, которая вольна была найти себе более умелого любовника по своим понятиям. Создание это не способно было даже возбудить ревность в финансировавшем ее богатом автопромышленнике.

Но сегодня вечером мысли ее были заняты не им: они непрерывно возвращались к сидящему на полу человеку.

— Кто он такой? — прошипела она довольно яростно. — Как ты там сказал его зовут?

— Сирил Грей,— индифферентно отвечал ей Моне-Кнотт. — Он, вероятно, величайший в Англии человек — в своем искусстве.

— И что это за искусство?

— Никто не знает. — Ответ был поистине удивителен. — Он ничего не показывает. Он — одна сплошная лондонская тайна.

— В жизни не слышала подобной чепухи,— злобно отрезала танцовщица. — И вообще я из Миссури!

— В смысле, ты должен мне показать,— пояснила она уставившемуся на нее пианисту. — По мне, так он выглядит как Одно Сплошное Надувательство.

Моне-Кнотт пожал плечами; развивать эту тему ему было явно неинтересно.

Внезапно Биг-Бен прозвонил полночь, вернув комнату к привычной нормальности. Сирил Грей развернул свои кольца, как пробудившаяся после полугодовой спячки змея; миг — и перед ними снова предстал обходительный джентльмен, весь поклоны и улыбки. Он поблагодарил мисс Кинг за очень приятный вечер; лишь соображения позднего времени могли заставить его расстаться со столь...

— Приходите еще! — саркастически заметила на это Лавиния. — Нечасто удается насладиться такой чудесной беседой.

— День рожденья кончился — простонала с пола Лиза,— а тринадцатого подарка и нету.

— Это точно про большой дом,— встряла Эми Броу, наполовину проснувшись, и вдруг замолчала, сконфузившись непонятно почему.

— Я всегда дома, когда пора пить чай,— сказала внезапно Лиза Сирилу.

Он жеманно улыбнулся, склоняясь над ее рукой. Прежде чем они успели опомниться, он, расточая поклоны, ускользнул.

Три женщины переглянулись. Лавиния Кинг неожиданно разразилась хохотом. Спектакль этот был груб и ненатурален, и по каким-то своим причинам подруга ее решила обидеться. Она ринулась в спальню и захлопнула за собою дверь.

Лавиния, почти настолько же раздосадованная, удалилась в комнату напротив и позвала горничную. Полчаса спустя она

уже крепко спала. Отправившись наутро навестить подругу, она нашла ее на постели, все еще одетую, осунувшуюся и с покрасневшими глазами. Ночь она провела без сна. Эми Броу, напротив, все еще почивала в кресле. Разбуженная, она лишь пробормотала:

— Там в письме определенно было про поездку... — после чего внезапно встряхнулась и, ни слова не говоря, отбыла по месту работы — на Бонд-стрит, где служила представительницей одного из крупных парижских домов по пошиву платья.

Лавинии Кинг было невдомек, как оно так получилось; она даже вряд ли осознала, что дело тут не совсем чисто, но в тот день она вдруг поняла, как крепко и неразрывно привязана к своему автомиллионеру.

Итак, Лиза осталась в апартаментах одна. Она сидела на кушетке, уставясь большими глазами, такими живыми и черными, в распахнувшуюся перед ней вечность. Черные же волосы обвивали голову, коса над косой; смуглая кожа мерцала, полные губы неостановимо шевелились.

Когда дверь без предупреждения распахнулась, она во все не удивилась. Сирил Грей ловко и незаметно прикрыл ее за собой. Зачарованная, Лиза не могла встать, даже чтобы поздороваться. Он же приблизился к ней, ухватил обеими руками за горло, запрокинул голову и, взяв ее губы зубами, укусил их — да почти прокусил, насквозь! То был единственный его прямой и умышленный поступок: он тут же выпустил ее, уселся рядом на кушетку и отпустил какое-то тривиальное замечание о погоде. В ужасе и изумлении Лиза глядела на него. Он не замечал, отворив плотину светской болтовни — театры, политика, литература, самые свежие новости искусства.

Когда в дверь постучала горничная, Лиза уже пришла в себя достаточно, чтобы велеть подать чай.

К концу чаепития — еще одна попытка светской беседой — она приняла, наконец, решение или, вернее говоря, осознала свое положение. Она знала, что уже принадлежит этому мужчине телом и душой. Остатки стыда бесследно испарились: их выжег огонь, пожиривший ее изнутри. Тысячу шансов дала она визитеру. Она с боями пыталась вернуть разговор к вещам серьезным. Он же расстраивал все ее атаки неизменной пустой улыбочкой и ловким языком, любую тему завивавшим

в банальность. К шести часам Лиза уже фактически стояла пред ним на коленях. Она умоляла его остаться к ужину; он отказался. У него был назначен ужин с мисс Баджер с Чейн-уок. Возможно, он позвонит ей по телефону попозже, если вдруг рано освободится. Она просила его отговориться от ужина с мисс; он отвечал — и в первый раз со всей серьезностью, — что никогда не нарушает данного слова.

И вот он встал, чтобы откланяться. Она повисла на нем. Он изобразил смущение. Она превратилась в тигрицу; он изобразил невинность со все той же пустой улыбкой.

Он взглянул на часы. Манера его молниеносно изменилась. — Я позвоню позднее, если смогу, — промолвил он с бархатной жестокостью и отшвырнул ее от себя на софу.

Он ушел. Она лежала на подушках и пыталась выплакать сердце из груди.

Остаток вечера оказался сущим кошмаром — не только для нее, но и для Лавинии Кинг.

Пианиста, заглянувшего к ним в надежде на ужин, выгнали прочь со строгим выговором. С какой стати он притащил с собой этого невежу, это животное, этого идиота? Эми Броу, напротив, уловили за пухлые запястья и снова засадили за карты, однако после первого же «большого дома» самолично выставили из помещения. Наконец Лавиния была приведена в совершеннейшее изумление Лизиним заявлением, что она, Лиза, не пойдет смотреть, как Лавиния танцует, — между прочим, единственное лондонское представление в этом сезоне! Это уже ни в какие ворота не лезло. Стоило ей, совершенно выведенной из себя, уйти, как Лиза набросила шаль, чтобы бежать ей вслед, но, не пройдя и полпути по коридору, передумала.

Буря нерешительности раздирала ее. Пробивший одиннадцать Биг-Бен застал ее лежащей на полу в полном изнеможении. Мгновение спустя зазвонил телефон. Это был Сирил Грей — конечно, кто же еще?

— Когда вы будете дома? — спрашивал он. Ненавистная бледная улыбка так и стояла у нее перед глазами, словно она знала ее всю жизнь.

— Никогда! — отвечала она. — Завтра я первым же поездом уезжаю в Париж.

— Тогда мне лучше прийти немедленно,— голос его был смертельно бесстрастен, а то она уже повесила бы трубку.

— Вы не можете прийти сейчас, я не одета!

— В таком случае, когда же мне прийти? — о, она была ужасна, эта антиномия настойчивости, приправленная задушенным зевком.

Всякая храбрость отставила ее.

— Когда пожелаете,— пробормотала она. Трубка выпала у нее из рук, но одно слово она еще успела поймать, и слово это было «такси».

Наутро она проснулась в полумертвом виде. Он приходил и ушел — он не сказал ни единого слова, даже не намекнул, что придет снова. Она сказала горничной собирать чемоданы в Париж. Но нет, она не могла уехать. Вместо этого она заболела; истерия перетекла в неврастению, но Лиза знала, знала: одно-единственное слово может ее исцелить.

Слово так и не пришло. Случайно она услышала, что Сирил Грей играет в гольф в Хойлэйке, и испытала безумный порыв немедленно ехать к нему, и другой — свести счеты с жизнью.

Но Лавиния Кинг, осознав много дней спустя, что что-то не так,— много дней спустя, ибо мысли ее редко простирались за пределы собственных талантов и развлечений,— наконец увезла ее в Париж. Лиза была нужна ей: кто-то же, в конце концов, должен играть компаньонку?

Через три дня по прибытии Лиза получила почтовую открытку. На ней не было ничего, кроме адреса и вопросительного знака. Никакой подписи; почерк был ей совершенно незнаком; но она знала... Она схватила шляпу, меха и кинулась вниз по лестнице. Колесница ждала ее у дверей. Через десять минут она уже стучалась в двери ателье Сирила.

Он отворил.

Объятия ждали ее, но она уже была на полу, целуя его ноги.

— Мое китайское божество! Мое китайское божество! — рыдала она.

— Разрешите мне,— со всей серьезностью изрек Сирил,— представить вам моего друга и начальника, мистера Саймона Иффа¹.

¹ Этот персонаж — идеализированный автопортрет Кроули в зрелые годы. Первоначально имя «Саймон Ифф» получил герой его детективных

Лиза подняла глаза. Перед нею стоял мужчина, очень старый, но живой и проворный. В смущении она кое-как поднялась на ноги.

— Никакой я не начальник, — сердечно сказал ей старик, — ибо начальствует над нами, очевидным образом, Китайское Божество. Я же просто изучаю китайскую философию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИРОДЫ ДУШИ

— Между китайской философией и английской разница невелика (не считая нашей западной утонченности), — заметил Сирил Грей. — Китайцы закапывают человека живьем в муравейник; англичане знакомят его с женщиной.

Он явно не шутил. Лиза Ла Джуффрия так от этого удивилась, что почти пришла в себя. И начала понемногу оценивать окружающую обстановку.

Сам Сирил Грей радикальным образом изменился. В модном Лондоне он щеголял в костюме цвета кларета с невероятных размеров серой бабочкой, прятаншей мягкий шелковый воротник. В богемном Париже облачение его отличалось дьявольской клерикальностью и формализмом. Сюртук, туго застегнутый на все пуговицы, доставал аж до колен; вырез его был столь же строг, сколь и изыскан. Хладнокровно-серые брюки; завязанный свободным узлом галстук, стянутый вокруг высокого, бескомпромиссного воротника сапфировым кабошоном, таким темным, что едва можно было разглядеть; монокль без оправы вставлен в правый глаз. Самая манера его изменилась под стать платью. Всякая надменность испарилась, а вместе с нею и улыбка. Он мог бы выступить дипломатом в эпоху кризиса империи или, еще того паче, дуэлянтом.

Ателье, в котором оказалась Лиза, располагалось на бульваре Араго ниже тюрьмы Санте. С проезжей улицы к ней вела

рассказов — математик, мастер спорта по шахматам, масон и мистик, расследующий преступления на основе принципов психологии и Закона Телемы.

арка, открывавшаяся на продолговатый клочок сада. За ним угнездилась шеренга ателье, а еще дальше — снова садики, по одному на каждое; из них калитки вели в маленький переулочек. Тут было не просто уединенно — тут было совсем как в деревне, словно милях в десяти за границами города.

Само ателье выглядело строгим и элегантным — *simplex munditiis*¹. Стены его скрывали блеклые драпри. Посреди комнаты красовался квадратный резной стол из черного дерева; с запада ему соответствовал такой же буфет, а с востока — письменный стол.

Вкруг центрального стола стояли четыре стула с высокими готическими спинками; на севере — диван, укрытый шкурою полярного медведя. Пол тоже пестрел мехами, но на сей раз черных медведей из Гималаев. На столе возвышался бирманский дракон темной зеленой бронзы. Из пасти его тянулся дым благовоний.

Однако самым странным в этой странной комнате был Саймон Ифф. Лиза о нем, конечно, слыхала и прежде: он был известен трудами по мистицизму и давно уже заработал репутацию чудака. Впрочем, в последние несколько лет он применял свои способности более понятным обывателю способом. Именно он спас профессора Бриггса и попутно Англию, когда сей гений был обвинен в убийстве и приговорен к смерти, — сам профессор был слишком занят теорией своей новой летательной машины, чтобы заметить, что благодарные сограждане вот-вот его повесят. Именно Ифф раскрыл еще с дюжину таинственных преступлений при помощи, кажется, одной лишь чистой способности анализировать людские умы. Публика в итоге решила пересмотреть свое о нем мнение; более того, она даже начала читать его книги. Однако автор их оставался невыразимо таинственным. Он имел обыкновение исчезать на долгое время; ходили даже слухи, что он владеет эликсиром жизни. Ибо хотя ему совершенно доподлинно было уже за восемьдесят, деятельность его и ум сделали бы честь сорокалетнему. Жизненная сила, пронизывавшая самое его существо, горящий в глазах огонь, стремительный лаконизм ума говорили о внутренней энергии почти сверхчеловеческого порядка.

1 Свободный от украшательства (лат.).

Роста он был невысокого и одет беззаботно в синий саржевый костюм с узким темно-красным галстуком. Седые, как сталь, волосы непокорно вились; лицо, хотя и испещренное морщинами, отличалось здоровьем и чистотой; небольшой рот являл собой живой венок улыбок. Весь его облик излучал глубокое и заразительное счастье.

Лизу он приветствовал более чем сердечно. После слов Сирила он дружелюбно взял ее за руку и усадил на диван.

— Уверен, вы курите,— промолвил он. — Не обращайтесь на Сирила внимания! Попробуйте вот это. Они от личного поставщика хидива¹.

Он вытащил из кармана колоссальных размеров портсигар. В одной его половине были длинные партагас², в другой — сигареты.

— Вот эти, темные,— с ароматом мускуса. Желтоватые — амбра, а тонкие белые — розовый аттар³.

Лиза поколебалась, но потом выбрала амбру. Старик счастливо рассмеялся:

— Верный выбор: прямо Срединный Путь! Теперь я знаю, что мы с вами станем друзьями.

Он зажег ей сигарету, а себе — сигару.

— Я знаю, о чем вы думаете, моя милая юная леди: вы думаете, что двое — хорошая компания, а трое — уже нет. Я с вами совершенно согласен. Но мы все исправим и попросим Брата Сирила немного позаниматься своей каббалой. Прежде чем закопать его в муравейник — какой поразительный поворот мысли! — я хочу перемолвиться с вами словечком. Видите, милая, вы теперь одна из Нас.

— Я вас не понимаю,— процедила дева довольно сердито.

Сирил покорно удалился к письменному столу, вытащил из него громадный квадратный том и немедленно зарылся в него с головой.

1 *Хидив* (тур., перс. «владыка, князь») — сначала неофициальный, а затем официальный титул правителя Египта, с технической точки зрения являющегося вассалом Османской империи, в XIX и XX вв.

2 *Партагас* — марка кубинских сигар, основанная в 1845 году.

3 *Аттар* (араб. «аромат») — вязкое смолистое ароматическое вещество натурального происхождения, получаемое посредством экстракции эфирных масел в базовое масло, например, сандаловое. «Розовый аттар» часто служит синонимом эфирного масла розы.

— Брат Сирил рассказал мне о ваших трех беседах с ним, и потому я совершенно готов составить описание вашего разума. У вас железное здоровье, и, тем не менее, вы весьма истеричны; вас очаровывает и покоряет все странное и необычное, хотя миру вы хотите представить себя особой возвышенной, гордой и страстной. Вы нуждаетесь в любви, это истинная правда; до сих пор вы себя знаете, но знаете также и то, что обычная любовь вас не привлекает: вам подавай нечто уникальное, небывалое, экстравагантное. Однако вы, возможно, не понимаете, куда уходят корни этой страсти. Я вам скажу. Вы испытываете невыразимый голод души; вы презираете землю и ее заблуждения; и вы, сами того не сознавая, устремляетесь к высшей жизни — куда более высокой, чем может вам предложить эта планета.

— Я сообщу вам нечто — возможно оно убедит вас в моем праве говорить подобные вещи. Вы родились на свет одиннадцатого октября, так мне сказал Брат Сирил. Однако часа он мне не сказал — потому что его не сказали ему вы. А между тем случилось это незадолго до рассвета.

Лиза была ошеломлена: мистик угадал правильно!

— Орден, к которому я принадлежу, — продолжал Саймон Ифф, — ни во что не верит. Он знает, или он сомневается — иногда бывает и так. Но он всегда стремится к приращению знаний при помощи научного метода, то есть, наблюдая и экспериментируя. А потому не надо от меня ждать, что я удовлетворю вашу жажду, дав ответ на вопросы относительно существования Души. Я, однако, расскажу вам то, что знаю и могу доказать: прежде всего, какие гипотезы вообще достойны быть принятыми во внимание, и затем — какие эксперименты стоит попробовать осуществить. Ибо именно в этом последнем вопросе вы можете нам очень помочь; с этой целью я и прибыл из Сент-Жан-де-Люса¹ повидаться с вами.

Глаза у Лизы так я плясали от счастья.

— Известно ли вам, — вскричала она, — что вы — первый человек на земле, кто сумел меня понять?

— Давайте посмотрим, действительно ли я вас полностью понимаю. Я так мало знаю о вашей жизни. Вы,

¹ Сент-Жан-де-Люс — городок в юго-западной Франции на побережье Атлантики.

очевидным образом, наполовину итальянка; вторая половина, полагаю, — ирландская?

— Совершенно точно.

— Сами вы крестьянского происхождения, но воспитывались в более изысканной обстановке, и натура ваша развилась наилучшим возможным без специального руководства образом. Вы рано вышли замуж.

— О, да, но это была катастрофа. Я рассталась с мужем и вышла замуж снова два года спустя.

— За маркиза Ла Джуффрию?

— Да.

— Потом вы оставили его, хотя он был вполне хорошим мужем и к тому же преданным вам, и связали судьбу с Лавинией Кинг.

— Я прожила с нею пять лет с точностью почти до месяца.

— Но почему? Я знавал ее раньше сам и довольно хорошо. Даже в те дни она была бессердечной и продажной; настоящий паразит, худшая разновидность куртизанки, и, к тому же, невыносимая позерка. Да каждое сказанное ею слово должно было вызывать у вас отвращение. А вы между тем прилепились к ней крепче брата.

— Все это правда! Но она — такой возвышенный гений, величайшая артистка, какую видел мир.

— Гений у нее есть, — уточнил Саймон Ифф. — Ее танец — разновидность ангелической одержимости, с позволения сказать. Она слетает со сцены, только что переведя на язык танца тончайшую и духовнейшую музыку Шопена и Чайковского, и немедленно переходит к брани, лести и шантажу. Вы можете разумно объяснить мне этот факт, говоря о двух сторонах ее характера? Бросьте, это вздор. Единственная возможная аналогия — благородный мыслитель и его глупый, бесчестный и аморальный секретарь, который точно записывает сказанное ему под диктовку и предъявляет это миру. Последний, кого коснется несомое словами просветление — это сам секретарь! Так дело обстоит, по моему пониманию, со всеми гениями, но все же во многих случаях человек пребывает в более или менее осознанной гармонии со своим гением и непрестанно пытается улучшить себя как инструмент, достойный касания мастера. Умный человек или так называемый талант смещает

гений со сцены, водружая на его место собственную сознательную волю в качестве позитивной сущности. Истинно одаренный гением, в свою очередь, намеренно подчиняет себя, умаляется до негатива и предоставляет гению проявляться через него, как Тому будет угодно. Всем известно как глупы мы бываем, когда пытаемся делать что-то сами. Попробуйте заставить любой свой мускул работать с тем же постоянством, с каким сердце трудится само по себе, безо всякого вашего глупого вмешательства,— и вам не удастся поддерживать эту деятельность и сорок восемь часов. (Забыл, каковы в точности данные экспериментов, но не намного больше двадцати четырех.) Именно это — то бишь истина установленная и несомненная — и лежит в основе даосской доктрины недеяния: вы делаете все, а кажется, что не делаете ничего. Предайтесь целиком и полностью Воле Небес, и вы станете всемогущим инструментом этой самой воли. В большинстве мистических систем доктрина та же самая, но то, что она применима к действию, должным образом показали именно китайцы. Ничто доступное человеку не способно улучшить, усовершенствовать гений, но гению нужен человеческий разум, и он может расширить его, удобрить знанием всевозможного рода, отточить силу его экспрессии. Короче, предоставьте вашему гению оркестр, а не суйте оловянную дудку. Все наши великие малютки-деятели, все поэты одного стихотворения, художники одной картины просто не сумели сделать из себя совершенный инструмент. Гений, создавший «Сказание о старом мореходе», ничуть не менее возвышен, чем написавший «Бурю»¹; но Кольридж был почти неспособен уловить и выразить мысли своего гения — и найдется ли что-нибудь деревяннее того, что он писал, когда бывал в сознании? — в то время как Шекспир умел каким-то образом добыть знание, необходимое для выражения любых мыслимых гармоний, а техника его была достаточно легка и подвижна, чтобы описывать их без малейшего труда. И вот у нас два равных друг другу ангела, у одного из которых — хороший секретарь, а у другого — плохой. Думаю, таково единственное объяснение гения — и в крайнем случае, каковой представляет собою Лавиния Кинг, другие попросту невозможны.

¹ Имеются в виду поэт, критик и философ Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772—1834) и драматург и поэт Уильям Шекспир (1564—1616).

Лиза Ла Джуффрия внимала ему со все возрастающим изумлением и энтузиазмом.

— Я вовсе не хочу сказать,— продолжал мистик,— что гений и его художник связаны между собою неразрывно. Связь эта, может, чуть более тесна, чем между лошадью и всадником. Между ними должно быть какое-то различие, и вот вам тема для размышления: гений, по-видимому, обладает всей полнотой знания и просветления и ограничен единственно лишь способностями ума своего медиума. Но даже и они ему не препятствие — далеко не всегда: как часто можно лицезреть писателя, разинувшего рот при виде собственной работы! «Я никогда этого не знал!», — кричит он вне себя от удивления, хотя сам же минуту назад написал это ясным английским языком. Короче говоря, гений, судя по всему, является сущностью иного плана, душою светлой и бессмертной! Многие из сказанного, я знаю, можно было бы объяснить, предположив, что тот, кого я называю гением, есть телесная сущность, в которой под воздействием определенных стимулов может открыться сознание целого народа (именно в этот определенный период). Многие говорят в пользу такой точки зрения; сам язык подтверждает ее. Такие слова как «знать» и «гнозис»¹ суть лишь дальнейшее эхо того первичного крика, который означал порождение в самом его физическом смысле. Корень GAN означает «знать» лишь во вторую очередь, первоначальный его смысл — «рождать». Так же и «дух» значит всего лишь «дыхание»; «божественный» и большинство других слов того же смысла восходят просто к «сиянию». Одно из ограничений нашего разума: язык приковывает нас к примитивным представлениям наших диких предков. Нам нужно освободиться и выяснить, нет ли в эволюции языка чего-нибудь еще, кроме мартышкиных проделок метафизических абстракций; не были ли, проще говоря, люди правы, извратив, или, если хотите, усовершенствовав примитивные эти идеи; не является ли развитие языка признаком подлинного развития знания; и не может ли в конце концов все же найтись какого-нибудь достоверного свидетельства существования души.

— Душа! — радостно воскликнула Лиза. — Я верю в душу!

1 Англ. «to know», «gnosis».

— И совершенно напрасно! — возразил мистик. — Вера — враг знания. Скит¹ говорит, что «душа»², возможно, происходит от корня SU, «рождать».

— Говорите со мной попроще, вы то поднимаете меня в воздух, то швыряете снова оземь.

— Это потому, что вы пытаетесь строить, не заложив фундамента. Сейчас я попробую предъявить вам еще несколько — помимо гения, феномен которого мы уже обсудили, — добрых оснований считать, что душа существует, что она всеведуща и бессмертна. Не стану докучать вам сократовыми аргументами, ибо, хотя я состою в основанном им Хемлок-клубе³ и мне, возможно, не пристало так говорить, «Федон»⁴ — глупейшая софистика.

— Однако, — продолжал он, — я хочу сообщить вам один прелюбопытный медицинский факт. При некоторых формах безумия, когда рассудок уже давно покинул своего носителя, а последующие исследования показали очевидную дегенерацию мозга, случаются иногда мгновения совершеннейшей ясности, когда к человеку в полной мере возвращаются все его силы. Если бы сознание целиком зависело от физического состояния мозга, объяснить это было бы нелегко.

— Наука тоже начала открывать для себя тот факт, что бывают выходящие за пределы нормы ситуации, когда совершенно различные личности принимаются гоняться друг за другом внутри одного тела. Известно ли вам, в чем состоит главная трудность со спиритуализмом? Она в том, чтобы подтвердить личность усопшего. На практике получается, что, раз уж мы утратили чутье, на которое преимущественно полагаются те же собаки, судить о том, что человек — именно тот, за кого себя выдает, нам остается либо с опорой на антропометрические методы, которые вообще никакого отношения не имеют ни к разуму, ни к личности, либо по звуку его голоса, либо

1 Скит, Уолтер Уильям (1835—1912) — английский филолог, автор «Английского этимологического словаря».

2 Англ. «soul».

3 Англ. «hemlock» — болиголов или цикута, яд, при помощи которого Сократ покончил с собой.

4 «Федон» — один из известнейших диалогов Платона. В нем описывается попытка Сократа доказать ученикам бессмертие души и сцена его смерти от яда цикуты.

по почерку, либо, вот еще, по содержимому его ума. В случае с мертвецом доступен лишь последний способ. И тут-то мы с вами и оказываемся перед дилеммой. Либо «дух» говорит вам что-то такое, что он, как известно, знал при жизни, либо что-то еще. В первом случае это должен знать помимо него и кто-то другой, кто вполне мог сказать об этом медиуму; во втором же — это будет уже не подтверждение, а, скорее, опровержение личности!

— Предлагались разные способы избежать этого затруднения — например, запечатанное письмо, открывать которое надлежало лишь год спустя после смерти. Любой медиум, способный разгласить его содержание до истечения срока, может принимать поздравления критиков. Ни один до сих пор не преуспел, хотя успех означал бы тысячи фунтов в медиумический карман. Но даже и случись такое, доказательства выживания души все равно были бы зыбки. Ясновидение, телепатия, угадывание — альтернативных объяснений множество.

— Потом есть еще изощренный метод кросс-корреспонденции, но рассказом о нем я вас утомлять не стану. У Брата Сирила будет куча времени на беседы с вами в Неаполе.

Потрясенная Лиза даже выпрямилась на диване. Невзирая на весь интерес к предмету, мозг ее был уже сломлен; но последние слова мистика гальванизировали ее.

— Я все вам объясню после ленча, — успокоил ее тот, прикуривая третью пагату. — Я, меж тем, слегка отклонился от темы; вы были слишком вежливы, чтобы мне на это указать. Я хотел показать вам, как душа со слабой привязанностью к своему владельцу может быть изгнана другим, как с полдюжины личностей, поверьте, могут по очереди обитать в одном теле. То, что мы имеем дело с настоящими независимыми душами, наглядно демонстрирует тот факт, что разнится не только содержимое их сознания (что могло бы быть простым результатом притворства), но и почерки, и голоса, причем настолько, что это выходит за рамки всего, что мы знаем о сознательной — да и вообще о любой возможной — имитации.

— Эти личности — величины постоянные; они уходят и возвращаются в неизменном виде. Отсюда следует, что они существуют не просто в силу манифестации; тела им для бытия не нужно.

— И вы снова возвращаетесь к теории одержимости, как у гадаринских свиней',— вскричала Лиза, чрезвычайно довольная, хотя она вряд ли сумела бы объяснить, чем.

Тут в разговор впервые вмешался Сирил Грей. Он круто развернулся в своем кресле и громко прочистил горло, вставляя в глаз монокль.

— В наши дни,— сообщил он,— если демоны входят в свиней, они не рушатся с высокого обрыва. Они называют себя реформаторами морали и голосуют за сухой закон.

Он резко захлопнул рот, крутанул кресло обратно и снова погрузился в свою большую квадратную книгу.

— Надеюсь, вы понимаете,— заметил Саймон Ифф,— во что впутались?

— Вы попали в самую точку,— Лиза решила залиться сразу смехом и краской. — Я никак не пойму, как мне с ним разговаривать!

— Всегда только болтовня! — поделился Сирил Грей, не выныривая из книги. — Слова! Слова! Слова! Ужасно быть Гамлетом, когда Офелия — копия Полония. Она хочет знать, как со мной разговаривать! А я хочу научить ее молчать — как тот друг Катулла, что обратил своего дядю в статую Гарпократа².

— О, да! Гарпократа я знаю,— обрадовалась итало-ирландская дева. — Это египетский бог молчания!

Саймон Ифф одарил ее многозначительным взглядом; деве хватило мудрости вынуть ему. Есть темы, которые лучше не развивать.

— Знаете, мистер Ифф,— сказала Лиза, чтобы снять сгустившееся было напряжение,— мне было ужасно интересно все, о чем вы говорили; думаю, какую-то часть ваших слов я даже поняла. Но я не вижу никакого практического их применения. Вы желаете, чтобы я принимала послания от великих усопших?

¹ Марк. 1:1—16.

² Имеется в виду стихотворение Катулла:

Геллий слушал не раз, как дядя бранил постоянно Тех, кто играет в любовь или болтает о ней. Чтобы того ж избежать, он смело супружницу дяди Взял в обработку, и тот стал Гарпократом самим. Малый достиг своего: теперь он может и дядю. В дело пустить самого — тот и на это смолчит (пер. С.В. Шервинского).

Гарпократ — эллинизированное прочтение имени Хор-па-Хереду, в древнеегипетской мифологии ипостаси ора-младенца, изобразившейся с «локоном юности» и пальцем у губ и ошибочно считавшейся греками и римлянами богом молчания.

— Прямо сейчас,— возразил ей мистик,— я желаю, чтоб вы хорошенько переварили все, что услышали, а также *déjeuner*¹, который Брат Сирил намерен нам предложить. После этого мы сумеем куда лучше справиться с проблемой четвертого измерения.

— О мой бог! И бедняжка Лиза должна сделать все это, прежде чем узнает, почему вы оставили Сент-Жан-де-Люс?

— Все это и историю о гомункулусе в придачу!

— А это еще что такое?

— Сначала ленч!

Но оказалось, что до ленча им еще очень далеко. Дверной звонок бесцеремонно зазвонил.

Сирил Грей пошел к двери, и снова показался Лизе дуэлистом. О, нет! Это страж стоял там, у порога, и живое ее изображение успело сунуть ему копьё в руку.

Ателье явно принадлежало Сирилу, но объявил он своих гостей, словно был простым дворецким:

— Акбар-паша² и графиня Елена Мотич³!

Саймон Ифф прынул к двери. Ателье было явно не его, но он первым устремился навстречу посетителям с распростертыми объятиями.

— Раз уж вы преступили наш порог,— вскричал он,— уверен, вы останетесь к *déjeuner*.

Визитеры пробормотали что-то вежливо-утвердительное. Сирил Грей грозно насупился. Гости он очевидно знал и ненавидел, и страшился их прихода и подозревал... — кто знает, что? Он повиновался словам учителя молча и незамедлительно; но если бы молчание умело говорить, сейчас оно изрыгло бы проклятия.

1 «Обед» (фр.).

2 Прототип этого персонажа — Элайас-паша, отец турецкого авантюриста Вели-бея, в реальной жизни ставшего следующим после Кроули любовником Мэри Дести, а в романе фигурирующего под именем Абдул-бея. — *Примеч. ред.*

3 Прототип этого персонажа — польский медиум Станислава Томчик, «талант» которой был открыт исследователем парапсихических явлений Юлианом Охоровичем. Среди прочего, Станислава демонстрировала одержимость озорным духом маленькой девочки — «крошки Стаси». В 1919 году вышла замуж за Эверарда Фейлдинга, который фигурирует в романе под именем Энтони Боулинга. — *Примеч. ред.*

Руки он гостям не подал. Саймон Ифф подал, но таким ловким образом, что каждый из них вынужден был ответить одновременно с другим.

Лиза поднялась с дивана. Она явственно видела, что дело тут нечисто, но почему, понять не могла.

Когда новопривывшие уселись, выяснилось, что от нее ожидается потчевать их парижскими новостями. Получив, наконец, возможность отвлечься от мистических теорий, Лиза вздохнула с облегчением. Остальные предоставили ей полную свободу. Она трещала что-то о последних успехах Лавинии Кинг, когда заметила, что Сирил Грей успел тем временем накрыть стол. Циничный и резкий голос его внезапно ворвался в беседу.

— Я там был,— сказал он,— первый номер мне понравился. Фантазия «Умирающий дельфин» в си-бемоль была на редкость реалистична. Соната «Злоключения кружочка масла» меня как-то не тронула, но симфония Чайковского оказалась лучше всего: там была атмосфера; я сразу провалился в старые воспоминания: будто стою где-то на Юго-Восточной железной дороге и жду поезда.

— Она — самая поразительная в мире танцовщица! — Лиза аж вспыхнула от негодования.

— Истинно так,— отвечал ее любовник с преувеличенной тяжелой печалью. — Поразительная! Мой папа тоже говаривал, что в сорок она еще отлично отплясывала.

Ла Джуффрия раздула ноздри. Это чудовище злонамеренно похитило ее — поняла она внезапно и изготовилась к последней и решительной битве.

Но тут Саймон Ифф пригласил всех к столу.

— Садитесь, молю вас! — возгласил он. — Увы, день сегодня постный, и нет у нас ничего, кроме соленых рыб, хлебов и вина.

Лиза призадумалась, какой это сегодня мог быть постный день: на дворе явно не пятница. Паша скорчил недовольную рожу.

— А! — воскликнул Ифф, словно только что припомнил это. — Еще у нас есть икра.

— Я в самом деле не расположен *déjeuner*,— холодно отказался паша. — Я пришел лишь чтобы спросить вас, не затруднит ли устроить сеанс с графиней.

— С удовольствием! С удовольствием! — вскричал Ифф, и снова Лиза заметила, что он сидит будто бы настороже,

будто бы ощущая некую незримую, но смертельную опасность; а еще — что к гостям он питает отвращение, но готов меж тем сделать все, что они предложат. Так ее впервые посетило что-то вроде прозрения о природе «пути Дао».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕЛЕКИНЕЗ: А ИМЕННО, ИСКУССТВО ПЕРЕДВИГАТЬ ПРЕДМЕТЫ НА РАССТОЯНИИ

Графиня Мотич была куда знаменитее, чем большинство премьер-министров и имперских канцлеров. Ибо, к величайшему смятению так называемых мужей науки, эта дама обладала способностью заставлять мелкие предметы двигаться безо всякого зримого физического контакта. Первый эксперимент она проделала с подслеповатым старым джентльменом по фамилии Удович¹, который влюбился в нее со всей дряхлостью, на какую был способен. Кое-кто даже проглотил опубликованные результаты их совместных опытов. Если они кого-то и убедили, то не в меньшей степени напугали. Предполагалось, что графиня умеет собственной волей останавливать часы, открывать и закрывать двери, нимало к ним не приближаясь, и совершать прочие подвиги того же рода. Впрочем, покинув Профессора — а это она сделала, как только накопила достаточно денег, чтобы выйти замуж за желанного мужчину, — она умерила свой пыл. Сила, как ни странно это звучит, мгновенно оставила ее; теории, пытавшиеся связать эти два обстоятельства, были поистине многочисленны. Муж, однако, оказался ей неприятен; в гневе она бежала от него — и сила ее тут же вернулась! Большая и самая сенсационная часть подвигов осталась в прошлом, в старых, недобрых и безумных днях дикой и своевольной юности. Ныне графиня ограничивалась тем, что поднимала в воздух со стола

¹ Прототип этого персонажа — Юлиан Охорович (1850—1917), польский исследователь парапсихических явлений, приобретший в начале XX века международную известность. При помощи Станиславы Томчик проводил эксперименты с фотографированием духовных существ и телекинезом мелких предметов. — *Примеч. ред.*

небольшие легкие предметы вроде целлулоидных шариков, совершенно к ним не прикасаясь.

Когда Лиза поинтересовалась у Сирила, что делает дама, ему пришлось объяснить.

(Считалось, что английского графиня не знает. Впрочем, говорила она на нем не хуже любого из присутствующих.)

— Она двигает предметы,— сказал он. — Держит в руке пару волосинок и, когда мы устаем часами пялиться на ее глупости, эдак переплетает их в пальцах и, пожалуйста,— чудо из чудес! — шарик взмывает в воздух. У всех здравомыслящих людей это считается неоспоримым доказательством бессмертия души.

— И тебя это не раздражает? Попроси дать тебе проверить ход эксперимента и все такое!

— Ага! Шансов у меня будет, как у глухого — услышать ошибку в концерте у Касалса! Если она волоска не достанет, так вытащит нитку из шелкового чулка или из платья. А если ты приведешь слишком умных для нее людей, окажется, что «ах, сила сегодня вечером очень слаба», и она станет тянуть время в надежде усыпить твое внимание, а, возможно, и чтобы заставить тебя заплатить за попытку ей помешать!

Все это Грей произнес с выражением самой ужасной скуки: вся эта афера была ему явно ненавистна. Впрочем, другая часть его разума пребывала в тревожном беспокойстве; Лиза видела это, но спросить его о причинах не дерзала, а потому двинулась дальше по старой колее.

— А послания от мертвых она получает?

— Сейчас это уже не так популярно. Их слишком легко подделать, а богатые дураки в целом потеряли интерес. Эта новая игра щекочет тщеславие кое-каких фальшивых ученых вроде Ломброзо; они надеются сделать себе на ней репутацию почище ньютоновой. А между тем в науке они недостаточно подкованы, чтобы критиковать эксперимент на разумных основаниях. Бог мой, да мне милее твоя толстая подруга с ее большим домом и письмом про поездку!

— Ты хочешь сказать, что это все сплошное надувательство?

— Да нет. Тут ни за, ни против так просто не докажешь. Корпус доказательства будет по части спиритуалистов, а у них

¹ Касалс, Пабло (1876—1973) — великий испанский виолончелист и дирижер.

есть лишь два примера, достойных хоть какого-то внимания: миссис Пайпер¹, которая в жизни ничего поразительного не делала, и еще Евсапия Паладино².

— Ее разоблачили не так давно в Америке,— заявила девушка,— но, сдается мне, это было только в газетах Херста³.

— Херст — это американский Нортклифф⁴,— объяснил Сирил паше. — И Нортклифф, между прочим, тоже,— добавил он с видом одновременно задумчивым и наглым.

— Боюсь, я не знаю, кто такой Нортклифф,— процедил Акбар.

— Норклифф был раньше Хармсвортом,— голос Сирила звучал ласково, словно успокаивал раскапризничавшегося ребенка.

— Но кто такой Хармсворт? — не унимался турок.

— Никто,— ответил ему холодно юный маг.

— Никто? — завопил Акбар. — Не понимаю!

— Такого человека нет,— Сирил торжественно и грустно покачал головой.

Акбар-паша глядел на него так, словно перед ним предстал призрак. То был ужаснейший трюк из сирилова репертуара. Сперва он возбуждал к себе доверие разумным или даже блестящим замечанием, а после под видом объяснений вел собеседника с изощренным мастерством через зыбучие пески различных форм безумия, но лишь затем, чтобы швырнуть его в конце концов в омут деменции. Диалог внезапно вылился в кошмар. Вероятно, Сирил получил от беседы одно сплошное удовольствие, ибо он продолжал бодрым профессиональным тоном, сопровождая свои слова улыбкой обходительной и убедительной:

— Я пытаюсь постулировать метафизическую догму, сформулированную Шеллингом в его философии относительности и делающую особенный акцент на той предпосылке, что

1 *Пайпер*, Леонора (1857—1950) — знаменитая спиритуалистка и медиум, получавшая послания от мертвых или духов, популярная в Британии и США. Современники считали ее дар подлинным.

2 *Палладино*, Евсапия (1854—1918) — спиритуалистка и медиум родом из Италии. Занималась телекинезом, левитацией, материализацией мертвых. В Европе в основном полагали, что к «трюкам» она в процессе «демонстраций» не прибегает; в США ее считали мошенницей.

3 *Херст*, Уильям Рэндольф (1863—1951) — американский газетный магнат.

4 *Хармсворт*, Альфред Чарльз Уильям, 1-й виконт Нортклифф (1865—1922) — британский газетный магнат.

принятие объективного как реального подразумевает понимание индивидуума как *tabula rasa*, что в свою очередь коррелирует западную теорию Абсолюта с буддийской доктриной Сакьядитхи! Но обратитесь к Вагасанейи-самхита-упанишаде, и вы найдете опровержение!

Сказав это, он бесцеремонно отвернулся от него к Лизе с решительным видом человека, объяснившего все и удовлетворившего всех.

— Да, и ты совершенно справедливо выступаешь в защиту Евсапии Палладино. Мы с тобой тщательно ее изучим, когда доберемся до Неаполя.

— Ты, кажется, совершенно уверен, что мне нужно в Неаполь?

— Я тут ни при чем: приказ учителя. Он тебе объяснит, все в свое время. Ну что ж, а теперь давай займемся доказательством того, что эта дама, чьи локоны густы и черны, будто ворон, не имеет на себе никаких иных, тайных волос!

— Ненавижу, когда ты такой циничный и саркастичный!

— Любишь меня, люби и мою собаку!

В это мгновение Саймон Ифф приковал к себе его внимание повелительным жестом.

— Выйди в сад, Мод! — изрек неожиданно Сирил. — Черную мышью летучей ночь унеслась¹.

С этими словами он взял ее за руку.

— Дева! — продолжал он уже среди цветов, когда его длинные руки обвились вокруг нее, а страстный поцелуй еще пламенел в каждом нерве обоих тел. — Не могу объяснить сейчас, но от этих людей тебе грозит смертельная опасность. Мы не можем просто от них избавиться. Доверься нам и подожди! Пока они не ушли, держись от них подальше — под любимым, если нужно, предлогом. Изобрази истерический приступ и беги, если все обернется хуже некуда, — но не дай им тебя поцарапать! Иначе — смерть.

Его серьезность не только убедила Лизу, но и открыла ей глаза на все ее положение. Она поняла, что он ее любит, а все его поведение — не более чем поза, аффектация, вроде бритой головы и причудливого платья. И собственная ее

¹ Цитата из стихотворения Альфреда Теннисона (1809—1892) «Выйди в сад, Мод».

любовь к нему, освобожденная от всех сомнений, хлынула наружу, будто солнечный свет из-за хребта твердыни из камня и льда в каком-нибудь гористом краю.

Вернувшись в ателье, они обнаружили, что нехитрые приготовления к сеансу уже закончены. Медиум восседала за столом, окаймленная с обеих сторон мужчинами. Перед нею, между ладонями располагалось несколько целлулоидных шариков, пара карандашных огрызков и прочие мелкие предметы. Все это было «исследовано» с величайшим тщанием: хочешь знать, не укусит ли тебя собака,— смотри на ее хвост. Вся история спиритуализма, увы, к тому и сводится, что ты скрупулезно конопатишь все щели в комнате, а дверь оставляешь широко открытой.

Сомнительно, чтобы даже самый дотошный и нудный писатель смог правильно описать спиритический сеанс. Бытуют совершенно странные представления, будто есть в них что-то таинственное и волнующее. На самом же деле те очевидцы, что похваляются, будто третью кряду бессонную ночь испытывают живейшее удовольствие от процесса, умалчивают о том, что за два, как минимум, часа до того, как случился первый «феномен», молили Создателя послать им внезапную смерть и поскорее. Необходимость неотрывно сосредоточивать внимание на предметах, не представляющих вообще никакого, ни малейшего интереса или важности, способна свести с ума любого, кто умственным развитием хоть немного превосходит моллюска.

— Обратите внимание, как выгодно нас разместили,— прошептал Сирил Лизе на ухо, когда они уселись на диване, к которому и был придвинут стол. — Всем известно, что один или оба из тех мужчин в створе с Мотич. Жизнь готов прозакладывать, что Просто Саймон — нет; но мой собственный брат-близнец моему слову бы в таком деле не поверил. Потом, смотрите: шторы задернуты — почему? Конечно, чтобы помочь активизировать силу. Между тем, считается, что она кинетической природы; мы и представить себе не можем, как с нею станет взаимодействовать свет. Или еще говорят, что свет может «подорвать силы медиума в том особенном состоянии, в котором она находится». Это вроде как меткий выстрел полисмена подрывает силы грабителя в том

особенном состоянии, в котором *он* находится! Теперь смотрите на меня! Все эти споры о «несомненных» феноменах всегда кончаются вопросом о созданных в данный конкретный момент времени условиях; и все время оказывается, что спорим мы о том, как показывать фокусы, а ни о каких не о «силах» — в том-то и штука!

— А она не возражает, что мы болтаем?

— Медиумам всегда нужно, чтобы за столом болтали. Как только она увидит, что мы с головою ушли в наш разговор, она воспользуется шансом проделать самую тонкую и опасную часть работы; потом она попросит нашего внимания и скажет смотреть на нее очень пристально, чтобы убедиться, что все под контролем и никакого мошенничества нет,— потому что она чувствует, что сила вот-вот придет и будет очень мощной. Тут все затаятся, как кот у мышиной норки: после долгой тренировки такую концентрацию можно поддерживать минуты три; потом внимание опять уплывет, и тут-то она и вытащит из кармана старое доброе чудо. О, слушай!

Саймон Ифф тем временем яростно спорил с пашой об особенностях расположения шести ног под их оконечностью стола. От аккуратного разрешения этой проблемы зависел вопрос о том, могло ли так случиться, что медиум пнула стол и заставила один из шариков подпрыгнуть. Если удастся представить доказательства, что сие невозможно, возникнет следующий вопрос: а прыгал ли вообще шарик?

— Ну разве это не тупейшее занятие на земле? — проворчал Сирил.

Но даже не памятуя о сказанных им в саду словах Лиза знала, что он лжет. Невзирая на все показное равнодушие, взгляд его был остр и пристален; сквозь скуку и слабость голоса она слышала, как каждая его нотка позвякивает сдержанным волнением. Безусловно, не сеанс вызвал в нем такой живой интерес: но что тогда?

Медиум принялась стонать. Она пожаловалась на холод; она стала корчиться; она внезапно уронила голову на стол, будто бы в обмороке. Никто не обратил на это особого внимания: все было частью спектакля.

— Дайте мне ваши руки! — вдруг сказала она Лизе. — Я чувствую, вы открыты силе.

Не что иное как естественная Лизина сердечность побудила ее протянуть руки. Но тут со своего места поднялся Саймон Ифф и перехватил их.

— У вас вполне может быть волосок или нитка,— жестко сказал он. — Сирил, включите, пожалуйста, свет!

Старик-мистик самым тщательным образом изучил руки девы. Наблюдавший за ним Сирил, впрочем, сумел углядеть скрытое подо всем этим намерение.

— Боюсь, я был в саду,— протянул он,— когда вы изволили проверять графиню. Не следует ли мне посмотреть ее руки — если, конечно, мы хотим доказательных результатов?

Улыбка Саймона Иффа подтвердила, что юноша взял верный след. Он принял руки медиума и скрупулезно их рассмотрел. Разумеется, никаких волосков он не нашел; да и не их он искал.

— Знаете что,— сказал он раздумчиво. — Я думаю, нам нужно состричь эти ногти. А то слишком много места для волосков и всякого прочего.

— Не думаю, что нам нужно портить даме маникюр,— тут же возмутился и запротестовал паша. — Мы, несомненно, можем верить своим глазам.

— Мне так жаль, паша,— промурлыкал Сирил Грей, который, случалось, бивал рысей в открытом первенстве по зоркости,— но своим я верить не могу. У меня типичный случай табачной амблиопии.

Идиотизм этой ремарки, как ему и полагалось, едва не вывел турка из себя.

— Я всегда соглашался с Беркли,— продолжал тем временем Сирил Грей, кардинально меняя контекст беседы, но строго придерживаясь главной ее темы,— в том, что наши глаза не в силах удостоверить никакого внешнего явления. Боюсь, я лишь отнимаю у вас время, ибо никогда не верю ничему, что вижу.

Наглость мага чрезвычайно рассердила турка. Всякий раз, как Сирил оказывался среди незнакомых ему людей или в какой бы то ни было опасности, он тут же натягивал этот доспех английского аристократа, которому и бомба нипочем. Он, между прочим, был и на «Титанике»; за полторы секунды до того, как судно в последний раз попрощалось с землей, он повернулся к соседу и небрежно спросил: «Как думаете, это не опасно?»

Через полчаса его втащили в лодку. Придя в сознание, он не преминул заметить, что последний раз ему случалось выпасть за борт на Байроновом озере — «это в Англии, близ Кембриджа, ну, вы знаете!» — после чего немедленно поведал всю историю своего приключения с подробностями. От одного сюжета он переходил к другому, нисколько не обращая внимания на воцарившуюся на борту сумятицу, и сумел увлечь умы слушателей подальше от льдов Атлантики к солнечным радостям майской недели в Кембридже¹. Все уже жаждали узнать, что случилось после того, как «Первый вырвался вперед, обогнал Диттона и опоздал буквально на волосок; Джизес окатил нас и умчался прочь, будто дьявол! Третий шел, как паровоз, Холл у него на хвосте, а старый Ти Джей крыл их на чем свет стоит; до самого Лонг-Рича они из кожи вон лезли, но потом, слава богу, Холл врезался в Третьего прямо под железнодорожным мостом; Кокс вопит, а Джизес...», — но, увы, им было не суждено узнать, что же случилось с первой командой этого замечательного колледжа, ибо Грей внезапно впал в беспамятство, и все увидели, что он вот-вот истечет кровью из глубокой раны в районе сердца.

И этот же самый человек до смерти боялся случайной царапины совершенно чистого и изысканно отполированного ноготка!

Турку, однако, оставалось лишь поклониться.

— Если вы так настаиваете, мистер Грей, давайте спросим леди.

Так он и сделал, и леди согласилась с величайшей готовностью. Операция была недолгой, и сеанс вскоре возобновился. Однако уже через несколько минут сама графиня потеряла терпение:

— У меня ничего не получится, я знаю; все тщетно. О, если бы Малышка была здесь, она бы мгновенно сделала все, что вы хотите.

Паша закивал с довольным видом:

— Так мы всегда начинаем, — объяснил он Просто Саймону. — Теперь мне нужно загипнотизировать ее, и тогда она проснется в другой своей личности.

¹ Знаменитые кембриджские гребные гонки, продолжающиеся в течение недели.

— Очень, очень интересно,— согласился Саймон. — Любопытно, но когда вы почтили нас визитом, мы как раз обсуждали двойную личность с мадам Ла Джуффрией. Она никогда не видала ничего подобного.

— Вы будете очарованы, маркиза,— заверил Лизу старик-турок. — Ничего более удивительного вы в жизни не видели.

Он принялся делать пассы надо лбом медиума; она несколько раз конвульсивно дернулась, но судороги вскоре затихли и сменились глубоким сном. Сирил пихнул Лизу в бок.

— Вот поистине великая магия! Старый добрый трюк на доверие. Притворяешься, что спишь, чтобы остальные и вправду заснули. У Фрезера в книге по симпатической магии есть коротенькое описание. Только вот ученый этот доктор, *vir praeclarus et optimus*¹, опустил самое главное: мало верить, что восковая фигурка и есть тот человек, которого ты хочешь заколдовать; нужно установить между ними реальную связь. В этом и состоит все магическое искусство — суметь это сделать. А об этом-то Фрезер как раз и умалчивает.

Тем временем графиня принялась ужасно корчиться и издавать серии сложносочиненных храпов. Паша успокоил всех, что это «нормально», и что дама вскоре «пробудится совершенно другим человеком». Не успел он закончить, как она соскользнула со своего стула на пол, где испустила долгий и громогласный стон. Джентльмены спешно убрали стол, дабы упростить ей высвобождение. Графиня обнаружилась под ним лежащей навзничь; она улыбалась, гукала и попеременно сжимала и разжимала ручки. Узрев склонившихся над ней мужчин, она в испуге разревелась. Первыми вырвавшимися из ее уст членораздельными звуками были:

— Мам—мам—мам—мам—мам...

— Она зовет свою маму,— любезно объяснил Акбар. — Я не знал, что среди нас будет леди, но раз уж нам так повезло, не согласитесь ли вы сыграть ее маму? Это чрезвычайно бы нам помогло.

Лиза уже напрочь позабыла предостережения Сирила и едва не согласилась. Она проникнулась духом спектакля и готова была подыграть кому угодно и в чем угодно: в серьезном

¹ «Муж преславный и преискусный» (лат.).

эксперименте, в мошенничестве или просто в дурацкой игре, но тут вмешался Саймон Ифф.

— Мадам не привыкла к сеансам,— веско сказал он.

Сирил взглядом призвал ее к повиновению, и она повиновалась, не имея ни малейшего понятия о том, почему должна или, наоборот, не должна чего-то там делать. Словно в чужой стране ощущала себя она: все что тебе остается,— это слушаться как можно лучше обычаев да слепо верить проводнику.

«Малышка» продолжала плакать. Паша, тщательно подготовившийся к мероприятию, вытащил из кармана бутылочку с молоком, к которой та удовлетворенно присосалась.

— Что за нелепые парни были эти древние алхимики! — поделился Сирил со своей возлюбленной. — Как могли они опуститься до махинаций с атанорами, ретортами и алембиками, с Красным Драконом и *Caput Mortuum*¹, и Лунной Водой? Да они представления не имели о благородстве научного исследования!

Не было нужды закручивать до отказа горькую эту тираду: Лиза и так уже сполна осознала, как постыдно было участвовать в подобном унижительном скудоумии.

«Малышка» бросила бутылочку и резво поползла за одним из целлулоидных шариков, скатившимся со стола, когда его двигали. Найдя его в углу, она там уселась и принялась играть с ним.

Далее случилось нечто, исторгшее у Лизы возглас отвращения.

— Перед вами попытка намеренно впасть в детство,— холодно процедил Сирил,— и, надо сказать, прескверная. Совершенно непонятно, с какой стати одержимость сознанием или душой ребенка должна нарушать функционирование нормальных взрослых рефлексов. Истинная причина заключается в том, что эта женщина происходит прямоком из низших слоев будапештской клоаки. В девять лет она была обычной проституткой, а за эти игрища принялась, сочтя их более выгодными. Ей доставляет удовольствие оскорблять оказанное нами доверие подобным скотством: это признак испытываемой ею черной зависти. Она не понимает, что вся ее грязь — не более, чем прах наших стоп.

¹ Мертвая голова (лат.) — в алхимии синоним стадии нигредо: субстанция, оставшаяся после той или иной алхимической операции, символ распада и гниения. Графически изображалась в виде стилизованного черепа.

Несмотря на годы упорной практики в непонимании английской речи, «Малышка» вздрогнула. Общественный престиж и наслаждение им были ее любимой игрушкой, а мысль о том, что ей ни в малой степени не удалось никого обмануть, ощущалась просто ужасной. О, она скорее бы согласилась на тысячу разоблачений ее мошенничества; но блеф с графиней желала сохранить во что бы то ни стало. Ей уже минуло тридцать пять — как бы не опоздать найти какого-нибудь старого дурня и выйти за него замуж! И на пашу у нее имелись виды: да, собственно, и на сеанс она согласилась с тем прицелом, чтобы обрести над ним власть.

Тем временем последний самым пристойным образом извинялся за нее перед Саймоном Иффом. Судя по всему, она не сознавала подобных состояний и не имела о них потом никаких воспоминаний.

— Подождите совсем немного,— увещевал он,— она уже скоро подрастет.

Так оно и случилось. Вот она уже что-то лепетала паше, который с глубокомысленным видом извлек откуда-то куклу и вручил ей играть. Потом она на коленях подползла к Лизе и стала плакать и изображать испуг, и бормотать, и признаваться в чем-то. Лиза не стала ее слушать; она была горячее от природы и чувства свои умела прятать лишь до определенного предела. Она резко вырвала из рук крошки свои юбки и ушла на другой конец комнаты. Паша энергично и со всем своим восточным апломбом выразил протест, но медиум уже достигла следующей и последней стадии метаморфоз. Она двинулась к нему, уселась ему на колени и принялась яростно и блудливо целовать его и ласкать.

— Это самый лучший ее трюк,— прокомментировал Сирил,— он отлично срабатывает с большинством мужчин. Вся их способность к наблюдению трещит по швам; теперь она может творить глупейшие «чудеса», а они потом поклянутся, что все шло под совершеннейшим контролем. Так она обдурила Удовича: он был глубокий старик, а она доказала ему, что не так уж он стар, как думает. Куда там Гарри Лаудеру¹! Никакого обмана: любой мужчина в подобных

¹ *Лаудер, Гарри* (1870—1950) — шотландский артист мюзик-холла, комик и певец.

обстоятельствах готов прозакладывать свою репутацию, лишь бы сделать даме карьеру!

— Все это крайне стеснительно, — подал голос паша, — особенно для магометанина вроде меня; но ради Науки мы должны быть готовы вынести все. Еще мгновение, и она будет готова к сеансу.

И верно, графиня внезапно обрела Личность номер Три, чрезвычайно чинную молодую француженку по имени Анетт, горничную супруги еврейского банкира. Она с видом чопорным и благопристойным проследовала к столу — казалось, она намерена сервировать своей хозяйке завтрак, — но, достигнув его, сильно затряслась с головы до ног, упала на стул и после некоторой внутренней борьбы снова стала «Малышкой», которая тут же разразилась вдохновенным монологом на тему: «Поди прочь, плохая Анетт, скверная, скверная!» — затянувшись на несколько минут. После этого она вдруг целиком сосредоточилась на лежащих перед нею мелких предметах — паша успел положить их на место — и стала с ними играть, совершенно, как это свойственно маленьким детям, отключившись от окружающего мира.

— Теперь нужно приглушить свет! — сказал паша. — Свет ужасно болезнен и даже опасен для нее в этом состоянии. Она как-то утратила разум на целый месяц, когда кто-то неожиданно включил электричество. Но прежде нам нужно тщательно все проверить.

Сирил согласился.

Он взял плотный шелковый шарф и завязал ей глаза, а сам при помощи электрической лампы осветил стол. Рукава графини он закатал до самых плеч и там закрепил, потом прошелся по всей длине рук дюйм за дюймом, раскрыв и разделив пальцы, осмотрев ногти — короче, демонстрируя наглядно, что никакого обмана нет.

— Видите — прошептал Сирил, — мы тут не к научному эксперименту готовимся, а собираемся фокусы показывать. Вот вам психология надувательства. Идея не моя — учителя.

Но внимание Лизы Ла Джуффрии почти помимо ее воли было приковано к беспокойным пальчикам на столе. Они все время двигались и сплетались в замысловатые и причудливые фигуры; что-то такое было в их игре, в том, как тянулись они

к хрупкому шарикю, как сомкнулись на нем — оно завораживало Лизу.

Медиум стремительно убрала пальцы от шарика, и он тут же, в то самое мгновение прыгнул дюйма на три или четыре в воздух.

Турок едва не мурлыкал от удовольствия.

— Достаточно убедительно, не так ли, сэр? — обратился он к Саймону.

— О, да,— отвечал тот, но таким тоном, что любой знавший его хорошо непременно продолжил бы фразу словами «... и в чем же нас убедили?»

Акбар, впрочем, был совершенно удовлетворен. Дабы соблюсти формальности, он снова включил лампочку и исследовал пальцы медиума: никаких волосинок там, разумеется, не оказалось.

С этого момента начиная, феномены сделались постоянными. Предметы на столе прыгали, скакали и танцевали, словно осенние листья под порывами ветра. Так продолжалось минут десять со все возрастающей энергией.

— Сюжет, однако, на месте не стоит! — отметила Лиза.

Сирил поправил монокль чрезвычайно обдуманном движением.

— Вы явно ищете эпитет,— сказал он ей. — Так я предлагаю «затянувшийся».

Лиза уставилась на него; карандаши и шарики все так же барабанили об стол, будто решивший сплясать град.

— Доктор Джонсон как-то заметил, что не стоит так уж сильно критиковать номер со свистящим кочаном капусты, или что у них там было,— утомленно изрек он. — Чудо в том, что овощ вообще оказался на такое способен. Я, впрочем, рискну добавить, что, со своей стороны, нахожу тягу к чудесам совершенно удовлетворенной одним таким представлением; идея сделать из них привычку, по мне, совершенно не согласуется со взглядами позднего Джона Стюарта Милля на феномен свободы¹.

От странных виражей, которые закладывал в беседе ее возлюбленный, Лиза чувствовала себя вращающимся дервишем.

¹ Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — британский социальный и политический философ, автор доктрины индивидуальной свободы, противопоставляемой неограниченному контролю со стороны государства.

Моне-Кнотт как-то рассказывал ей в Лондоне о его знаменитой *faux pas*¹ на станции Кэннон-стрит, когда служитель шел вдоль состава с криками: «Поезд дальше не идет, все на выход!» — а Сирил при всех кинулся ему на шею, сделал вид, что принял его за буддийского миссионера, возвещающего одну из главных истин этой религии о выходе из колеса перерождений.

Если вы заранее не знали, что Сирил себе думает, его речи ничуть ситуации не проясняли. Никогда нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Он отчеканил свою иронию из твердого, холодного, жестокого, гладкого и сверкающего черного льда, какой водится лишь в глубочайших расселинах самых высоких гор. В клубах поговаривали, что он изобрел семьдесят семь способов выдать человеку в лицо такие вещи, которые дерзают называть своими именами разве что самые прожженные торговки рыбой с Биллингейтского рынка, причем так, чтобы жертва не услышала ничего, кроме хитро завернутого комплимента.

Ко всеобщему счастью, светлая его сторона была не менее выдающейся. Не кто иной как он отправился к Линкольну и Беннету — шляпных дел мастерам Его Величества, с тех самых пор как железные шлемы вышли из моды — и с выражением застенчивого замешательства попросил увидеться с владельцем по делу чрезвычайной важности. Будучи уважительно препровожден в личный кабинет, он самым серьезным образом спросил: «Скажите, вы торгуете шляпами?»

Загадка этого человека была для Лизы источником непрерывного беспокойства. Она желала бы не любить его, но лишь потому, что понимала: она никогда не сможет быть совершенно уверена, что заполучила его. И самый этот факт лишь подогревал ее намерение присвоить его всецело и навек.

Еще одна историйка от Моне-Кнотта до ужаса ее напугала. Как-то раз Грей пошел на великие жертвы, дабы добыть себе тросточку по своему вкусу. В конце концов, он нашел то, что хотел, и так этому обрадовался, что созвал друзей и соседей и задал им обед в Карлтоне. После трапезы он с двумя гостями шел по Пэлл-Мэлл, как вдруг обнаружил, что забыл трость в ресторане.

1 «Оплошность, бестактность, выходка» (фр.).

— Что за беспечность! — воскликнул он и отправился дальше. Никто и ничто не смогло убедить его сделать хотя бы шаг к воссоединению с пропажей.

Лиза предпочитала думать о другой стороне его натуры, которую знала по эпизоду с «Титаником», или вот еще по той истории, когда его люди боялись идти за ним через некий снежный склон, нависавший над некоей пропастью в Гималаях, — он на спине, головой вперед проехал его весь, остановившись лишь за ярд до обрыва. Тогда они пошли за ним; она знала, что и она пошла бы — до самого края мира.

Витая в этих мыслях, она едва заметила, что сеанс подошел к концу. Медиум опять потихоньку «уснула», чтобы восстать в Личности номер Один. Когда все встали из-за стола, Лиза тоже встала, более или менее машинально.

Акбар-паша запнулся ногою за край медвежьей шкуры и сильно оступился. Она протянула вперед руку, чтобы подхватить его, но юный маг оказался проворнее. Он ухватил турка за плечо левой рукой и удержал от падения, в то же самое время другой с такой силою сжав Лизе запястье и с такой внезапностью отогнув его назад, что девушка удивилась, как оно не хрустнуло.

В следующее мгновение он, все так же держа пашу за плечо, уже просил самым шелковым тоном позволения рассмотреть его кольцо с печаткой красивой и тонкой работы.

— Восхитительно! — говорил Сирил. — Но, паша, не слишком ли остр вот этот край? Можно же порезаться, если резко провести по нему рукою, — вот, скажем, так!

Последовал быстрый жест.

— Видите?

Кровь тонкой струйкой текла по его руке. Турок бросил на него взгляд, внезапно исполненный совершенно черной ярости — почему, она никак не могла взять в толк: Сирил же сам говорил ей, что одна небольшая царапина — и смерть. И вот он стоит и сыплет пустыми фразами, и кровь капает на пол. Повинуясь импульсу, она схватила его руку и завязала ее своим носовым платком.

Графиня, уже завернувшаяся в свои меха, неожиданно почувствовала себя дурно.

— Не выношу вида крови! — сообщила она и рухнула на диван.

Подле нее тут же материализовался Саймон Ифф с рюмкою бренди.

— Мне уже лучше. Маркиза, не подадите ли мне шляпу!

Но и тут вмешался Сирил.

— Только через мой труп! — вскричал сей притворный ревнивец и немедленно подал просимое своими собственными руками.

И вот уже гости стоят у дверей. Турок без остановки болтал о сеансе.

— Великолепно! — восклицал он. — Одна из самых выдающихся демонстраций, на каких мне довелось присутствовать!

— Я так рад, паша! — вторил ему Сирил, рукою придерживая им дверь. — В этой игре не каждый раз легко указать победителя, правда?

Каким-то странным образом Лиза Ла Джуффрия поняла, что любезная эта фраза ранит почище хлыста из китового уса.

Дверь, наконец, закрылась.

Оборотившись, Лиза увидала, что Саймон Ифф упал на диван и оттирает пот со лба.

Возлюбленный ее позади глубоко вздохнул, будто только что вышедши из глубокой воды.

Тут-то она поняла, что не на сеансе ей удалось побывать, а на битве. Она ощутила, какое напряжение снесло ее саму, и разразилась целым потоком слез.

Сирил Грей с бледной улыбкой склонился над нею, осушая поцелуями едва выступающие на глазах капли; немного ниже его сильная рука бестрепетно несла весь ее плачевный вес.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАКОНЕЦ-ТО, ЛЕНЧ; А ТАКЖЕ БЛЕСТЯЩЕЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

— Вынужден признать, я голоден, — промолвил через несколько мгновений Саймон Ифф.

Сирил поцеловал Лизу в губы и увлек, все так же обвивая рукой, к буфету.

— Теперь ты тут хозяйка, — просто сказал он ей.

Все аффектации в одночасье опали с него, и Лиза вдруг увидела бесхитростного, отважного и честного человека, сумевшего изобрести отличное оружие для нападения и защиты — специально на случай прогулок долиной смертной тени.

Она ощутила странную боль и одновременно с нею — экзальтацию. Она уже не была просто его любовницей; он только что принял ее в друзья. Их отношения перестали быть просто сексуальными — а они всегда чем-то похожи на дуэль; он мог перестать ее любить, в самом прямом и грубом смысле этого слова, но другом ей останется всегда — совсем как если б она была мужчиной. И вот тут-то и пряталась боль: вернется ли он когда-нибудь, станет ли снова таким, каким его даже сейчас жаждала вся ее душа, а с нею и тело?

На ум ей пришла история с «Судом Парижа»¹, как он его называл. Несколько лет назад у него было одновременно три любовницы, причем каждая считала себя единственной. В какой-то момент они, разумеется, обнаружили истинное положение дел — он никогда не давал себе труда скрывать подобные вещи — и сговорились выступить против него объединенным фронтом. Они совместно явились к нему в ателье и заявили, что он должен выбрать одну из них. Прежде чем ответить, он выкурил плотно набитую трубку; затем ушел в спальню и вернулся с парой носков — весьма и давно требующих к себе внимания.

— Симон Ионин! Любишь ли ты меня? — Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. — Заштопай носки мои,² — богоульно процитировал он и швырнул носки той, которую действительно любил.

Именно в этом смысле Лиза и отправилась накрывать на стол. Единственное, что сказала Кундри после искупления, было: «Служить! Служить!»³ — и Лиза об этом помнила.

1 Имя троянского героя Париса, судьи богинь, и название города Парижа пишутся в английском языке совершенно одинаково.

2 Иоанн, 21:16: «Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? [Петр] говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. [Иисус] говорит ему: паси овец Моих».

3 *Кундри* — персонаж оперы Вагнера «Парсифаль», дева, некогда осмеявшая Христа во время крестного пути и с тех пор обреченная на все новые и новые перерождения в попытках искупить свой грех.

— Это вот так вы поститесь? — вскричала она весело, обнаружив содержимое буфета. Взгляд ее пал на удивительно великолепный салат из омаров, окаймленный чашей икры на льду с одной стороны и одним из тех дивных пирогов с фуа-гра — единственной разновидности, какую вообще стоит есть, — которые приходится резать ложкой, омоченной в горячей воде, — с другой. На верхней полке красовались пирамида из вальдшнепов, уже готовых для стоявшей подле жаровни; корзинка груш и винограда, стоимостью поболее добродетельной женщины — а всем хорошо известно, что ее цена будет превыше рубинов! На заднем плане высились когорты вин. Там был белый рейнвейн из подвалов князя Меттерниха; там было бургундское — шамбертен, способный воплотить духа и не утратить своей мощи; там был поистине имперский токай; там было бренди 1865 года, произведенное действительно в 1865 году, — а такое встречается не чаще, чем радий в урановой смоляной обманке.

Саймон Ифф лично взял на себя труд объяснить ей очевидный недостаток гостеприимства по отношению к визитерам.

— Акбар-паша явился сюда, алкая крови: капли вашей крови, если быть точнее, моя милая. Сирилова и моя ему не по зубам: вы видели, с каким презрением сыграл с ним наш мальчик свою шутку! Так что я намеренно предложил ему соль и ничего кроме соли!

— Но с чего бы ему хотеть моей крови? И причем тут соль?

— Если он примет соль в доме, это ограничит его способность этому дому навредить, равно как и его обитателям; кроме того, это откроет его для ужасного отката. А зачем ему ваша кровь, это уже другой вопрос и пресерьезный. К несчастью, он подразумевает, что ему известно, кто вы такая и зачем вы нужны *нам*. Если бы он добыл ее, он смог бы заставить вас исполнять его волю; мы же хотим лишь, чтобы вы были свободны творить свою собственную. Не стану оскорблять вас ложью, что вы сможете избежать опасности, просто вернувшись к обычной своей жизни. Я наблюдал за вами и знаю, что вы стали бы презирать меня за подобные предложения. Я знаю, вам неведомо то, что может вас ожидать, но вы все равно сочтете перспективы великолепными и примете приключения с распростертыми объятиями.

— Должна возразить известному эксперту в психологии! — засмеялась она в ответ. — Мне бы следовало отвергнуть его с негодованием, но я, безусловно, достаточно безумна, чтобы прыгнуть напрямик во тьму — только разве там тьма, где сияет светоч любви?

— С любовью будьте поосторожней! — предостерег ее старый маг. — Любовь — блуждающий огонек, что порхает над топами и могилами; всего лишь светящийся пузырек смертоносного газа. В нашем Ордене мы говорим: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей». Воля — вот сигнальная мачта. Привяжите к ней любовь и получите маяк, и корабль ваш придет беспрепятственно в гавань!

— Я должен извиниться, — сказал Сирил, когда они уселись за стол, — за то, что оставил вас тогда и ушел обедать к мисс Баджер¹. Я дал ей слово, и ничто, кроме физической неспособности ходить, не удержало бы меня от визита. Я не хотел к ней — не более, чем, скажем, утопиться, и это для вас великий комплимент, ибо она — одна из двух милейших женщин Лондона. Но я бы тысячу раз посмотрел в лицо смерти, чтобы попасть туда.

— Ах, стоят ли пустяки такой суровости?

— Держать свое слово — не пустяк. Ложь в одном — ложь повсюду. Представляете, как проста для меня жизнь: никогда не нужно беспокоиться о решениях, лишь соотноси все с простейшим стандартом — моей Волей! И представляете, какой простой она станет для вас, если знать, что если я сказал, — я сделаю?

— Да. Я понимаю. Но, Сирил, что за муку я вынесла в тот вечер!

— Неведение, — сказал Саймон Ифф, — вот причина всех страданий. Вы не сумели понять его и как следствие увериться в том, что, раз он держит слово, данное мисс Баджер с ее обедом, то сдержит и обещание позвонить.

¹ Прототип этого персонажа — Гвендолен Оттер (1876—1958), хозяйка знаменитого салона в Челси. На ее воскресных званных обедах собирались всевозможные актеры, художники и писатели. Один из друзей, знавший, как ее интересует все необычное и странное, познакомил ее с Кроули, и они стали приятелями. Оттер писала для «Эквинокса» рецензии на книги, а Кроули, в свою очередь, посвятил ей пьесу «Упыри». — *Примеч. ред.*

— Но расскажите же мне о вашей битве! Я чувствую, что попала в самую гущу событий, но не представляю, почему!

— Простите меня, дитя мое, но знание это не пристало вашему экзальтированному состоянию,— весело ответил он. — Мы подберемся к нему медленно, подробно сообщив вам, что и почему мы намерены делать. Тогда вы сами поймете, почему кто-то старается нам помешать. Мне очень жаль говорить вам это, но путь наш пролегает по чрезвычайно холмистой местности. Вам, для начала, придется прослушать лекцию о четвертом измерении.

— Что, ради всего святого, это такое?

— Думаю, за обедом мы лучше побеседуем о вещах попроще.

И они принялись обсуждать дела насущные. Ничто в целом свете не мешало Лизе отныне поселиться вместе с Сирилом. Достаточно было просто позвонить горничной и велеть ей собрать вещи и прибыть сюда. Лиза это и предложила, но тут Саймон Ифф заявил, что им неплохо было бы покинуть Париж, не медля более ни дня.

— Я, правда, не уверен, что это будет честно по отношению к девочке,— заметил он. — Это война, а битвы — не ее призвание. Кроме того,— тут он повернулся к Сирилу,— весьма вероятно, что в течение суток она станет одержимой. Не удивительно, если окажется, что они уже охотятся за нею. Вперед! Позвоните вашей девушке, Лиза, и скажите, что домой сегодня не вернетесь; пусть ожидает дальнейших инструкций.

Лиза послушно отправилась звонить. Соединили ее, однако, не с номером, а с управляющим отеля.

— С великим сожалением вынужден сообщить вам, мадам, что вскоре после вашего ухода этим утром с горничной случился эпилептический припадок.

Лиза остолбенела и не сумела ничего на это ответить. Трубку она уронила, но Сирил, мгновенно подскочив к ней, успел сообщить отелю, что новости расстроили мадам и что она позвонит позднее.

Запинаясь, Лиза пересказала дурные вести.

— Так я и думал,— откомментировал Сирил.

— А я нет,— честно признался Саймон Ифф,— и меня это беспокоит. Я не гадаю, подобно вам, и верная догадка — отнюдь не ваша заслуга, мой юный друг, но дьявольский

обман — как выигрыш в рулетку. Я делаю выводы из того, что знаю. Тот факт, что я ошибся, доказывает, таким образом, что я чего-то не знаю, и вот это-то меня и беспокоит. Очевидно одно: нам нужно, не теряя ни минуты, попасть в должным образом защищенное место. То есть, это вам нужно. Я стану наблюдать за эфиром. За этим неуклюжим дураком, Акбарпашой, должен стоять кто-то покрупнее.

— Да, я всего лишь угадал,— признал не без стыда Сирил. — Или, хуже того, позволил своему эго разрастись и возгордиться величиим нашего прожекта.

— Ну, расскажите же мне о прожекте! — воскликнула Лиза. — Как вы не понимаете, что это почти невыносимо!

— В этих стенах вы в безопасности,— сказал Саймон Ифф,— но это сейчас, когда в крепости нет врага. Сегодня мы переправим вас в защищенное место. Завтра потеха начнется по новой и уже всерьез. Однако есть некое предварительное знание, которое ввиду прожекта мы можем вам предоставить. Но прежде вы должны будете принести определенные клятвы, и мы не можем допустить, чтобы вы это сделали, не имея понятия обо всех последствиях до мельчайших их подробностей.

— Я готова.

— Я постараюсь максимально все упростить. Воображение у вас хорошее, так что, полагаю, вы все поймете.

— Итак, смотрите,— продолжал он. — Я беру карандаш и листок бумаги и ставлю на нем точку. Точка стоит на месте. Она не обладает протяженностью ни в каком направлении. Математик бы сказал, что она «не имеет измерений». Теперь я рисую прямую линию. Она протяженна в одном направлении. Или, мы скажем, имеет одно измерение. Вот я рисую вторую линию, которая пересекает первую под прямым углом. Таким образом, мы получаем еще одну протяженность во втором измерении.

— Понимаю. А еще одна линия сделает третье измерение.

— Не торопитесь. Ваша третья линия нам совершенно бесполезна. Если мне нужно определить координаты любой точки на этом листе, я смогу сделать это в отношении к этим двум линиям и только к ним одним. Нарисуйте точку, и я вам покажу.

Она повиновалась.

— Теперь от вашей точки я рисую линии, которые образуют прямые углы с моими. Я могу сказать, что ваша точка находится настолько-то к востоку и настолько-то к северу от центральной точки. Понимаете? Я определяю положение объекта при помощи всего двух измерений.

— А если я поставлю мою точку вот тут, в воздухе?

— Вот именно! Нам понадобится третья линия, но непременно под прямыми углами к первым двум. Держим вертикаль, как вы могли бы сказать. Так мы сможем определить координаты точки в трех измерениях. Столько-то на восток, столько-то на юг и еще вот настолько вверх.

— Да.

— Теперь все то же самое, но по-другому. Вот вам точка, не имеющая ни длины, ни ширины, ни глубины — никаких измерений. Вот линия, длинная, но не широкая и не глубокая — одно измерение. Вот плоскость, длинная и широкая, но не глубокая — два измерения. А вот куб, длинный, широкий и глубокий — три измерения.

— Теперь мне совершенно все ясно. Но вы сказали: четыре измерения?

— И скажу еще раз. Но сейчас твердо намерен ограничиться двумя. Смотрите: я строю треугольник. Все его стороны равны. Теперь я провожу внутри него линию от вершины к середине противоположной стороны. И вот у меня уже два треугольника. Они, как видите, совершенно одинаковы: одна форма, один размер. Но обращены они в противоположных направлениях. Давайте вырежем их ножницами.

Так он и сделал.

— Совместите их на плоскости так, чтобы один полностью покрывал другой.

Лиза попробовала и не сумела. Потом засмеялась, перевернула один, и контуры их полностью совпали.

— Ага, вы жульничали. Я сказал: «На плоскости».

— Ах, извините.

— Напротив, вы действовали божественно в лучшем смысле этого слова! Вы вырвали неподходящий объект из его двумерного мира и перенесли его в мир трехмерный, затем вернули обратно, и с тех пор они жили долго и счастливо и умерли в один день! Однако, продолжим. Все сущее — я имею в виду,

все материальное — обладает этими тремя измерениями. Все эти точки, линии и плоскости обладают хотя бы крошечной протяженностью в другие измерения — иначе они остались бы исключительно плодом нашего воображения. Так поверхность воды, к примеру, есть лишь граница между нею и воздухом. Я расскажу вам, почему кому-то вообще пришла в голову мысль, что другое измерение может существовать. Эти треугольники, такие похожие и в то же время непохожие, имеют аналогии в мире вещей, которые мы называем реальными. Есть, к примеру, два сорта сахара, во всем подобных друг другу, за исключением одного момента. Вы знаете, как призма преломляет луч света? Если взять полую призму и наполнить ее раствором одного из этих сортов сахара, луч отклонится вправо; возьмите другой сорт, и он отклонится влево. Химия изобилует такими примерами. Потом возьмем наши руки и ноги. Как бы мы ни двигались, полностью совпасть они не смогут. Правая рука останется правой, что бы вы ей ни делали.левой она может стать разве что в зеркале — так что отныне на ваше зеркало возлагается особая ответственность: напоминать вам о существовании зазеркального мира, в который вполне можно попасть — если только вы сумеете пройти насквозь.

— Да, но мы не сумеем!

— Давайте не будем сходить с маршрута! Достаточно и того, что такой мир мог бы существовать. Сейчас наша задача — отыскать основания полагать, что он существует. Лучшая причина — всегда самая темная, но все равно попытайтесь ее понять.

Лиза кивнула.

— Известно, что планеты движутся по определенным законам и определенными путями, и что эти самые правящие ими законы заставили яблоко упасть на голову Ньютону. Но Ньютон не сумел объяснить закон и признал, что совершенно не в состоянии представить себе силу, действующую на расстоянии, как, судя по всему, действует так называемая гравитация. Наука оказалась в крайне затруднительном положении и вынуждена была изобрести субстанцию под названием «эфир», относительно которой ничего нельзя сказать определенно, кроме того, что она там точно должна быть! Однако этот эфир обладал столь многочисленными противоречивыми,

а то и вовсе невозможными свойствами, что люди принялись метаться в поисках какого-то другого объяснения. И тут выяснилось, что если предположить возможность распространения вселенной (тонкой, но однородной) в четвертое измерение, закон начинает нормально работать. Я понимаю, что постичь эту идею нелегко. Давайте попробуем изложить ее так: вот вам куб. Вот угол, точка, где сходятся три линии. Сама по себе точка — ничто, но она является частью каждой из линий. Чтобы вообще представить ее как объективную реальность, нам придется допустить, что она обладает бесконечно малой протяженностью в пределах этих линий. Теперь возьмем линию. Она обладает той же малой равномерной протяженностью в каждой из объединяемых ею двух плоскостей. Возьмем плоскость: она точно так же является элементом куба. Пойдем еще на шаг дальше. Представьте себе, что куб так же относится к некоему непознанному явлению, как плоскость — к кубу. Не можете? Именно так: вам не удастся построить определенный визуальный образ этого явления, но вы можете сформировать идею и, если заставите себя думать о ней очень интенсивно, то сможете подобраться к ее постижению чуть ближе. Не стану больше докучать вам этими сухими теориями. Хочу лишь сказать, что четвертое измерение, помимо объяснения феномена гравитации и еще некоторых вещей, дает нам идею о том, как так получается, что существует лишь определенное и весьма ограниченное количество явлений, из которых посредством комбинаций получаются все остальные. А теперь перейдем к делу. Брат Сирил, которому мы обязаны кубом, несомненно будет так добр предоставить нам еще и деревянный конус и к нему чашу с водой.

Брат Сирил так и сделал.

— Я хочу, чтобы вы четко понимали,— продолжал старый маг,— что вся болтовня о научном прогрессе — не более чем дешевая журналистика. Большая часть их хваленного прогресса — просто коммерческая адаптация достижений науки. С тем же успехом можно хвастать, что экспериментируешь с электричеством, когда едешь на электрическом поезде. Говорят, Эдисон и Маркони — «мужи науки»; так никто из них ни разу не открыл ни единого факта! Они лишь использовали то, что открыли до них. Подлинные мужи науки

совершенно согласны в том, что сколь бы велик ни был прогресс нашего знания, он оставляет нас в таком же полном неведении относительно истинной реальности, как и десять тысяч лет назад. Вселенная хранит свои тайны. Исида все еще может с полным правом заявить, что ни один человек до сих пор не поднимал ее покрывала! Но представьте себе на минутку, что причина всех наших проблем в том, что мы получаем впечатления об окружающем мире в виде разрозненных фрагментов. Самое простое явление может в этом случае показаться безумным калейдоскопом. Сирил, ты готов?

— Совершенно готов.

— И. А. А. У. И. А.

— Р. Ф. Дж. Л. З. Л.

— Что мы только что сказали?

Лиза расхохоталась, довольно возбужденно. Живое ее воображение подсказывало, что теория намерена принять довольно неожиданную форму.

— Всего лишь ваше очаровательное имя, моя милая! А теперь, Сирил, давайте сюда конус.

Он взял просимое в руки и поместил над чашей с водой.

— Предположим, что сей простой предмет собирается наилучшим образом объяснить свою природу поверхности воды, которую мы представим наделенной способностями к наблюдению и рассуждению, равной нашим собственным. Все, что может сделать в этих условиях конус, это продемонстрировать себя воде, а произвести на нее впечатление он может единственно лишь в непосредственном с нею контакте. Итак, он погружает в нее свой кончик, вот так. Вода воспринимает точку-острие. Конус продолжает погружаться. Вода видит круг вокруг того места, где была точка. Конус движется глубже. Круг увеличивается и увеличивается. И вот, когда конус целиком проходит через поверхность воды,— ба-бах!

— И что же теперь знает о конусе вода?

— Ничего она не знает ни о каком конусе. Даже если она и получила какое-то понятие о том, что причиной ряда возмущений стал один и тот же объект — а на это она окажется способной, только если тщательно эти возмущения сравнит и отметит равномерность приращения размера круга и так далее (то есть, иными словами, применит научный метод) — она

все равно не сумеет вывести теорию конуса, так как не следует забывать, что любое объемное тело для нее представляет собой вещь столь же абсолютно непостижимую, как для нас — четырехмерное тело. Конус, впрочем, предпримет новую попытку. Теперь он станет погружаться наклонно. Вода воспримет совершенно отличный от первого набор явлений: она будет видеть не круги, а эллипсы. Попробуем еще раз, сперва под таким углом, а затем под вот эдаким. В первом случае мы получим любопытные кривые, называющиеся параболами, а во втором — не менее любопытные кривые, называющиеся гиперболоми. К этому времени вода уже будет на грани умопомешательства, если попытается свести все эти совершенно различные следствия к единой причине! Она, на самом деле, получит шанс изобрести геометрию — планиметрию, если быть точнее — а, возможно, обретет некое из ряда вон выходящее и крайне поэтическое представление о Творце, что во вселенной своей связал все вещи между собою столь прекрасным и чудесным образом. Потом пошли бы всевозможные фантастические теории о могуществе этого Творца. А вот чего вода никогда не поймет — пока не создаст какого-нибудь Чарльза Хинтона¹ — это идеи о том, что причина всего этого разнообразия — в разрозненном созерцании различных аспектов одного-единственного простого явления. Я намеренно взял самый простой пример. А представьте, что вместо конуса мы взяли тело неправильной формы! Тогда последовательность впечатлений, получаемых водой, будет для нее выглядеть форменным безумием. Теперь добавьте вашему воображению еще одно измерение. Разве вы не видите, насколько текущая наша ситуация повторяет пример с поверхностью воды?

Дикарь представляет вселенную как колоссальную и таинственную путаницу всяких вещей, которая заявляется к нему вот так, без рифм и поводов, и обычно лишь затем, чтобы выдать ему хороший нокдаун. Лишь сильно позже человеку в голову приходит идея о взаимосвязанности феноменов — по крайней мере, нескольких за раз. Летят века; он начинает прозревать действие закона — сперва на самой небольшой

¹ Хинтон, Чарльз Говард (1853—1907) — английский математик и автор научно-фантастических произведений, в том числе книги «Четвертое измерение», впервые опубликованной в 1904 году.

выборке объектов. Летят еще века. Какой-нибудь отважный мыслитель вдруг открывает единую причину, объясняющую все эти многообразные следствия, и называет ее Богом. Возникновение этой гипотезы ведет к нескончаемым диспутам о его, Бога, природе. Ни к какому окончательному выводу они так никогда и не приходят. Одна лишь проблема возникновения зла стала непреодолимым препятствием на пути теологии. Тем временем развивается наука. Теперь мы знаем, что все явления подчиняются одному закону. Нет больше нужды ни в каком мистическом творце, как его понимали раньше. Причин мы отныне ищем в том же самом естественном порядке вещей, где находим порождаемые ими следствия. Теперь мы уже не заклиняем духов, чтобы поддерживать огонь в очаге.

И вот, наконец, я и кое-кто еще со мной вопрошаем, а не иллюзия ли вся наша вселенная точно в том же смысле, как иллюзорна истинная плоскость. Возможно, вселенная — четырехмерное тело или множество тел, достаточно разумных, простых и умпостижимых, проявляющихся в регулярном или иррегулярном многообразии — совсем как конус по отношению к воде.

— Я, конечно, не могу понять это все сразу, — ответила на это Лиза. — Я попрошу Сирила рассказать мне это еще раз и потом еще — пока не пойму. Но что такое представляет собой четырехмерная вселенная? Может быть, вы дадите мне хоть какой-то ключик?

— А вот то и представляет. Вся эта длинная лекция сводится к той нашей маленькой беседе о душе.

— О-о-о!

— Да, и о раздвоении личности, и всем таком прочем. Все на самом деле очень просто. Вот я, четырехмерная реальность, совершенно приличным и законным образом занимаюсь своими делами. Я устремляюсь к собственной поверхности и проталкиваюсь через нее или, если хотите, осознаю свою поверхность — сам материальный мир, подобно тому, как осознавал конус, проходя сквозь воду. Я с воплями появляюсь на свет. Я расту. Я умираю. Это тот же самый процесс перемен, с которым мы сталкиваемся повсюду. Мой трехмерный разум думает, что все это «реально», что это — история, в то время как перед нами, в лучшем случае, география, неполный набор,

обладающий бесконечным количеством аспектов. Я настаиваю на бесконечности, ибо тот же конус содержит поистине бесконечное количество кривых. И, тем не менее, это трехмерное создание есть, несомненно, часть меня, хотя и совсем крошечная. И, признаюсь, она меня весьма развлекает — теперь, когда я побольше узнал о себе и в том числе о святой уверенности разума в том, что он (или даже носимое им плотное тело) — это все, что есть.

— Вас определенно понимает какая-то часть меня. До сих пор я не подозревала о ее присутствии.

— Вот то-то и оно, дитя мое. Но я еще не закончил. Задумайтесь, как чудесно это объясняет, скажем, психологию толпы. Предположим, идея — это настоящий четырехмерный объект. Я — когда узнаю себя лучше — скорее всего, окажусь довольно простой штукой, проявляющейся максимум в одном человеке. Однако что мешает нам представить некие абстрактные «личности», являющиеся в этот мир в сотнях и тысячах разумов сразу? Свобода, например? Вот она поднимается к поверхности, начинает проталкиваться через нее. Сначала ее замечают всего один-два человека — как самую верхушку конуса. Но она постепенно растет — или возникает вдруг и вся, как если бы вы погрузили в воду не конус, а боевой щит с острием на конце. И на этом с уроками сегодня все, дитя. Хорошенько обдумайте все услышанное и посмотрите, все ли вам будет понятно, и не возникнут ли еще какие вопросы, которые стоило бы прояснить. Следующее наше занятие будет более настоящего толка — из тех, что сразу ведут к действиям.

Тут вмешался Сирил.

— Нам еще многое нужно сделать,— произнес он отрывисто,— прежде чем мы покинем этот дом. Уже совсем стемнело, и в саду нас кое-кто поджидает.

О ТВАРИ В САДУ И О ПУТИ ДАО

— А, маленький братец! — печально сказал старый мистик. — Сколько времени вам понадобится, чтобы справиться с этой пакостью?

— Всемогушество в руке моей, вечность — под стопами, — улыбнулся юноша, цитируя известную формулу Элифаса Леви¹.

— Я должен вам объяснить, — Саймон Ифф повернулся к Лизе. — Этот мальчик — отчаянный маг, затворник этого леса. План его — Действие, цель — Магия; дайте ему Жезл и воинство демонов под руку его, и он будет совершенно счастлив. Я же со своей стороны предпочитаю путь Дао, а он означает делать все, ничего не делая. Понимаю, звучит это трудно, но однажды я все вам объясню. Практическое же следствие сего в том, что я веду жизнь, полную умиротворения и довольства, в которой ничего никогда не происходит. Он же, напротив, наводит смятение всюду, где бывает, вызывает гнев турок, а то и кого похуже, если я прав. Это он служит причиной ситуаций, когда квалифицированных горничных вдруг ни с того, ни с сего хватает эпилептический припадок, медиумы алчут крови очарованных дев, а по садам рыщут какие-то жуткие твари.

Отвращение в его голосе имело определенный комический оттенок.

— Тем не менее, это сириловы похороны, не мои. Он позвал меня в гости. Должен сказать, план его в общем и целом я одобряю, а противостояние, рискну заметить, по большей части неизбежно. Как бы там ни было, он все-таки маг, главный персонаж в пантомиме. Я просто держу полотенце за кулисами. И потому мы всю дорогу станем использовать его формулу, а не мою. Если все кончится плохо, — добавил он радостно, — возможно, это преподаст ему урок! Китайское божество,

¹ *Элифас Леви* (Альфонс Луи Констан) (1810—1875) — французский оккультист и маг, один из столпов западной магической традиции, как английской, так и континентальной.

о, да! Из него куда лучше получится китайский кули, курящий опиум у ног Чжуан-цзы!

— Он сказал мне, что я сам стою у себя на пути, что люблю борьбу и приключения и что это не сила, а вовсе даже слабость,— признал Сирил.

— Эта девушка оказалась в опасности, и в опасности совершенно ненужной,— возразил Саймон Ифф.

— Я попрошу учителя показать вам его методы — моих в ближайшие несколько недель вы еще наглядитесь. Я хочу, чтобы вы могли сравнить их и в один прекрасный день сделать выбор.

— Боюсь, я тоже люблю волнение и опасности! — воскликнула Лиза.

— Боюсь, что это и вправду так! Но раз уж Брат Сирил просит этого, мы пройдем путем Дао так далеко, как только сможем. А что намерен делать сам Брат Сирил?

— Я возьму Магический Меч, начертаю должные символы и воззову к приличествующим случаю Божественным Именам. Тварь, сокрушенная и смятенная, вернется к тем, кто послал ее,— вопя в агонии и проклиная всех богов, готовая обратиться против хозяев своих, так что вместе будут стенать они в муках.

— Один из лучших номеров в его репертуаре,— заметил Саймон Ифф. — Выслушаем теперь и другую сторону!

— Да-да! Если ваш способ лучше этого...,— воскликнула Лиза, сверкая глазами.

— Это вовсе не *мой* способ,— сказал мистик с некоторой внезапной торжественностью. Голос его возвысился в низком монотонном песнопении из «Книги Сердца, обвитого Змеем»:

«Я, Меня и Моё сидели с лютнями на торжище великого города, города фиалок и роз.

Ночь наступила, и смолкло пение лютен.

Буря взыграла, и смолкло пение лютен.

Час миновал, и смолкло пение лютен.

Но Ты — Пространство и Вечность; Ты — Материя и Движение; и Ты — отрицание всех этих вещей. Ибо Символа Тебя нет»¹.

¹ Чжуан-цзы (предположительно IV в. до н.э.) — знаменитый китайский философ-даос.

² Алистер Кроули. «Liber LXV (Книга Сердца, обвитого Змеем)», III:21—26.

Слушатели были потрясены до мозга костей. Старик затем взял пригоршню листьев ясенца из резной золотой шка-тулки и направился в сад.

Тьма царила там. В ней смутно вырисовывались силуэты ку-стов и линия ограды за ними.

— Вы видите Тварь? — спросил Ифф.

Лиза как следует всмотрелась.

— Не ищите ничего определенного, — посоветовал ей мистик.

— Кажется, вон в том углу тьма какая-то другая, — про-молвила Лиза, указав туда рукою. — Вроде как мрак там стал красноватым.

— О, мой бог! Если вы намерены пользоваться терминами вроде «мрака», боюсь, вы окажетесь на стороне Сирила. Теперь смотрите!

Он положил ей на голову руку, а другой протянул яседец.

— Возьмите один из этих листьев и жуйте!

Она сунула в рот серебристо-серый листок с нежным бе-лым налетом.

— Я вижу там некую бесформенную массу темно-красного цвета, — сказала она по прошествии некоторого времени.

— Тогда смотрите! — вскричал Ифф. Он быстро шагнул в сад и воздел правую руку.

— Твори свою волю, таков да будет весь закон! — провоз-гласил он голосом, способным сотрясти Синай, и швырнул остаток листьев в том направлении, где скрывалась Тварь.

— Во имя сил Пентаграммы! — выкрикнул Сирил Грей. — Он специально устанавливает магическую связь между собой и Лизой!

Он тут же прикусил губу и выругался про себя; изумление заставило его забыть о благоразумии.

Саймон Ифф его крика не заметил. Он провозгласил из «Книги Закона»: «Будь сильным, о человек! вождей, наслаж-дайся всем, что волнует чувства и несет упоенье; и не стра-шись, что за это какой-нибудь Бог отвергнет тебя»¹.

Тварь тут же стала виднее, словно слегка сгустившись и уменьшившись. Теперь Лиза ясно различала животное, по-хожее на волка, припавшее к земле. Размером оно было

¹ «Liber CCXX (Книга Закона)», II:22.

с небольшого слона, а цвета — глухого пламенно-алого. Мордой оно обратилось к ней, и Лиза, к ужасу своему, увидала, что глаз у него не было.

Старик-маг тем временем направился прямо к нему. Ничего пророческого не осталось в его осанке. Вся его манера выражала безразличие — нет, даже забывчивость. То был просто тихий пожилой джентльмен, вышедший на вечернюю прогулку.

Он вошел прямо в Тварь. Она сомкнулась вокруг него, и Лиза вдруг увидала, что его фигура излучает слабый свет — бледное сияние, тепло, разгоравшееся на ходу. Очерк Твари дрогнул и сжался, словно его втягивало внутрь. Он уменьшался, а свет становился сильнее. Будто бы пылающая его сердцеви́на, формой напоминая яйцо, всходила зарею и вибрировала, полыхая сверкающими радужными цветами. Тварь исчезла, и в тот же миг свет потух. Саймон Ифф, милый пожилой джентльмен, возвращался с прогулки.

Но Лиза все равно услышала тихий голос, тающий, будто эхо; «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей», — прошепел он.

— Давайте же войдем внутрь, — промолвил, поравнявшись с ними, Ифф. — Не хватало еще, чтобы вы простудились.

Лиза проследовала к дивану. Она ничего не сказала: увиденное ошеломило ее. Возможно, она даже на мгновение потеряла сознание, ибо вдруг услышала, как двое мужчин спорят между собою.

— Я согласен, — говорил Сирил, — все получилось очень аккуратно и вдобавок продемонстрировало строгость подлинного художника. Но я все же думаю о том, в чьей руке был выстреливший пистолет. На него нужно было нагнать страху.

— Но страх — это проигрыш! — мягко и как бы удивленно протестовал Ифф.

— Но мы же и хотим, чтобы они проиграли!

— Э, нет! Я-то хочу, чтобы они выиграли.

— Он невозможен! — Сирил оборотился к Лизе и довольно гневно. — Я, знаете ли, люблю парадоксы, но он каждый раз превосходит всякое мое понимание. Я — любитель, я просто чертов любитель во всем этом.

— Позвольте мне объяснить! — улыбнулся Просто Саймон. — Если бы каждый творил свою волю, никаких

столкновений не было бы. Каждый мужчина и каждая женщина — звезда. Коллизии случаются, только когда мы сходим со своей орбиты. Если Тварь сходит с орбиты и вторгается в сферу моего притяжения, я поглощаю ее с совершенным спокойствием, и вот звезды вновь поют хором.

— Ффух! — сказал Сирил и притворился, что оттирает пот со лба.

— Но разве эта дьявольская Тварь не представляла для вас опасности? — спросила Лиза, ежась при воспоминании о пережитом ужасе. Всю сцену в саду она дрожала, как осиновый лист.

— Носорогу, — процитировал Саймон Ифф, — некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти¹.

— Но вы же ничего не делали. Вы действовали, как самый обычный человек. Правда, я думаю, дело кончилось бы смертью для кого угодно, кроме вас.

— Обычный человек не сумел бы и притронуться к этой Твари. Она была на другом плане; шансов столкнуться с ней у него было бы не больше, чем у света — столкнуться со звуком. Молодого мага, который уже отворил врата на этот план, но не стал еще его господином, она могла бы и победить. Более того, Тварь могла бы изгнать его собственную личность и использовать его тело, как свое собственное. Такова опасность, подстерегающая в магии всякого новичка.

— А в чем же ваш секрет?

— Ассимилировать все и любые явления с таким совершенством, чтобы исключать даже возможность борьбы. Разрушить самую идею двойственности. Обрести Любовь и Волю в такой степени, чтобы больше не было ни объектов для Любви, ни целей для Воли. Изничтожить желание на корню. Стать единым со всем и с Ничем.

¹ «Дао дэ цзин» (50): «[Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит от того, что у них слишком сильно стремление к жизни. Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти».

— Смотрите! — продолжал он, сменив тон. — Почему человек умирает, когда в него попала молния? Потому что он открывает ей врата свои. Он прямо-таки настаивает, что представляет собой электропроводящую субстанцию, так как обладает свойством сопротивления прохождению электрического тока. Если бы это сопротивление удалось свести к нулю, молния бы человека даже не заметила.

— Существует два способа избежать повышения температуры при нагреве солнечными лучами. Первый состоит в том, чтобы поставить на их пути экран из изолирующего и непрозрачного материала — это путь Сирила, и даже в лучшем случае он все равно несовершенен: до некоторой степени жар все равно проникает через него. Другой — удалить материю вплоть до последней частицы из пространства, которое вы желаете оставить холодным. Тогда там просто нечему будет нагреваться. И это и будет путь Дао.

Лиза обняла Сирила за шею и положила головку ему на плечо.

— Не надо мне знать, как это делается, — сказала она. — Я чувствую, для этого нужно будет бросить Сирила.

— Для этого нужно будет бросить саму себя, — парировал мистик, — и рано или поздно вам все равно придется это сделать. Но не печальтесь! Всем приходится пройти через эту стадию, и, если я не сильно ошибаюсь, вы вот-вот сделаете это, и в довольно острой форме.

— Я пробовал Дао, — вставил Сирил с некоторым оттенком сожаления, — но не справился.

Саймон Ифф рассмеялся.

— Ты вроде того старика, попавшего в бурю, который понял, что тепло ему будет где угодно, только не здесь. Тогда он решил уменьшить поверхность мерзнущего себя и снял для этого одежду, но обнаружил, что стало только холоднее. Тебе становится все хуже и хуже, пока ты не исчезнешь во все и навек. Но ты пробовал только полумеры. Ты столкнулся с тем, что воля твоя разделилась пополам и сама встала у себя на пути — воля к жизни против воли к нирване, если позволишь. А из этого даже хорошей магии не состряпать.

Юноша про себя тяжело вздохнул. Он понял достаточно, чтобы узреть, как высоки вздымающиеся перед ним вершины.

И храбрость почти оставила его при мысли — и знание это было чисто инстинктивно — о том, что ему придется их поко- рить, хочет он того или нет.

— Берегись! — закричал вдруг Саймон Ифф.

Почти сейчас же ужасный вопль донесся из соседнего ателье.

— Моя вина! — пробормотал смиренно старик. — Я сам разделил надвое его волю. Болтал, как старый дурак. Должно быть, отождествился на мгновение с Саймоном Иффом. О, гордыня моя! Гордыня!

Но Сирил Грей предупреждение понял. Он встал во весь свой рост и сделал некий любопытный жест, после чего с мрач- ным лицом выбежал из ателье. Через секунду он уже бараба- нил в дверь соседа. Еще через одну она распахнулась под напо- ром его плеча.

На полу лежала женщина. Над нею стоял скульптор, сжи- мая в руке покрытый кровью молот. Вид у него был совершен- но оторопелый. Грей схватил его и потряс, тот обвел окрест- ность глупым взглядом.

— Что я наделал? — спросил он.

— Ничего! — рявкнул Сирил. — Я сделал это, я! Скорее! Может, ей еще можно помочь!

Однако скульптор ударился в ламентации; он был, увы, не способен уже ни на что, кроме слез. Он рухнул на тело сво- ей модели и с великой страстью разрыдался. Сирил заскрипел зубами: девушка была на грани между этим миром и тем.

— Учитель! — воззвал он ужасным голосом.

— В случаях, подобных этому,— сказал Просто Саймон, стоявший в футе от него и незамеченный никем,— когда над природой надругались и попытались жестоко преступить ее естественные законы, вполне допустимо действовать — или, вернее, противодействовать, ровно настолько, чтобы восстано- вить равновесие. В сердцах этих юных людей зрело семя раз- дора. Удар, нацеленный на вас и разделивший вашу волю, ри- кошетом попал и в них. Их собственная двойственность при- влекла к ним энергию убийства. Я дам им Лекарство.

Он вытащил из кармана фляжку и уронил по капле содер- жимого на губы девушки и в каждую из ноздрей. Затем слегка окропил платок и приложил его к ране у нее на голове.

Внезапно скульптор с криком вскочил на ноги. Руки его были покрыты кровью, бежавшей уже с его собственной головы.

— Быстрее! Вернемся к себе,— сказал Саймон,— если мы не хотим давать объяснения. Через пять минут они будут в полном порядке и станут думать, что все это сон. Чистая правда — как и все остальное в мире!

Сирилу, правда, пришлось нести мисс Ла Джуффрия. Смена таинственных и мистических событий в этот вечер была так стремительна, что разум ее полностью выключился, оставив деву в глубоком трансе.

— Весьма удачное стечение обстоятельств,— заметил при виде этого Саймон Ифф. — Как раз пора переправить ее в Резиденцию Ордена.

Сирил закутал Лизу в ее меха, после чего они вдвоем вынесли ее на бульвар, где уже ждал их автомобиль Иффа.

Мистик поднял левую руку, скрестив два пальца,— это был сигнал для шофера. Через мгновение они уже неслись на приятной скорости по бульвару Араго.

Лиза пришла в себя, когда автомобиль пересек Сену и усталвил нос на высоты Монмартра. К тому времени, как он остановился у скромного особняка довольно современной архитектуры, притулившегося на самой крутой стороне холма, она уже совершенно оправилась.

Дверь отворилась беззвучно. Позже Лиза узнала, что в доме этом нет нужды отдавать приказанья, а простота достигла уровня такой безмятежности, что все работает само собою, без лишних вопросов. Только лишь при самых необычных происшествиях бывает, что раздается речь, да и тогда ее немного.

Дверь, как уже было сказано, отворилась, и на пороге с поклоном показался вполне обычного вида дворецкий. Саймон Ифф поприветствовал его в ответ и, когда отворилась — также сама собою — вторая дверь, вошел внутрь. Лиза очутилась в небольшом холле. Открывший внутреннюю дверь был от шеи до колен облачен в черную тунику без рукавов. С пояса его свисал тяжелый меч с крестообразным эфесом. Человек этот поднял три пальца, Саймон Ифф кивнул и повел своих гостей в находящуюся слева комнату.

Там их встретили трое, которых и означал жест стража. Лорд Энтони Боулинг¹ приходился старому мистiku давним другом. То был мужчина крепкий и сильный почти пятидесяти лет от роду со взглядом бестрепетным и пронизательным. Нос его был до крайности аристократичен, а рот — исполнен чувственности и мощи.

Сирил Грей прозвал его *«Мэйферским² Тритоном»* и утверждал, что Роден³ замыслил своего «Кентавра» в тот день, когда познакомился с ним.

Он был младшим братом герцога Флинтского и происхождение имел преимущественно норманнское, однако, производил впечатление римского императора. Надменность была в нем, но и много благодушия; интеллект, очевидным образом развитый до высочайшей степени, на какую только способен человек. На лбу его, широком и основательном, читалась привычка к скептицизму. По нему одному можно было судить о громадной силе его души, о страстном желании знания, пылавшем в этом великом разуме. Его могли бы счесть способным на чудовищные поступки, ибо он не позволил бы ни человеку, ни предрассудкам людским встать у себя на пути. И глядя

1 Прототип этого персонажа — Фрэнсис Генри Эверард Джозеф Фейлдинг (1867—1936), потомок короля Генриха VIII и Екатерины Арагонской в 11-м колене, второй сын 8-го графа Денбига. Эверард Фейлдинг служил на флоте мичманом и участвовал в египетской кампании 1882 года. Он закончил частную школу Оскотт, в 1887 году поступил в Тринити-колледж (Кембридж), в 1890-м получил диплом бакалавра юстиции, а в 1894-м — право адвокатской практики. По отзывам друзей, Фейлдинг был «полон юмора, обладал весьма необычными талантами, был хорошо начитан, любил поспорить и прекрасно был осведомлен по всем разнообразным вопросам, с которыми сталкивала его жизнь». Вдобавок он был одаренным музыкантом, способным играть с листа труднейшие пьесы. С 1903 по 1920 гг. он занимал должность секретаря в Обществе психических исследований. В августе 1906 года его брат Бэзил погиб во время лодочной прогулки, после чего Эверард еще сильнее увлекся спиритизмом и приобрел «довольно обширный опыт в исследовании сверхчувственных явлений и самое исчерпывающее образование, какое только могли дать ему всевозможные медиумы-шарлатаны». Фейлдинг известен, прежде всего, как один из экспертов, расследовавших в Неаполе деятельность итальянской спиритистки и медиума Евсапии Палладино (1854—1918); первоначально он поверил в ее способности, но в 1910 году вернулся для повторного расследования и пришел к выводу, что она — шарлатанка. Любопытно, что в 1919 году, уже после того, как было написано «Лунное дитя», Фейлдинг женился на Станиславе Томчек — польском медиуме, прототипе Елены Мотич в романе Кроули. — *Примеч. ред.*

2 *Мэйфер* — фешенебельный лондонский квартал.

3 *Роден*, Франсуа Огюст Рене (1840—1917) — великий французский скульптор-импрессионист.

на горящий Рим, он бы, безусловно, играл на скрипке — если бы игра на скрипке входила в число его любимых занятий.

Человек этот был оплотом Общества Психических Исследований и, вероятно, единственным компетентным его членом; по меньшей мере, он сильно выделялся на общем фоне. Он умел с величайшей точностью определить пределы погрешности в любом исследовании. Подобно тому, как опытный альпинист проложит себе путь по слабому мелу, доверив каждому осыпающемуся уступу ровно тот вес, который он способен вынести, лорд Энтони мог построить вполне прочное дело на совершенно никчемных уликах. Он знал, докуда можно мошенничать. Он мог поймать медиума на жульничестве до дюжины раз за сеанс и все же честно засвидетельствовать ряд продемонстрированных на нем подлинных феноменов. Он говаривал, что распоясавшийся медиум еще не объясняет землетрясение в Мессине.

Если человек этот когда-либо давал повод усомниться в его суждениях — а никто в здравом уме не поставил бы под вопрос его искренность — то по той лишь причине, что он мог совершенно заморочить голову медиумам, деятельность которых расследовал. Он погружался в каждую фазу странных их состояний, как будто был полностью един с ними духом, а по окончании сеанса возвращался и рассматривал весь ход событий снаружи, словно и не принимал в них никакого участия.

Однако те, кто видел его лишь на первом этапе, говорили, что его ничего не стоит обмануть.

Вторым гостем¹ Саймона Иффа, или, вернее, Ордена, к которому тот принадлежал, был джентльмен высокий, но согбенный недугом. Копна тяжелых черных кудрей венчала лик, бледный, как сама смерть; впрочем, глаза его несравненно сверкали под кустистыми бровями. Он только что вернулся из Бирмы, где прожил буддийским монахом долгие годы. Он так и излучал неукротимую духовную отвагу; в каждом его движении сквозила ярость битвы сразу с дюжиной смертельных болезней.

¹ Прототип этого персонажа — Алан Беннет (1872—1923) — друг и учитель Кроули, член Герметического ордена Золотой Зари (под девизом «Iehi Aouh» — др.-евр. «Да будет свет!»); в 1902 году стал буддийским монахом и принял имя «Ананда Меттея» (санскр. «Блаженство доброты»). Один из первых наставников Кроули в церемониальной магии, впоследствии также руководивший его работой по системе йоги. — *Примеч. ред.*

Имея в году едва ли неделю более-менее приемлемого здоровья, он успевал проделать работу, которая устрасила бы и полный штат крупного университета. Почти что в одиночку он изучил сокровенную доктрину буддизма и озарил светом понимания не одну непроходимую философскую чащобу. Он реорганизовал буддизм, сделав из него миссионерского типа религию и основал повсюду общества для его изучения и практики. Посреди всех этих трудов ему достало времени и силы и на личное увлечение — исследования электричества. Его не понимали, ему мешали и чинили препятствия, но он добился в конечном счете успеха. И никогда, никогда он не преступал данной ему Учителем заповеди, возвысив голос свой, чтобы разоблачить ошибку. Даже враги его вынуждены были признать его святым. Саймон Ифф никогда его не встречал, однако, тот устремился навстречу Сирилу и приветствовал его с горячностью брата. Мальчишка был величайшим из его учеников, но Махатера Фанг, как его называли в монастыре, давно уже оставил путь магии ради другого, не слишком отличавшегося от того, каким следовал Саймон Ифф.

Третий¹ был по сравнению с прочими весьма невеликого калибра. Среднего роста и хорошо сложенный, но какой-то хрупкий. В нем не чувствовалось никакого значительного развития, а лишь беспокойный ум, низведенный до простой сообразительности, не способный постичь разницу между талантом и гением. Он был опытным заклинателем духов; факты о психических исследованиях у него от зубов отлетали; подкованность в современных психологических теориях просто поражала, но вместе с тем он едва ли был чем-то более машины, не способной пойти против собственной логики даже с помощью здравого смысла. Кто-то когда-то сказал, что мы сами роем себе могилу своими же зубами. Так вот, Уэйк Морнингсайд задался целью доказать с позиций науки, что питание — непосредственная причина смерти и, следовательно, абсолютный

¹ Прототип этого персонажа — Хирворд Каррингтон (наст. имя Хьюберт Лавингтон, 1880—1958), британский исследователь парапсихических явлений, журналист и писатель, автор более 100 книг на эту и смежные темы (в том чис е — по альтернативным формам медицины). В 1899 году эмигрировал в США. В 1908 году, как и Фейлдинг, исследовал феномен Евсапии Палладино и написал о ней восторженную книгу, но впоследствии разоблачил ее как мошенницу. — *Примеч. перев.*

пост приводит к бессмертию. Доказать это ему было несложно — по крайней мере, в Америке.

Кроме этого он взвешивал души, фотографировал мысли и мог бы даже отправиться на охоту за Абсолютом, приди ему в голову такая идея! Нью-йоркские воскресные газеты гонялись за его статьями; прямо сейчас он был занят написанием сценария для кинематографа, в который собирался насовать фактов из области психических исследований. Он лучше всех понимал, что, все заслуживающее доверия, целиком влезет на одну бобину пленки, однако, ничтоже сумняшеся подписал контракт на сериал из пятидесяти пяти частей. Он постоянно жевал шоколадки — последнее изобретение, помогающее избежать всех ужасов более комплексного питания, — и нимало не задумывался о том, что вся эта деятельность способна нанести непоправимый урон его исследовательской репутации. И, о, да! — он был весьма умным человеком, наблюдательным и сообразительным. Обладай он духовной силой, это спасло бы его от большей части глупостей, но, увы, он свято верил в свои «пунктики», что дурно отражалось на здоровье и придавало ему истеричности. Все это, не говоря уже о склонности ставить свои знания на службу второсортным целям, привело к тому, что публика начала сомневаться в ценности его свидетельств даже по самым серьезным вопросам. Вот вам пример. Несколько лет тому назад он в числе прочих подписал благоприятное заключение Общества медиуму по фамилии Янсен; на следующий год он вывез этого джентльмена в Америку, устроил ему гастроли и сделал на этом весьма неплохие деньги. В итоге не осталось ни Янсена, ни заключения. В Нью-Йорке скандинавского медиума разоблачили, а Морнингсайду на его возражение, что это, дескать, не дезавуирует ранее сделанного заключения, сказали просто: «Нет, но его дезавуирует само ваше присутствие».

Впрочем Боулинг, с которым от только что приехал из Англии, знал его слишком хорошо, чтобы подозревать в мздоимстве, и ценил совместную работу по части исследований предполагаемых спиритуалистских феноменов — в основном из-за необычайных его способностей к вызыванию духов и, практически, безупречного знания всех профессиональных трюков, какие когда-либо проворачивали или хотя

бы могли повернуть медиумы. На самом деле он был главным экспертом Боулинга в вопросах вероятного медиумического мошенничества.

Пока в комнату не вошли Саймон Ифф и его спутники, троих этих джентльменов занимала разговором дама¹. Она была одета в простую пурпурную мантию, сшитую из одного куска и ниспадающую до пят, с длинными, расширяющимися книзу рукавами. Алая роза на золотом кресте была вышита у нее на груди. Пышные каштановые локоны дамы были уложены кольцами над ушами.

Лицо ее отличалось необычайной красотой в особом, эзотерическом смысле. Как и вся ее фигура, оно было здоровым и полным жизни, но читалась в нем и бесконечная нежность, удивительная в столь сильной модели. Взгляд ее был чист, бесстрашен и искренен, но, по всей вероятности, нередко служил ей дурную службу, ибо совершенно очевидным образом не способен был понять ни зла, ни лжи. Нос, прямой и довольно широкий; рот, твердый и страстный, с губами несколько полноватыми, но чрезвычайно подвижными. Но выражение этого лица искупало любые недостатки черт. Ибо хотя физический облик его был суровым и даже варварским — она могла бы быть татаркою, невестой Чингиз-хана или владычицей какого-нибудь острова в Южных морях, швыряющей трупы убиенных ею от избытка страсти и разнузданного воображения любовников в кратер Мауна-Лоа — и все ж душа сияла изнутри и обращала мечи в орала. Там была гордость, конечно, но лишь той разновидности, что украшает, подобно щиткам, гербы аристократов. Женщина эта была неспособна на низость, вероломство или даже простую недоброту.

Ужасный огонь пылал в недрах этого вулкана, но уже поставленный на службу человеку: он нагревал атанор² искусства. Эта женщина была великой певицей. Никто за пределами Ордена не знал ни о тайных ее устремлениях, ни о том, что время от времени она удаляется в один из орденских

1 Прототип этого персонажа — Лейла Уодделл (1880—1932), скрипачка родом из Австралии, ученица и возлюбленная Алистера Кроули, которой он посвятил ряд стихотворений и рассказов, а также одну из своих пьес. Образ ее занял почетное место в его «Книге Лжей». Лейла состояла в А.:

2 Атанор — алхимическая печь, в которой происходит трансмутация металлов.

Домов, дабы работать там над куда более великой трансмутацией своего существа.

Она с особою теплотой приветствовала Сирила — конечно, ведь именно ей он некогда бросил пару носок. Некоторым образом это он сделал ее великой артисткой: самая личность его снесла высившуюся внутри нее плотину. Никогда до встречи с ним не пускала она себя на свободу; он же при помощи магии показал ей, как сделать искусство колесницею души.

Позднее он привел ее в Орден, вполне постигнув неопценные ее достоинства; и если не самым продвинутым, то самым возлюбленным членом этого общества стала она.

Звали ее сестрой Кибелюю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБ УЖИНЕ И БЕСЕДЕ С РАЗНЫМИ ГОСТЯМИ

Саймон Ифф и Сирил Грей выскользнули из приемной, дабы облечься в одежды сообразно своему орденскому достоинству.

Вернулись они через несколько мгновений. На старике была мантия того же кроя, что и у Сестры Кибелы — все мантии Ордена были этого образца — но из черного шелка, с золотом вышитым на груди оком в лучащемся треугольнике.

На Сириле Грее была такая же, но с оком, заключенным в шестиконечную звезду, испускающую волнистые клинки из всех входящих углов.

Их явление прервало беседу, и Сестра Кибела, взяв Лизу под руку, повела всех в холл.

Здесь начинались чудеса этого дома. Стену напротив входной двери украшала скульптурная группа поистине героического размера.

Эта бронза представляла Меркурия, ведущего Геркулеса в Аид. На заднем плане Харон стоял во весь рост в своей лодке, одну руку держа на весле, а другую протягивая за положенным ему оболом.

Подождав, пока все гости заберутся в лодку, Сестра Кибела притворилась, будто кладет монетку в ладонь перевозчика.

В действительности же она коснулась скрытой пружины. Стена расступилась, и лодка медленно вплыла в проем, и пристала к новому причалу по ту ее сторону.

Обширный зал расстился перед ними. Лиза подумала, что холм за домом, должно быть, основательно изрыт. Зал был высок, узок и длинен. Посреди него круглый стол ждал гостей. За каждым стулом стояло по орденскому послушнику в белой мантии с алой пентаграммой на груди, с горлом, подолом и рукавами, окаймленными золотом. Подальше стола, за которым уже восседало несколько членов Ордена в разнообразного цвета мантиях (они молча и накоротко встали поприветствовать новоприбывших), возвышалась треугольная глыба черного мрамора с усеченными для удобства остриями. Шесть сидений из черного дерева, инкрустированных серебряными дисками, стояло вокруг нее.

Сестра Кибела покинула их, чтобы занять место председателя круглого стола. Саймон Ифф возглавил треугольник, усадив Сирила Грея и Махатеру Фанга по углам. Лорд Энтони Боулинг сел слева от него, Лиза — справа, а Морнингсайд — напротив, посреди основания.

Когда все расселись, Сестра Кибела встала и ударила в колокол, стоявший подле ее руки.

— Твори свою волю, таков да будет весь закон,— возгласила она. — О, Мастер Храма, в чем заключается твоя воля?

— Я желаю есть и пить,— отвечал ей Саймон Ифф, поднимаясь со своего места.

— С какой целью желаешь ты есть и пить?

— Дабы в силе восставить тело мое.

— С какой целью желаешь ты восставить в силе тело твое?

— Дабы оно споспешествовало выполнению Великой Работы.

На этих словах все встали и торжественно пропели хором:

— Да будет так!

— Любовь есть закон, любовь в согласии с волей,— мягко заключила Сестра Кибела, садясь.

— Это, конечно же, совершенно абсурдное суеверие,— заметил Морнингсайд Саймону Иффу,— полагать, будто пища

укрепляет тело. Это делает только сон. Пища просто-напросто обновляет ткани.

— Совершенно с вами согласен,— вмешался Сирил Грей, прежде чем Ифф успел раскрыть рот,— и намерен немедленно приступить к обновлению моих тканей при помощи этих превосходных шербурских креветок — это для начала!

— Креветки, мой дорогой,— вставил лорд Энтони,— куда лучше идут к концу ужина — и вы бы прекрасно это знали, если бы в последнее время бывали в Армении.

Когда Морнингсайду случилось изречь глупость, это просто означало, что он решил проветрить свои «пунктики»; когда это делал лорд Энтони, слушателям грозила история. А истории его были ох как хороши! Саймон Ифф тут же вскинулся и потребовал продолжения.

— Это довольно длинно,— протянул Боулинг как бы с некоторым сомнением,— но очень, очень красиво.

Завуалированные цитаты придавали его повествовательной манере некое завораживающее свойство. Небольшой психологический трюк — и всем сразу стало интересно. Все почуяли аллюзию, но не опознали ее; а магия ассоциаций — подобно незнакомцу, остро напоминающему... непонятно кого — сделала интерес особенно жгучим.

— На исходе сумрачного дня,— начал лорд Энтони,— некий охотник зловещей наружности приближался к селению Ситкаб, что в Армении. Это был, конечно, я сам — иначе разве стоило бы рассказывать эту историю? Воевать — так за корону! Я выслеживал самую свирепую, неуловимую и опасную дикую тварь из всех, что кишат на этой планете, за исключением, конечно, женщин,— тут он так обворожительно улыбнулся Лизе, что той оставалось лишь принять это за комплимент. — Нужно ли уточнять, что речь идет о полтергейсте?

— Более того,— со смехом возразила Лиза,— раз так, вам придется объяснить мне, кто таков мой соперник!

— Полтергейст есть некая разновидность духа, имеющая обыкновение игриво кидаться мебелью и устраивать милые розыгрыши в духе какого-нибудь паяца из пантомимы. Тот конкретный вид, чьей шкурой — если, конечно, у них есть шкуры — мне ужасно хотелось украсить свою коллекцию

теософских чайных чашек¹, спиритических сигарет и прочих редкостей, был подлинным художником, хотя и довольно узкой направленности. Дух, как правило, пользовался только одним инструментом, но зато довел владение им до уровня настоящего мастерства. Он работал с обычными метлами. Сей гениальный призрак — или, скорее, не призрак, ибо видеть его удавалось редко, в основном, только слышать (ситуация совершенно обратная, прошу заметить, тем требованиям, которые мы обычно предъявляем к маленьким мальчикам!) — так вот, этот полтергейст, предположительно, гостевал у местного стряпчего в вышеуказанной деревушке. Более того, он докучал ему вот уже два года кряду. При посредстве великолепного медиума он сообщил, что является духом покойного адепта; впрочем, это совсем не мешало ему кидаться метлами в стряпчего, отправляющего свои повседневные обязанности, состоявшие в сеянии раздоров между гражданами этого плачевно мирного уголка земли и присвоении неосторожно доверенных ему для разумного вложения фондов. Он был честным законником, в том роде, в каком честны бывают законники — я сам в непросветленные мои годы принадлежал к этому сословию — и чрезвычайно обижался на подобное вмешательство в его дела, тем более что никакие постановления о *хabeas метлум*², не способны были остановить бесчинства.

Не так давно это милое создание (я имею в виду духа), наконец, жалилось над принимающей стороной и даже попыталось заслужить ее благодарность путем спасения от неминуемой гибели. Как-то раз, когда стряпчий собирался переехать через деревенский мост, с небес ястребом низверглась метла и встала стоймя у него на пути. Лошадь в испуге вздернула на дыбы. Через мгновение мост был снесен внезапным паводком. (Ваш *борц* совершенно превосходен, мистер Ифф!) Меня вызвали расследовать это дело, я прибыл и вселился в дом своего собрата-грабителя. Шесть недель провел я там, и результаты, увы, были

1 Лорд Боулинг намекает на «чудеса» основательницы Теософского общества Е.П. Блаватской, чьи махатмы материализовали из воздуха чайные чашки.

2 Лорд Боулинг намекает на Habeas Corpus Act — закон о неприкосновенности личности, принятый в Англии в 1679 году — отмечая отсутствие постановлений, обеспечивающих неприкосновенность граждан от злонамеренных действий, осуществленных лично метлами (или с их помощью).

неубедительны. Я уверился в том, что стряпчий считает свою историю чистой правдой, а метлы действительно двигаются, причем необъяснимым образом; впрочем, мне не посчастливилось наблюдать ничего подобного, когда его не было поблизости. Поневоле приходится растягивать свои понятия о пределах мошенничества, докуда вообще возможно человеку, — особенно если имеешь дело со стряпчими или с метлами. И вот я вернулся из варварских этих земель в наш современный Вавилон, где прожил целый сезон. Некоторое время спустя я получил открытку, где сообщалось, что друг мой женится на наследнице Ситкаба, а еще через год (когда я осторожно навел справки) он имел честь известить меня, что манифестации полтергейста со дня бракосочетания полностью прекратились. Да, некоторые адепты, как всем известно, чрезвычайно щепетильно относятся к вопросам секса. *Отпадите на часок от аскезы в стиле Галахада, и чертова сигара непременно упадет вам в суп, и уже никогда, никогда вас не отвлечет от бильярдного стола прибытие срочной депеши из Тибета, написанной на почтовой бумаге, какую настоящие леди покупают в Уолхэм-Грин¹, как бы намекая, что тайная Мудрость всегда сокрыта за Завесой или что Высшему Просветлению недосуг пользоваться обычной почтой**.

Но история на этом, между прочим, не заканчивается. На самом деле все вышесказанное — не более чем прелюдия к куда более важной теме. Прошел еще год. По исключительному и, ввиду того, что случилось затем, довольно зловещему стечению обстоятельств, процесс занял в точности двенадцать календарных месяцев.

Итак, я получил от стряпчего еще одно письмо. Закатилась ли луна его любви или нет, он не сказал, но феномены возобновились, причем с дополнениями и улучшениями в методике. В прошлый раз нас весьма воодушевило то, что за стенами дома никогда ничего не происходило — за исключением знаменитого случая на мосту; теперь метла стала чрезвычайно навязчивой и следовала за хозяином повсюду, как барашек за Мэри². Супруга его тоже вдруг обнаружила поразитель-

1 Уолхэм-Грин — район в Лондоне между Фулхэмом и Челси.

2 Имеются в виду персонажи известного американского детского стишка «У Мэри был барашек», опубликованного в 1830 году за авторством Сары Джозефы Хейл.

ные способности к медиумизму и получала от герра П. Гейста¹ послания необычайной важности. Целый новый мир распахнулся перед нашими глазами. Я всегда воображал себя Колумбом, и поскольку как раз недавно сделал приличные деньги на удачной спекуляции нефтью, не колеблясь, разорился на телеграмму. Кроме Колумба, я всегда воображал себя Цезарем и стремился превзойти его в краткости. «Приезжайте целую зиму», — именно так я и написал. Неделю спустя эти простые и богобоязненные души, сумевшие невредимыми добраться до Константинополя, были благополучно водворены в тесные келейки, если позволите мне это словоупотребление, Восточного Экспресса. Из Парижа их вызволил друг, которого я мудро послал им навстречу, а еще через день сердце мое возрадовалось исполнению мечтаний — действительному физическому присутствию возлюбленных мною людей в моем родовом гнезде на Керзон-стрит (это тот самый дом, который я два года назад снял у Барни Айзекса, то есть, у его наследников, так как беднягу, как вы помните, повесили).

Научные данные указывают, что полтергейсту высшего класса, чтобы освоиться на новом месте обитания, требуется две недели и больше. На этом обстоятельстве ученые мужи основали немало трактатов, высказывающих предположение, что он вполне может принадлежать к кошачьему роду. Впрочем, другие, не менее ученые, пришли к заключению, что с весьма высокой степенью вероятности его трогательная привязанность к указанному стряпчему свидетельствует о природе, близкой, скорее, природе собаки. По мне, так весьма вероятно, что свет истины не вполне обошел своим вниманием ни ту, ни другую сторону дискуссии; я бы скромно выдвинул теорию, что полтергейст, несмотря на свое немецкое имя, обладает, подобно животным Австралии, двойкой природой, и даже рискнул провести параллель между фигурирующей в нашей истории метлой и метательной палкой, что в ходу у аборигенов этого континента. Как бы там ни было, наш друг-полтергейст принялся вновь за свои упражнения ровно через четырнадцать дней по прибытии стряпчего с супругой на берега Альбиона,

1 Немецкое слово «geist» (до некоторой степени соответствующее английскому «ghost») означает разум, призрака или духа. Супруга стряпчего, таким образом, получала послания от самого мистера П[олтер] Гейста.

и даже был настолько любезен, что дал полный концерт — а капелла, или, точнее, а каза¹ — три дня спустя. Севрская ваза, пошедшая в жертву адским богам, все равно никогда мне не нравилась.

Как раз тогда начали развиваться и медиумические способности дамы. Дух изобрел оригинальный способ коммуникации, известный науке как «планшетка». Скорее всего, этот инструмент вам знаком: это крайне неудобный способ письма, а в остальном не представляет собою ничего особенного. Теперь, когда все уже согласилось, что «автоматическое письмо» — действительно автоматическое, медиумам нет никакой нужды притворяться, будто планшетка не находится под полным их контролем.

Итак, эта планшетка предоставила нам массу бесценной информации о привычках, образе жизни, общественных и прочих удовольствиях самых разнообразных усопших, а также — и причем совершенно бесплатно — ряд советов, которые, если бы я им последовал, непременно сделали бы меня еще лучшим человеком, чем я есмь сейчас. Однако с великим сожалением я вынужден признать, что научная истина куда дороже сердцу моему, чем даже духовная красота, и что в тот момент я был всецело поглощен намерением верифицировать самые свежие факты касательно полтергейста, ибо они придавали все больше веса теории о том, что это что-то вроде собаки. По вдохновенному наитию его хозяйки у духа развились вполне очевидные черты характера, которые бы мы объявили присущими спаниелю или ретриверу.

Еще в Армении он имел обыкновение, устав от сольных номеров с метлой, наставлять и радовать подопечных людей, кладя мелкие предметы туда, где им не место. Я не раз находил свои носки засунутыми в карманы брюк, или бритву — висящей на зеркале, и понимал, что *утро в омут ночи швырнуло камень, обратив созвездья в бегство; уже зари охотник арканом света уловил султана башню*. Во второй серии феноменов верное и умное животное пошло еще дальше и принялось таскать в дом предметы издалека. К счастью, в великом Запределье

¹ *A cappella* — хоровой вокальный номер без музыкального сопровождения, досл. «как в церкви» (*ит.*); *a casa* — дома (*ит.*).

явно считали, что охват полтергейста должен превосходить его хватку.

И вот как-то раз — стоял прелестный месяц май, весь в цвету, как обычно, — планшетка вдруг произвела крайне загадочное послание. Насколько мы вообще сумели его понять, полтергейст вознамерился предоставить нам дополнительные доказательства своего присутствия. «Доказательства» — так он, помнится, и сказал; о, да, я помню это совершенно точно. Заканчивалось послание весьма неожиданным пассажем: «Остерегайтесь дичи!» Невозможно себе представить более излишнее предупреждение.

Тут мне нужно описать нашу столовую. Она, смею заметить, очень похожа на любую другую комнату подобного назначения. Суть, однако, в том, что в ней стоит огромный стол, над которым висит эдакая гроздь электрических лампочек, прикрытая сверху плоским абажуром. Верх абажура находился бы как раз на уровне глаз довольно высокого человека, встань он рядом. Я, например, от края стола без труда могу смотреть поверх него.

И вот пошли мы ужинать. Полтергейст был необычайно деятелен на всем протяжении трапезы. Медиум пребывала в чрезвычайном огорчении от настоятельного и таинственного предписания остерегаться дичи. Ситуация прояснилась лишь к десерту. Внезапно медиум пронзительно вскрикнула («Ой, он щипает меня за шею!») и мгновение спустя, как молния с ясного неба, на скромный мой стол прямо из эмпирея рухнула крупная куропатка.

Единственное, чего мне не хватало в сей безукоризненный в своей возвышенности момент, это присутствия за столом контр-адмирала Мура, сэра Оливера Лоджа, полковника Олькотта, сэра Альфреда Тернера, мистера А.П. Синнета и сэра Артура Конан Дойла¹. Никакой вольнодумец не посмел бы утверждать, что сие «недостаточно очевидно» — за исключением, пожалуй что, меня, но меня можно преспокойно сбросить со счетов. Да, голос всего один, скромный, конечно, зато мой!

¹ Указанные джентльмены были большими любителями спиритических феноменов.

Интересно, случалось ли вам когда-нибудь размышлять о том волнительном и романтическом ореоле, что окружает жизнь членов почтенного сообщества торговцев дичью? Они — истинные атлеты нашего времени: они смело выступают супротив грозной индейки в логове ее; они сражаются с царственным фазаном; они сходятся в смертельной схватке с рябчиком, силой исторгают яйца зуйка из одинокого гнезда его на болотах, тысячекратно рискуют жизнью во исполнение принятых на себя обетов снабжать нас воробьями, кошками и кроликами — о, эти не знающие жалости герои! А подумайте только, каково им приходится на таинственных базарах Багдада! О темных делишках с коварными сынами Востока, о тайном золоте, пересчитываемом при луне в тени мечетей! Представьте себе Мейсона, в муках дешифрующего закодированную каблограмму от Фортнума¹, затем сжигающего письмо, и, вооружившись кинжалом и мешочком неграненых рубинов, покидающего отель «Гезире-палас», чтобы под покровом ночи встретиться на рыбном рынке с Ахмедом Абдуллой и тайно, без свидетелей заключить с ним зловещую сделку. О, только вообразите себе, как, передав из рук в руки мешочек рубинов, Мейсон крадется прочь из ужасного этого места, пряча под кафтаном... куропатку!

Вам такое и в голову не приходило? Мне тоже — до сих самых пор. Я, однако, знал, что куропатки — продукт холодного хранения с жаркого Востока, как знал и то, что число торговцев птицей в моем соседстве крайне ограничено. Рано поутру я посетил по очереди всех этих достойных лавочников, и третий из них припомнил, что накануне продал куропатку некой леди. Как куропатка, так и леди вполне соответствовали имевшемуся у меня описанию.

У гостей моих было в обычае после обеда совершать прогулки по окрестностям — то вместе, то поврозь, то с тем или иным из моих домочадцев.

В тот день я попросил медиума оказать мне честь и позволить ее сопровождать. Она с типичной для нее любезностью согласилась. Оказавшись на улице, я взмолился, как ребенок,

¹ Фортнум и Мейсон — британское партнерство, торгующее высококачественными продуктами питания и в том числе дичью. Функционирует с 1707 года. Считается символом английского качества и респектабельности.

упрашивая ее рассказать мне историю. Я говорил, что у нее непременно должна быть припасена для меня славная история. Но нет, истории у нее не оказалось.

В ходе нашей прогулки мы вдруг оказались — ведомые, без сомнения волей какого-нибудь загадочного провидения — возле той самой лавки, которую я уже посетил утром. Я подвел даму к почтенному хозяину заведения.

— Да, милорд, — ответил он на мой вежливый вопрос со всей любезной услужливостью, — это та самая леди, которой я продал куропатку.

На это она грубо возразила, что в жизни у него не бывала. Мы отправились дальше.

— Скажите же мне в точности, — продолжал я, — чем вы занимались, когда ушли вчера из дома.

— Совершенно ничем, — отвечала она. — Я пошла посидела немного в парке. Потом пришла моя сестра и посидела со мною. Мы поговорили. Потом она ушла и через полчаса примерно вернулась. Мы еще поговорили, после чего я вернулась на Керзон-стрит.

Оказавшись дома, я обратился за разъяснениями к ее мужу.

— Сестра! — воскликнул он. — Да у нее никогда не было никакой сестры!

Тайна оказалась раскрыта! Перед нами был типичный случай раздвоения личности! Оставалось, однако, одно маленькое «но». Как же все-таки наша духовная куропатка попала на стол? Она упала *крайне вертикально*, или, по крайней мере, нам так показалось. Дворецкий подтвердил, что поверить, будто бы она была каким-то образом спрятана в абажуре, можно с трудом: он бы точно ее заметил, когда накрывал на стол.

Эксперименты продолжились. Некоторое время спустя Брат Полтергейст изволил намекнуть на дары моря — о, в самом лучшем вкусе! — и я принял соответствующие меры предосторожности. Пред ужином я проскользнул в столовую и самым тщательным образом всю ее осмотрел. Увы! Предметом какого вероломства подчас оказываются самые добродетельные из нас! Благодаря этой нахалке — Сестрице Добавочной Личности — наша благородная медиум могла снова подпасть под самые непростительные подозрения! Дюжина

креветок — и самого лучшего качества! — была с восхитительной симметричностью размещена вокруг абажура.

Кратко справившись в покамест неопубликованном словаре Общества Психических Исследований, я убедился, что данное явление называется «подготовленным феноменом».

Ну, если уж готовить феномен — готовьте его правильно! И я тоже отдал должное — вы скоро узнаете, как — хорошему тону и эстетике.

Обед подали. Полтергейст развлекал общество беседой. Никогда доселе не был он так любезен, так сердечен, не стремился так уверить нас в неперменном светлом будущем в Стране Вечного Лета¹... Но снова и снова брал он минорный аккорд и мрачно возвращался к «доказательствам» и дарам моря! (Прошу засвидетельствовать, что унижаться до лежащих на поверхности каламбуров о ловле чего-то там в мутной водичке я не стал!) Тем временем прибыл десерт. Манифестация приближалась неотвратимо и грозно. Стряпчий едва ли не трогал и не ловил полтергейста за руку; знаки его присутствия являлись ему по всей комнате; дух носился кругом него, как мальчишка с сачком в погожий летний денек. Но на все это я не обращал ни малейшего внимания. Я наблюдал за лицом нашей леди.

Профессор Фрейд, вероятно, объяснил бы мои мотивы какой-нибудь инфантильной психосексуальной досексуальностью, но мне было все равно: я видел только ее лицо.

Стряпчий, подобно преследователю Приама², как-бишь-его-там, уже наступал нашему полтергейсту на пятки — «ням-ням», как говорил Вергилий, дразня читателей ожиданием развязки. Наконец, он сделал быстрое движение, словно бы пытаясь схватить его в воздухе... и, конечно, потерял равновесие. Наверное, он как-то тронул злосчастный абажур, ибо душ из креветок обрушился на нас, как щедрый ливень небесный, благодатный и для того, кто дает, и для того, кто получает.

И, — о! — как красивы были духовные эти креветки на фоне скатерти: каждую украшал бантик, о, да, синий бантик из ленты, вплетенной в рыжие кудри ее! Я не отрывал взгляда

¹ Страна Вечного Лета, Летняя Страна — поэтическое наименование кельтского загробного мира.

² Видимо, имеется в виду ахеец Неоптолем, умертвивший царя Приама после взятия Трои.

от лица моей прекрасной леди и вынужден с прискорбием заключить эту, увы, слишком абстрактную и краткую креветочную хронику, признав: я не могу поклясться, что хоть какое-то повинное знание отразилось на нем!

Лорд Энтони внезапно прервал свою речь и, подняв бокал с напитком, одним махом осушил его.

Сестра Кибела встала и поклонилась Саймону Иффу, но тут высоко и манерно подал голос Сирил Грей:

— Лучше трапеза из простых трав, приправленная любовью, чем бесчестная креветка, не принесящая удовлетворения!

Учитель суровым взглядом призвал его к порядку.

— Джентльмены! — сказал он. — В обычае этого Дома чтобы гости платили за увеселения. Лорд Энтони уплатил своей прелестной историей; мистер Морнингсайд — блестящей теорией о функциях пищи, а Махатера Фанг — своим молчанием. Признаюсь, не меньшего ожидал я от каждого из вас и ничего иного. Вы отплатили нам с лихвой, и мы перед вами в благодарном долгу.

Морнингсайд был явно польщен, ибо счел комплимент искренним; Боулинг, казалось, постиг что-то от духа, ускользавшего от него до сего момента; Махатера Фанг остался при величавом своем безразличии.

— Боюсь, я ничем не заплатила, — обратилась к Мастеру Лиза, — а, между тем, ужин был великолепен!

— Вы здесь не гостья, моя милая юная леди, — веско ответил ей на это Саймон Ифф. — Вы — кандидат.

Внезапно придя в чувство, она побледнела и застыла на своем стуле.

Саймон Ифф простился с тремя гостями; Сирил и Сестра Кибела проводили их к челну и пожелали счастливого пути. Остальное братство рассеялось по Дому — один за одним делом, другой за другим.

Саймон и Сирил, Кибела и Лиза остались в зале одни. Старик провел их в нишу, искусно спрятанную в стене, где они и расселись.

Лиза Ла Джуффрия почувствовала, как важнейший миг ее жизни бременем лег ей на плечи.

О ПРИНЕСЕННОМ ЛИЗОЙ ЛА ДЖУФФРИЕЙ
ОБЕТЕ И О БДЕНИИ ЕЕ В ЧАСОВНЕ МЕРЗОСТЕЙ

— Прежде чем мы пойдем дальше, — начал Сирил Грей, — думаю, было бы правильно выразить сомнения в целесообразности нашей процедуры. Мы уже убедились, что нашим планам существует решительная оппозиция, и, со своей стороны скажу честно, что было бы, возможно, мудрее и, уж конечно, безопаснее вовсе отказаться от них.

Лиза оборотилась к нему, будто тигрица.

— Не знаю, что у вас за планы, и мне это все равно, но вот уж не думала, что вы способны от них отказаться!

— Ах, эти импульсивные дамы, — парировал Сирил. — Все бы им врываться туда, где не отважится ступить и ангел.

— А я пойду, — заявила она. — И мне жаль всего, что случилось — всего!

И она подарила его исполненным бесконечного презрения взглядом.

— Ну, раз уж вы так настроены, — пожал Сирил плечами, — мы можем продолжать. Но когда вам прищемят хвост, не пишите! Я вас предупредил.

— Брат Сирил не смог бы сдать на попятный, даже если б пожелал, — вставила Сестра Кибела. — Он связан обетом — как в самом скором времени будете связаны и вы.

На лице ее Лиза прочла улыбку — улыбку почти победоносного зла, и она встревожила ее куда больше, чем сириловы протесты. Неужели она и вправду попала в ловушку? Могло быть и так; и тогда пытавшийся спасти ее Сирил разделил ее судьбу. Она должна идти вперед — хотя бы ради того, чтобы спасти его, когда представится возможность. Ныне она пребывала во тьме. Она ощущала тяжесть атмосферы, чувствовала ужасные и тонкие силы, населяющие бездну, через которую шествовала с повязкой на глазах по лезвию бритвы, неведомым чудом державшему ее; приключение это волновало ее в наивысшей степени — ради него она только сейчас и жила. Знай она себя лучше, Лиза бы поняла, что вся любовь ее

к Сирилу — едва ли нечто большее, чем просто страсть к невероятному. Но сейчас — нет! Сейчас она была Джульеттой и Жанной д'Арк сразу.

Более того, ее преследовало инстинктивное ощущение, что куда бы ни шли эти люди, цель у их пути есть. Инженерами они были, инженерами, строящими мост в непознанную землю,— столь же методично и целеустремленно, как и строители земных мостов. В знании ими своих возможностей сомневаться не приходилось. Лорд Энтони Боулинг жизнь потратил на расследование разрозненных, бессмысленных явлений, представляющих собой по большей части явное и откровенное мошенничество; в то время как под самым носом его Братство этого Ордена тихо решало изумляющие своими масштабами задачи, не давая себе труда даже ознакомить мир с результатами. Лишь смутно догадывалась Лиза, почему это так и таким должно быть. Они не желали вдаваться в глупую полемику с невеждами.

Как раз в это мгновение Саймон Ифф вступил в беседу с репликой, в точности отвечавшей ее мыслям.

— Мы не станем просить вас хранить тайну,— промолвил он,— ибо стоит вам только сказать, что вы видели и слышали, и вас тут же поднимут на смех и объявят лгуньей. Если это наша последняя встреча, мы квиты. Из этой комнаты вас отведут в маленькую часовню. Там вы найдете круг, в который должны войти, но будьте осторожны и не касайтесь его даже платьем, ибо это опасно! Внутри этого круга оставайтесь до тех пор, пока мы не пошлем за вами, если только не пожелаете покинуть нас — в этом случае вам нужно лишь пройти за белые завесы на севере. Вы окажетесь в освещенном коридоре; отворите дверь в конце него и выйдете на улицу, где ваших распоряжений будет ждать мой автомобиль. Если вы воспользуетесь этим выходом, ваша магическая карьера будет закончена; при любых встречах в будущем мы станем вести себя просто как добрые друзья — я, по крайней мере, на это надеюсь — но никогда вам не будет предложено восстановить настоящее положение вещей.

— Я подожду, пока вы за мной не пришлете,— воскликнула Лиза,— клянусь вам в этом!

Саймон Ифф возложил ладонь ей на лоб — и через мгновение его уже в комнате не было.

Сестра Кибела встала и взяла ее за руку.

— Идемте! — сказала она. — Но лучше бы вам было сейчас же попрощаться с возлюбленным.

Девушка вновь содрогнулась от скрытой угрозы в ее голосе, но Сирил уже тепло обнимал ее и прижимал к своей груди.

— Завтра, — сказал он, — отважное сердце, верное сердце! Завтра мы будем с тобою одни.

Дрожа, Ла Джуффрия обернулась к Кибеле и проследовала за нею к двери часовни. Бросив последний взгляд через плечо, она, к удивлению своему, обнаружила, что Сирил глядит ей вслед с циничной улыбкой, будто бы предвкушая забаву. Сердце у нее застыло; пожатие тянувшей ее вперед руки вдруг стало железным и неумолимым. Дверь захлопнулась за нею с чудовищным лягом. Лиза оказалась в комнате темной и зловещей.

Интересно, подумала она, почему они называли ее часовней. Это была пещера колоколообразной формы. Лиза смутно различала белые занавеси, о которых говорил Ифф. Кроме них в пещере не было больше ничего — лишь квадратный алтарь с верхней доскою из полированного серебра, вокруг основания которого бежал широкий медный бордюр — очевидно, круг, о котором шла речь, — и десять светилен, установленных в маленьких железных звездах и дававших слабый синий свет. Вся эта камера была высечена из монолитной скалы. Только та ее часть, что внутри круга, несла следы человеческой руки; весь остальной пол и стены, склонявшиеся над Лизой и встречавшиеся в вышине, не были никак обработаны.

Она приподняла платье и осторожно вступила в круг. Сестра Кибела недвусмысленно встала перед нею лицом к лицу. Тысячи злонравных интенций прочла Лиза на ее лице и жестокость, столь же дьявольски горячую, сколь сирилова была дьявольски холодна, и заверение в том, что она, Лиза, теперь во власти созданий, до невозможности мерзких. Внезапно Сестра Кибела разразилась коротким резким смехом и отступила в сторону, и Лиза, обернувшись за нею, успела лишь увидеть, как закрылась дверь. Позабыв об осторожности и повинувшись инстинкту самосохранения, она кинулась следом, но дверь

с внутренней стороны хранила совершенную гладкость. Она ударила в нее, испустив ужасный яростный крик, но лишь тишина была ей ответом.

Импульс прошел быстро, как и возник. Механически Лиза вернулась обратно в круг. И тут же мысль о Саймоне Иффе явилась ей в утешение. Двое других оставались для нее тайной, но Ифф, чувствовала она, не претерпит сам и не сделает другому ничего дурного.

На протяжении ужина взгляд ее нередко останавливался, очарованный, на Махатере Фанге. Ей было известно, что он более чем дружелюбен Ордену, хотя и не числится в его рядах; его лицо вкупе с тем фактом, что он не вымолвил в ее присутствии ни слова, лишь увеличивало эту уверенность.

Перед алтарем, когда глаза ее привыкли к полумраку, Лиза обнаружила причудливой формы крытый кожей табурет. На нем она и примостилась, убедившись, что он просто райски удобен. Тут ей пришло в голову, что ей велено было ждать. Ждать!

Никакой звук, никакое движение не требовали ее внимания, а занять его было нечем. Лиза принялась развлекаться, строя сама себе рожи в полированной поверхности алтаря. Вскоре, однако, ей это прискучило; и снова ожидание объяло ее.

Воображение начало населять пустую пещеру фантомами; воспоминание о Твари в саду преследовало ее. И снова Саймон Ифф пришел на выручку. Она знала, что все это — дело рук ее фантазии, что даже будь окружающие ее формы реальны, они все равно не смогли бы ей навредить. Лиза услышала, как повторяет слова старого мистика:

— Это происходит оттого, что для него не существует смерти.

Лиза совершенно успокоилась. Какое-то время мысли занимали ее, но вдруг они рассеялись, и девушка оказалась (так сказать) в углу челне безо всякой провизии посреди бескрайнего океана невыразимой скуки.

Некоторое время она беспокойно ерзала, потом впала в апатию и взмолилась о сне.

Вдруг она увидела, как квадратный лучик света, проникнув в часовню сверху, сверкает на столешнице алтаря. Лиза вскочила и раскрыла в изумлении рот: по поверхности серебра двигались фигуры.

Трое мужчин со странными музыкальными инструментами, напоминавшими флейту, виолу и барабан, шли через какую-то комнату, увешанную занавесями цвета роз и освещенную серебряным канделябром. В конце комнаты был помост, на котором они и уселись и принялись настраивать свои инструменты. Так сильно было ее воображение, что Лиза подумала, будто слышит их. Как причудлива была их восточная танцевальная музыка! Маленький мальчик-негритенок, одетый в желтую тунику и просторные бледно-голубые шаровары, вошел в комнату, неся поднос с большою бутылкою вина и двумя золотыми кубками.

За ним, к ее изумлению, Сирил Грей вступил в комнату с сестрою Кибелой. Они приняли у мальчонки вино и, возложив каждый левую руку свою на плечо другого, чокнулись кубками и, откинув голову, осушили их. Забрав у них пустые чаши, негритенок исчез.

Она увидела, как Сирил и Кибела подались навстречу друг другу и засмеялись, и снова ей почудилось, будто она слышит, слышит их хохот. Дьявольским эхом отдался он в самой сокровенной глубине ее души. Мгновение спустя уста их встретились в поцелуе.

Колени у Лизы подогнулись. Она вцепилась в алтарь и только так сумела не упасть, однако, сознание на пару секунд, вероятно, все же потеряла, так как открыв глаза, обнаружила, что они сбросили мантии и танцуют теперь вместе. Это было так дико и ужасно, что превышало всякое воображение; танцоры сплелись так тесно, что казались единым чудищем из сказки, тварью с двумя головами и четырьмя ногами, что извивалась и скакала в жутком и отвратительном экстазе.

Лиза была так потрясена, что ей и в голову не пришло задаться вопросом о природе видения. Что это такое — сон, галлюцинация, картинка из прошлого или то, что происходит сейчас? Вакхическая непристойность его была чрезмерной. Снова и снова отводила Лиза глаза, но снова и снова возвращались они к видению, и каждое движение пары ввергало душу ее в агонию. Она постигла всю двусмысленность своего возлюбленного; странное его поведение теперь предстало ей открытою книгой; а порочность сестры Кибелы! Ее эльфийский смех,

ее сатанинская улыбка язвили истекающее кровью Лизино сердце, как кислота, обжигая, дымясь.

Шабаш меж тем и не думал заканчиваться; напротив, он принял новые и еще более отвратительные формы. Все, что она когда-либо считала чувственностью или скотством, было пре-взойдено тысячекратно. Бесконечно усовершенствованные мерзости вкупе с преувеличенной грубостью, способные обра-тить Жорж Санд в камень. Тут погас свет.

Идея бежать из часовни мерзостей даже не пришла Лизе в голову. Этот Сирил — мужчина, которому она отдала себя полностью и до конца с первого же прикосновения — погру-жал отравленный клинок в ее душу. Она не могла даже уме-реть! Ярость и безумие подняли в ней голову. О, нет! Она по-дождет до утра — а там отыщет способ отомстить за себя! И все же она истекала кровью и звала смерть; вряд ли все утра этого мира принесут ей избавление. Она не сумеет взглянуть в лицо Сирилу; как будто это ее снедал стыд за творимые мерзости.

Она закричала в голос. Нежная рука легла ей на плечо.

— Тише! Тише! — мягко прошелестел голос в самое ухо.

То была совсем юная девушка, прислуживавшая за ужином. Еще тогда Лиза заметила, что она была не похожа на других: если у тех выражение лиц было приятным и радостным, ее гла-за были красны от слез.

— Уходи, — сказала ей девушка, — уходи, пока еще можно! Первый раз мне представился случай убежать от них. Меня по-ставили стеречь дверь часовни сегодня, а я нашла пружину. О, бежим скорее! Они преступники, они станут развращать тебя и мучить. Пойдем, сестра! Я не могу убежать без тебя, там че-ловек в автомобиле, он меня поймает. Но если ты тоже пой-дешь, мне удастся ускользнуть. Один только шаг, один шаг по коридору! О, мой бог! О, мой бог! Если б я только ушла, когда была здесь впервые, как ты!

У Лизы чуть сердце наружу не выскочило от сострадания к бедняжке.

— Посмотри, что они со мной сделали! Проведи рукой по спине!

И дитя скорчилось от боли даже под легчайши-ми Лизиними пальцами. Спина ее была сплошь путаница

рубцов. Должно быть, ее жестоко избивали кнутом или ременной плетью.

— А на руки мои посмотри!

Девушка воздела руки, широкие рукава мантии упали. От запястий до локтей один за другим шли параллельные порезы.

— Я не смогла, я не стала бы делать, что они хотели! — простонала она. — Это было слишком ужасно. Я думала, ни одна женщина такого не станет... но они делают это! Сестра Кибела — худшая из них! О, бежим! Бежим из этого проклятого дома!

Лиза тем временем добралась до заоблачных вершин истерии. Чувства ее не поддавались уже никакому выражению; она очутилась в мире, более великом, чем чувства. Она вдруг поняла собственную свою природу, нечто более глубокое, чем все, что знала до сих пор. И все это она выразила в словах абсолютного отчаяния.

— Я не могу бросить Сирила Грея.

— Его я боюсь больше всех остальных,— прошептала ей девушка. — Я тоже любила его. А когда я пришла к нему два дня назад, думая, что он все еще любит меня — он расхохотался. Он смеялся! А потом выпорол меня. Бежим отсюда!

— Не могу,— сломлено пролепетала Лиза. — Но ты иди. Вот, возьми мое платье... дай мне свою мантию. Шофер разницы не поймет. Скажи ему отвезти тебя в Гранд-отель, спроси Лавинию Кинг. Я пришлю тебе весточку завтра и денег — если тебе надо... Но... я не могу... уйти...

Последние слова капали из замерзающего на глазах источника ее души и превращались в осколки льда. Дева быстро переделась в Лизины платья, швырнула ей белую мантию — о символизме этого действия Ла Джуффрия не задумалась; да она бы лучше голой встала перед тысячью мужчин, чем одеться в эту ризу позора!

Беглянка скользнула легким поцелуем по ее лбу и ринулась прочь сквозь завесы. Лязгнула входная дверь; порыв холодного ветра пронесся по комнате.

Он одурманил ее, словно она выпила вина. Больше Лиза не помнила ничего. Возможно, она спала.

Пришла в себя она в престранном состоянии. Некий запах висел в воздухе, напоминая, казалось, о море. Лиза ощущала несравненную физическую радость. Разум ее был абсолютно пуст: даже окружающая обстановка совершенно ее не удивила. Она встала и принялась разминать руки дюжиной разных физических упражнений. И вот как раз когда она в десятый раз дотронулась до пальцев ног, дверь позади нее отворилась.

— Идем, Сестра! — радостно вскричала Сестра Кибела. — Через три минуты взойдет солнце. Прежде нам нужно совершить поклонение ему, а потом пойдем завтракать!

Весь ужас прошедшей ночи обрушился на Лизу единой вспышкой. Но каким-то странным образом он отступил в некие более глубокие слои ее существа; когда встал вопрос, что делать дальше, она почувствовала себя далекой и отчужденной. Кошмарная фантазия посетила ее: возможно, она умерла этой ночью. Лиза Ла Джуффрия последовала за Сестрой Кибелой, как шла бы за палачом на эшафот.

Вместе они поднялись по спиральной лестнице. Большая комната округлой формы была полна членами Ордена, одетыми в свои мантии. На Востоке, где эркер открывался в рассвет, она различила фигуру Саймона Иффа, вперившего взор в горизонт, ожидая восхода Солнца.

Вот первый луч пал на его лицо, и раздался голос:

— Привет тебе, кто на восходе своем явлен как Ра; тебе, кто в силе своей явлен как Ра; кто странствует по небесам в ладье своей на восходе Солнца! Тахути во славе своей стоит на носу ее, Ра-Хор у кормила; привет тебе из обителей ночи!

Ей показалось, что все собрание, объединившись в единственном жесте, которому Саймон Ифф аккомпанировал своими словами, с чего, непонятно, купается в приливе восторга. Психология толпы возмутила ее; Лиза аж заскрипела зубами, про себя проклиная дьявольское лицемерие...

Но тут эта самая толпа разбилась, как волна о берег: к Лизе бежала девушка.

— О, ты была великолепна, Сестра! — и две покрытые шрамами ручки обвилились вокруг ее шеи. Это была ночная ее посетительница!

¹ Отрывок из «Liber CC (Liber Resh)» — формула утреннего поклонения Солнцу.

— Ты разве не убежала? — пролепетала Лиза бессвязно.

Ответом ее был звенящий детский хохот.

— Я тебя прощаю за то, что испортила мне рекорд, — пробублькала довольное дитя. — Знаешь, я пятерых из шести обычно соблазняю.

Лиза потеряла дар речи.

Но Сестра Кибела уже пожимала ей руки и целовала, а Сирил Грей ворчал, что первым в очереди был он.

А потом они все куда-то делись. Саймон Ифф шел к ней, протягивая навстречу руку.

— Мои поздравления, Сестра, — сказал он торжественно, — по случаю посвящения в святой наш Орден. Ты заслужила мантию, в которой предстала перед нами, ибо ты заплатила за нее высокую цену — служение другому без единой мысли о последствиях для себя. Прервем же наш пост!

И взяв Лизу за руку, он перешел в трапезную. Словно в хорошо отрепетированной пьесе, каждый оказался на своем месте. Прежде чем Лиза успела осознать случившийся у нее в жизни переворот, Сестра Кибела уже поднялась и возглашала:

— Твори свою волю, таков да будет весь закон.

Завтрак показался ей самым вкусным на свете.

Однако колоссальный откат напряжения предыдущих суток уже накрывал ее. Да она целую жизнь прожила за эти двадцать четыре часа! И в каком-то смысле определенно умерла и даже возродилась! Лиза чувствовала себя очень маленькой. Ей хотелось забираться людям на колени, и чтобы ее обнимали! Одним махом к ней вернулась детская вера в людей; она смотрела на мир с простотой, доступной лишь великим художникам — ибо и в них живет и резвится Вечный Ребенок.

Однако самым главным сюрпризом для нее стало ощущение физического здоровья и энергии. День был жестоким и трудным, а ночь — нескончаемой пыткой; и тем не менее Лиза была необъяснимо жизнерадостна, полна сил и неутомима во всех действиях — от озаренного улыбкою слова до исполненного наслаждения глотка кофе.

Все за этим столом пьянило ее. Ей до сих пор и в голову не приходило, что если правильно обойтись с кусочком поджаренного хлеба, он своим стимулирующим эффектом даст фору и бренди.

Завтрак кончился. Лиза поняла, что просто пройти по комнате она не способна. Или в пляс, или никак, решила она для себя.

Каким-то незаметным образом она снова оказалась в Часовне Мерзостей. Ветка дрока лежала на алтаре. В солнечном луче, проникавшем сквозь верхушку свода, утопавшие в шипах цветы ее пламенели цветом самого дня.

Саймон Ифф стоял за алтарем; Сирил Грей по правую руку от него, Сестра Кибела — по левую. Они соединили руки.

— Ныне я завершу формальное ваше принятие в Орден,— сказал ей старик. — Повторяйте за мной: Я, имярек...

— Я, Лиза Ла Джуффрия...

— Торжественно обещаю посвятить себя...

Она повторила фразу.

— Познанию истинной моей цели в этой жизни.

Она вторила, но чуть тише.

— Да будет так,— заключили все трое.

— Принимаю вас в этот Орден,— промолвил Саймон Ифф,— и подтверждаю ваше право на мантию, которую вы заслужили. Правой рукою братства приветствую я вас и призываю к Вратам Великой Работы.

Все еще держа ее за руку, он вывел Лизу из часовни.

Они прошли через трапезную в комнату на другой ее стороне. Обставлена она была, как библиотека; ничто в ней не говорило о магии.

— Это Зал Учения,— сказал Саймон Ифф. — Здесь начнется ваша работа. И сколь бы невинным ни выглядел он, зал этот куда опаснее часовни, которую вы покинули с такой честью и славой.

Лиза села и приготовилась выслушать объяснение своей жизненной задачи, которому намеревалась в точности следовать.

Впрочем, ей было невдомек, отчего старому мистiku стоит таких трудов (как он впоследствии удостоверил) делать ей понятным каждое слово своей речи. Лиза не слышала беседы, состоявшейся у них с Сирилом Греем как раз в тот момент, когда Сестра Кибела пошла за нею.

— Да, Брат Сирил,— сказал юноше старый мистик,— я продолжу и вложу в эту работу куда более необходимого, как если бы то была победа, а вовсе не поражение.

Никогда ты ничего не достигнешь сам, говорю тебе, и еще меньшего — для других, пока будешь полагаться на женщин. Одержанная этой женщиной победа — лишь случайность, явившаяся результатом хаоса эмоциональных состояний. Она с нами развлечения ради; она даже не артист; она — просто самка нашего вида, и не стану облегчать вам жизнь дополнительным уточнением — *вашего* вида!

— Что же, женщины совсем бесполезны? — спросил гневно Сирил. — Зачем их тогда сделали?

Ах, не знал он, что неукротенное в нем самом желание продиктовало ему этот вопрос! Однако Саймон Ифф отвечал ему с шутовским смирением.

— Мне не хватит мастерства распутать все тайны вселенной. Подобно сэру Исааку Ньютону, я лишь..., — но увидав задуманный гнев, плескавшийся в глазах молодого человека, он лишил его этого знания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О ГОМУНКУЛУСЕ; А ТАКЖЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ДУШИ

— Я буду совершенно гадок, — предупредил Саймон Ифф Лизу, склоняясь над ней и самым тщательным образом выбирая слова. — И сделаю все, что смогу, чтобы затушить ваш энтузиазм. Я лучше погашу вас совсем и по пути заново разожгу от искры, чем дам выдохнуться на рывке и оказаться без капли топлива посреди длинной дистанции.

Прошу вас предпринять эти штудии во имя вашей истинной любви к знанию, а не во имя страсти к Брату Сирилу. Скажу вам честно, я смертельно боюсь за вас, потому что вы живете крайностями. Внезапная ваша энергия хороша для быстрого толчка, но никакие научные исследования штурмом не возьмешь. Вам понадобится бесконечное терпение, нет, даже бесконечное безразличие к той самой вещи, к которой так прикипело ваше сердце.

А! Я несу чепуху. Старикам положено не доверять пламенной юности. Так что продолжим.

Я снова буду говорить с вами о душе. Припомните, к какому ее пониманию мы пришли; припомните ту идею, что одним махом расправляется со всеми трудностями. У нас есть идея души, реальной физической субстанции, одной из граней (или, скорее, сопредельных тел) которой было то, что мы называем телом и разумом. Тело и разум тоже совершенно реальны и непосредственно относятся к душе, но представляют собой лишь несущественные ее аспекты, подобно тому как любой данный эллипс или гипербола есть аспект сечения конуса.

В нижних измерениях нам понадобится еще только одна аналогия.

Каким образом объемные тела познают друг друга? Почти исключительно поверхностями! За исключением химии, которую у нас есть основания считать четырехмерной наукой ввиду наличия в ней явлений поляризации и геометрической изометрии, объемные тела способны лишь на поверхностный контакт.

Сдвинем аналогию, как мы уже делали, и зададимся вопросом, как познают друг друга четырехмерные объекты? Конечно, при помощи своих граничащих объемных тел. Иными словами, моя душа разговаривает с вашей через посредство наших разумов и тел.

Совершенно банальная фраза, скажете вы? Да, может, и так; но я использую ее в совершенно физическом смысле. Линия может осознавать другую линию лишь в точке контакта; плоскость другую плоскость — лишь в линии пересечения; куб другой куб — в поверхности, общей для них обоих; а душа другую душу — лишь там, где пересекаются их идеи.

Хочу, чтобы вы поняли это всеми фибрами своего существа; я считаю это важнейшим из когда-либо сформулированных тезисов. Вся заслуга принадлежит Брату Сирилу, я ему совсем не помогал — думаю, вы будете им гордиться. Хинтон¹, Роуз-Болл² и прочие, конечно, заложили основы; но именно он представил все в таком ясном свете и связал с оккультной наукой.

1 Хинтон — см. примеч. 1 на стр. 167.

2 Роуз-Болл, Уолтер Уильям (1850—1925) — британский математик, юрист и фокусник-любитель.

— Вы должны отдать эту честь Махатере Фангу! — вмешался Сирил. — Я просто доказывал ему метафизическую природу души — он посмотрел на меня с такой удивленной улыбкой, что я тут же понял, какой я дурак. Разумеется, есть только один естественный порядок вещей!

— В любом случае,— продолжал Ифф,— эта сирилова теория начисто стирает с нашей грифельной доски любые метафизические спекуляции. Добро и зло исчезают мгновенно, а с ними реализм и номинализм, свободная воля и детерминизм — и все прочие «-измы» и «-логии»! Жизнь сводится к математической формуле, как того с полным правом желали ученые викторианской эпохи. Однако в то же самое время математика оказывается восстановлена во всем своем пресвященстве как не только точнейшая, но и возвышеннейшая из наук. Умопостижимый порядок вещей становится в итоге естественным и неизбежным, а такие моральные проблемы как жестокость органической жизни возвращаются к изначальной своей незначительности. Почти комическая антиномия размера человека и его интеллекта побеждена, и хотя тайна вселенной остается благополучно нераскрытой, это, по крайней мере, рациональная тайна, не являющаяся более ни бессмысленной, ни невыносимой.

Но давайте перейдем к вопросу простому и практическому. Имеется душа, желающая общаться с другими душами. Она может добиться желаемого лишь обретя тело и разум. Возьмем наш старый знакомый конус: вы обнаружите, что какое бы сечение мы ни сделали, оно всегда будет одной из тех регулярных кривых. Как его ни поворачивай, квадратом ему никогда не стать. И точно так же наша душа глядит по сторонам и ищет себе разум, который бы соответствовал одному из ее сечений. Вариативность будет, без сомнения, очень высока, ибо разум растет и поначалу находится в весьма пластичном и податливом состоянии. Но что-то должно непременно вас друг к другу привязывать. Предположим, я — душа и желаю вступить в коммуникацию с другой душой, манифестирующей некое свое сечение в виде оксфордского профессора электрофизики. В этом случае мне будет совершенно бесполезно пользоваться разумом готтентота. (Тут Сирил вздохнул, всем своим видом выражая сомнение.)

— Позволю себе небольшое отступление, — продолжал Саймон Ифф. — Вот посмотрите на конечный продукт, на воплощенную душу, как мы могли бы ее назвать. Она находится под воздействием трех сил: своей собственной, своего биологического наследия и окружающей среды. Умная душа выберет себе для инкарнации такой эмбрион, который с наивысшей вероятностью будет максимально свободен в двух последних отношениях. Она станет искать здоровую семью, где родители захотят и смогут открыть перед ребенком все возможности. Не следует забывать, что всякая душа, с нашей точки зрения, есть «гений», и мир ее настолько неизмеримо прекраснее нашего, что единственной искры знания, которым она обладает, хватило бы, чтобы открыть в истории человечества целую новую эпоху.

Однако наследие и среда, как правило, весьма эффективно сводят все это на нет. Налейся бутылка вином хоть по уши, пьяной она все равно не будет!

Итак, мы приходим к тому, что между душами существует своего рода соревнование за обладание различными разумами и телами; или — давайте сочетать идеи — разными эмбрионами. Надеюсь, вы уже обратили внимание, как изящно эта теория отменяет популярное возражение против феномена реинкарнации: почему же тогда, дескать, разум не помнит свой «прошлый раз». Рассудите сами, зачем конусу проводить параллели между различными своими сечениями? Каждое отдельно взятое из них настолько само по себе незначительно, что конусу подобная мысль и в голову бы не пришла. И все же между последовательно сделанными сечениями (а в нашем случае — жизнями) наблюдается некое сходство, которое могло бы заставить, например, историка заподозрить между ними какую-то связь. Точно так же стиль поэта останется в некотором отношении постоянным независимо от того, пишет ли он военный эпос или любовную лирику.

Кстати, вы теперь, конечно же, понимаете, как ловко эта теория расправляется со всем этим бредом по поводу «Ах, неужели, неужели есть жизнь на других планетах?» (подразумевается, какое это ужасное расточительство, если ее там нет). Каждая пылинка, каждый атом водорода в оболочке солнца есть манифестация сечения какой-нибудь души!

И тут мы внезапно и довольно неожиданно оказываемся в полном соответствии с одной из старинных розенкрейцерских доктрин.

Это вплотную подводит нас к вопросу о кое-каких экспериментах, проводившихся нашими предшественниками. Теория души у них была совершенно другая; ну, или, по крайней мере, терминология их кардинально отличалась от нашей. Как бы там ни было, они очень хотели создать человека, никак не обусловленного своим наследием и растущего в специально выбранной ими для него среде.

К решению этой задачи они приступили парафизическими методами — то есть, полностью отказавшись от естественного размножения. Они делали медные изваяния и пытались заставить души воплотиться в них. В некоторых источниках говорится, что они в том преуспели. Брату Бэкону приписывают одного такого гомункулуса; также Альберту Великому и, я бы сказал, еще Парацельсу.

Во всяком случае в мече у него жил дьявол, «учивший его всем уловкам и хитростям прошлых и будущих мошенников» — или Сэмюэл Батлер¹, первый в этой династии, бесспорно врал.

Другие маги, однако же, стремились создать этого самого гомункулуса более близкими к природе способами. Они придерживались мнения, что среду можно менять по воле оператора посредством применения телесм, или симпатических образов. Так, к примеру, девятилучевая звезда привлечет в операцию влияние, называемое ими лунным — под этим подразумевалась не настоящая луна, но ее идея, схожая с представлениями поэтом. Окружив объект такими звездами, а также специально подобранными травами, благовониями, металлами, талисманами и всем таким прочим, и отгоняя от него все прочие влияния параллельными способами, они тщились наделить его именно лунными свойствами и никакими иными. (Я вам сейчас даю самый краткий обзор поистине неисчерпаемой темы, имейте это в виду.) После этого они приступали к изготовлению гомункулуса, руководствуясь в этом прелюбопытными соображениями.

¹ Непонятно, кого имеет в виду Кроули: поэта и сатирика Сэмюэла Батлера (1612—1680) или романиста и критика Сэмюэла Батлера (1835—1902).

Человек, говорили они, есть не более чем правильно выведенное оплодотворенное яйцо. Наследственный фактор — по крайней мере, поначалу — присутствует, хотя и в крайне незначительной степени. Если бы им только удалось выносить эмбрион искусственно, в каком-нибудь инкубаторе, как мы сегодня поступаем с цыплятами, они могли бы с самого начала организовать ему любую желаемую среду. Более того, они думали — и это важнейший момент — что, проводя этот эксперимент в специально подготовленном месте, защищенном магически ото всех несовместимых с его целью сил, и призвав в это место единственную желательную силу или невероятно могущественную сущность, ангела или архангела (у них были заклинания, которые они считали способными на это), они сумели бы заставить воплотиться существ, обладающих бесконечным знанием и силой и способных привести целый мир к Свету и Истине.

Завершить этот небольшой скетч можно, сообщив, что идея эта в той или иной форме была почти универсальной. Люди всегда хотели мессию или сверхчеловека и пытались его себе добыть искусственными или хотя бы ненормальными способами. В греческих и римских мифах полно сюжетов, где эта тайна лишь слегка завуалирована; по всей видимости, они происходят из Малой Азии и Сирии. Там экзогамный принцип доводился до поразительных крайностей. Нет нужды напоминать вам персидскую формулу получения мага, или египетскую процедуру касательно фараона, или как магометане отмечают начало тысячелетия. Об этом последнем моменте я, кстати, напоминал Брату Сирилу, так как ему это было действительно нужно; сведения, впрочем, не пошли ему во благо, ибо вот они мы на пороге Великого Эксперимента — но след снова ложный!

— Да он просто смеется надо мной, чтобы испытать мое мужество, — развеселился Сирил.

— Теперь перейдем к делу, — продолжал старый мистик. — Греки, как вам, конечно, известно, практиковали некую разновидность евгеники. (Все законы племенного брака крайне евгеничны по своей задаче.) Но, как и средневековые маги, о которых мы с вами говорили, с их гомункулусом, греки придавали величайшее значение состоянию матери в ходе беременности. Ей полагалось смотреть только на самые красивые

статуи, читать самые прекрасные книги. Магометане, опять же (по сравнению с их системой брака христианская выглядит пригодной разве что для скота), закрывают женщину дома в этот период, держат ее в полном покое и подальше от мужа.

Все это очень хорошо, но не дотягивает до последнего помешательства Брата Сирила. Насколько я его понял, он хочет провести нормальную в физическом смысле процедуру, но тщательно подготовиться при этом и сделать как наследственный, так и внешний факторы максимально привлекательными для души одного особого типа — а потом отправиться на душевную ловлю в Четвертое Измерение!

Так у нас получится совершенно нормальный ребенок, но при этом одновременно и гомункулус в средневековом смысле этого слова!

И он упросил меня предоставить вам для этой цели неаполитанскую виллу нашего Ордена.

Лиза спрятала пылающее лицо в ладонях.

— Понимаете ли вы, что просите меня пожертвовать своей человеческой природой? — медленно произнесла она.

Она была достаточно умна, чтобы не пытаться притвориться, будто бы неправильно поняла сделанное ей предложение. То, как она это приняла, несколько увеличило симпатию к ней Саймона. Он на минутку задумался.

— Теперь я понимаю, — сказал он наконец. — Мне это раньше не приходило в голову — и глупец же я! Женский консерватизм назовет подобное «бессердечным экспериментом». Но, поверьте, наши мысли далеки от этого. Ничего такого, что могло бы оскорбить или раздосадовать вас. Но ваши чувства я понимаю — это естественное отвращение при одной только мысли о том, чтобы обсуждать святое.

— Что-то память у меня нынче совсем ни к черту, — пробормотал Сирил. — Забыл, какой процент детей родился слепым в 1861 году...

Лиза вскочила на ноги. Она не поняла, что он имел в виду, но почему-то его слова ужалили ее, как змея.

— Брат Сирил, — вмешался, качая головой, Саймон Ифф, — вы всегда применяете слишком сильные лекарства! Мне иногда кажется, что вы слишком уж рветесь увидеть результат.

— Ненавижу ходить вокруг да около. Я говорю обычно то, что захочешь — не забудешь.

— А иногда и не простишь,— заметил старик с мягким упреком. — Но вы садитесь, садитесь, моя дорогая. Он, в конце концов, сказал истину, а истина ранит, лишь чтобы целить. Да, это грубый факт, что дети раньше рождались слепыми и буквально тысячами, потому что считалось неприличным предавать гласности факты определенных болезней. А меры предосторожности против них как раз и назывались «бессердечными экспериментами». Разве Сирил просит вас сделать что-то иное или большее, чем просто исполнить сокровенное желание вашего сердца? Да еще и увенчать его таким даром человечеству, какой еще никто и никогда ему не делал? Представьте только, что вы добьетесь успеха, что сумеете привлечь душу, которая найдет способ победить нищету, вылечить рак или... о, я вижу, вы уже лучитесь пониманием, вас захватило видение тысяч вершин человеческого прогресса, вздымающих залитые солнцем свои снега выше туч сомнений!

Лиза снова вскочила, но уже в совершенно ином настроении.

— Я думаю, вы очень благородный человек,— сказала она, вложив обе ладони в руки Саймона Иффа. — И это честь, работать ради такой цели.

Сирил заключил ее в объятия.

— Так ты поедешь со мной в Неаполь? На личную виллу Учителя?

Она поглядела на Иффа с лукавой улыбкой.

— Вы позволите мне одну шутку? Вашу виллу мне придется переименовать — в Сачок для бабочек!

Просто Саймон хохотал с нею, как дитя. Тонкий юмор ему понравился, а классическая аллюзия на бабочку как аллегория души показала такую сторону девы, о существовании которой он едва ли подозревал.

Сирил, однако, тут же перескочил на более серьезные аспекты проблемы.

— Мы с вами тут обсуждаем чисто условные вещи,— строго сказал он,— позабыв, в каком положении находимся. Я где-то уже допустил непростительный промах, и на хвосте у нас висит Черная Ложа. Может, вы вспомните кое-какие события

вчерашнего дня? — заключил он в обычной своей легкомысленной манере.

— Вы правы,— сказал на это Саймон. — Лучше вам перейти прямо к делу.

— Во время вашего бдения прошлой ночью мы уже обсудили в общих чертах положение дел. Наша первая задача — обеспечение безопасности. Самая лучшая защита — это контратака, но нужно организовать ее так, чтобы она имела место как можно дальше от защищаемого объекта. В этой игре вратарь вы, Лиза; я — защитник; Просто Саймон — капитан и играет на полузащите. Думаю, нас как раз одиннадцать, и это то, что нужно! С этим порядок. Есть основания полагать, что цель нашего врага находится в Париже. И если нам удастся всю игру удерживать мяч на их половине поля, мы с вами сможем провести очень спокойный год в Италии.

— Я не понимаю этого вашего футбольного жаргона. Объясните, зачем кому-то лезть в наши дела. Это как-то совсем глупо.

— Это действительно глупо, только если докопаться до дна крайне непростой для понимания философии. На поверхности, между тем, все просто. Вор возражает против электрического света и звонков. Будь он подальновиднее, он бы голосовал против городского головы, ассигнующего средства на развитие науки в целом. Что-нибудь непременно лишит его бизнеса.

— А что у него за бизнес?

— В конечном итоге можете назвать его эгоизмом — только это ужасное слово, и оно уведет вас на ложный след. Мы тоже эгоисты; просто мы понимаем, что и те вещи, которые находятся за пределами нашего сознания,— это тоже мы. К примеру, я стараюсь объединиться максимально тесно со всяким разумом, телом или идеей, какие встречаю на своем пути. Возьмем для сравнения пресловутый конус: я хочу быть всеми его дугами — всеми, какими могу, чтобы только лучше понять этот конус. Маг Черной Ложи пристал к одной только дуге из всех возможных, он хочет сделать ее постоянной, превознести выше всех прочих дуг. И, конечно, как только конус двигается, и дуга меняется — бабах! — его больше нет с нами.

— Нет, вы только поглядите на этого поэта! — заметил Саймон Ифф. — Как высоко он себя ценит! Однако он пытается увековечить себя, заставив красоту, присущую его душе,

засиять наружу сквозь его оболочку и озарить каждый разум в этом мире. Черный Маг, о котором он говорит, скрыт под покровом тайны, и добраться до него нелегко. Он ничего никому не откроет — о, только не он! Так что даже знание его угаснет рано или поздно.

— Но вы же и сами — тайное общество! — вскричала Лиза.

— Только чтобы обеспечить неприкосновенность свободы. Точно так же домовладелец запирает с наступлением ночи двери; или — вот сравнение получше — библиотеки функционируют по строгим правилам. Нельзя позволять безумцам копаться в наших уникальных манускриптах и вырывать страницы из книг. Люди поверхностные вечно трещат, что наука, дескать, открыта для всех. На самом же деле она охраняется, как не охранялась никакая тайна в истории человечества, — и на страже ее стоит один простой факт: чтобы только начать овладеть ничтожной ее отраслью, уйдет половина жизни, кто бы вам ни помогал. Мы окружаем нашу магию тайной не больше и не меньше, чем некоторые направления физики, но люди настолько глупы, что, зная прекрасно о годах обучения и тренировок, потребных на овладение таким элементарным инструментом как микроскоп, они считают возмутительной нашу неспособность обучить их пользоваться верендумом¹ за час.

— Но они жалуются, что вы им даже не доказали, что верендум вообще работает!

— Только те, кто не знает, зачем его применяют. Я могу читать Гомера в подлиннике, но доказать этот факт другому могу, только выучив его греческому; он будет обязан сделать это по отношению к третьей стороне и так далее. Люди вообще с неохотой признают, что кто-то может читать Гомера — из-за собственной интеллектуальной лени. Действительно устойчивый ум в этом усомнится.

Спиритуализм и Христианская Наука², представляющие собой одно из трех — либо мошенничество, либо блеф, либо неверное понимание фактов — распространились по всему англо-саксонскому миру, потому что у полуграмотных

1 Verendum (лат.) — 1) магический жезл; 2) мужской половой орган.

2 Христианская Наука — религиозное движение, основанное Мэри Бейкер Эдди (1821—1910) с опорой на Библию и практики «духовного врачевания».

англо-саксов отсутствует подлинный критический дух. А мы не хотим, чтобы наши лаборатории наводнили репортеры и празднолюбопытствующие. Мы работаем с деликатными силами. Нам приходится тренировать свой ум с таким упорством, какого не требует ни одна другая дисциплина в мире. Безразличие и недоверчивость публики нам как нельзя более на руку. Единственное, ради чего нам могла бы понадобиться реклама,— это привлечь к нам достойных членов, но с этой задачей мы справляемся без лишней огласки. С другой стороны, мы не делаем тайны ни из методов, ни из полученных с их помощью результатов. Но только правильный человек знает, как до всего этого дойти.

И, заметьте, мы работаем отнюдь не в давно и хорошо известной отрасли, где все термины определены, а базовые законы открыты. В магии еще в большей степени, чем в какой-либо еще науке, практика ученика должна находиться на одном уровне с теорией.

— А разве вы не занимаетесь магией в тестовых условиях?

— К несчастью, дитя мое, творческая магия, представляющая собою тавматургическую сторону нашего бизнеса, зависит от особого рода возбуждения, которое самым категорическим образом возражает против любых «тестовых условий». С тем же успехом вы могли бы попросить Сирила доказать свой поэтический дар или мужество собранию дураков. Он произведет на свет стихотворение, или ребенка, или феномен в зависимости от случая; но вам придется более или менее принять на веру его слово, что указанные акты были совершены прежде всего для них. Еще одна трудность с настоящей магией состоит в следующем: это настолько естественный процесс, что феномены ее никогда не вызывают удивления — разве что своей своевременностью, так что придется запротоколировать сотни экспериментов, чтобы установить прецедент, дающий нам возможность хотя бы начать думать об исключении фактора совпадения. Вот вам пример. Мне нужна определенная книга. Я пускаю в ход мой специальный книжный талисман. На следующий день книготорговец предлагает мне искомый том. Один такой эксперимент не доказывает ровным счетом ничего. Способность делать подобное каждый раз — вот подлинное доказательство. А я не могу сделать этого даже «в тестовых

условиях!» Причина в том, что мне нужно по-настоящему хотеть эту книгу в своем подсознании, которое и осуществит чудо. Бесплезно просто думать или притворяться, что книга мне нужна. Каждый может ни с того ни с сего вдруг выбить десятку на бильярде, но игроком мы назовем его лишь в том случае, если каждый раз, подходя к столу, он делает серию на тридцать или около того.

Однако в некоторых областях магии мы можем получить доказательство прямо на месте — это любая ее ветвь, где задействуется женская, а не мужская наша половина. Вот вам идеальная аналогия. Когда я угадал час вашего рождения — чем не превосходная проверка? Я все время этим занимаюсь и бываю прав пять раз из шести. Более того, в случае ошибки я могу в точности указать, в чем и почему ошибся. В этой области ошибаться иногда правильно, я вам когда-нибудь это объясню. Или возьмем ваше собственное ясновидение. Я, между прочим, вам не говорил, какой тип твари искать в саду, и, тем не менее, вы увидели ее ровно в той же форме, что и я. Если желаете, можете практиковать эти умения ежедневно под руководством Сирила, постоянно проверяя получаемые результаты при помощи методики, которую он вам покажет. Через месяц вы будете опытным экспертом. Если после этого вы решите рекламировать свои способности, сделайте это. Только вы не захотите. Настоящая проблема в том, что из тысячи человек ни одному нет никакого дела до науки. Самые примитивные способы ее применения, вроде паровой машины и всего ее благородного семейства, от телеграфа до автомобиля, были навязаны людям против их воли горсткой забияк, понимавших, что на этих штуках можно сделать деньги. Кто такие «мужи науки» в популярном современном представлении? Эдисон и Маркони, а ведь ни один из них даже ничего не изобрел; это были просто умные бизнесмены, способные эксплуатировать чужие мозги и ставить науку на коммерчески полезные и прибыльные рельсы. Хей-хо!

— Вы как-то слишком отклонились от нашего предмета, — заметил Сирил. — У меня выдалось прелестное утро — созерцая вас троих, я чувствовал себя Платоном в компании Добра, Истины и Красоты — но нам предстоит работа. В этих экстренных обстоятельствах я предлагаю воспользоваться

тактикой Вашингтона в Вэлли-Фордж¹. Мы нанесем прямой и сильный удар по Черной Ложе. Они будут ждать меня, как обычно, на передовой, я же ускользну вместе с Лизой в самый разгар военных действий.

— Вполне разумный план, — сказал Саймон. — Давайте прервем нашу беседу и немедленно приступим к его выполнению. Лучше вам не привлекать к себе лишнего внимания сборами багажа и, уж конечно, ни с кем не общаться вне Ордена. После ужина вы оденетесь в другое свое платье, пешком дойдете до метро, доедете до Лионского вокзала и сядете на Римский поезд. Телеграфируйте мне, когда доберетесь до Сачка!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О ТОМ, КАК ДУРНЫЕ НОВОСТИ ОТ АРАГО БЫЛИ ДОСТАВЛЕНЫ КЕНКАМПУА, И О ПРЕДПРИНЯТЫХ ПОСЛЕ ДЕЙСТВИЯХ

Если лорд Энтони Боулинг свернул с Фобур-Монмартр на Большие Бульвары, то Акбар-паша их как раз покинул. Турок был занят и, возможно, не желал, чтобы его узнали. Ибо он, поминутно оглядываясь, углубился в опасные и темные проулки «Чрева Парижа»². Весьма, надо сказать, разумная предосторожность в столь излюбленном апашами³ районе. Наконец, он вышел на громадную занятую рынками квадратную площадь. Перейдя ее наискось, он уперся в питейное заведение того типа, который, по идее, должен привлекать иностранцев, предпочтительно — американцев. Заведение носило довольно несообразное название «*Au Père Tranquille*»⁴. Акбар

1 *Вэлли-Фордж* (Пенсильвания) — местечко, где стояли лагерем войска Американской континентальной армии зимою 1777—1778 во время событий Американской Революционной войны.

2 *Чрево Парижа* — некогда криминализованный и маргинализованный квартал Ле-Аль, расположенный на Правом берегу в самом центре города, где находился Центральный рынок. Термин ввел в обиход Эмиль Золя.

3 *Апаш* — (от названия индейского племени апачей) деклассированный элемент, грабитель, хулиган. Также свободный воротник рубашки, под который невозможно надеть галстук.

4 «У смиренного папаши» (фр.).

поднялся по ступенькам. Для бражников было еще рановато; даже музыканты еще не прибыли. В углу залы сидел старик¹, потягивая жуткую смесь джина, виски и рома, известную в определенных кругах как Нантакетский коктейль.

Данный индивидуум был лет шестидесяти от роду и обладал совершенно седыми волосами и бородой. Платье его говорило о свободной профессии; внешности своей он явно пытался придать достоинства, приняв манеру отеческую, если не сказать патриархальную. Но глаза его были холодны и бледны, как у убийцы, и при этом хитры и быстры, как у вора; руки непрерывно дрожали, словно бы от какого-то паралича, и белые костяшки выдавали подагру. От излишеств тело его раздулось, заплыв все пригодные для этого места нездоровым жиром.

Дрожание рук пребывало в полной гармонии с тремором ума: невольно напрашивался вывод, что джентльмена снедает либо смертельный ужас, либо всепоглощающее, мучительное беспокойство.

При виде турка он неуклюже поднялся, после чего рухнул обратно на стул. Пьян он был уже более, чем наполовину.

Акбар уселся напротив.

— Нам не удалось ее достать,— прошептал он, хотя в пределах слышимости не было ровным счетом никого. — О, доктор Баллох, доктор Баллох! Попытайтесь нас понять! Это было попросту невозможно. Мы все перепробовали!

Голос доктора оказался мягок и вкрадчив. Лицензированный врач, он давно уже оставил законную практику и под прикрытием гомеопатии занялся делами, которые более правоверные медики сочли бы, мягко говоря, злыми.

Слова его, однако, были ужасны, и ласка голоса в сравнении с ними выглядела каким-то изошренным кошачьим лицемерием.

1 Прототип этого персонажа — Эдвард Берридж, английский врач-гомеопат, доктор медицины, член Герметического ордена Золотой Зари с мая 1889 года под девизом «Resurgam» (лат. «Я вновь восстану»); виновник крупного внутриорденского конфликта, в конечном счете послужившего одной из причин раскола ордена. После раскола остался на стороне Мазерса (см. ниже), который, в свою очередь, поддерживал его в упомянутом конфликте. Возглавил одну из дочерних организаций Золотой Зари в Лондоне, формально подчиненную Мазерсу («Храм Исиды-Урании №3»), и продолжал борьбу с его противниками, не гнушаясь шантажом и клеветой. — *Примеч. ред.*

— Грязный осел! — сказал он. — Мне, между прочим, придется сообщить об этом S.R.M.D.! Как думаешь, что он мне на это скажет? А что он сделает?

— Говорю вам, это было невозможно. Я так думаю, это старик все нам испортил.

— Старик! — от ярости доктор Баллох позабыл о своем колыбельном кошачьем голосе. — О, будь оно все проклято!

Он подался к турку и, одним движением ухватив его за бороду, подтащил к себе. Нет для мусульманина большего оскорбления! Но Акбар принял варварскую эту атаку, исторгшую у него пронзительный вопль боли, без малейшего сопротивления.

— Пес! Турецкая ты свинья! — прошипел Баллох. — Ты знаешь, что там произошло? S.R.M.D. послал Наблюдателя — часть самого себя, тебе ясно, что это значит, кусок дерьма? — и он не вернулся. Его, должно быть, убили, но мы не можем выяснить, как, а S.R.M.D. лежит у себя дома полумертвый, чертов ты боров! Почему ты сей же час не явился с докладом? Теперь-то мне понятно, что не так.

— Да я же адреса вашего не знаю! — взмолился смиренно турок. — Пожалуйста, пожалуйста, уже отпустите мою бороду!

Баллох с презрением выпустил свою жертву, которая в обычном смысле слова была достаточно храброй и даже приходилась родственником своему Султану. Она знала, то за наименее обидное из адресованных ей слов, стражи изрезали бы дерзкого на кусочки в десять секунд, но Баллох стоял выше нее в иерархии Черной Ложи, правившей террором и пытками и первейшим принципом своим имевшей: «Поработи!». Грозный Баллох сам превращался в скулящую дворняжку под мимолетным взглядом великого и ужасного S.R.M.D.

— Расскажи мне, что это за старик, — велел он. — Ты узнал, как его зовут?

— О, да, — отвечал Акбар. — Имя я узнал. Это был Саймон Ифф.

— Дьявол! — Баллох грохнул свой стакан оземь.

¹ Аббревиатура от «*S Riorghail Mo Dhream*» («Я королевского происхождения») (шотл.) — девиза Сэмюэла Лиддела Макгрегора Мазерса, одного из основателей Герметического ордена Золотой Зари и автора большинства его материалов. Именно Мазерс послужил прототипом S.R.M.D. (он же Дуглас) в романе «Лунное дитя».

— Дьявол! Дьявол! — добавил он, не столько уже как ругательство, сколько в качестве инвокации. — Вы послушайте! Нет, вы только послушайте эту тварь! Невежественная, слепая свинья! Он был у тебя в руках — он! О, дьявол, ну ты и дурак!

— Я был уверен, что он не простой человек,— пролепетал Акбар,— но приказаний-то мне никто не давал.

— И мозгов тебе тоже явно не давали,— рявкнул доктор. — Ладно, слушай. Я тебе скажу, как вести себя в Ложе, если дашь мне сотню фунтов.

— Правда? — вскричал Акбар, уже принадлежа ему душою и телом, ибо жалкий страх и маниакальные амбиции сделали продвижение в Ложе тираном и жупелом мученического его ума. — Вы готовы поклясться?

— Выменем черной свиньи клянусь,— Баллох соорил ему мерзкую рожу.

Трепеща от волнения всем телом, Акбар-паша извлек книжку и быстро заполнил чек на требуемую сумму.

Баллох жадно цапнул бумагу у него из рук.

— Оно стоит твоих денег,— успокоил он турка. — Этот человек, Ифф, на второй степени, может быть, даже на первой их грязного Ордена. Мы иногда думаем, не самый ли он сильный изо всей их проклятой компании. Этот мальчишка, Грей, по сравнению с ним — сущий ребенок. Теперь я понимаю, как был уничтожен Наблюдатель. О, S.R.M.D. еще оплатит им за это! Так слушай, человек: принеси нам на блюде голову этой старой бестии — или Грея, если на то пошло! — и ты получишь любую степень, на которую только дерзнешь претендовать! И я тебе не лгу, черт его побери!

— Да,— продолжал он с все возрастающей страстностью,— все это — часть плана. Моне-Кнотт — наш человек; мы используем его, чтобы шантажировать Лавинию Кинг — почти все, на что этот хлыщ способен! И с его же помощью мы подсунули эту италяшку под самый собачий нос мастера Грея! А теперь еще и Саймон Ифф. Нет, это уже слишком! Мы даже след их потеряли. Десять к одному, что сегодня они в безопасности отсилятся в своем Аббатстве. А теперь прочь! Нет, подожди меня; я пойду за распоряжениями. А пока меня не будет, тащи сюда своего сына — у него и то мозгов больше, чем у тебя. Мы должны

как-то выследить Грея, а астральные шпионы ни на что не годны, когда поблизости шныряет Саймон Ифф.

Баллох встал, застегнул сюртук, надвинул шелковый цилиндр и удалился, не тратя на подчиненного лишних слов.

Турок прозаклал бы собственные уши за толику смелости — последовать за ним. Таинственная личность S.R.M.D. и место его обитания были окружены строжайшей из тайн. О нем у Акбара были лишь самые смутные представления; он был для него лишенным формы идеалом ужасного могущества и знания, чем-то вроде воплощенного Сатаны, образчиком торжествующего беззакония. Прискорбный эпизод с Наблюдателем нимало не уменьшил престижа вождя в его глазах — разумеется, это был несчастный случай, что же еще! S.R.M.D. выслал вперед патруль, и тот был уничтожен превосходящими силами противника — не иначе как целой дивизией. Такие «досадные происшествия» совершенно тривиальны и ни о чем не говорят.

Акбар мыслил о S.R.M.D. исключительно как о создании, неизмеримо великом само по себе; он и понятия не имел о цене, которую платили за величие члены Черной Ложи. Истина же состояла в том, что по мере продвижения власть и могущество их колоссально возрастали, но подобный прогресс отнюдь не был признаком общего развития, как в случае Белого Братства, подобно раку, который, конечно, быстро растет, но исключительно за счет человека, на котором питается, и в конечном итоге уничтожит и его, и себя. Процесс этот мог быть нетороплив и даже простираться на несколько воплощений — но совершенно неотвратим. Аналогия с раком, увы, верна, ибо человек знает свой жребий и претерпевает бесконечные муки; однако, прибавьте сюда еще и такое чудовищное заблуждение, что если болезнь зайдет достаточно далеко, жертва будет спасена. И вот она приветствует ужасный рост и лелеет его как дражайшее свое достояние, стимулируя всеми доступными ей средствами. И все, все это время носит в сердце страшную уверенность, что это путь к смерти.

Баллох S.R.M.D. знал хорошо и уже много лет. Он надеялся когда-нибудь занять его место и, страшась унылым и жутким страхом, в то же время ненавидел самой дьявольской ненавистью. Никаких иллюзий относительно природы пути Черной Ложи у него не было. Акбар-паша, наслаждавшийся

богатством и почестями приближенный Султана, оставался полным профаном с руками, не замаранными покамест никаким преступлением; но он, Баллох, зловещий доктор, питающийся страхами старых дев, оказывающий глупцам сомнительные и прямо преступные услуги — от поставок морфия до ликвидации поводов для скандала, пожинаящий плоды слегка замаскированного шантажа, всегда сопровождающего подобного рода деятельность, — о, он был сама респектабельность в сравнении с S.R.M.D.

Человек этот, именовавший себя графом Макгрегором из Гленлайона, в действительности был натуральным хэмпширцем¹, но из равнинных шотландцев, по фамилии Дуглас. Он получил хорошее образование, занялся наукой и продемонстрировал со временем поразительный вкус и способности к магии. Некоторое время он вел честную жизнь, но потом пал, выбрав неверную дорожку. Силы его невероятно возросли, но пускались исключительно на самые низменные дела. Он укрепил Черную Ложу, как никогда ранее, выжил своих владык с помощью еще большего, чем у них, злодейства и принялся ковать себе оружие по вкусу и руке. Однако и на его пути случались препятствия.

Некий свободный маг по имени Сирил Грей, тогда лишь двадцати лет от роду, вступил в его Ложу, стремившуюся привлечь невинных ложными претензиями на добродетель и мудрость. Обнаружив подлог, Сирил не отступил; он сыграл в предлагаемую Ложей игру и сделался правой рукой Дугласа. Достигнув этого, он неожиданно для всех кинул спичкой в пороховой склад.

В Ложе всегда бурлили ненависть; сами теософы могли бы многому у нее научиться в этом отношении. Интервенция Сирила была направлена на то, чтобы дезинтегрировать всю структуру разом. И вот Дуглас обнаружил, что престиж его куда-то делся, а вместе с ним и доход. Пристрастие к алкоголю, сопроводившее его магический провал, превратилось в могучий всепоглощающий порок. Никогда он не смог восстановить Ложу в прежнем ее величии. Но те, кто алкал знания и власти (а этих все прибывало и прибывало по мере того, как сам он падал все ниже), держались его, ненавидя и завидуя, как

¹ *Хэмпшир* — одно из южно-английских графств.

юный уличный дебошир завидует славе грабителя или убийцы, о котором написали в газетах.

Именно с таким клубком противоречивых чувств внутри Баллох и явился на улицу Кенкампуа — одну из вульгарнейших в Париже — и проник в берлогу, где залег Дуглас.

S.R.M.D. валялся на рваной, засаленной софе; лик его был бледен, как сама смерть. Багрово-пятнистый нос, все еще напоминавший в определенном ракурсе свой агрессивный и надменный прообраз, был единственным на нем цветовым пятном. Глаза его были еще бесцветнее докторовых; рука сжимала полупустую бутылку чистого виски, при помощи которой граф подкреплял свои жизненные силы.

— Я принес вам виски,— сообщил с порога Баллох, отлично знавший кратчайший путь к милости.

— Там поставь. У тебя и деньги найдутся.

Врать Баллох не осмелился, раз уж S.R.M.D. раскусил его без единого слова.

— Только чек. Обналичу его завтра, и вы получите половину.

— Придешь в полдень.

Невзирая на очевидную деградацию всего его существа, S.R.M.D. все еще что-то собой представлял. Да, то была руина, но руина чего-то, несомненно, огромного. Он сохранил не только привычку повелевать, но и патину благородных манер. В лучшие свои дни он якшался с весьма высокопоставленными особами. Поговаривали, что Третье Отделение Русского Бюро Полиции тоже нашло ему применение.

— А графиня дома? — осведомился Баллох, явно из чистой вежливости.

— Графиня на бульварах. Где ей еще быть в это время суток?

Самое гнусное, в чем обвиняли эту гнусную пародию на мужчину, это его обращение с женой, юной, прекрасной, талантливой и очаровательной девой, сестрой знаменитого профессора Сорбонны. Он нашел особое удовольствие в том, чтобы превратить ее в занюханную уличную проститутку, каковой она ныне и была.

Никто не знал, куда Дуглас девает деньги. Взносы в Ложе были велики. Плоды шантажа и заработки графини пополняли казну. Вероятно, у него было с дюжину других источников дохода, но из подлого своего положения он так никогда

и не выпутался, а в деньгах нуждался постоянно. Нужда эта была отнюдь не притворна, ибо виски имеет свойство рано или поздно заканчиваться.

Дуглас обладал почти сверхъестественным знанием чужих умов; того же Баллоха он читал, как раскрытую книгу.

— Грей на Наблюдателя не нападал,— сказал он. — Не его стиль. Кто тогда?

— Саймон Ифф.

— Я с этим разберусь.

Баллох понимал, что как бы S.R.M.D. ни боялся Иффа и какое бы отвращение к нему ни питал, главной его заботой оставался Сирил Грей. Юного мага он ненавидел чистой, совершенной ненавистью и никогда не забывал о поражении, понесенном им от мальчишеской этой руки. Дуглас ничего не прощал — ни доброты, ни оскорбления; он был зловеден ради самого зла.

— Они отступили в свой дом на Монмартре,— продолжал Дуглас без тени сомнения в голосе. — Пусть Абдул-бей и его люди сторожат все выходы. Я знаю, что станет делать Грей, как если б он сам мне об этом сказал: он заляжет в каком-нибудь теплом местечке на весь чертов медовый месяц. Вы с Акбаром будете держать под наблюдением Лионский вокзал. Да! Немного удачи, и мы закончим эту игру, я уже устал от нее, попомни мои слова!

Дуглас встал — весь выпитый виски бессилен был покорить голову его и ноги — и подошел к маленькому столику с нарисованными на нем любопытными фигурами. Он взял блюдечко, налил в него виски и уронил в середину пятифранковую монету, после чего принялся делать странные жесты и бормотать пространные, грубо звучащие заклинания, очевидно на тарбарском языке. Под конец он поднес к виски спичку, а когда тот почти прогорел, задул его. Монету он вытащил, завернул в клочок темно-красного шелку и передал в руки ученику.

— Когда Грей сядет на поезд,— распорядился он,— пойдешь к машинисту, дашь ему это и скажешь, чтобы ехал осторожнее. Расскажешь мне, как выглядит парень, узнаешь, по возможности, его имя — скажешь, что хочешь выпить за его здоровье. Потом возьмешь экипаж и быстро сюда.

Баллох закивал: этот тип магии был ему до некоторой степени знаком. Он взял монету и был таков.

Под вывеской «Смирного папаша» его ожидали Акбар и сын его, Абдул-бей. Последний работал на турецкую разведывательную службу в Париже и ничтоже сумняшеся использовал имевшиеся в его распоряжении возможности для личных магических нужд. Все эти возможности днем и ночью были к услугам Баллоха. Теперь, будучи нанят лично S.R.M.D., юноша чуть не лопался от счастья и гордости.

Баллох выдал им инструкции. Час спустя дом, в стенах которого Лиза как раз претерпевала свои ордалии, будет окружен шпионами; дополнительные люди будут расставлены на всех крупных вокзалах Парижа — Абдул-бей скрупулезно подходил к делу. На случай он не полагался: при всей фанатической своей вере в Дугласа он считал благоразумным подстраховаться — вдруг в оккультные калькуляции вождя закралась ошибка? Да и лишнее доказательство рвения не помешает. Кроме того, Сирил мог намеренно оставить ложный след — нет, он почти наверняка что-нибудь такое выкинет!

Баллох и Акбар-паша расположились в ресторане с видом на Лионский вокзал, готовые в любой момент кинуться к телефону.

— Так, — сказал Абдул-бей, — у вас есть их фотографии, чтобы показать моим людям?

Баллох предъявил фотографии.

— Где-то я этого Грея видел, — протянул задумчиво молодой турок и почти сразу испустил внезапный и ужасный крик. В Лизе он узнал незнакомку, чьим танцем восхищался с год назад и которую с тех пор страстно желал.

— Передайте S.R.M.D., — прорычал он, — что, живой или мертвый, я это сделаю. Но прошу отдать мне в награду девушку.

— Ты ее получишь, — заверил его Баллох, — или что угодно другое, если сумеешь положить конец деятельности мистера Сирила Грея.

Ни слова не промолвив, Абдул-бей ринулся вон. Баллох и паша отправились на назначенную встречу. Эту ночь и следующий день они попеременно пили и спали. На следующий вечер около половины девятого зазвонил телефон. Дуглас оказался прав: влюбленные прибыли на Лионский вокзал.

Баллох и его ученик одним рывком вернулись к жизни — свежие, бодрые и готовые к действию.

Высокого мага с прелестной девушкой под руку приметить было несложно. Сердце контролера было глубоко тронуту: билеты до Рима в один конец и никакого багажа! Конечно же, тайный побег!

Исполнившись романтической симпатии, добрейший человек вознамерился воспрепятствовать Баллоху, которого счел не то разгневанным папашей, не то ревнивым мужем, пройти к поездам, но манеры англичанина его обезоружили. Кроме того, у него оказался вполне законный билет до Дижона.

Замаскировавшись, как только возможно, доктор быстро прошел к голове поезда. Прикинувшись тихим старичком, он одарил машиниста «заговоренной кроной» специально на легкую дорогу. Он даже выпьет за здоровье такого славного парня — как, бишь, его зовут? Марсель Дюфур? «Из топки¹ — самое то!» — посмеялся добродушный пассажир, теперь совершенно спокойный за свою судьбу.

На поезд старичок, однако, не сел, а, совсем напротив, выскользнул из здания вокзала, прыгнул в автомобиль и радостно вернулся к Дугласу с отчетом о так блестяще выполненной операции.

О турке он даже и не вспомнил. Акбар-паша, меж тем, время даром не терял. Баллох взял билет до Дижона — ну, так он тоже возьмет. И даже поедет — чтобы исправить допущенные вчера промахи. Этого щенка Грея, когда за спиной его не стоит Ифф, он совсем не боится. Пусть нелегко, но он раздобудет каплю Лизиной крови, даже если для этого придется подкупить проводника. А, может быть — кто знает! — ему даже представится шанс убить Грея! На поезд он вскочил, дождавшись буквально последнего момента.

Состав остановится в Море-де-Саблоне; к тому времени уже застелят постели; времени у него будет вдоволь. Можно даже до Рима доехать, если в том будет нужда.

Сирил Грей вне влияния Саймона Иффа снова оборотился саркастичным сфинксом. На нем был дорожный костюм с бриджами, но манеры тянули не иначе, как на папского нунция.

¹ Вольный перевод французской фамилии «Дюфур».

— Обивка в этих вагонах никуда не годится,— сообщил он Лизе, глядя на материю с отвращением, после чего внезапно открыл дальнюю от платформы дверь и бесцеремонно переставил девушку на полотно, а оттуда сразу же в битком набитое купе поезда, стоявшего на соседнем пути.

— Морозная и лунная ночь вроде этой,— сказал он ей, вытаскивая из кармана громадную черную трубку и набивая ее,— весьма показана (если любовники, как мы, достаточно романтичны) для того, чтобы сойти в Море, прогуляться пешком в Барбизон через лес, через денек-другой вернуться в Море той же или похожей дорогой, а затем продолжить путешествие в Неаполь.

— Увидеть Неаполь и умереть! — добавил он задумчиво. — Определенно превосходная программа.

Лиза послушалась бы и предложения начать путешествие с заплыва в Сене на том основании, что послезавтра пятница, поэтому никаких возражений с ее стороны не последовало. Правда, от замечания, что до Море можно куда быстрее добраться курьерским поездом, все же не удержалась.

— Дитя мое! — строго сказал ей Грей. — Прославленный латинский поэт Квинт Гораций Флакк как-то заметил в назидание нам и к вящей пользе, что «*Festina lente*»¹. Известный испанский писатель перевел эту эпиграмму как «*Mañana*»². Данте прибавил свое свидетельство истины грандиозным криком: «*Domani!*»³. Также и арабский философ, к которому я лично отношусь с уважением, рекомендовал (если, конечно, мы решим доверять сэру Ричарду Фрэнсису Бертону, рыцарю ордена Святого Михаила и святого Георгия,— а почему бы нам, собственно, ему не доверять?): «Скрывай свои убеждения, сокровища и передвижения!» — вот этим я и занимаюсь. И в куда большей степени,— заключил он уклончиво,— чем вы можете себе представить.

Они все еще ждали, пока их местный похоронный кортеж (который французы со свойственной им высокопарностью

1 «Поспешай медленно» (лат.).

2 Досл. «завтра»; здесь «может быть, когда-нибудь, если не будет дел поважнее» (исп.)

3 Завтра (ит.).

именуют поездом) изволит тронуться, когда доктор Баллох, сияя, вернулся на улицу Кенкампуа.

Дуглас ожидал его с нетерпением. Мгновение, и новость стала достоянием гласности.

— Марсель Дюфур! — вскричал довольный S.R.M.D.. — Мы выпьем за него, раз уж он при исполнении и сам выпить не может.

Он откупорил пару бутылок виски, смешал выдохшийся спиртус в магическом блюде с их содержимым и пригласил Баллоха присоединиться к нему.

— Доброго здоровья, Марсель Дюфур! — вскричал Дуглас. — И езжай осторожно!

После этого они с Баллохом приступили к методичному опорожнению бутылок — по крепкому глотку в минуту — что, впрочем, не оказывало на них ровным счетом никакого воздействия. Зато на машиниста злосчастливого поезда оказывало, и еще какое.

Еще до выезда из Парижа его стала сильно беспокоить топка. Кочегару было велено держать самый сильный пар. В Мелюне поезду полагалось сбросить скорость; вместо этого он ее увеличил. Сигнальщик в Фонтенбло с интересом проводил взглядом состав, пронесшийся мимо платформы на восемь минут вперед расписания и супротив всем сигналам. Он успел заметить сцепившегося с кочегаром машиниста; мгновение спустя кочегар вылетел из кабины, но, к счастью, отделался сломанной ногой.

— Мой напарник сошел с ума, — констатировал позднее раненый. — У него была пятифранковая монета, которую ему дал какой-то старый джентльмен; так он клялся, что дьявол даст ему еще одну, если мы доедем до Дижона за два часа. (А это ж обычно целых пять, вот ужас-то!)

Он, в общем, испугался, увидел запрещающий сигнал и прыгнул к рычагу. Тут-то этот спятивший бедняга Дюфур и спихнул его с поезда.

Кондуктор был новичком на этом отрезке пути и вообще слишком застенчивым, чтобы взять инициативу в свои руки; ему, конечно, следовало выставить тормоза, пусть даже и в Мелюне.

А через час Сирил Грей и Лиза с ним, а также все их попутчики были ссажены с поезда в Фонтенбло. В Море случилась ужасная катастрофа с курьерским «Париж—Рим». На всю ночь движение по линии будет прекращено.

— Сия неприятность, — заявил Сирил, услышав, что в программе спектаклей произошли изменения, — существенно добавит продолжительности — и, смею заметить, романтизма — нашей прогулке.

Достигнув более трех часов спустя Море, они полюбовались курьерским, завязавшимся в один большой узел с тяжеленным товарным. На повороте торопливый поезд сошел с пути и врезался в более медлительного товарища. У Сирила и здесь оказался припасен сюрприз. Он извлек из кармана некую бумагу, которую начальник полицейского кордона принял с видом младенца Самуила, на которого только что свалился дар пророчества. Он пропустил их с видом почтительным и гордым.

Далеко идти им не пришлось, Сирил быстро нашел то, что искал. Под руинами хвостового купе обнаружили останки Акбар-паши (ныне покойного).

— Интересно, как это произошло, — промолвил Сирил. — Хотя рискну угадать его эпитафию: «Малые знания — большие опасности». Думаю, Лиза, мы должны перекусить в «Белой лошади», прежде чем двинуться в Барбизон. Дорога будет долгой, тем более ночью, а нам еще нужно срезать к западу, чтобы обойти Фонтенбло — ради общего романтизма.

Лиза не имела ничего против перекусить хоть в «Белой лошади», хоть верхом на ней. Она уже поняла, что прилепилась к мужчине, силой своей, мудростью и дальновидностью способному посрамить любых врагов.

Этот мужчина меж тем остановился перемолвиться словечком с начальником кордона: «Среди погибших — мистер и миссис Сирил Грей. Англичане. Никаких цветов. Служба министерства».

Офицер обещал официально зафиксировать ложь. Почтение его было просто поразительно. Возлюбленный Лизы явно позаботился о том, чтобы разнообразить свое вооружение.

Лиза пожала ему руку и проворковала что-то о том, какой он умный.

— Это и на две минуты не введет Дугласа в заблуждение,— возразил ей Сирил,— если из него получилась, как я подозреваю, такая хорошая собака Баскервилей. Однако он может впасть в радость при мысли, какой я осел, что пытаюсь его обмануть, и на это уйдет какое-то время. Все лучше, чем ничего.

Помрачневшая Лиза задумалась, не стоит ли ей в следующий раз, желая сказать что-нибудь правильное, намеренно ляпнуть неправильное. На ее улице точка зрения Сирила всегда располагалась где-то за углом!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ТОМ, КАК СОБИРАЛИ ШЕЛК, ЧТОБЫ СПЛЕСТИ САЧОК ДЛЯ БАБОЧЕК

Полночную инвокацию солнечного бога Хеф-ра, Крылатого Скабаря, Сирил проделал на вершине Лонг-Роше¹, а утреннюю инвокацию Великого сокола, солнечного бога Ра — на холмах, откуда открывался вид на деревушку Барбизон.

Оттуда, подобно самому Шантеклеру², он и пробудил обитателей местной харчевни, которые, памятуя о давних днях, проведенных в обществе Стивенсона, чттили прах его, соревнуясь в высокоморальности с Джоном Сильвером.

Они приготовились заказать завтрак, и лишь устроенный по просьбе Сирила междугородный звонок в Париж внес в происходящее некую несвоевременную ноту, словно грозил поколебать мирное равновесие Республики. Поневоле спрашивали они себя, не новое ли дело Дрейфуса³ глядит на них из будущего. Как бы там ни было, не пробило еще и семи утра, а Сирил уже получил свой звонок, а Саймон Ифф — информацию. Задолго до того, как Дуглас, до самой полуночи ожидавший вестей о своем триумфе, пробудился

¹ *Длинный Утес* — скала в лесу Фонтенбло.

² *Шантеклер* — петух, главный персонаж одноименной пьесы Эдмона Ростана (1910).

³ *Дело Дрейфуса* — длившийся с 1894 по 1906 год судебный процесс по делу о шпионаже офицера французского генерального штаба в пользу Германской империи.

от тяжкого сна, в который незаметно перешел праздник, Ифф на быстрейшем своем автомобиле уже подобрал влюбленных в условленном месте в лесу, на Круа-дю-Гран-Мэтр, подобрал до Дижона и засунул в следующий в Марсель поезд. Там они пересели на корабль и морем добрались до Неаполя безо всяких приключений.

Враг так или иначе был совершенно сбит со следа. Рано утром наши друзья пристали к земле; к трем часам посетили местных божеств, требовавших самых безотлагательных почестей: музей, могилу Вергилия и торговца книгами и святыми образами Михельсена; а в четыре часа пополудни двинулись рука об руку вдоль кромки приборя к новому своему дому.

Через час пешего ходу они оказались у подножия длинной лестницы, узкой, каменной и сырой, вившейся меж высоких стен и взлетавшей крутой вертикалью на самый гребень Посилиппо. В горстке домов можно было различить старую церковь. Сирил указал ей пальцем на дом, притулившийся в паре сотен ярдов к северу от нее,— самое прелестное строение на этом склоне.

Он был невелик, но выстроен, будто игрушечная копия одного из тех старых замков, что разбросаны по недоступным вершинам Южной и даже Центральной Европы,— короче, он был совсем как сказочный. Отсюда, снизу, он из за перспективы выглядел так, словно парил над отвесным обрывом, как дворец Потала в Лхасе, хотя в действительности такой эффект давали зрительно сливавшиеся стены, делившие сад на несколько террас.

— Это и есть Сачок для Бабочек? — вскричала Лиза, хлопая от радости в ладоши.

— Это,— возразил Сирил,— настоящая Сеть!

И снова Лиза ощутила укол чего-то, подозрительно напоминавшего сомнение. Его манера говорить самые простые вещи так, будто у них имелся второй, для нее непонятный смысл, досаждала ей. Всю дорогу он был странно молчалив и отстранен от нее на тех самых планах, где она более всего в нем нуждалась. Конечно, это было неременное условие эксперимента, но Лизе оно определенно мешало чувствовать себя счастливой. Беседы их носили либо чисто образовательный характер («Магией за шесть простых уроков» называл

он их, или еще «Магией без слез»), либо представляли собой обычный лепет влюбленных, который (она была в том совершенно уверена) Сирил презирал. Он говорил ей, что глаза ее похожи на звезды, а ей явственно слышалось: «Ну, что еще мне сказать этому бревну?» Даже сама природа как-то умудрилась вызывать у него неуважение. Как-то вечером она застала его перегнувшимся через борт корабля и в поэтическом трансе созерцающим морскую пену. Долгое время оставался он недвижим; грудь его быстро вздымалась и опускалась, губы трепетали от страсти... Наконец, оборотившись к ней, он промолвил хладнокровно:

— Какая реклама зубной пасты могла бы получиться, а? Или мыла для бритья!

Лиза была уверена, что он тщательно отрепетировал всю сцену, просто чтобы вознести ее до небес, а потом иметь удовольствие уронить вниз. На следующее утро, пробудившись очень рано, она нашла на его столике карандашный набросок сонета, столь возвышенного, столь глубокого, с таким ювелирным мастерством написанного, что Лиза как нельзя лучше поняла тех немногих, кто, будучи допущен к чтению его работ, считали Сирила соперником Мильтона¹. И так точны были образы, что, без сомнения, он ваял их, строчку за строчкой, в том самом экстазе, из которого пинком вышвырнул ее своей беспардонною репликой.

Она честно спросила его об этом.

— У некоторых людей,— ответил он ей совершенно серьезно,— мозг один, у других два. У меня вот два.

— О, я забыл,— спохватился он минуту спустя. — У некоторых и одного нет.

Лиза, однако, осадить себя не дала.

— Что ты имеешь в виду: у тебя два мозга?

— Ну, да, два. По всей видимости, чтобы постичь что бы то ни было, я вынужден воспринимать объект в самых крайних его проявлениях. Одновременно я вижу в нем и возвышенное, и нелепое, и не могу представить одно без другого, как не может быть, например, палки с одним концом.

¹ *Мильтон*, Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Считается предтечей Байрона и поэтов-романтиков.

И вот я использую одну точку зрения, чтобы перевесить другую, словно ребенок качается на качелях. Я несчастлив, пока не сумею отождествить идею с ее противоположностью. Возьмем вот идею убийства — простую и ужасную саму по себе. На этом я останавливаться не стану: я преумножу убийство и усилю его в миллион раз и еще в миллион. И вот оно уже распускается в возвышеннейший образ отверзания Ока Шивы, когда вселенной мгновенно приходит конец. А потом я качаюсь назад, и творю из всего этого комедию: некий герой в самый критический момент усыпляет злодея-Шиву хлороформом и женится на американской красотке-наследнице с недурным капиталом.

Пока я не проведу так круглые сутки, я не чувствую истинную идею, не понимаю ее. Если бы ты не прервала меня на стадии мыла для бритья, я бы снова сделал из него что-нибудь славное, ни на мгновение не переставая воспринимать абсолютную идентичность двух самых противоположных фаз.

Но, увы, все это оставалось за пределами ее понимания — как с пресловутой загадкой про «настоящую Сеть». Слово могло означать тысячи разных вещей, и для женщины ее позитивного и прозаического склада (а она была именно такова, невзирая на весь романтизм и истерию) сомнение было пыткой. Сама любовь всегда мучительна для женщин такого типа; им все время хочется запереть любовника под замок. Да и любовь, по их мнению, могла бы быть товаром посущественнее — покупаешь на вес и хранишь потом в сейфе или, лучше, на леднике.

Сомнение и ревность, эти фрейлины любви, суть дети воображения. Люди обычно неправильно употребляют это слово, подразумевая под воображением мир абстрактных идей, таких далеких от конкретики фактов. Но не будем переворачивать истину вверх тормашками! Воображение делает идеи зримыми, облакает Бытие формой. Оно, короче говоря, очень похоже на «веру», о которой говорил апостол Павел. Когда истинное воображение производит на свет истинные образы Незримого, мы получаем истинную любовь и истинных богов; когда ложное воображение приносит ложные образы — на свет являются идолы, Молох, Яхве, Джаганнатх и иже с ними, одетые в формы порока, преступления и муки.

Взбираясь по лестнице, которая, очевидно, совсем не собиралась кончаться, Лиза думала о том, что об заклад-то побилась, да ставки очень уж неравны. Она, не колеблясь, вышла бы с голыми руками на тигра, не говоря уже о Жизни. Саймон Ифф предостерег ее, что она действовала импульсивно, но за всем этим стояло одно: раз так, будь верна своему импульсу! Она еще раз пообещала себе, что не предаст своих орлов¹. Черная тоска спала с нее. Лиза обернулась и устремила взгляд на море, раскинувшееся не так далеко внизу. Солнце, пустотелый шар, полный расплавленной божьей славы, висело, трепеща, в средиземноморской дымке, и Лиза на мгновение обрела совершенное умиротворение духа. Она стала едина с Природой, прекратив свою вечную с нею войну.

Сирил тем временем снова обратил лице свое к горам; Лиза поняла, что он желает совершить вечернее поклонение уже с террасы ожидавшего их дома.

Но вот, наконец, они вышли из узкого коридора в проулок позади церкви. Это была старая и заброшенная улица, удаленная от главной автомобильной дороги, бежавшей вдоль горного хребта. Столетия прошли мимо этого места, позабыв о самом его существовании. О, что за мирная гавань, подумала Лиза, и почему-то факт этот ее не обрадовал. Яркая ее натура требовала постоянных волнений; она была пристрастна к эмоциям, если позволите мне сконструировать подобный термин по аналогии с иными разновидностями патологии.

Влюбленные повернули влево и пошли через деревню. Через несколько минут улица раздалась в площадь, и перед ними выросла вилла. Она стояла на отроге скалы, отрезанная от тела холма узкой расселиной. Старый каменный мостик крутой аркой взлетал от дороги и приземлялся у дома, словно замерзшая струя фонтана, бившая из врат.

Сирил перевел Лизу через мостик. Это жилище содержалось совсем иначе и нимало не походило на то, другое, оставленное ими в Париже. Посетители здесь не были желанны и жданны в любое время дня и ночи, а обитатели редко его покидали, да и то разве что по делу.

¹ То есть, своих знамен. В Древнем Риме изображением орла венчался шест со значком полка.

А потому прошло некоторое время, прежде чем пришел ответ на посланный ими зов. Сирил потянул железный язык и высоко над ними, в башенке, глядящей на бездну, закачался огромный набатный колокол, басовый и торжественный. И не ранее, чем стихло в овраге последнее эхо, на дверях приоткрылся глазок. Сирил поднял левую руку и показал в него кольцо с печатью. Дверь тотчас отворилась. Мужчина лет пятидесяти с лишним, одетый в черное, с громадным мечом на боку, как у его собрата в парижской резиденции, склонился перед ними.

— Твори свою волю, таков да будет весь закон. Я вхожу.

С этими словами Сирил вступил в права владения.

— Проведите меня к Сестре Кларе.

Страж повернулся и двинулся впереди них по длинному коридору, выходявшему на каменную, выложенную порфиром террасу. В центре круглого фонтана возвышалась реплика Венеры Каллипиги¹ в черном мраморе. Парапет украшали изваяния сатиров, фавнов и нимф.

Женщина, вышедшая им навстречу, была, без сомнений, сродни этой античной компании. Лет около сорока, здоровая и сильная, сожженная солнцем дочерна за годы жизни на свежем воздухе, с лицом, слегка меченым оспой, черными своими глазами она глядела сурово и истово. Всей своей внешностью и манерой она являла самоотверженность и решимость. Именно она заправляла домом в отсутствие Саймона Иффа.

После первых приветствий они с Сирилом тотчас же углубились в официальную беседу, от которой при всей ее строгой формальности необъяснимым образом веяло самой сердечной добротой. Он объяснил, что желал бы оставить за ней полный контроль за домом при небольшой модификации уклада в интересах успеха некоего магического эксперимента, который он, собственно, и явился провести. Сестра Клара выразила согласие едва заметным кивком, после чего, повысив голос, призвала остальных домочадцев совершить вечернее поклонение солнцу.

Сирил возгласил ритуал; исполнив долг, он смог перейти, наконец, к знакомству с новыми своими братьями и сестрами.

¹ *Венера Каллипига* — древнеримская статуя Венеры Прекраснозадой, на денная в так называемом Золотом Доме Нерон. Хранится в Национальном Археологическом музее Неаполя.

Сестре Кларе помогали две юные женщины, стройные, словно ивы, и видом обладавшие довольно младенческим — с пушистыми светло-русыми волосами и пухлыми алыми губками. Эти стояли отдельно от мужчин, коих насчитывалось пять. Первым по рангу шел дородный Брат Онофрио, мужчина лет тридцати пяти, сильный, как бык, с железными мышцами, закаленным непрерывным и тяжким физическим трудом. Двое тридцатилетних мужчин стояло подле него, а за ними — двое парней возрастом не более шестнадцати.

Все они были преданы делу исцеления человечества от физических его немощей — это знал о них внешний мир. Мужчины служили врачами или изучали медицину, женщины — медицинскими сестрами. Даже среди них Сестра Клара была подлинным бриллиантом — хирургом, способным дать фору любому представителю той же профессии, но противоположного пола в Европе.

Однако, согласно правилам дома, больным там находиться воспрещалось; приданная ему частная больница была отнесена на добрых три сотни ярдов от склона.

С первого же взгляда Лиза поняла, что попала в круг людей, у которых на первом месте стояла дисциплина.

Каждый двигался так, словно за ним с детства присматривал прусский сержант, и выглядел, будто в мозг его огромными буквами впечатано было слово «ответственность». Клара и Онофрио чувствовали себя в этом вполне естественно; к остальным идея пока как-то не привилась. Впрочем, никакого внешнего принуждения в них не чувствовалось: даже младший из мальчиков явно гордился, как серьезно он умеет себя вести.

Воздух был чуть тронут морозцем; Сирил повел Лизу внутрь. К приему подготовлены были особые комнаты; Лиза, впрочем, осталась весьма недовольна, обнаружив, что обставлены они в точном соответствии с женскими вкусами и потребностями. Все покои объединяла одна цветовая схема: белый, голубой и серебряный. Все обивки, ковры, даже самые потолки были именно этих и никаких иных цветов.

Все картины и статуи изображали Артемиду, и только ее одну; все предметы в апартаментах формой напоминали полумесяцы, а из металлов присутствовало одно лишь серебро. Там,

где назначение предмета не допускало никаких полумесяцев, поверхности были гравированы девятилучевыми звездами.

Лишь три книги лежали на столе: Китсов «Эндимион», «Аталанта в Калидоне» Суинберна и еще одна. На маленькой полочке стояло еще несколько томов; уже позднее Лиза обнаружила, что каждый из них описывал луну, рассуждал о ней или в той или иной мере ею вдохновлялся. В серебряной же курильнице тлело благовоние, чьим основным ингредиентом была камфара. Все вокруг было подобрано или изготовлено так, чтобы обращать разум девушки к пресловутому спутнику земли. Потом уже Лиза выяснила, что генеральный план распространялся даже на ее рацион: ей предстояло питаться исключительно тою пищей, которую мудрецы древности считали лунарной по природе либо из-за присущих ей свойств, либо в силу традиционного посвящения Диане.

После начала эксперимента ни одному существу мужеска пола не дозволялось более переступить порога этого жилища.

Лиза даже чуть-чуть испугалась, поняв, что Сирил, видимо, с самого начала рассчитывал на полное ее повинование. Он признал это с обычной своей ленивой улыбкой и тут же принялся объяснять, почему избрал именно луну «бабочкой», которую они намерены уловить в свою Сеть.

— Луна в вашем гороскопе обладает самым сильным влиянием. Она пребывает в собственном своем знаке, Раке, и к тому же в Середине Неба. Солнце и Меркурий восходят в квадрате к ней, что само по себе не особо хорошо, так как может послужить причиной определенных неприятностей. Но Нептун к ней в секстиле, а Юпитер и Венера — в трине. Лучший гороскоп, на какой мы только могли надеяться для нашего случая. Главную опасность представляет конъюнкция Луны и Урана — они слишком близки друг к другу, чтобы чувствовать себя комфортно. Моя натальная карта хорошо сочетается с вашей, так как я по природе преимущественно солярен, хотя, видят Небеса, Гершель¹ на асценденте несколько меняет картину. Так что я служу дополнением к вам. Но я не намерен оказывать на вас чрезмерное влияние или слишком много с вами

1 *Гершель* — старое название планеты Уран, открытой в 1781 году британским астрономом Уильямом Гершелем (1738—1822) и первоначально названной им Звездой Георга в честь короля Георга III.

общаться. Спать я буду с мужчинами вон в той квадратной башне, которая магически обособлена от всего остального дома. Мы будем постоянно работать, призывая лунное влияние и держа на расстоянии незваных гостей. Сестра Клара чрезвычайно хороша в работе подобного рода; она двадцать лет посвятила ее изучению, а на протяжении последних десяти воздерживалась от разговоров с мужчинами за исключением ситуаций крайней необходимости. Ее ученицы приняли такое же решение. Дело тут не в клятвах, которые подразумевают недоверие к себе и страх перед слабостью и колебаниями. Женщины нашего Ордена творят свою собственную волю и во внешнем давлении не нуждаются. Так иди и поступай так же!

Вдруг он стал суров и мрачен, и Лиза ощутила, сколь ужасны будут, в случае чего, гнев его или презрение.

Утро было прекрасно. Лиза обнаружила, и уже не в первый раз, что наиболее бодрящее влияние исходило от принятого в Гостевых домах Ордена распорядка: вставать до зари; совершать церемониальное омовение, очищая тело и разум, чтобы они символически сделались, как у только что появившегося на свет ребенка; радостный всплеск религиозного восторга при виде солнца, поднимающегося над горизонтом,— вот оно, настоящее Начало Дня. Незаметно годы покинули ее, и стала она, как дева, в делах своих и в помышлениях.

До новолуния, на которое было назначено начало операции, оставалась еще неделя, но для Сирила Грея это было чрезвычайно занятое время. С Братом Онофрио, к которому он питал бесконечную симпатию, он тщательно проинспектировал каждый дюйм поставленной на дом защиты. Тот и так представлял собою что-то вроде крепости: террасы окаймляли валы углового или круглого типа в старомодной фортификационной манере, наилучшим примером которой считается калькуттский Форт Уильям.

Однако защита, которой занимались маги, была иного сорта; задача ее заключалась в том, чтобы заключить всю усадьбу в нерушимый магический круг. Годами место это, конечно, находилось под надежной охраной, но только не от ждущих его ныне опасностей. До сих пор нужно было держать подальше сущности злые и непросветленные, того же уровня, что Дугласов наблюдатель; теперь же жители виллы столкнулись

с куда более масштабной проблемой: как убедить Душу, надевшую неотъемлемым и царственным правом войти, не приближаться к дому. Демоны, стихийные духи и разумы, согласно теории, суть лишь фракции истинных Сущностей, иллюзии, трехмерные создания, не обладающие истинной сутью. Можно сказать, они — лишь прилагательные, но никак не существительные. Но душа человеческая — о, се истинная реальность. «Каждый мужчина и каждая женщина — звезда».

Так вот, отворотить душу от намерения войти в мир материи представляло серьезную трудность, и подходить к такому делу недостаточно ответственно было никак нельзя. Сирил, впрочем, главным образом надеялся на то, что мимо проходящие души окажутся достаточно разумны и не станут предпринимать попыток втереться в чуждую компанию или запустить корни в неподходящую почву. Он всегда придерживался мнения, что если наследственные и внешние факторы избранного душой эмбриона окажутся враждебны желаемой ею манифестации, инкарнация будет весьма затруднительна; душа покинет начавшую формироваться оболочку, а на физическом плане случится выкидыш, мертворожденный младенец, а то и что похуже: покинутый душою зародыш окажется открыт для одержимости иными сущностями — вампирами или тем, что в Библии зовется «бессловесным духом», и появится на свет в итоге чудовище или идиот.

Сирил Грей самой своей преданностью человеческому идеалу надеялся отогнать прочь все остальные типы душ, кроме нужного ему, подобно тому, как стая волков обращает в бегство ягненка; одновременно с этим специально привлеченные могущественные силы послужат маяком, сияющим у входа в назначенную гавань. Ему уже виделась желанная Лунная душа, плывущая в космическом пространстве, бодро влекомая в направлении целого хора сочувствующих разумов, не заметить который у нее едва ли будет возможность — куда там, при такой концентрации магических сил операторов на человеческой идее.

За два дня до начала операции из Парижа пришла телеграмма. В ней говорилось, что, как они и предполагали, за падением стояли Баллох и Дуглас; более того, местонахождение Грея уже раскрыто, и трое членов Черной Ложи выехали из Парижа, взяв курс на Италию.

Сообщать эти новости Лизе Сирил счел совершенно излишним, однако, общее внушение решил повторить.

— Дитя! — обратился он к ней. — Теперь ты уже готова к нашему эксперименту. В понедельник, в день новолуния ты дашь посвятельный обет, и мы с тобой возобновим отношения, от которых временно отказались. Позволь тебе заметить, что ты находишься в совершеннейшей безопасности во всех отношениях, кроме одного. Наше слабое место в том, что мы не в состоянии полностью удалить неподходящие мысли из твоей головы. Добиться этого — твоя задача; мы сделали все от нас зависящее, чтобы создать возможно более благоприятные условия. Мой долг — предупредить тебя, что борьба может оказаться тяжкой. Тебя удивят возможности твоего ума, его неистощимая изворотливость, его смертельно ложная логика, его умение сделать тебя слепой к фактам, которые должны быть ясны, как божий день, — да, даже к тому, что находится у тебя прямо перед глазами. Он будет стараться сбить тебя с толку, заставить утратить ментальное равновесие — он не остановится ни перед какими уловками. И так сокрушена ты будешь, так ослеплена, что лишь на одно сумеешь положиться — а именно на буквальное и отчаянное исполнение данной тобою клятвы.

Так и поступи, и уже совсем скоро разум твой очистится; ты поймешь, как пусты и никчемны были осаждавшие тебя призраки. Но если тебя ждет провал, держаться будет не за что; воды взвихрятся вокруг тебя и унесут в бездну безумия. Никогда, никогда не делай различий между буквою и духом твоего обета! Изощреннейший дьявольский обман в том и состоит, чтобы увлечь тебя прочь от прямого значения слов. И как бы твои инстинкты и разум, и здравый смысл, и интеллект ни тщились заставить тебя истолковать твой долг каким-то иным, отличным от первоначального прямого смысла образом, не следуй им!

— Не понимаю я, что ты хочешь сказать.

— Ну, вот тебе пример. Скажем, ты клянешься «не прикасаться к алкоголю». Тут же дьявол подсунет тебе болезнь, а с нею — содержащие алкоголь лекарства. Он станет искушать тебя решить, что, конечно, на медицинскую необходимость твой обет не распространялся. Или вот решишь ты

протереть лицо одеколоном — разумеется, под «прикастаться» подразумевалось «пить».

— И что, мне следует быть вот такой глупо буквальной?

— Именно — во всех случаях, когда разум пребывает в магическом напряжении и оказывается неспособен судить. Это как в истории Синеи Бороды, только в нашем случае содержимое запретной комнаты существует лишь в женском воображении: героиня так накрутила себя мыслями о том, что могла бы увидеть, что решила, будто и вправду видела это. Так что будь настороже!

В последний день старой луны он ознакомил ее вкратце с программой мероприятий.

Прежде всего, медовый месяц; их нормальные отношения будут продолжаться до тех пор, пока не станет очевидной необходимость обозначить ключевую точку операции. С этого момента видеться они не будут, разве только на церемониях инвокации; все прочие отношения будут прекращены. Возлюбленный превратится в отшельника. Маг просчитал вероятный момент воплощения — около шести месяцев до рождения. Как только станет ясно, что душа вступила в права обладания эмбрионом, отшельник станет старшим братом.

Самым важным очевидно был срединный период — не только из-за трудностей чисто магического толка, но и потому, что Лиза сама окажется в чрезвычайном напряжении и вдобавок лишенная всякой поддержки своего любовника. Сирил, однако, считал, что лучше рискнуть всеми этими опасностями, чем дать собственной его душе повлиять на Лизино состояние: солнечная натура юноши могла с легкостью отпугнуть ту редкостную «бабочку», которую они хотели изловить. Именно его человеческую индивидуальность нужно было изгнать из ее окружения. Ничего Лиза не должна о нем знать, кроме чисто магической его стороны, когда, облаченный в ризы, приличествующие для призывания Луны, словом и делом сосредоточенный на работе, Сирил Грей отдастся объятиям Артемиды — «святилище твое, оракул твой, о, знойный сон пророка бледноустого».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О МЕСЯЦЕ МЕДА И О СЛУЧИВШИХСЯ В ЭТО ВРЕМЯ СОБЫТИЯХ; С РАЗНООБРАЗНЫМИ РЕМАРКАМИ ОТНОСИТЕЛЬНО МАГИИ; И ВСЕ ЭТО СДОБРЕННОЕ ПРИСТОЙНЫМИ ЮНОШЕСТВУ МОРАЛЬНЫМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ

Устроенный в виде многочисленных террас сад виллы засажен был оливами и тамариндами, апельсиновыми и кипарисовыми деревьями. На самой нижней из террас, формою напоминавшей полумесяц (через окружавшую ее стену открывался вид на одну из спускавшихся по склону холма улочек), имелась вымощенная белым мрамором площадка. Родник струился из голой скалы в круглую чашу; тонкие ручейки бежали из нее и орошали пространство по узеньким канавкам между плитами. Сад этот был обиталищем лилий. Из-за этого весьма уместного символизма Сирил и выбрал его для посвящения Лизы Артемиде. Там установил он небольшой треугольный алтарь из серебра; к нему трижды в ночь Сестра Клара и ее ученицы сходились петь заклинания, ибо ритуалам луны негоже видеть солнечный свет.

Вечером понедельника после поклонения заходящему солнцу Сестра Клара отозвала Лизу в сторону и провела в сад.

Там они с прислужницами разоблачили ее и омыли с головы до ног в водах священного источника. Затем девушка торжественно принесла обет, что станет повиноваться всем правилам ритуала, не заговорит ни с одним мужчиной, кроме своего избранника, не покинет защитного круга и не вступит в общение с внешним непосвященным миром; и помимо всего этого отдастся всецело призыванию Луны.

Далее она одела ее в специально выбранное и освященное облачение. Скроено оно было совсем не так, как орденские мантии — свободное бледно-голубое одеяние, покрытое серебряной тканью. Тайные сгилы луны были хитроумно вотканы в его швы. Оно было тонкое, но очень просторное; казалось, носительница его окутана туманом лунного света.

В таинственном и томном песнопении возвысила Сестра Клара голос свой; аколиты вторили ей на мандолинах. Инкантицией страсти и безумия было оно, безумия целомудрия, отстраненности и непостижимости. Под конец она взяла Лизу за руку и даровала ей новое, мистическое имя, вырезанное на лунном камне, вправленном в серебряное кольцо, которое она и надела ей на палец. Имя то было Илиэль. Его избрали, потому что число его пребывало в сродстве с луной: будучи еврейского происхождения, суммой букв своих оно давало восемьдесят один, квадрат от девяти, священного числа луны. Были, однако, и другие соображения, способствовавшие выбору именно этого имени. Буква «Л»¹ в еврейском языке соответствует Весам, знаку, под которым Лиза родилась; в имени она окружена двумя буквами «И»², что указывает на защиту сил творения и непорочности, которые мудрецы древности как раз и связывали с этим знаком.

Конечное «эль» означало божественность нового ее существа, ибо на еврейском это слово — «бог»; мудрые прибавляют его к различным корням, подразумевая, что данные идеи воплощаются в сущностях ангельской природы.

Эти разъяснения были Лизе даны заранее; теперь, получив имя церемониальным образом, она была поражена в самое сердце его возвышенным смыслом. Страсть ее к Сирилу Грею была досель неистойвой и грубой, почти вульгарной — он же сумел превратить ее в голод по святости, в благоговейное устремление к безупречной чистоте. Ни Рея Сильвия³, ни Семела⁴, ни какая другая из смертных девственниц не наследовала более славной судьбы, не пылала столь бесконечной экзальтацией целомудрия. Даже самая мысль о Сириле отпала от Илиэль, словно окалина: не более, чем необходимым злом стал он для нее. В это мгновение она могла б отряхнуть тенега самой своей человеческой природы и присоединиться к Сестре Кларе в экстазе ее, погрузиться царственной монахиней, жрицей в чистое необрученное девство. Одно лишь сознание

1 Ламед.

2 Йод.

3 Рея Сильвия — весталка, родившая основателей Рима Ромула и Рема от бога Марса.

4 Семела — дочь фиванского царя Кадма, родившая Диониса от бога Зевса.

возложенной на нее высокой миссии заставляло ее принять горечь предстоящего...

От этой медитации пробудил ее голос Сестры Клары.

— О, Илиэль! О, Илиэль! О, Илиэль! Тучей затмилось море.

Звонем мандолин вступили две остальные служительницы.

— Темнеет небосклон. О, страх! — вскричала Сестра Клара.

Тревожную трелью отозвались девы.

— Одни мы во священной роще. О, Артемида, с нами пребудь, укрой нас от всякого зла!

— Укрой нас от всякого зла! — эхом прошелестели двое детей.

— О, вижу я фигуру в облаке! Вихрится тьма! Чужой вступил под своды священной рощи!

— Артемида! Артемида! Артемида! — пронзительно вскрикнули девы, и струны возбужденно и яростно вторили им.

Великий крик поднялся в тот миг (мужчины собрались в ожиданье террасою выше) — нечленораздельный, жалкий вопль ужаса; единственное слово различалось в нем, и слово было: «Пан!» С визгом и криками кинулись они врассыпную, когда Сирил Грей, облаченный в грубое платье из козлиных шкур, прыгнул с самой верхней террасы прямо в их середину. Еще прыжок, вниз, в сад, и вот он уже у парапета, окружающего площадку, где сгрудились, испуская стоны, девы.

Он ринулся в самую гущу. Сестра Клара с ученицами бежали, стеля, как стая спугнутых морских птиц. Он же смял Илиэль в объятиях и вскинул себе на плечо, и с победою кинулся в дом.

Такова была магическая церемония, придуманная адептом: воспоминание или же драматическое представление легенды о похищении Дианы Паном. Именно из таких обрядов родилось все театральное искусство. Главное в них состоит в том, чтобы отождествить себя в мыслях, но посредством действий, с божествами, которых оператор желает призвать.

Идея церемониального представления сюжета, возможно, исторически предшествовала ритуалу; сами боги, быть может, некогда начались с эпонимных им героев, возвышенных и очищенных народной мыслью, или с персонификаций абстрактных идей — хотя в конечном итоге это все одно и то же. Признайте, что человеческий гений божествен, и извечный вопрос, где здесь лошадь, а где колесница, потеряет всякий смысл, как если б вы спрашивали об автомобиле.

Весь следующий месяц, с середины ноября и до последней перед рождеством недели, стал месяцем меда. Разыгравшийся у них животный аппетит был не более, чем случайным и побочным эффектом. Человеческая любовь Сирила и Лизы вознеслась на непостижимые высоты, подпираемая хребтом духовности и любви к человеческому роду, стоявших за всеми ее проявлениями. Все, просто все пело в унисон с нею; ничто не нарушало гармонии. Ни на час влюбленные не теряли друг друга из виду; они переполнялись любовью и алкали ее еще больше, но так и с такою силой, о какой мирским любовникам нечего и мечтать. Даже сон был для них многоцветным и тонким покровом, сброшенным на жар экстаза; даже в снах они все так же гнались друг за другом и получали друг друга под лазурными небесами, на берегах морей, смеявшихся мелодичнее тех, что отделили их от Капри, в садах еще больших наслаждений, чем их собственный, на склонах гор, взлетающих к вечным чертогам эмпирии.

Четыре недели ни единого слова не просачивалось к ним снаружи — за одним только исключением, когда Сестра Клара принесла Сирилу телеграмму. Под крайне коротким посланием не было подписи. «Примерно первого августа», — гласило оно.

— Чем лучше день, тем величавей дело! — вскричал радостно Сирил.

Илиэль поинтересовалась, что за дело.

— Просто магия! — ответил ей он.

Она не стала настаивать, рассудив, что дело ее не касается, и жалея лишь об этом, пусть и малейшем, нарушении их идиллии.

Но если Илиэль и была хранима ото всякого знания о внешних событиях, то лишь силою холодной стали. Черная Ложа не дремала. Командующий гарнизоном Брат Онофрио трудился, не покладая рук. Маневры его оказались успешными: враг не сумел взять и первого редута — порвать физическую их связь с Братством.

Закон магии заключается в том, что причина и следствие всегда лежат на одном плане. Можете сколько угодно посылать призраков, чтобы припугнуть нелюбезную вам личность, но не стоит ждать, что они побьют врага дубиной или стянут носовой платок. Большая часть практической магии

начинается на материальном плане, а затем уже творит образы на планах иных. То есть, чтобы вызвать, скажем, духа, вам сначала нужно запастись всем, что потребно для его манифестации, и уже из этого сотворить более тонкие формы той же самой природы.

Точно так же работал и Сачок для Бабочек. Мораль имеет отношение к магии не более, чем к искусству или науке. Этот вопрос вообще возникает лишь в том случае, если следствие как-то подействовало на моральную природу человека. Венера Медицейская¹ не хороша и не дурна — она просто прекрасна; но воздействие ее на разум Энтони Комстока² или Гарри Тоу³ может оказаться катастрофическим вследствие природы этого самого разума. Можно договориться по телефону о подробностях убийства, но вот только телефон потом винить не надо.

Законы магии тесно связаны с законами других физических наук. Еще столетие назад человек понятия не имел о многих важнейших свойствах природы — о теплопроводности, электрическом сопротивлении, непрозрачности для рентгеновского излучения, о спектроскопической реакции и прочих, еще более оккультных вещах. Магия работает преимущественно с физическими силами, пока еще не признанными профанами; но силы эти не менее реальны и материальны — если, конечно, их можно таковыми назвать, ведь все явления в конечном итоге духовны — чем такие свойства как радиоактивность, вес или жесткость. Трудность с их определением и измерением заключается в основном в их мудреной связи с жизнью. Живая протоплазма совершенно идентична мертвой протоплазме единственно за исключением факта жизни. Месса есть магическая церемония, целью которой является наделение материальной субстанции божественными свойствами; однако между

1 *Венера Медицейская* (или Венера Медичи) — римская копия I в до н.э. с греческого оригинала, близкого по канону к Афродите Книдской. В конце XVII века была приобретена семейством Медичи.

2 *Комсток*, Энтони (1844—1915) — американский политик и государственный почтовый инспектор, преданный идеалам викторианской морали. При нем студенты-медики, например, не могли получать по почте некоторые учебники по анатомии, сочтенные им «непристойными, распутными и сладострастными».

3 *Тоу*, Гарри Кендалл (1871—1947) — сын железнодорожного магната Уильяма Тоу, знаменитый в основном убийством архитектора Стэнфорда Уайта в припадке ревности.

освященной и неосвященной облаткой никакой материальной разницы нет. Но в моральном воздействии на принимающего причастие разница будет и преогромная. Признавая, что основное ее таинство есть лишь один из бесконечного ряда возможных в талисманической магии экспериментов, церковь никогда не отрицала реальности этого Искусства, но почитала его представителей своими соперниками. Рубить сук, на которой сидит, она, однако, не дерзала.

С другой стороны, скептик, будучи не в силах отрицать следствие церемониального освящения, вынужденно приписывает его причину «вере», а затем глумливо замечает, что ну, да, вера — это настоящее чудо. С этим церковь со снисходительной улыбкой соглашается; однако, маг, держащий весы, на чашах которых сидят диспутирующие стороны, и настаивающий на единстве Природы, утверждает, что все силы по происхождению суть одна сила. Он и сам верит в «чудо», но считает при этом, что это той же природы чудо, что и зарядка лейденской банки электричеством. Для проверки первого используется моральный индикатор, для проверки второго — электрический. Весы и пробирка никаких изменений ни в том, ни в другом не покажут.

Черной Ложе было прекрасно известно, что самое слабое место Сачка для Бабочек — Лизин нетренированный разум. Пламя раскаленного добела энтузиазма и страстной любви горело слишком ярко, чтобы нападать на него напрямую, даже сумей они вступить с ним в коммуникацию.

Итак, они удовлетворились наблюдением и ожиданием реакции, буде она случится — а она непременно рано или поздно случается, как им было прекрасно известно. Антэрос вечно наступает Эросу на пятки и в один прекрасный момент свергает его с трона, если только последнему не хватит ума начать кормить свой пламень горючим дружбы. Между тем, это был наилучший их шанс воздействовать на разум через тело. Если бы им удалось обзавестись каплей крови Илиэль, девушка стала бы для них такой же легкой добычей, как и несчастный машинист курьерского поезда Париж-Рим.

Но Сестра Клара внимательно следила за тем, чтобы ни единый обренок ее ногтя не избежал самого скрупулезного магического уничтожения. Брат Онофрио еженощно

патрулировал сад, исключая самую возможность физического нарушения круга.

В Черной Ложе операцией заведовал некто Артуэйт¹, педант тупой и неаккуратный, лишенный и воображения, и подлинного магического восприятия. Как большинство черных магов, он часто выпивал, а непомерное тщеславие не давало причинять окружающим столько вреда, сколько ему бы хотелось. Он ненавидел всех и среди прочих Сирила Грея — за то, что светлая эта голова в самой своей ядовито-ироничной манере отрецензировала его книги в «Изумрудной скрижали» — знаменитом литературном обозрении, издаваемом Джеком Флинном. Грей особенно постарался ткнуть во все элементарные переводческие ошибки, демонстрировавшие комическое невежество Артуэйта в тех языках, знанием которых он так похвалялся. Впрочем, для задачи, возложенной на него Дугласом, человек этот вовсе не подходил; собственная напыщенность вечно вставляла ему палки в колеса. Сражающийся за свою жизнь предстанет исключительным дураком, если будет по минутно останавливаться, чтобы полюбоваться самим собой. Дуглас, однако, избрал его для этой миссии по одной из тех курьезных, с оглядкой причин, что представляют особую привлекательность для людей с извращенным интеллектом: его выбрали причинять вред из-за личной безвредности. Демократия нередко так выбирает своих генералов: конечно, ведь человек способный может в один прекрасный день взять и низвергнуть республику. А республика обычно предпочитает быть низвергнутой талантливым врагом.

Впрочем, Дуглас подкрепил его весьма сильным исполнителем.

Абдул-бей знать не знал никакой магии, и надеяться тут было не на что; но он питал отчаянную страсть к Лизе и фанатичную ненависть к Грею, которого винил (разумеется, с подачи Баллоха) в гибели своего отца. В его распоряжении были, практически, неисчерпаемые ресурсы — человеческие и финансовые; едва ли удалось бы найти лучшего человека для внешней части работы.

¹ Прототип этого персонажа — Артур Эдвард Уэйт (1857—1942), английский оккультист и мистик, член Герметического ордена Золотой Зари, плодовитый писатель и поэт, историк западной эзотерической традиции. — *Примеч. ред.*

Третий уполномоченный¹ представлял собою мозг всей операции. По-своему он был чрезвычайно подкован в черной магии. То был тощий, трупно-бледный протестант-ирландец по имени Гейтс, высокий и академически-сутулый. Обладатель подлинного оригинального дара, он время от времени демонстрировал вспышки прозрений, возносивших его чуть ли не до гения. Но хотя интеллект его отличался тонкостью и остротой, он постоянно пребывал в каком-то смятении, а всему его характеру недоставало силы и мужественности. Волосы он носил длинные, жидкие и нечесанные, зубы держал в небрежении и имел привычку к дурной гигиене столь очевидную, что она вызывала отвращение даже у чужих.

Вреда от него никакого не было, в Черной Ложе он ничем особенно не занимался, зато в силу некой романтической фантазии строил из себя ужасно безнравственного и злого парня. Все же он относился к ней достаточно серьезно и готов был служить Дугласу в любом предприятии, пусть даже самом гадком, которое обеспечило бы ему продвижение по степеням. В Ложе он состоял лишь по общей бестолковости; в том, что не касалось удовлетворения его тщеславия, устремления его были чисты и невинны и заключались в обретении силы и знания. Дуглас бессовестно его обманывал и считал полезным в качестве подсадной утки, ибо Гейтс обладал определенной репутацией в лучших английских кругах.

Для этой операции Дуглас выбрал его на весьма хитроумных основаниях: предполагаемых своих жертв он не любил и не ненавидел, и потому мог толковать их действия без страсти, но и без предубеждения. Больше всего Дугласу был нужен такой сторонний взгляд. Он даже повидался с ним лично — редчайшая привилегия — накануне отъезда в Неаполь и разъяснил свои пожелания следующим образом.

1 Пр тотип этого персонажа — Уильям Батлер Йейтс (1865—1939), ирландский поэт-символист, драматург и критик, визионер и мистик, вдохновитель культурного движения «Кельтское возрождение»; один из крупнейших поэт в XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года. Состоял в Герметическом ордене Золотой Зари в 1890—1922 гг. под девизом «*Daemon est Deus Inverus*» (лат. «Демон — обратная сторона Бога»), древний герметический аф ризм, позднее принятый каббалистами). Йейтс и Кроули пит и друг к другу взаимную неприязнь, усугубившуюся в результате конфликта между Кроули и большинством ленов лондонского храма Золотой Зари в 1900 году. — *Примеч. ред.*

Пусть тупица Артуэйт педантично перебирает классические методы магического нападения и терпит в каждом поражении — во-первых, вдруг что-то все-таки выгорит, а во-вторых, Сирил Грей будет занят и, может быть, даже решит, что основная линия атаки будет именно здесь. Тем временем он, Гейтс, под шумок займется выяснением истинных целей Грея. Информация эта жизненно важна: Дуглас и сам понимал, что цели эти колоссальны, а сущности, на призывание которых он кладет столько сил,— поистине космического масштаба. Об этом Дугласу сказали не только собственные его прорицания, но и самый факт вмешательства Саймона Иффа: он прекрасно знал, что старый Мастер и пальцем не пошевелит ради чего-нибудь мельче, как минимум, мировой войны. Таким образом, черный маг рассудил, что одна только неудача Грея уже будет для него, Дугласа, триумфом. Пробудившиеся силы обрушатся на голову вызвавшего их и разнесут дерзкого вдребезги. На этот счет Дуглас, все еще слабый после уничтожения наблюдателя, питал совершенную уверенность.

Номинальным главой экспедиции во всех ее предприятиях назначался Артуэйт; Абдул-бей обязан был активно поддерживать его всеми доступными ему средствами; Гейтс же в случае необходимости имел полномочия пресечь деятельность Артуэйта и призвать турка, обязанного хранить строжайшую тайну, к повиновению, продемонстрировав ему некую бумагу, должным образом составленную и врученную ему Дугласом.

Людовик XV, помнится, пытался играть в такие игры со своими послами, но в истории Дуглас был не силен и не имел понятия, к чему приводят подобного рода эксперименты. Равно как и не принимал он близко к сердцу слова Евангелия: «Если восстанет Сатана на Сатану, как устоять его царству?»¹

И еще менее понимал он, что изобретательный этот план был внушен ему самим Саймоном Иффом! А между тем это было именно так: в том и состояла суть контратаки, которую старый мистик договорился провести силами Сирила Грея. На всю работу у него ушла четверть часа: путь Дао — воистину самый легкий, и он же — самый надежный.

¹ Парафраз Лк. 11:18: «...если же и сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его?»

Вот что сделал Просто Саймон. Раз уж все простые действия однонаправлены, и инерция — враг их, оружейных дел мастер точит лишь один край своего клинка, а стрелодел воспринимает до предела наконечник стрелы. Пуля дум-дум проникает в тело хуже лезвия и не стоит использовать ее, если не уверен, что она успеет добраться до мягких мест, раньше чем разорвется и остановится. Этот принцип механики имеет самое прямое отношение и к магии. А потому если нужно оказать сопротивление магической атаке, наилучшим решением будет разделить силы противника.

Дуглас уже потерял в этой игре пешку. Акбар-паша кончил плохо, внедрив в план своего начальника собственную идею, отдельную и с ним не совместимую. Такого рода дефект вообще присущ Черной Магии, ибо искусство это само по себе противостоит Универсальной Воле. Не будь оно столь ничтожно мало, Вселенная была бы уничтожена — так анархист-бомбометатель может уничтожить общество, если сумеет отпратить на тот свет, скажем, треть населения страны.

На данном этапе Просто Саймон не знал, что командует вражеской армией Дуглас, но пребывал с ним в самой тесной магической связи, так как поглотил в свое время садовую Тварь, а Тварь эта была частью Дугласа.

Потому он задался целью полностью растворить в себе эту Тварь и сделать ее своей неотъемлемой частью навечно. Способ сделать это был, как обычно, прост. Он прошелся по всей Вселенной в разуме своем и примирил все противоречия в высшем Единстве. Начав с таких грубых явлений как цвета спектра, которые суть лишь фракции белого света, он растворял все, что приходило ему в голову, пока не добрался до таких абстракций, как материя, движение, бытие и форма. Благодаря этому процессу он возвел себя в такое состояние, в котором ум способен постичь даже те возвышеннейшие идеи, что примиряют даже самые крайние антиномии. Вот, собственно, и все.

Дуглас, все еще сохранявший магическую связь со своим наблюдателем, ощутил, как его создание медленно, так сказать, переваривает некий другой маг. Такова, между прочим, судьба всех черных магов — быть съеденными по частям. А все из-за недостатка любви, возрастающей от каждого нового акта

отдачи себя любимому, пока самое «Я» не окажется сопредельно с бытием. «Любящий жизнь свою потеряет ее»¹ — вот вам на этот случай уместное изречение из Библии.

Итак, Дуглас, который мог в этот миг спасти себя, смиренно подав в отставку, оказался слеп и выхода не разглядел — и слепота эта была результатом всех его действий, в сути которых лежал решительный отказ объединить себя со всей остальной вселенной. И вот он отчаянно сражается и борется против поглощения «наблюдателя». «Он мой, не твой!» — ярится он. Неколебимой, уверенной аффирмации истинного единства во всем разнообразии он противопоставляет утверждение двойственности. Весь его разум в итоге оказывается объят пламенем страсти противоположных вещей, сил, играющих друг против друга. И когда дело доходит до принятия решений, он разделяет свои силы и намеренно насаждает меж ними ревность и ненависть — там, где верность и сотрудничество должны были явиться первым и единственным решением.

А ведь Саймон Ифф не применял никаких чар — кроме Любви!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О БРАТЕ ОНОФРИО, ЕГО СТОЙКОСТИ И ОТВАГЕ; И О ПРИКЛЮЧИВШИХСЯ ИЗ-ЗА ЭТОГО С ЧЕРНОЙ ЛОЖЕЙ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ

Духовное лицо — совершенно особенный тип человека. Итальянский священнослужитель за три тысячи лет характерологически изменился не сильнее, чем внешне.

Отцу Брата Онофрио случилось быть вольнодумцем, антиклерикалом и даже столпом местного масонства; если б не это, сын его точно стал бы епископом. Люди такого типа — отъявленные язычники, каково бы ни было их credo; они здоровы и нежны, духовны и чувственны, искусны в манипуляции как ниже, так и вышестоящими. Они обладают отвагой, которую порождают в союзе доброе здоровье

¹ Парафраз Ин. 12:25: «Любящий душу свою погубит ее...».

и сознание его самооценности; а где не хватит одной отваги, сослужит службу хитрость.

Глупый педант вроде Эдвина Артуэйта — слабый противник для такого мужа.

Брат Онофрио весьма успешно практиковал магию, но был готов по первому требованию с боевым ржанием выкинуть за борт всю теорию — признавая при этом такие свои действия еще одним ответвлением магии. То было самое начало развития «второго мозга», владение которым Сирил Грей довел у себя до степени подлинного совершенства.

Артуэйт путался в тенетах собственного эгоизма. Объявив себя отцом и даже дедом всей духовной науки (причем языком и стилем, который показался бы ходульным и архаическим и Генри Джеймсу¹, не говоря уже об Озрике², и уместным разве что в устах архангела), он был на деле невольником мелких писак, авторов фальшивых «гримуаров» XIV века, торгующих вразнос чарами и заклинаниями для невежественных крестьян, жаждущих заколдовать корову или лишить соседа удачи в рыбной ловле. Артуэйт написал целую книгу, где показывал всю глупость подобных «трудов», но на деле только ими и руководствовался. В особенности безгранично он верил «Черной курочке», казавшейся ему менее опасной, чем «Великий гримуар» или подделка, которую приписывают папе Гонорию. Он всегда хотел вызвать дьявола, но боялся, вдруг у него получится. И никто, никто с таким педантичным благочестием не следовал каждому практическому предписанию абсурдных этих заговоров!

На всем протяжении медового месяца данную личность чаще всего можно было обнаружить сидящей в кресле в снятых ею апартаментах в Галерия Виттория и одетой в сюртук по моде Сити — ибо она притворялась человеком, имеющим профессию, и видом должна была обладать занятым. Но вот для ученой консультации прибывают коллеги, и он величаво пробуждается от глубокомысленных раздумий о важнейших вопросах юриспруденции.

1 *Джеймс*, Генри (1843—1916) — американский писатель, философ и теолог.

2 *Озрик* — персонаж трагедии Шекспира «Гамлет», претендующий на остроумный и высокий стиль речи, но не обладающий к нему достаточными способностями.

Лишь сделав осязаемое, усилие Артуэйт мог говорить на английском; малейшее отвлечение — и он снова погружался в латынь, греческий или еврейский... ни одного из которых не понимал. Он был коробейником от литературы; разум его представлял собою лавку старьевщика, набитую бессвязными и никому не нужными медиевизмами.

После жестокой борьбы Артуэйт соблаговолил, наконец, «приступить к речам». Он никогда не «говорил»: он «монологировал».

Первое официальное собрание состоялось, когда они уже с неделю провели в Неаполе.

— Отцы мои, сведущие в Искусстве Магическом, — обратился он к Гейтсу и Абдулу, — почтенные и исконные доктора Герметических Тайн, на нашу софистическую Тебуну¹ ритуальнейшим образом было возложено монументальной и совокупной духоразумностью Тех, чьи имена ввиду известных посвящений должны ныне — *juxta nos*² — быть *heled ob Danaos*³ (на сие должно мне благоразумно и лишь весьма прозрачно намекнуть, ибо разве не так писано о непосвященных в скрипториях Клермон-Хародима⁴?), что предел, наконец, должен быть положен пути и сроку еретика и отступника, *quem in Tartarum conjiro*⁵, рекомого Греем в ареопаге отверженных иерархий. Возвещаю вам, *clam populo*⁶, что все тщания предтеч наших выказали себя бесплодными, по крайности, применительно к действительному стечению обстоятельств, каковое, *sed, me iudice*⁷, убогаются тем, что силою и вселенновластием Сатаны — *cognomen ineffabile, quod reverentissime proloquor*⁸ — указанный *opus*⁹ ныне препоручается в ведение Благородных Рыцарей

1 Тебуна — одно из имен сефиры Бина, также означающее «понимание», но с акцентом на различие (например, между человеческим и божественным).

2 «Между нами» (лат.).

3 «Сокрыто» (др.-англ.) «пред данайцами» (лат.).

4 Устав Клермона — ветвь масонского Шотландского Устава, основанная в Париже в 1744 г. шевадьё де Бонвилем; также назывался Уставом Совершенства. Стала убежищем для шотландских якобитов. Хародим — шотландская масонская ложа, основанная в тот же период шевадьё де Рамсеем.

5 «Какового в Тартар ввергаю» (лат.).

6 «Втайне от народа» (лат.).

7 «Однако, я думаю» (лат.).

8 «Неизреченное прозвание, кое произносится предпочтительнейше» (лат.).

9 «Дело» (лат.).

Черного Капитула — *in via sua propria*¹ — достоподлинной долины и сего *lucis tenebrosa Neapolitanensis*², и близится — нет, се грядет! — воздвижение дрота варварского супротив срамословия ретиариев³. Достопочтенные Отцы и преподобные в Учении, *salutatio in summo imperio*⁴ — *per totam orbem*⁵ — во имя несказуемого Доннера Орка и Флегетона⁶ — *sufficit*?! *

Турецкий дипломат говорил на девяти языках, но только не на этом. Гейтс, много лет знавший Артуэйт, объяснил ему, что сия тирада, столь внушительная внешне, означала всего лишь, что Грея и так следовало бы убить при первой же возможности, но теперь их вожди специально возложили на них эту задачу, так что тем лучше для всех.

Удостоившаяся столь пышного открытия конференция оказалась долгой. А как иначе? Артуэйт в силу естественных причин был медлен как мыслью, так и словом; до подлинного красноречия его еще нужно было разогреть, зато потом он становился так велеречив и так блуждал в собственных словах, что мог вещать воистину часами, не сообщив притом своим слушателям ни единой внятной идеи — и, более того, даже таковой не имея.

Суть его излияний по сегодняшнему поводу, однако, заключалась в том, что необходимо предпринять попытку магическим образом отравить жителей Сачка, заколдовав пищу, доставляемую им с рынка. В качестве материальной основы решено было взять сочного моллюска под местным названием *вонголе*, чрезвычайно популярного в Неаполе, — «ибо принадлежность и устав их суть бе-Йекл клипот», как глубокомысленно объяснил им Артуэйт.

1 «Своим естественным чередом» (лат.).

2 «Сумрачного леса неаполитанского» (лат.).

3 *Ретиари* — один из видов гладиаторов в Древнем Риме; вооружены сетью, трезубцем и кинжалом.

4 «Приветствую высшую власть» (лат.).

5 «От всего мира» (лат.) В словосочетании допущена ошибка: по согласованию рода существительного и местоимения должно быть «*per totum orbem*».

6 *Доннер* — германское имя скандинавского Тора, бога грома; *Орк* — в римской мифологии царство мертвых и его владыка, соотв. греческому Аиду; *Флегетон* — одна из четырех рек преисподней (Ахерон, Стикс, Коцит, Флегетон).

7 «Достаточно» (лат.).

В эти ракушки, следовательно, можно призвать дух Марса, «поелику имеют они сродство с Барцабелем¹», в надежде, что поглотившие их будут поражены всяческими жарамы, лихорадками и прочими острыми недугами, классифицируемыми обычно как марсианские по природе.

К несчастью для их планов, Брат Онофрио имел обыкновенные предварительно очищать и освящать все попадающие в дом съестные продукты еще до того, как их доставляли на кухню. Кроме того, предвидя поползновения подобного рода, он все проверял психометрически с помощью одного из своих аколитов, специально натренированного в восприимчивости к таким тонким впечатлениям.

Итак, моллюсков-носителей марсианского влияния немедленно разоблачили. Брат Онофрио, широко улыбаясь, призвал божественные силы Марса, пред коими «сам Барцабель трепещет во всякий день», и, обратив себя таким образом в мощную военную машину, воссел за раблезианский пир и самолично употребил всю партию. Злосчастного Артуэйта в итоге хватили жестокие и неустрашимые кишечные колики, от каковых он двое суток корчился на ложе своем в непрерывных муках.

Гейтс в этом спектакле никакого участия не принимал; он знал, как это опасно, и как высока вероятность отката для опрометчивого практика. Зато он проделал кое-какую действительно полезную работу. Он наведалься в церковь в ближайшей к Посилиппо деревне (это ее колокольня нависала над Сачком для Бабочек), и, под предлогом того, что он, дескать, художник, договорился со священником, предоставившим ему постоянный доступ на башню. Он и в самом деле имел талант к акварельной живописи — совершенно, впрочем, любительский, хотя некоторые и считали, что графика у него куда лучше стихов. Десять дней он с величайшим вниманием наблюдал за Сачком и час за часом записывал распорядок дня его обитателей. Ничто из того, чем они занимались в саду, от него не укрылось; а, как оказалось, большую часть работы они делали именно на свежем воздухе. Впрочем, ему было совершенно невдомек, почему это самые важные лица не творят никакой магии, но ведут себя как беспечные любовники, наслаждающиеся первыми радостями бегства на юг.

¹ *Барцабель* — дух планеты Марс.

Дуглас в свою очередь проницательно сложил два и два после первого же доклада. Еще он отметил разум и способности Гейтса и сделал себе меморандум поскорее использовать его и уничтожить.

Не проникнув еще в действительные намерения Грея, он справедливо заключил, что медовый этот месяц не так прост, как кажется; он даже разглядел в нем самую сердцевину магического яблока. Дуглас телеграфировал Гейтсу удвоить наблюдение за любовниками и незамедлительно сообщить, как только в обычаях их наметится какая-то серьезная перемена.

А Эдвин Артуэйт тем временем был занят «Черною курочкой». Есть безотказный способ начертания пентаграммы на дверном пороге: первый же, кто его переступит, получит удар, который может свести его с ума или даже убить. Любой маг, обнаружив такое на своем крыльце, заподозрит неладное, так что Артуэйт хитроумно решил нарисовать ее гуммиарабиком, который не так-то просто разглядеть. Он отправился к Сачку под покровом ночи, вооруженный этим божьим даром, и при свете свечного фонаря принялся за работу. Пентаграмму он разумно разместил на мосту и сделал ее достаточно большой, чтобы всякий идущий по нему непременно на нее наступил. Поглощенный вдохновенной своей работой он как-то не заметил — пока последним штрихом не завершил рисунок — что сам оказался заперт между пентаграммою и воротами виллы. Почти час провел он, скорчившись в ужасе от содеянного; затем бледная тень зари возвестила, что его могут вот-вот обнаружить. Что-то надо было делать, и — о, радость! — оказалось, что аккуратно протиснувшись, возможно влезть на парапет моста. Альпинистом он, однако, не был; прискорбно потеряв равновесие, Артуэйт низвергся в водную бездну, хотя в целом отделался жестоким ознобом. Пока он хромал обратно в Неаполь, его накрыло ледяным ливнем. Поздно, о, слишком поздно добрался он до постели, чтоб избежать мерзкой простуды (которая и продержала его там неделю), страдая вдобавок от паскудной мысли, что все труды его благополучно смыло дождем.

Но не слыл бы Артуэйт самым крупным педантом современности, не будь он упорен. В литературе он действовал по принципу танка. Танк не маневрен, не быстр, открыт артиллерийскому огню — но едет вперед! Всеохватностью Артуэйт

мог поспорить с каталогом Британского музея, и пространностью, пожалуй, тоже — но не упорядоченностью. Такую личность не отпугнешь двумя неудачами — да хоть сорока двумя! Разумеется — и невзирая на честную критику Гейтса — он счел их удачами!

Для третьего своего эксперимента он выбрал «Чудодейственную змею», обладание которой дает власть привлекать к себе любовь. Причиной послужила полная неспособность Абдула произвести хоть какое-то впечатление на Лизу. Он попытался ухаживать за нею в характерной местной манере, объявившись с гитарой наперевес под террасою, где ее посвятили луне. Он застал ее там одну и позвал по имени. Лиза мгновенно его узнала: на балу, где они впервые с ним встретились, он ужасно ей понравился, и до самого знакомства с Сирилом девушка сокрушалась, что упустила такой шанс. Воспоминание о неисполненном том желании неистовой волной окатило ее, но, увы, страсть к Сирилу пылала в ней белым калением. Даже и так она чуть было не заколебалась — так ей хотелось приберечь себе Абдула, как устрицу на льду, на случай будущей оказии: подобная реакция была для нее инстинктивна, будто дыхание. Но принятые обязательства все еще были свежи в ее рассудке — а она поклялась не общаться с внешним миром. Лиза оставила Абдула без внимания; она отвернулась и покинула сад, не удостоив воздыхателя ни единым жестом, он же вернулся в Неаполь, пылая к ней самой черной яростью. «Чудодейственная змея» была, таким образом, операцией, во всем сообразной его вкусу. Гейтс считал такую тактику небезнадежной; к Лизиной добродетели — как и к женской вообще — он относился весьма скептически. Сам он кормился за женский счет уже достаточно долго, чтобы считать эту теорему доказанной, насколько, конечно, позволял его опыт. Абдулу он рекомендовал предпринять еще одну попытку и на сей раз прибегнуть к помощи магии.

Дабы обзавестись «Чудодейственной змеей» нужно, как того требует гримуар, «купить яйцо, не торгуясь», что само по себе, кстати, демонстрирует класс публики, которой и для которой руководство это создавалось. Яйцо сие надобно зарыть ночью на кладбище и ежеутренне на восходе поливать бренди. На девятый день объявится дух и спросит, чего это вы тут

делаете. «Растеньице поливаю» — скажете вы ему. Это будет происходить три дня кряду; на следующую ночь яйцо выкапывают и находят в нем змею с петушиной головой. Это прелестное создание отзывается на имя Амброзиэль. Носите его у себя за пазухой, и ваши авансы неизбежно увенчаются успехом.

Артуэйт схему тщательно отрепетировал и, сочтя, наконец, заклинания и церемонии идеальными — ибо яйцо необходимо было похоронить с полными воинскими почестями, не иначе — он безо всяких накладок добрался до третьего дня. Ему действительно явился дух — в облике кладбищенского сторожа — который посчитал объяснения неудовлетворительными и доставил его в полицейский участок, сообщив, что у него тут, видимо, сбежавший душевнобольной. Другой, не настолько оторвавшийся от реальности мастер черных искусств мог бы дать полицейскому взятку, но и тут чувство собственной артуэитовой важности решительно встало у него на пути. Он бы и совсем там застрял, если бы Гейтс за него не поручился и не убедил британского консула использовать свое влияние ради освобождения бедолаги.

Подобно многим и многим трудящимся на магической ниве от Юкона и Басутоленда до Тонги и Монголии, Артуэйт, ничтоже сумняшеся, приписал свое поражение превосходящему хитроумию и зловредности противника.

Сам Гейтс перемежал развлечения куда более серьезными попытками наладить с гарнизоном магическую связь. Со своей башни он заметил многочисленных пасущихся на склоне холма голубей и решил приручить их, раскидав на площадке зерно. Уже три дня спустя они клевали у него с рук. Следующим этапом дрессуры стало приучение узнавать его и следовать за ним. Еще через неделю он улучил момент, когда в саду виллы не было никого, кроме единственного патруля, и кинул зерна через стену. Голуби толпой ринулись туда и принялись питаться. Патрулирующий окрестность маг ничего не заметил. Благое влияние дома чрезвычайно красило его сады. Цветы распускались там ярче и прекраснее, чем где бы то ни было; все скитальцы матери-природы, казалось, видели в нем тихую гавань. Инстинктивно чувствовали они невинность и добрую волю обитателей и заполняли собою гостеприимные эти террасы.

Гейтс двинулся вперед и снова бросил зерно; голуби перепархивали за ним. Обогнув угол, он ссыпал остатки кучкой на землю. Ничего не подозревающие твари приблизились, он кинул сеть.. Более полудюжины птиц попало.

То была великая победа: теперь в распоряжении Черной Ложи имелись живые существа изнутри охраняемого периметра. Напасть на обитателей его средствами симпатической магии теперь будет несложно. Две птицы, по счастью, оказались мужеска пола. Но раз уж голуби обладают в общем природой Венеры, решено было попытаться отождествить их с наименее мужественными представителями гарнизона, а именно с четырьмя женщинами и двумя отроками. Вкруг птичьих шей повязали ленточки с именами предполагаемых жертв. Далее последовали магические церемонии, и возглавлял их подлинно заинтересовавшийся экспериментом Гейтс.

Решив, что отождествление удалось, он мазнул птицам язычки красным перцем и был на следующее же утро вознагражден зрелищем Сестры Клары, с гневным жестом обернувшейся к одной из своих девушек; ему даже удалось расслышать издали нотки злости в ее голосе.

Однако и от глаз Брата Онофрио это происшествие не укрылось. В то же мгновение он понял, что в его кругу образовалась брешь. Он тут же отправился к Сестре Кларе и добился ее внимания при помощи знака столь высокой власти, что ни один посвященный не дерзнул бы его не заметить.

— Сестра,— мягко обратился он к ней,— не с мужчиною говоришь ты; что за причины у тебя для горечи?

— Весь дом вверх дном,— отвечала она ему все еще гневно. — Илиэль ко всему чувствительна, будто экзема. Мальчишки оба строят всем оскорбительные рожи с утра; девицы совершенно обнаглели.

— Предоставь заниматься этим мне, как ответственному за защиту круга.

Восклицание Сестры Клары было довольно крепким. Посмотреть на происходящее в этом свете ей в голову не пришло.

— Я буду признателен,— продолжал Брат Онофрио,— если ты сочтешь возможным принять обет молчания сроком на семь дней от рассвета до ночи. За исключением, разумеется,

инвокаций. Я предупреджу мальчиков, а ты реши этот вопрос с девушками и Илиэлью.

— Будет сделано.

Затем Брат Онофрио проследовал в личные покои, где занимался своею собственной особой магией. Он убедился, что враг и вправду успешно проложил себе дорогу в крепость, но, увы, на сей раз дивинация не озарила светом истины тьму его неведения. Излюбленным его инструментом были карты Таро с их двадцатью двумя таинственными арканами, и обычно с их помощью ему удавалось разрешать всевозможные непонятные вопросы. Сейчас же он был совершенно сбит с толку упорством колоды. Так и сяк раскладывал он карты, и снова и снова возвращались они к одному-единственному символу, к аркану под номером XVI, именуемому «Пораженной молнией Башней» и имеющему некоторое отношение к легенде о вавилонском столпотворении.

— Да знаю я, знаю,— бормотал он себе под нос, уже злясь на упрямство карты. — Знаю я, что это Марс.

Марс был планетой, символизируемой данным иероглифом.

— Но мне нужно гораздо больше. Я спрашивал, в чем наша беда, от кого она пришла, откуда, что мне делать с нею... и на все вопросы отвечает одна и та же карта!

На следующий день Гейтс обнаружил, что у всех птиц отсохли язычки, и понял, что его атака разоблачена и предосторожности приняты. В качестве следующего шага он опьянил голубей парами эфира.

В доме результат сказался мгновенно. Шестеро подпавших под чары людей немедленно выказали признаки опьянения и головокружения вкупе с ощущением сильного удушья. Сестра Клара пострадала гораздо меньше, чем остальные, и сумела распознать магическую природу симптомов. Она помчалась к Брату Онофрио, тот понял, что на них снова нападают, и подал заранее условленный знак к отступлению в особым образом освященное помещение в квадратной башне, во внутренний круг цитадели. Уже через несколько минут жертвы сбежались в эту комнату, и тут же симптомы их мгновенно испарились.

Тут-то и случилось просветление с Братом Онофрио, как раз когда он провожал в убежище одного из двух мальчиков, почти по дороге задохнувшегося. Взор его устремился на башню виллы — уж не имело ли в виду Таро вполне материальное

строение? Еще один шаг, и вот уже башня церковной колокольни пришла ему на ум; ринувшись в сад, он увидел, что и вправду на ней стоит человек и наблюдает за садом магов. Мгновенное прозрение тут же указало ему направление следующих действий.

На аркане Таро башня изображена пораженной молнией, так что фигурки людей валяются с нее головою вниз.

Радостно расхохотался Брат Онофрио: любимый его метод дивинации полностью оправдал себя. На четыре его вопроса воистину был один ответ.

У.С. Гилберт¹ предупреждает, что «деянья пламени и крови — что мясо и вино для Джеймса-простака». Обнаружив, что к нему подбираются на плане Марса, Брат Онофрио будто вкусил материнского молока.

Сам по себе он был представитель сильнейшего марсианского типа; в момент его рождения восходил Скорпион, ночная обитель Марса, а сама эта планета стояла в конъюнкции с Гершелем в Середине Неба в знаке Льва; Солнце восходило в трине, а Юпитер в соединении с Сатурном добавлял еще один трин из шестого дома, что правит всякими тайными вещами и магией среди них. Самое превосходное сочетание, в какое только может Марс встать за тысячу лет!

Волею случая Брат Онофрио был на той степени Ордена — Старший Адепт — что особым образом связана с Марсом. Артуэйт со товарищи крайне неосторожно решили выступить супротив него на том поле, где он был сильнее всего.

Чтобы призвать Марс, нужно установить связь с теми порядками природы, которые мы относим к марсианским. Тут уместно будет вспомнить, как некий джентльмен пришел к доктору и пожаловался на сильные внутренние колики, причиной которых стали по ошибке проглоченные пилюли, предназначавшиеся вообще-то для лошади. Его спросили, как же так получилось, и он ответил, что давал их скотине, вдувая через трубку той прямо в горло. Вот только лошадь дунула первой.

Подобная опасность существует в любом магическом эксперименте и она же покрывает неувядаемой славою того, кто отважится на него; ибо в каждые новые ворота входит он нагим и новорожденным, чтобы встретиться с доселе неизвестными

¹ Гилберт, сэръ Уильям Швенк (1836—1911) — английский драматург, поэт и иллюстратор.

и опасными врагами. Единственное оправдание существованию нашего жалкого вида заключается отнюдь не в уме, но вот в этой властной отваге, в стремлении расширить границы империи духа. Даже самые черные маги вроде Дугласа, или самые глупые — вроде Артуэйта — суть высшие представители вида в сравнении с буржуа, который бредет по жизни носом в землю и ищет в грязи золотые кирпичики.

И потому, заметив Гейтса, взгромоздившегося на звонницу, Брат Онофрио узрел в том совершенный марсианский символ, ожидающий только одного — удара молнии. Собрать грозу ему не было никакой надобности — была бы, если б Гейтс был обычным человеком, открытым лишь самым грубым влияниям. Нет, Брат Онофрио знал, как превратить церковную колокольню в пораженную молнией Башню Таро, не прибегая к так называемым материальным силам природы, как будто слово «материя» не столь же всеобъемлюще, как и «природа». Но английский язык вообще полон таких ловушек.

Он отправился в свою лабораторию, взял аркан XVI и установил его на алтарь. Разведя на треножнике огонь, он возжег благовоние драконьей крови, подготовленное в железной жаровне. Возложив на главу свою стальную корону Марса, оцетинившуюся четырьмя пламенеющими пентаграммами, он взял в руки тяжелый меч ростом с самого себя с обоюдоострым клинком, насчитывавшим в ширину у эфеса никак не менее пяти дюймов.

Распевая ужасные заклинания Марса, яростные песни войны древнейших жителей этого мира, инвокации могучих божеств, восседающих на громах небесных — «Пустил стрелы Свои и рассеял их, множество молний, и рассыпал их»¹ — Брат Онофрио пустился плясать воинственный танец Змея, призывающий танец Марса. Ближе к кругу алтаря поначалу, он постепенно размахивался все больше, все шире, непрерывно вращаясь кругом своей оси, но при этом выписывая ногами сложную спиральную дугу. Достигнув дверей, он позволил «Змею» развернуться во всю длину и, все так же крутясь вокруг себя, вышел на террасу.

Гейтс все еще сидел на своем посту на колокольне; он как раз уже собрался уходить, но этот новый захватывающий элемент распорядка дня осажденных приковал его к месту. Дугласу непременно нужно об этом узнать! Опершись на парапет башни,

¹ Пс. 18:14.

он с величайшим усердием и тщанием принялся наблюдать за конвульсиями адепта.

Очутившись на террасе Брат Онофрио продолжал закручивать «Змея», уменьшая постепенно охват спирали, пока не дошел до нуля, просто крутясь на месте. После этого он приступил ко второй части работы — к Танцу Меча.

Медленно стопы его стали чертить линии пентаграммы; шаг его убыстрялся, Меч отделился от тела, подобно тому, как грузы-шары центробежного регулятора паровоза, отлетают в стороны, когда возрастают скорость его и давление.

Гейтс был совершенно заморожен открывшимся ему видом. В солнечных лучах алая эта фигура, рассыпающая ослепительные блики каждой гранью острой стали, представляла собою великолепное, дивное зрелище, почти ввергающее в смятение своей мощью.

Все быстрее и быстрее вращался адепт; меч так и мелькал кругом него, словно одеянье из света. Глас его, звучавший все яростней и громче с каждым кругом, уже принял величие грома.

Раскрыв рот глядел на него Гейтс — многому учился он у этого человека. Он зрел первичную энергию вселенной, сокрытую под пеленою, магический звон и ток пламенеющих звезд в слепой пустоте пространства. И внезапно Брат Онофрио остановился, как вкопанный, голос его оборвался молчанием, что ужаснее любых слов; и меч его, длинный меч замер в пугающей неподвижности, простертый, словно древко смертоносного света — указующее на башню.

Неожиданно для себя Гейтс осознал, что все это время был целью танца. В голове у него закружилось. Должно быть, вращающиеся вспышки загнипотизировали его? Думать он не мог; мир вокруг почернел. Машинально вцепился он в парапет, но нырнул через него головою вперед и рухнул на землю в сотне футов внизу.

А на террасе Брат Онофрио приступил к изгоняющей спирали Марса, сопровождая ее песнью триумфа, в которую вплетался, как бы тайком, намек на ту радость любви, что от начала времен встречает вернувшегося с победой воина.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О ХОДЕ ВЕЛИКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА; И НЕ СТАНЕМ ЗАБЫВАТЬ ОБ ОСТАВЛЕННЫХ В ПАРИЖЕ ДРУЗЬЯХ, О ЧЬЕМ БЛАГОПОЛУЧИИ СТОИЛО БЫ ПОБЕСПОКОИТЬСЯ

В первых числах января Сирил Грей получил от лорда Энтони Боулинга письмо.

«Мой дорогой Сирил,— говорилось в нем,— пусть Новый Год принесет вам отвагу нарушить данные зареки как можно скорее! Я лично планирую отринуть все добродетели, так чтобы торжествовать, даже когда падаю!

Морнингсайд отправился в Америку вместе со своим новым научным открытием. Все наши беды — от дыхания. Статистика показывает, что а) все осужденные признаны виновными в этой отвратительной привычке; б) она характерна для всех обитателей домов умалишенных.

С другой стороны, ни какое-либо преступление, ни безумие еще ни разу не вменялось в вину человеку, который не был бы злым дышателем. Дело, как видите, закрыто. Морнингсайд пошел еще дальше и доказал, что дыхание сродни наркотической зависимости. Он поставил множество экспериментов над зависимыми и обнаружил, что депривация пагубной привычки ведет к ментальным и физическим страданиям, еще более острым, чем если отнять морфин или кокаин у его раба. Нет особых сомнений, что Конгресс примет немедленные меры, чтобы покарать этот грязный порок, как он того заслуживает, и свежий воздух будет внесен в список наркотиков, к которым применим закон Гаррисона¹. Горячий воздух, как естественный продукт народного питания, разумеется, будет разрешен.

¹ Закон Гаррисона — принятый Сенатом в 1914 году Акт о регистрации и налогообложении лиц, занимающихся производством, продажей и иным распространением опиума и кокаина и их производных. Из-за особенностей юридической интерпретации превратился из умеренного регулятора оборота наркотиков в закон, запрещающий врачам прописывать эти препараты на том основании, что зависимые не являются больными.

На днях видел Сестру Кибелу. Она была проездом в Лондоне, чтобы посетить шотландских друзей. Я попробовал облегчить ей ужасную эту судьбу, пригласив отужинать, и мы устроили прелюбопытный сеанс с моей новой игрушкой, юнцом по имени Роджер Блант, одержимым духом, которого звать Вулу. У юнца восемь дополнительных личностей, и карандаши у него прилипают к стенам. Невозможно, чтобы это был лак или поверхностное натяжение, или и то, и другое вместе; это было бы слишком, слишком жестоко!

Махатера Фанг совсем пропал из виду; вероятно, он сейчас на экваторе, исправляет угол отклонения эклиптики в интересах закона справедливости. Простите меня, я верю в этого человека; я знаю, у него есть нечто такое, чего нет у меня, и я этого хочу. Просто Саймон, однако, мил со мной, но совсем не желает разговаривать о феноменах — говорит, как некий папа римский, что видал на своем веку слишком много чудес, чтобы верить в них. Со мной дела обстоят так же, только он имеет в виду настоящие чудеса. Потому-то мне и сложно понять его отношение.

Надеюсь, вы отлично проводите время с дьяволом; завидую вашим синим небесам. Лондон окутан туманами, и даже в ясные дни мне приходится ходить в военное министерство. Разве не досадно, что эти дурные, гадкие, злые люди всегда знают, где вас найти? У меня есть свои сомнения относительно магии, но я знаю Баллоха — самое наитухлейшее яйцо в Лондоне. Полагаю, за всем этим стоит именно он. Кое-какой шантаж в ваш адрес, да, опять; но, как сказал бы Морнингсайд, пора бы уже побеспокоиться об этом. Скорее приезжайте повидаться со мною, прежде чем в мгновение отчаянья и безумья кинетесь в Везувий в надежде вдохновить какого-нибудь будущего Мэтью Арнольда¹ вас обесмертить.

Ну, всего вам наилучшего!

ЭНТОНИ БОУЛИНГ»

Далее следовала краткая приписка от Саймона Иффа.

¹ Арнольд, Мэтью (1822—1888) — британский поэт, критик и школьный инспектор.

«Надо полагать, все у вас хорошо; по Парижу ходят слухи о провале вражеской атаки. Однако вам лучше сохранять бдительность: на этой кухне уже жарится иная рыбка. Некий старик, возможно, наведается к вам в начале августа. Может быть, вы даже признаете в нем — не без помощи пары сильных очков — старого друга

САЙМОНА ИФФА».

Просто Саймон никогда не именовал себя в письмах в первом лице — «я» — а в беседах использовал это местоимение лишь как дань обычаю.

Черная Миссия тоже получила вести из штаб-квартиры. Гейтса спешно, насколько позволяла скорость железнодорожного сообщения, заменили человеком более высокой степени.

Это оказался прославленный доктор Виктор Вескит¹, знаменитейший из некромантов своей эпохи. Не так уж много в нем было ущербности, если не считать невероятной извращенности по части трупов. Особняк его на Хэмден-роуд был не только местом свиданий спиритуалистов, но и Домом Заблудших Мумий. Во всех его магических операциях базой служили мертвые тела или отдельные части оных, а все потому что он полагал, будто наделяя мертвую материю жизнью — в этом (он был совершенно прав) и состоит суть почти всей магии — лучше брать такую материю, в которой еще не так давно эта самая жизнь присутствовала. Здесь напрашивается неизбежный вывод, что самые качественные тела получают при внезапной насильственной смерти, и они куда лучше тех, что подверглись болезням и распаду еще на земном своем пути. Также подразумевается, что наиболее годны в дело трупы казненных убийц, обладавших весьма высокой витальностью — хотя вот по этому последнему пункту Сирил Грей с ним бы не согласился и заявил, что самые витальные граждане слишком уважают самый принцип жизни, чтобы чинить хладнокровные убийства.

¹ Прототип этого персонажа — Уильям Уинн Уэсткотт (1848—1925), английский врач, коронер одного из районов Лондона; оккультист, масон высокой степени посвящения, член Английского общества розенкрейцеров и Теософского общества. Один из основателей и первых «вождей» Герметического ордена Золотой Зари. Состоял в Ордене под девизами «*Sapere Aude*» (лат. «Осмелюсь быть мудрым») и «*Non Omnis Moriar*» (лат. «Весь я не умру»).

Как бы там ни было, доктор Вескит получил пост коронера в одном из самых смертоубийственных районов Лондона; слухи, поползшие сразу после этого среди сочувствующих оккультистов, были поистине жуткими.

Впрочем, карьеру его почти погубили два скандала. Пользующаяся сомнительной славой Диана Воган слыла его любовницей; вместе они основали кошмарную секту паллаdistов¹.

Молва об этом широко не разошлась, и Вескит не пострадал, но встревожился и, к несчастью своему, решил подрядить Артуэйта написать книгу, которая бы очистила его, Вескита, имя ото всех подозрений, — на деле же она навечно заклемила его ими.

Другой проблемой стала его небольшая ссора с Дугласом. Вескит стоял выше него в иерархии Черной Ложи, и Дуглас сверг его, «по недосмотру» оставив в наемном кэбе некие принадлежащие Ложе документы, на которых значились имя и адрес Вескита. Бумаги эти послужили источником чрезвычайно мрачных откровений относительно некромантических оргий, творившихся на Хэмден-роуд.

Честный кэбмен отнес бумаги в Скотленд-ярд, как повелевал ему долг, а полиция препроводила их коронерскому начальству. Вескит вместе с документами получил предписание раз и навсегда бросить свои безобразия.

Пост вождя Ложи значил для него меньше возможности и далее пребывать в своем трупном раю, так что Вескит подал в отставку, и на вершину пробился Дуглас, который под постоянной угрозой разоблачения сделал из него мальчика на побегушках.

Прознав о смерти Гейтса, Дуглас телеграфировал Артуэйту отложить дознание, «дабы английские родственники покойного могли приехать и забрать тело» и дабы успел прибыть Вескит. Тут коронеру никакие угрозы не понадобились — работа пришлось ему вполне по сердцу.

Дуглас встретил его в Париже в чрезвычайно приподнятом настроении: избавиться от Гейтса он был только рад. Кроме того, тот погиб в пылу битвы, а значит, превратился именно

¹ Диана Воган — участница мистификации, затеянной скандальным французским журналистом Лео Таксилем. В книге Таксиля «Дьявол в XIV веке» описывались ее «откровения», в которых Диана объявила себя раскаявшейся верховной жрицей тайного масонского общества «Палладиум» (в действительности никогда не существовавшего).

в такой труп, какие были наиболее любезны Вескиту. Как сказал сам Дуглас с изрядной долей черного юмора, в котором поднаторел, с моральной точки зрения Гейтс был законченным преступником, а поскольку с Греем и его друзьями он находился в магическом контакте и был ими очевидным образом убит, теперь он мог стать идеальной симпатической ниточкой к ним.

Задача Вескита заключалась в том, чтобы по возможности выяснить у Гейтса, что в точности произошло — эксперт-некромант подобного уровня мог быть совершенно спокоен за результат. Также ему надлежало создать из останков полуматериальный призрак Гейтса и подослать его к тому, кто стал причиной гибели злополучного мага.

По прибытии в Неаполь никаких трудностей посланник Черной Ложи не встретил: власти оказались только рады вынести формальный вердикт о смерти в результате несчастного случая и передать труп сияющему Вескиту.

По счастью, Гейтс оставил записки — схематичный дневник, где фиксировал все предпринятые до настоящего времени шаги. Так что выковыривать информацию из Артуэйта — на что вполне могло уйти месяца три — Вескиту не пришлось. Из записок этих старый некромант заключил, что врага следовало уважать. Затея Гейтса с голубями поначалу была очень хороша; она ни в какое сравнение не шла с педантичным идиотством его коллеги. Но первый же ответный удар оказался для него фатален. Гейтс занимал в экспедиции пост ясновидящего, и результат операции провидел достаточно ясно, но о последних происшествиях он, ясное дело, ничего не написал, и ни Артуэйт, ни Абдул-бей ничего здесь не смогли прояснить. Артуэйт пребывал в совершеннейшем ужасе, пока тщеславие в который раз не пришло ему на выручку и не нашептало, что инцидентов подобного рода всегда нужно ожидать, если тебе не свезло иметь ассистентом человека меньших, чем у тебя, способностей.

Вескит решил, что грядущую битву нужно тщательнейшим образом подготовить и добиться успеха любой ценой. Страсть к трупам отнюдь не простиралась у него до такой степени, чтобы самому жаждать к ним присоединиться.

У него всегда были задатки по-настоящему сильной личности, а когда Дуглас толкал его вперед, Вескит вполне был

способен действовать и отважно, и решительно. Кроме того, у него была привычка к власти. Первым делом он засадил Артуэйта за гримуар, ибо в операции такого ранга и важности нужно все учесть.

Прежде всего, магический нож — его дозволяется купить. Им нужно вырезать из ореха магический жезл; потом еще требуется магическое перо из гуся и всякое прочее. Главная идея состоит в том, чтобы укрепить волю к совершению операции посредством длинного ряда действий *ad hoc*¹. Желательно даже добыть себе пергамент, самолично умертвив освященное животное магическим ножом, а затем выделать шкуру сходным образом подготовленными инструментами. Можно еще, к примеру, вырезать и освятить колышки, на которых будет растягиваться шкура. Хотя на этот случай у Артуэйта в запасах всегда было полно «девственного пергамента», перьев черного грифа, чернил, сделанных из пережженных человеческих костей и смеси их золы с копотью магических черных ламп, в которые вставляются свечи, изготовленные из человеческого жира.

Но дело в том, что гримуар любой большой магической операции нужно продумать и составить — да, в соответствии со сложнейшими правилами, но и держа при этом в голове постоянно цель и назначение самой работы. И даже когда все это сделано, гримуар, можно сказать, только лишь начинается, ибо его еще нужно переписать вышеуказанным способом и разукрасить всевозможными подходящими к случаю способами. Для Артуэйта то была идеальная задача. Он прямо катался и валялся в кухонной латыни и ломаном греко-коптском и валял сентенции столь сложные, что полное собрание сочинений Джорджа Мередита, Томаса Карлейля и Генри Джеймса, перепутанных вместе, показалось бы в сравнении с ними словом из трех букв.

Гримуар его был для выбранной цели превосходен: ничто так не радует inferнальные иерархии, как невразумительные образы, всякие темности и неясности. Ученое это занудство по всем расчетам должно было вызвать архидемона по имени Синтаксис Дурной из самых дальних уголков логовища его.

Ибо выразаться без подобающей его сану неразборчивости Артуэйт вовсе не умел. Дабы правильно связать предложение,

¹ Специальных, к данному случаю приуроченных (лат.).

его нужно тщательно продумать и проверить. Надобно непременно изыскать новые фразировки; ввести внезапную смену предмета; использовать глаголы в самых непредвиденных частных значениях; безжалостно иссечь все слишком короткие слова; украсить стряпню сверху архаизмами, будто драже; выявить и истребить посредством ловких инверсий прискорбную человеческую склонность говорить о вещах прямо; и, наконец, если по ближайшем рассмотрении сквозь толщу риторики все еще просвечивает изначальный смысл, его необходимо изничтожить, заменив все основные глаголы парафразами на каком-нибудь мертвом языке.

В одночасье такого не достигнешь. Просто писать бессвязный бред совершенно недостаточно. Каждый, кто знаком с извилистостью авторского ума, должен быть в состоянии разложить предложение на составные элементы и воспроизвести затем — нет, не смысл, ибо его там нет — но тот ментальный туман, который царил в голове у первоисточника. Да вот вам иллюстрация:

Омниальные (Все) пневматики (духи), табернакулирующие (обитающие) субинфрактно (внизу), супрадиректируйте (поднимитесь) в гомотопическую герменевтическую центричную равноудаленность (этот магический круг)! Фактируйте (Двигайтесь) кинематозэнергетически (быстро) сверхуказанно (и) феноменируйте (проявитесь)!

На этом скелете, превосходном примере раннего его стиля — ибо никто не добирается до высот искусства в одночасье — Артуэйт возвел целое здание, хитроумно вставляя отступления и раздувая каждое слово, пока первоначальная связность параграфа не размоется до такой степени, что восстановить истинный маршрут окажется уже вне всякой возможности. В результате он произвел на публику громадное впечатление универсальностью своих познаний.

Убрав таким образом Артуэйта от греха подальше, Вескит и Абдул принялись за не столь деятельные приуготовления. Для четырех сторон света им требовались четыре черные кошки, а на алтаре, который будет сделан из вышеуказанного трупа, хорошо было бы заклать козла. Вескит, объявив, что тело будет

препровождено в Англию, отправил на корабль куклу в гробу, а Гейтса положил на лед, что могло бы послужить покойному к вящему утешению — а могло и не послужить.

Абдул безо всяких трудностей добыл кошек, которых, ко крайнему их неудовольствию, заперли в клетках в ателье Артуэйта и кормили человечиною, которой Вескит с легкостью обзаводился в прозекторских местных больниц.

А вот с козлом возникли проблемы. Обычный козел категорически не годится; он должен отвечать определенным требованиям. Поиски Абдула увенчались успехом лишь после долгих интриг с презреннейшими из неаполитанских бандитов, подвергших его куда более вульгарным и малоприятным опасностям, чем он предполагал, «когда впервые надевал эту униформу». Впрочем, из-за козла ситуация хотя бы на время приобрела забавный характер. О необходимом для операции нетопыре, вскормленном женской кровью, договорились с отважной местной селянкой юного возраста, на возмездной основе предоставившей для услуг один из пальцев ноги. Гвозди из гроба самоубийцы и череп отцеубийцы ни малейших затруднений не составили — Вескит никогда не отправлялся в путешествие без столь нужных предметов в багаже.

Нужно было еще организовать массу деталей; много умственных трудов ушло на то, чтобы определить правильное место для проведения ритуала. В общем и целом для него хорошо выбирать поле какой-нибудь недавней битвы, и чем больше народу там полегло, тем лучше. (В окрестностях Вердена¹ должно быть немало таких местечек, желанных для черных магов, что в великом изобилии расплодились после пресловутого 1917 года.) Но, увы, гримуары писались в иные времена с иными обычаями. В наши дни, если вы расположитесь со своими параферналиями, козлами и котами на перекрестке дорог или, скажем, надумаете разжиться свежепогребенным самоубийцей или упокоенным по всем правилам церемониала вампиром, вас, скорее всего, побеспокоят. Там, где пейзаж XIV века с криками пустился бы наутек, автолюбитель века XX остановится посмотреть, а то и переедет вас, не заметив — что куда более вероятно.

¹ Битва при Вердене (февраль—декабрь 1916 г.) — одно из самых крупных, кровопролитных и, по мнению историков, бессмысленных сражений Первой Мировой войны.

Так что если в вашу земельную собственность не входит небольшое частное поле битвы, даже герою лучше будет выбрать для трупогаданий более отдаленное место, чем та же долина Марны¹. Да и перекрестки, откровенно говоря, уже не столь густо засажены вампирами и самоубийцами, как в старые добрые времена. Поразмыслив квалифицированно и обстоятельно над этими признаками современного упадка нравов, Вескит пошел на компромисс и согласился в качестве наиболее приемлемой замены на оскверненную часовню. Снять виллу с часовней оказалось совсем не сложно, а осквернить последнюю — для человека с опытом и способностями Вескита — тем более.

Все это было организовано через Абдул-бея.

Приготовления старого коронера произвели на разум этого юнца колоссальное впечатление. Он учился в современной школе и умел в лучшем духе посмеяться над предрассудками, однако, из-за остатков исламской веры его предков ему не хватило скептицизма испортить магию Вескита.

Никто лучше некроманта не понимал, что все его безумные церемонии иррациональны. Но дело в том, что все на нашей планете в конечном счете иррационально. Нет и не может быть никаких оснований для каузальной связи между вещами — хотя бы потому, что употребление термина «рациональный» уже подразумевает идею каузальных связей. Но даже если суметь избежать этого фундаментального затруднения, остается Юм, заявляющий, что каузальная связь не просто недоказуема, но и прямо немыслима; и даже если не нырять столь глубоко, невозможно понять, с какой стати вода течет с холма вниз, а сахар кажется нашему рту сладким. Попытки объяснить эти простые материи всегда поначалу ведут к просвещенной здравости ума, а при дальнейшем анализе полки спешно отступают в ту дальнюю цитадель, где все немыслимо и все иррационально.

Если отрезать человеку голову, он умрет. Почему? Потому что это его убьет. Вот, собственно, и весь ответ. Ученые экскурсии в анатомию и физиологию лишь доводят вопрос до абсурда. Утверждение, что сердце — жизненно важный орган отнюдь не объясняет, почему оно так необходимо для этой самой жизни. А между тем жертвой именно этого трюка и становится

¹ Битва на Марне (сентябрь 1914 г.) — крупное сражение между немцами и англо-французскими войсками в ходе Первой Мировой войны.

всякий пыливый ум. Почему я не могу видеть в темноте? Потому что для зрения необходим свет. Болтовня о палочках, колбочках, зрительных центрах, фокусах, линзах и вибрациях ничем, по сути, не отличается от измывательств Эдвина Артуэйта над многострадальным английским языком.

Знание и правда всегда сидит на опыте. Законы природы суть, как сказал Кант, законы нашего разума и, как сказал Гексли, обобщение наблюдаемых фактов.

И потому если вы скажете, что «абсурдно» пытаться вызвать бурю, бия в бубен,— это будет не аргумент против церемониальной магии. Более того, нечестно сказать, что вы экспериментировали, убедились, что метод не работает, и решили, что это «невозможно». Точно с тем же успехом можно утверждать, что раз вы пользовались холстом и краской и не произвели на свет божий рембрандта, все приписываемые этому автору картины были сделаны каким-то другим способом.

Вам невдомек, с какой стати череп отцеубийцы должен помочь поднять мертвеца, точно так же, как невдомек, почему ртуть в градуснике ходит вверх и вниз по делениям, сколь бы искусно вы ни притворялись, что на самом деле все прекрасно понимаете. И, ей-богу, лично вам не удастся поднять мертвеца, хоть вы обложитесь черепами отцеубийц,— и не удастся заиграть на скрипке, как Крейслер¹, хотя в этом последнем случае вы могли бы скромно заметить что-нибудь вроде «я думал, что смогу научиться».

Все вышесказанное — вовсе не жалобы профессионального мага; на самом деле речь моя сводится к совету не пытаться судить о том, в чем вы совершенно невежественны, который можно также найти в более ясном и красивом изложении в «Сочинениях» Томаса Генри Гексли.

Доктор Виктор Вескит, которому все эти идеи были очень хорошо знакомы, осуществлял свои затейливые приготовления, не тревожимый ни малейшими сомнениями в их эффективности.

В свое время он обнаружил, что все это работает, и с тех пор больше не беспокоился о мнении тех, кто ничего не смыслил в некромантии, какими бы экспертами ни были они в иных ветвях науки,— не более, во всяком случае, чем Гарри Вардон², когда

1 *Крейслер*, Фриц (1875—1962) — американский скрипач и композитор австрийского происхождения.

2 *Вардон*, Гарри (1870—1937) — американский гольфист-профессионал.

достойный этот джентльмен убедился с полной научной достоверностью, что не попадет по мячику для гольфа, если будет так замахиваться, а захват клюшки у него механически неправилен.

С другой стороны, верно и обратное: не изобретено еще такого способа делать что бы то ни было, который не смог бы испортить дурак.

Так что, словами персидского поэта, «кто знает, Как, беспечен к Почему». Довольно рано в ходе вескизовских приготовлений организованная магами разведывательная служба (которую Артуэйт именовал не иначе как «антилантанетической дулескейархией»¹) сообщила о полном изменении распорядка обитателей Сачка для Бабочек.

Седьмого января Илиэль известила, что первая из целей работы, по всей вероятности, достигнута; теперь оставалось лишь сосредоточить все усилия на главной загвоздке дела — поимке в сачок нужной Бабочки.

Домашний уклад был немедленно реорганизован; Сирил Грей полностью лишил себя общества Илиэли и присоединился к Церкви Воинствующей Здесь На Земле, в то время как сама Илиэль поступила под непосредственное попечение Сестры Клары, оказавшись в центре треугольника из женщин и став фокусом, в который направляли они свои инвокации. Мужчины посвятили себя полностью надзору за безопасностью крепости, обратили лица свои вовне и сделали единственной своею заботой защиту трех женщин и их сокровища.

Известия эти вызвали у Эдвина Артуэйта улыбку. Свои прошлые провалы — причиной которых была, конечно же, несостоятельность его помощников — он искупил куда большими успехами.

Ибо наблюдаемые в природе изменения были, конечно же, следствием его магических манипуляций! Вскоре по прибытии Вескита он закончил последнюю свою операцию — заколдовал три гвоздя таким образом, что если их вбить в дверь, обитатели дома окажутся лишены способности наслаждаться супружескими радостями. И вот он, результат, сияющий и осененный знаменами! Всякое подобие нежности было ими отринуто. На самом деле, Брат Онофрио сразу же обнаружил гвозди

¹ Или, если переложить его греческие потуги на более понятный язык «противоукрывательной невольнократией».

и принял надлежащие меры, чтобы поток вернулся к своему источнику — правда, это было, что штаны с горца стаскивать¹!

Артуэйт оказался совершенно нечувствителен к проискам врага своего и продолжал радоваться мнимой виктории. Он решил обставить Вескита — и правда, с какой стати ему делиться триумфом с кем-то другим? У него тут враг в бегах; нужно незамедлительно отправиться за ним в погоню! Неспешные методы Вескита только дадут ему фору, чтобы прийти в себя.

Поэтому выбор рыцарственно, но, увы, гибельно сделан был в пользу Кошачьей Колыбельки. Данная магическая операция, остатки которой до сих пор пользуют даже самые бездуховные из детей, весьма широко распространена, особенно у народов, живущих преимущественно рыбной ловлей — например, на островах Южного моря. Было изобретено множество чрезвычайно красивых и замысловатых узоров, причаститься которым ищущий может, проштудировав посвященную сему предмету монографию доктора У.У.Р. Болла². Впрочем, этот способнейший математик самым непростительным образом пренебрегает магической стороной вопроса.

Теория очевидным образом основывается на том факте, что самых неуловимых существ — птиц, бабочек и рыб — проще всего поймать сетью. Ведутся споры, что сходным образом можно поймать вообще что угодно, неважно, насколько оно неуловимо — призрак вашего отца или душа врага отлично подойдут — хотя сеть, конечно, придется как-то приспособить к правилам игры, в которую вы играете.

Все это Артуэйту было, без сомнения, знакомо. В голову ему пришло, что проще всего будет уподобить внутренностям врагов моток веревки или струны, а лучше кетгута. Его несложно будет запутать в какой-нибудь хитрый узор — скажем, в «Звездное небо» или в «Сову», или даже в «Зигзаг молнии». Нет сомнений, что подвергшиеся такому нападению маги обнаружат подобную же путаницу у себя в кишках.

После некоторых предварительных упражнений, уже достаточно неприятных для объектов попечения, Артуэйт

¹ Шотландская поговорка гласит: «[It's ill wark] tae tak' the breeks aff a Hielan' топ» - «Дурацкое дело — с горца штаны стаскивать», и с этим особо не поспоришь, ибо горцы их не носят.

² W.W.R. Ball, *Mathematical Recreations and Essays*.

приступил к главной части операции и завязал свои веревочки в «Ямс уклоняющийся» — узор этот по причине величайшей сложности можно распустить последним неосторожным движением. Личности, подпавшие под такое симпатическое воздействие, очевидным образом будут страдать не меньше, чем Еглон, царь моавитян¹, или Иуда Искарриот.

Преимущество этой операции — в крайней ее простоте и экономичности; если она вообще срабатывает, то, считайте, вы уже достигли всего, чего могли, в таких тевтонских добродетелях как доскональность и умение производить на свет совершенно безобразные вещи.

То ли от сложностей с отождествлением, то ли еще от чего, но уже вскоре после начала Артуэйт заподозрил, что что-то в его плане пошло не так. Во всех манипуляциях Ложи главной проблемой было отсутствие прямой связи с основными действующими лицами интриги; любой поток, прежде чем проникнуть внутрь, неизбежно бил по редутам первой линии обороны в лице Брата Онофрио. И потому, как только труды Артуэйта стали приносить плоды, они были тут же засечены этим стойким стражем. Поразмыслив над ситуацией, он рассудил, что независимо от того, лежат ли причины наблюдаемых явлений в области природы или же магии, лекарство в том и другом случае состоит в непротивлении задействованным силам и, даже напротив, дозволении им действовать самым благоприятным образом. В соответствии с этим он, не медля, принял большую дозу препарата, известного фармацевтам как *Hydrarg Subchlor*², присовокупив к сему акту следующую ремарку: «Если оно от природы, пусть *мне* будет с этого хорошо; если от магии — пусть *ему*».

Случилось это аккурат в тот момент, когда Артуэйт добрался до финальной стадии операции — окончательного потрошения противника.

Той ночью обе стороны преуспели в вызывании изменений в реальности. Наутро Артуэйта благополучно заперли

1 Еглон, царь Моава упоминается в Книге Судей. Был убит судьей Аодом, который поразил чрезвычайно тучного царя мечом, распоров живот и потеряв меч в ране.

2 *Hydrargyri subchloridum* — монохлорид ртути, ныне применяемый лишь как местный антисептик, в прошлом прописывался внутрь в качестве сильного слабительного.

в карантинном отделении местной больницы; газеты сообщили о предполагаемом случае азиатской холеры.

Через пять дней, однако, все симптомы пропали; недуг объявили неинфекционным, а бледную и пребывающую в крайнем замешательстве тень колдуна водворили в более для нее подходящее общество гримуара.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВЕСЬМА СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ
ОБ ОККУЛЬТНОМ ХАРАКТЕРЕ ЛУНЫ,
ЕЕ ТРОЙНОЙ ПРИРОДЕ, ЕЕ ЧЕТВЕРИЧНЫХ ФАЗАХ
И ВОСЬМИ И ДВАДЦАТИ ДОМАХ ЕЕ;
С НЕПРЕМЕННЫМ РАССКАЗОМ О СОБЫТИЯХ,
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ КУЛЬМИНАЦИИ
ВЕЛИКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, НО, ПРЕЖДЕ
ВСЕГО, О ВИДЕНИИ ИЛИЭЛЬ

Древние, чья мудрость столь презираема теми, кто никогда ее не изучал, но тешит себя претензией на понимание современной науки, которая никого не обманывает,— так вот, древние улыбнулись бы тому, как часто наши «новейшие открытия» повторяют какие-нибудь фантазии Аристотеля или гипотезы Гераклита. Самые захолустные университеты Америки, где учат землеобработке или горному делу, плюс немножко «бесполезных» знаний в качестве спецкурса для отвода глаз, набиты самодовольными профессоришками, которым в Лондоне или Берлине и лабораторию подметать бы не доверили. Предел их амбиций — иллюстрированное интервью в каком-нибудь воскресном приложении с полным перечнем их поразительных открытий, революционизировавших искусство выпивания яиц через дырочку. Особенно безжалостны они к ретроgrадам вроде Чарльза Дарвина. Невежество заставляет их верить напыщенным подлизам демократии, еженедельно надрывающим глотку в «Прогрессе»; все, что древнее шести месяцев, уже безнадежно устарело, уверены они, не зная, что это и в самом деле

так — но лишь в отношении той громогласной чепухи, которую они зовут истиной.

Фундаментальная разница между древней и современной наукой заключается отнюдь не в теории. Сэр Уильям Томсон был не меньшим метафизиком, чем Пифагор или Раймонд Луллий, а Лукреций — не меньшим материалистом, чем Эрнст Геккель или Бюхнер.

Мы изобрели средства точного измерения, которых у них не было, и, как следствие, наши методы классификации стали более количественными, чем качественными. Итог — большая часть их науки для нас непостижима; нам в точности не известно, что они подразумевали под четырьмя стихиями или под тремя активными принципами алхимии — Серой, Ртутью и Солью. Что-то из традиций удалось сохранить сообществам мудрецов, живших в те времена, когда владеть хоть какой-нибудь книгой, кроме требника, было ересью, и из-за гонений вынужденных скрываться и передавать древнюю мудрость шепотом из уст в уста.

Девятнадцатый век узрел низвержение большинства старых церковных тираний, а в начале двадцатого знанию снова сочли возможным придать публичность. Мудрецы собрались вместе, выбрали ученика достойного и одаренного необходимыми литературными способностями. Он ревизовал и упрочил древнюю мудрость и в конце концов опубликовал ее в чем-то вроде периодической энциклопедии (которую ныне уже невозможно нигде найти, такой на нее был спрос) под названием «Эквинок».

В древней науке классификация во многом зависела от планет. Горячие и огненные по природе явления — львы, перец, лихорадка — относились к сфере Солнца или Юпитера, или Марса; все быстрое и тонкое — Меркурия; холодное и тяжелое — Сатурна и так далее.

Однако почти во всем сущем принципы планет присутствовали по нескольку сразу и в разных пропорциях. И чем в более равной степени пропорции эти сочетаются, чем более они уравновешены, тем более законченно явление, тем ближе оно к модели божественного совершенства. Самого человека тогда считали микрокосмом, маленькой вселенной, образом Творца. В природе его нашли себе место все планеты и даже знаки

зодиака. Энергия Овна присутствовала в его голове; Телец общал трудолюбие и выносливость плечам его; Лев представлял отвагу сердца и пламень характера; колени его, поднимающие тело в прыжке, пребывали под влиянием Козерога — все работало на него, все в нем делилось и подразделялось и в совокупности являло красоту и гармонию.

В интереснейшей этой системе Луна означала, прежде прочего, все восприимчивое, ибо свет ее — лишь отраженный свет Солнца. Поэтому «лунный», «лунарный» был почти синонимом «женственного». Женщина подвержена переменам; все зависит от влияния мужчины; сегодня она плодоносна, а завтра пуста — в соответствии с фазой. Но каждый день пути своего проходит Луна через то или иное деление зодиака, и влияние ее в этой фазе, или, как ее называли, доме, сопрягается с вероятной природой окружающих ее звезд. И вот распорядок дня Илиэли как раз и был так составлен, чтобы привести ее в соответствие со всеми и с каждым из свойств луны.

Но за этими мельчайшими деталями стояла великая тройная природа ночного светила. Ибо луна есть Артемида или Диана, сестра Солнца, блистающая Девственная Богиня; она же — Исида-посвятительница, несущая человеку чистоту и свет, связывающая животную его душу с вечным Я; и она же — Персефона, Прозерпина, душа двойственной природы, обитающая наполовину на земле, наполовину в Аиде, ибо она отведала граната из руки владыки своего, и мать ее боле не способна была вернуть дочь навечно в царство людей; и в-третьих она — Геката, создание всецело inferнальное, бесплодное, ужасное и зловерное, царица смерти и злого колдовства.

Все эти природы соединены в женщине. Артемида недоступна, чиста и сияюща; Геката — старуха, оставившая всякую надежду на материнство, с душою, черной от зависти и ненависти к смертным, что счастливей ее; женщина в полноте жизни своей — величавая Персефона, ради которой Деметра прокляла нивы, дабы не родили они боле зерна, и смилостивилась, лишь когда Аид согласился на половину года отпускать супругу на землю. Так что, как видите, Луна древних обладала живым психологическим смыслом, столь же здравым сегодня, как и в те дни, когда жрецы Митры закалывали быков. Она — душа, но не вечное неумирающее солнце

истинной души, а его проекция, животная душа, подверженная страданиям и переменам, игре сил вселенной, и в искуплении ее заключается разрешение главной космической задачи. Ибо семя женщины должно раздавить главу змею, и это символически происходит всякий раз, когда женщина обретает славу материнства.

Остальные могут хранить верность Артемиде, быть жрицами ритуала святого и несказанного; но за этим единственным исключением неспособность достичь поставленной цели ввергает их в царство темной луны, в холодные и бесплодные обитатели треклятой Гекаты.

Мы еще увидим, сколь широк спектр этих идей, сколь восприимчива формула женщины, способная объять такие крайности и перескакивающая с одной на другую в мгновение ока — в полном соответствии с природой оказываемого на нее влияния.

Сирил Грей как-то сказал, выступая на митинге суфражисток: — Души у женщины нет, один только пол; нет морали — одни настроения; разум ее — бесчинство толпы. По этим причинам ей — и одной лишь ей — непременно следует голосовать.

Вслед за тем он сел, овеянный бурей шиканья. А за следующие двадцать четыре часа получил четырнадцать предложений руки и сердца.

С начала второй стадии Великого Эксперимента Илиэль определенно стала Духом Луны. Пока Сирил был с нею, она отражала его, цеплялась за него, была с ним едина, была Исидой его Осирису, сестрою и супругой сразу; каждое помышление ее разума — обертоном к его, не оставляя места никаким внутренним пертурбациям.

Но теперь она внезапно утратила почву под ногами, не имея возможности перемолвиться со своим мужчиной ни единым словом. Тут-то ей и открылось ее положение простой фокальной точки эксперимента.

Она знала, что не обладает научным умом, что все ее устремления к Неведомому сполна удовлетворяются одной лишь любовью, и что ей было бы куда счастливее в каком-нибудь обычном сельском домике. А то, что этот первый импульс так и не облекся хотя бы в слова, говорит достаточно много уже о личности Сестры Клары и о силе ее инвокаций. Жрица

Артемиды завладела ею едва ли не с любовной яростью, почти силой загнав в истомленный экстаз грез наяву. Она окутывала девушку своим собственным энтузиазмом, погружая ее разум в жгучие и алчущие мечтания о не значащихся на картах морях невиданного великолепия, которые мог бы бороздить ее галеон; о не открытых доселе краях, сладостных и прятных, об Эльдорадо, Утопии и Граде Божьем.

Час восхода луны всегда отмечался инвокацией на террасе, специально посвященной этой планете. За несколько минут до того Илиэль вставала и совершала омовение, затем облекалась в мантию и увенчивала голову свою тиарой в форме полумесяца с девятью большими адулярами. В этом ей по очереди помогали младшие девушки. Подготовившись, она вместе со второй прислужницей шла на террасу, где ждала их Сестра Клара, готовая приступить к призываниям.

Конечно, из-за природы церемонии, каждый день она проводилась на час позже, и поначалу Илиэль было трудно приспособиться к ритуалу. На заходе луны совершался второй обряд, сразу после которого она отправлялась спать. Общая теория операции предполагала, что она должна проводить взаперти и во сне большую часть дня, длившегося для нее почти двадцать пять часов, а не двадцать четыре.

При помощи нежного пения и музыки или декламации неспешных чувственных виршей ее естественная нелюбовь ко сну была, наконец, преодолена, и Илиэль стала получать удовольствие от ленивой сладостности нынешней своей жизни и спать круглые сутки, даже не ворочаясь в кровати. Питалась она почти исключительно молоком и сливками, и неострым мягким сыром, и крошечными печеньями в форме полумесяца, испеченными из ржаной муки с яичным белком и тростниковым сахаром; из мяса же лишь оленина, посвященная охотнице Артемиде, была ее единственным кушаньем. Разрешались также кое-какие моллюски и все сочные и мягкие овощи и фрукты.

Она быстро полнела; деятельная, яростная, порывистая октябрьская девочка с тугими мускулами и подвижным, то и дело заливающимся темным румянцем личиком, стала тяжелой, бледной, истомленной и безразличной к происходящему еще до наступления февраля.

А где-то в начале месяца Илиэль посетило первое видение луны, чрезвычайно ее воодушевившее. Образ этот с самого начала вторгался в ее сны — а как могло бы быть иначе при подобной безжалостной настойчивости церемоний? Трое женщин всякий раз при отходе ее ко сну по часу распевали священную формулу «*Epelthon Epelthon Artemis*»¹; затем одна продолжала петь, а остальные ложились спать и сменяли певицу каждые три часа. Слова, скорее, декламировались глухо и монотонно, чем пелись. То было древнее магическое песнопение; Сестра Клара, сама наполовину гречанка, наполовину итальянка, из благородной митиленской семьи, унаследовала его от неких островитянок, посвятивших ее, еще молодую тогда девушку, в свои мистерии. Они утверждали, что три этих слова дошли к ним в неизменном виде от великих песнопевцев прошлого. Мелодия его была сонной, но каким-то непостижимым образом вмещала и поток свирепого жара, подобного солнечному, и рыдающие морские полутона.

Итак, сны Илиэли всегда были о луне. Если несущая стражу видела муку на лице ее, словно бы беспокоящие влияния пробивались извне, она нежно дышала ей в ухо, возвращая помышленья к столь нужному ей бесконечному покою.

Ибо Сирил Грей, придумывая операцию, разумеется, ни в малейшей мере не остался слеп к тем опасностям, что влек за собою выбор символа, столь восприимчивого как Луна. Между ее доброй и злой сторонами заключена вся вселенная. Для планет, сравнительно более простых и прямолинейных, вроде Сатурна, все обстоит по-другому. Планеты с сильным хребтом куда как проще контролировать. Если вам удалось, так сказать, запустить Марс, его несложно заставить слушаться тех же правил Куинсбери². Однако луна столь пассивна, что малейшее новое влияние полностью вышибает ее с ринга.

И, уж конечно, чем тише озеро, тем больше всплеск! Поэтому, дабы допустить к Илиэли лишь самые святые и безмятежные лунные души, никакими предосторожностями нельзя было пренебрегать, никакие усилия не могли показаться чрезмерными.

1 «Вот я, вот я, о Артемиде!» (др.-греч.).

2 Правила маркиза Куинсбери — написанный в 1865-м и опубликованный в 1867 году кодекс общепринятых правил для бокса, публично одобренный Джоном Дугласом, 9-м маркизом Куинсбери.

Греза наяву, явившаяся ей где-то через месяц после смены распорядка, наполнила ее радостью и великим утешением.

Солнце село час назад. Ночь была необычно тепла, легкий бриз веял с моря. В обязанности Илиэли вменялось пребывать на свету луны, устремив и взгляд, и желание к ночному светилу, если на то есть возможность. Из комнаты ее шла лестница, приводившая на высокую башню с круглым стеклянным куполом, чудесную для такого рода наблюдений. Но в ту ночь Илиэль почему-то манил сад. *Nox erat et caelo fulgebat Luna sereno inter minora sidera*¹. Луна висела над Капри в двух часах от заката. Илиэль несла вахту на террасе у бассейна, куда струился источник. Когда луны видно не было, она смотрела вместо нее на море или на воду в фонтане, ибо у них много общего с лунной энергией.

Вот нечто — что это было, она так и не поняла — увлекло ее взгляд от луны к воде. Отражение ее плавало в бассейне у самого мраморного края, через который вода переливалась, разделяясь на маленькие пересекавшие террасу ручейки. Там, где вода касалась закраины, поверхность трепетала, словно тронутая робким поцелуем.

Очам Илиэли дроблень лунного диска в бассейне представало биением самой жизненной силы.

Дальнейшее было таинственно. Илиэль потом рассказывала, что поглядела вверх, как бы возвращаясь ко страже своей, и обнаружила, что луны на небе больше нет. Не было, собственно, даже неба. Она находилась в гроте, чьи причудливо убранные сталактитами стены бледно мерцали пурпурно-голубым — очень похоже, как она объяснила, на эффект светящейся краски. Она опустила глаза — не было уже и бассейна. У ног ее сидел юный фавн, снежно-белый и в серебряном ошейнике. Она склонилась, чтобы прочитать написанное на нем, и разобрала слова:

«Siderum regina bicornis audi, Luna, puellas».

Латыни Илиэль не знала. Это же была не просто латынь, но латынь Горация, и природе Великого Эксперимента она

¹ «Ночью то было — луна на небе ясном с яла // Среди мерцанья звездного» (лат.), цита а из 15-го эпода Горация (рус. пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского).

соответствовала вполне. «*Luna*» она уже слышала и «*regina*» тоже, а «*puellas*» и даже «*siderum*» могла угадать; но это все одно, а точная цитата из «*Carmen Saeculare*» — совсем другое. И все же слова эти стояли перед ее мысленным взором, словно она всегда их знала, может быть, даже словно они жили внутри нее.

Она повторила вслух:

— *Siderum regina bicornis audi, Luna, puellas...* Внемли, о луна, двурогая царица звезд, внемли девам!

В тот момент она, конечно, никакого понятия не имела о смысле этих слов.

Прочитав надпись, она ласково погладила фавна, а подняв от него глаза, увидала, что рядом с нею стоит дитя, одетое в длинное платье, с луком и колчаном за плечами.

Но видение пропало в мгновение ока. Илиэль охватила лоб ладонями, словно проверяя, в своем ли она уме; легкое замешательство охватило ее. Но нет, она не спала, и смогла даже узнать священный дуб, под которым стояла, — всего в паре шагов от дверей храма, где служила жрицей. Теперь она вспомнила — она вышла сказать глашатаю, чтобы он протрубил в рог. И в этот миг его величавый зов достиг ее слуха.

Но что это? Из каждого древа лесного, из каждого травяного листа, из под каждого камня в ответ на призыв потекли малые твари — бледные, полупрозрачные, с овальными (но какими-то сплюснутыми) головками, непропорционально к телу большими; тонкие, спичкоподобные тельца и члены; змеевидные хвостики, отходящие от основания черепа. Легки они были и проворны ногами, и хлестали хвосты взад и вперед. Комично было зрелище это на первый взгляд — словно головастики на ходулях.

Но вот взглянула она ближе, и смех ее замер. У каждого из них был единственный глаз, и энергией, и силой пылал он, вселяя страх. Прозорливость, глубокое оккультное знание всего и всех возможных вещей светились за этой пламенной волей. В очерке головок сквозило нечто львиное и вместе с тем змеиное; необычайная гордость и отвага под стать были яростному их упорству.

Казалось, движение их не имело себе никакой цели; безмерная их энергичность была непонятна. Словно бы все они делали какие-то физические упражнения — но нет, что-то большее

было в этом. Ей показалось, что она различает среди них предводителей, что это войска, собирающиеся напасть.

Но тут внимание ее вновь отвлеклось. Из-под ног ее прыгнул лебедь и взмыл над лесом. Наверное, он там провел достаточно времени, ибо успел положить яйцо как раз меж ее обутых в сандалии стоп. О, какой страшный голод ощутила она внезапно! Пойти бы ей сей же час в храм и съесть яйцо на завтрак! Но подняв его, она увидела, что, подобно ошейнику фавна, надписано оно на латыни. Илиэль прочла его вслух — все слова оказались ей совершенно знакомы. На хоругви Константина красовались они: «*In hoc signo vinces*»¹. Но только вот глаза солгали ушам, ибо «*signo*» было написано как «*сugno*»²! Фраза превращалась так в каламбур — «Этим лебедем победишь». Тогда она ничего не поняла, но буквы запомнила и рассказала потом Сестре Кларе, придя к ней с докладом о видении.

Тогда же подумала она, что яйцо — величайшее сокровище, и что долг ее ныне — защищать его ото всех пришельцев. И тут же увидела, что лесные создания — «сыны дуба», как, повинуясь инстинкту, она их нарекла — движутся к ней.

Илиэль приготовилась сражаться или бежать. Но вот с ужасным треском молния — которая странным сонным манером была одним и тем же с дубом — ударила во всех направлениях сразу, облекая ее нестерпимым блеском. С грохотом грома рухнул дуб, повергая ее наземь. Мир померк пред ее глазами, рассыпался радужным водопадом звезд; в триумфе возопили «сыны дуба», кинувшись на вожделенное ее сокровище.

— *Mitos ho Theos!* — кричали они, и Сестра Клара то ли не знала, то ли не пожелала сказать ей смысл этих слов.

Когда радужная галактика, в которой плыла она, поблекла, Илиэль поняла, что кругом нее не лес, а некий странный город. Мужчины и женщины заполняли его, всех рас и цветов. Прямо перед ней стоял маленький домик, бедный и жалкий, и старец сидел на пороге его. Длинный посох подле него прислонен был к двери, а у ног помещалась лампа — но лампа ли? Скорей уж, ее противоположность, ибо в свете дня пылала она, испуская лучи тьмы. В серые лохмотья был одет этот древний; нечесанные волосы его и борода давно уже мечтали о цирюльне.

1 «Сим победиши», букв. «Этим знаком победишь» (лат.).

2 «Знак» и «лебедь» соответственно.

Правая рука его была целиком обнажена, и вокруг нее вился змей, золотой и зеленый, в тройном венце, сверкавшем рубинами и сапфирами; рукою этой гравировал старец на громадной квадратной скрижали из изумруда.

Какое-то время наблюдала она за ним, он же, закончив, встал и двинулся прочь вместе с посохом, лампой и скрижалью, на берег моря. Он шел вдоль волн, и, наконец, достиг пещеры. В самый дальний уголок проследовала она за ним и там увидела лежащий на земле труп. Странно, но то было тело самого старого писца. С невероятною силой поняла она, что у него два тела, и одно из них он всегда хранит безопасности ради погребенным. Писец же возложил скрижаль на грудь мертвеца и быстро вышел вон.

Илиэль осталась прочесть написанное.

Впоследствии Сирил Грей перевел сей текст, так что в оригинале надобности нет:

Исторгни Слово Ужаса и Власти!

Без лжей правдивое и верное без уклонений,

Суть самой Истины. О, знаю, знаю я:

То, что вверху, подобно нижнему во всем,

А нижнее — то верхнему подобно,

Чтобы Единства овладеть Тавматургией,

Которая — Любовь.

Как многое из одного в едином созерцанье,

Так все из одного преображением родится.

Плодотворило Солнце, понесла Луна

Вселенную, которой равных нет;

Ей Воздух — колесницей стал, кормилицей — Земля.

Вот всякого суть талисмана

В великом мире и с тех самых пор,

Как мир стоит.

Души источник всякой вот и кладезь.

Да раздробится на земле она! Останется единой ее сила.

Ты нежно, тонко сговоришься с Искусством

Очистить грубое, деля огонь и землю.

О, вот, гляди! Восходит и нисходит,

Стремительна и ровна

Земли и неба нескончаемая лента;

Так обретая мощь двойной Любви,
В единстве силы верха с силой низа.
Твоей, твоей да будет слава мира,
И тьма бежит перед твоим державным храмом.
То сила сильная всех сил сильнее; превзойди
Все тонкое и покори его; пронзи все грубое
И умягчи его; так приведи все сущее к сужденному
Блаженству идеала: ибо так и было все сотворено.
О, чудо чудное! О, магическое действие!
Все в мире соответствует единому закону цикла!
Три ветви мудрости своими объявил,
И потому Гермес триждывеликий — и величайший — имя мне.
Что написал я о едином Солнце и о трудах его,
Се ныне дерзновенно изречено, закончено, совершено.

В этом древнем и темном пророчестве, как подтвердил затем и Саймон Ифф, тайна Вселенной раскрывается тем, кто достоин ей причаститься.

Из надписи Илиэль не поняла ни единого слова, но осознала, что это может быть важно, и потому, взяв скрижаль, спрятала ее в складках своего одеяния и покинула пещеру. Однако берег изменился: знакомый Посилиппо нависал над нею, а вдаль справа высился Везувий. Она оборотилась, чтобы взобраться на крутой склон холма между собою и дорогой и вдруг обнаружила, что ей противится нечто незримое. Видеть она не могла, но чувствовала, что оно черное и ледяное и желает отнять у нее скрижаль. Первой же волной ощутила она острую ненависть и отвращение, но тварь, чем бы она ни была, казалась такой жалкой, что ей едва ли не захотелось как-то ей помочь. Но вдруг создание полыхнуло жаром — руки Абдул-бея уже обвивались вокруг нее, и глаза заглядывали в глаза. Второпях Илиэль уронила скрижаль — она снова была в бальной зале в тысяче миль и тысяче лет отсюда. И вот она уже смотрит на луну над Капри... Илиэль сидела на террасе в полном сознании; рядом на мраморе валялся серебряный полумесяц из ее прически.

Сестра Клара стояла на коленях подле нее, стараясь разобрать сделанные Илиэлью каракули.

— Это написано на скрижали,— пролепетала Илиэль так, словно Сестра Клара уже все об этом знала. — Она была у старика в пещере.

Как раз настал час ей отправиться почивать. Пока монотонные песнопения прислужниц оглашали мягкий ночной воздух, Сирил Грей и Брат Онофрио работали с полученным текстом.

Почти до рассвета трудились они, и в городе, на другой вилле иные труды как раз достигли апогея. Артуэйт закончил свой гримуар, и как раз вовремя. Великая некромантическая операция обязательно должна начаться на второй день старой луны, а девять предыдущих заняли самые напряженные приготовления — теперь уже не материалов, но самих колдунов.

Им пришлось питаться мясом собаки и черным хлебом, испеченным без соли и закваски, и пить несбродивший виноградный сок — гнуснейшее из всех черномагических зелий, ибо оно отрицает божью благодать и утверждает, что Бог — не более, чем кусок дерева. Нужно было принять и массу других предосторожностей. Вокруг операторов нужно было создать атмосферу кладбища; им следовало избегать даже смотреть на женщин; одежду нельзя менять ни на час, а тканью она должна уподобляться погребальным пеленам, ибо надлежало им украсть последние платья с непогребенных тел и плотно ими обернуться, сопровождая это ужасной пародией на слова заупокойной мессы.

Визит на еврейское кладбище позволил им разжиться всеми необходимыми облачениями, а артуэйтова палинодия о «воскресении к вечному проклятию» окончательно убедила каждый разум в том, что планируемый ритуал будет поистине кошмарен.

А тем временем в Париже Дуглас, залихватски отбив горлышко бутылки об край стола, выпил за доброе здоровье своей гостыи, американки по фамилии Кремерс.

Фигура ее, тяжелая и приземистая, была облечена в старомодное черное платье, причем, если не считать юбки, мужское; над нею возвышалась голова необычайного размера и еще более необычайной формы, ибо затылок ее был совершенно плоским, а левая лобная доля — куда более развитой, чем правая. Впору было решить, что этот череп деформировали специально, ибо

хоть мать-природа — дама с причудами, но даже и она редко доводит асимметрию до такой крайности.

Все это вам не просто праздные теории: женщина эта была дитя ненависти, и мать ее еще до рождения подвергала плод всевозможным жестокостям.

Лицо ее напоминало мятый пергамент, жесткий и пожелтевший; обрамляли его короткие густые волосы грязно-седого цвету. Выражение его изобличало чрезвычайную хитрость и способности, поставленные на службу ненасытным инстинктам. Бедность, впрочем, намекала, что вряд ли служат они хорошо; и сами первобытные эти свойства ее натуры уже потонули в болоте собственной тщетности. В глазах ее горела горькая ненависть ко всему, рожденная самой эгоистичною завистью, считавшей счастье любого другого человека обидой и оскорблением для нее. Каждая мысль ее разума несла проклятие — Богу, человеку, любви, красоте, самой жизни. То были инквизитор и ведьма, слитые в одно, воплощение самого духа пуританизма, кислого, сексуально выродившегося и извращенного.

Дуглас сунул битый стеклянный край себе в рот и выхлебнул целый стакан виски, после чего протянул сосуд посетительнице. Та отказалась, аргументировав это тем, что «оно вредно для астрального тела», и предложила хозяину вместо этого выдать ей стоимость напитка деньгами. Дуглас хохотал, как умалишенный, — хотя и не без доли омерзения: он еще помнил прежнее свое состояние; даже падение его было сравнительно достойным, но пол его ада все равно служил потолком ее небесам. Но старуха была ему нужна. Так что он презрительно швырнул ей франк. Она поползла по полу, словно какое-то гадкое насекомое, ища укатившуюся в угол монету, а найдя, так возрадовалась прикосновению серебра, что позабыла все свои мужеподобные претензии и сунула ее в чулок.

О ДОКТОРЕ ВЕСКИТЕ И ЕГО СОТОВАРИЩАХ, И О ТОМ, НАСКОЛЬКО ОНИ ПРЕУСПЕЛИ В СВОЕЙ НЕКРОМАНТИИ; О ВОЕННОМ СОВЕТЕ МЕЖДУ СИРИЛОМ ГРЕЕМ И БРАТОМ ОНОФРИО; А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПЕРВОГО ИЗ НИХ О МАГИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

Неаполитанская зима превзошла саму себя в мягкости. За исключением нескольких попыток мороза — впрочем, здорового и доброго — по ночам, она не отличилась на сей раз ни хмуростью, ни суровостью. День за днем солнце воспламеняло тихий воздух, и жизнь танцевала в холмах об руку с любовью.

В ночь своей полноты луна взошла рыжей и смутной, окруженная красноватым облаком, словно бы облекшаяся мантией гнева. Следующее утро выдалось седым от бури. Шквал с боями пробивал себе путь через горный хребет Италии, будто какие-то бандитские орды демонов решили изничтожить равнинных крестьян. Сачок для Бабочек был укрыт от их ярости кряжем Посилиппо, однако в доме все равно стояла жгучая стужа, и Илиэль велела своим девушкам набить жаровню ореховым деревом и белым сандалом, и березой.

А за горами снятая доктором Вескитом на зиму вилла оказалась открыта бессмысленному безумию ветров. Он тоже до отказа набил жаровни, но только кипарисом и курным углем.

К вечеру ярость бури лишь возросла; час спустя после полудня одно из окон виллы было высажено с грохотом влетевшей в него ветвью оливы; доктор Вескит уже начинал опасаться за безопасность намеченной операции.

Немного погода сила ветра ослабла; проглянуло небо: сквозь земные испарения стали видны остатки разъяренных облаков — словно бы архангел Михаил бился там с Сатаной.

Ветер все еще задувал, но сердце бури уже прорвалось вихрем мокрого снега пополам с градом; еще два часа он летел почти горизонтально, бился в холмы, а затем, застывая и увеличиваясь, обрушивался в долины водопадом ледяного ливня.

Склоны Посилиппо ревели под пенною этой ношей; всю землю начисто смыло из садов; стены рушились перед пылкостью волн, которую должны были сдержать. Улицы нижнего Неаполя стояли в воде по бедро.

Для начала некромантии избран был закатный час. Именно в это мгновение дождь азартно припустил в последний раз и полностью прекратился. Пала ночь, черная и горькая, но безмолвная, будто труп Гейтса.

В часовне вырвали часть мраморного пола, так как желательно было касаться босыми ногами голой земли, черпая силы ее прямо из вулканической страты.

Эта сырая земля испятнана была грязью, доставленной из трясин Мареммы, а поверх, образуя толстый слой, рассыпана сера. В ней-то вилообразной палочкой и начертали магический круг, заполнив получившиеся бороздки угольным порошком.

Это был не настоящий круг: ничто святое и совершенное не могло приступить к кощунственному этому обряду; на самом деле он был вычерчен в форме старомодной замочной скважины — сочетания круга и треугольника.

В центре возлежало тело Гейтса головою на север; по одну сторону его стоял Артуэйт с гримуаром в одной руке и свечою черного воска в другой. Напротив него — Абдул-бей с козлом на веревке и серпом, который Вескиту предстояло использовать в качестве главного магического орудия церемонии.

Сам доктор последним вошел в круг. В корзине при нем были четыре черные кошки. Запалив девять маленьких светильен по периметру круга, он пригвоздил кошек в четырех четвертях его черными железными стрелами, но так, чтобы их притом не убить: их агония должна была отпугнуть всех нежеланных здесь духов.

Все было готово. Некроманты пали на колени, ибо рабская эта поза любезна врагам рода человеческого.

Силам же, создавшим человека, единственного из всех животных, прямоходящим, нравится, когда он воздаст Им благодарность за эту независимость, отказываясь ею поступаться.

План церемониала доктора Вескита был прост: призвать дух демона в козла и умертвить животное в момент одержания

на трупe Гейтса, дабы наделить последний демонической силой через нечто вроде отвратительного соития.

Цель, иными словами, была та же, что и у спиритизма или «спиритуализма», как его обычно и неправильно именуют. Однако доктор Вескит был серьезным специалистом, твердо намеренным получить результаты и не дать себя одурачить; да и методы его были в итоге более эффективны, чем у большинства салонных медиумов.

Артуэйт раскрыл свой гримуар и принялся читать заклинания. Нет никакой возможности воспроизвести здесь всю гадкую путаницу словес и сложность стиля — не говоря уже о мерзости темы. Достаточно будет сказать, что все имена противников света призывались в соответствии с их уставом; ужасные божества зари человечества, когда природа считалась олицетворенной жестокой силой, наслаждающейся убийством, грабежом и насилием, назывались самыми тайными именами с перечислением постыдных их деяний.

Таково было кошмарное песнопение, и сколь бы глубоко ни потонуло оно в волнах невнятного артуэйтова велеречия, смысл его оставался совершенно очевиден, благодаря тону заклинателя и жестам, которыми Вескит сопровождал его, — подлинному немому спектаклю под аккомпанемент inferнальной какофонии, музыки недр. Он показывал, как швыряют в огонь детей, как отдают их медведям, как приносят в жертву на кровавых алтарях; как дикие варвары вырывают с корнем мирные народы во имя своего демона, убивая или калеча и поработывая мужчин, вырезая женщин, насилуя дев; как сила злых являет чудеса, как разверзается земля, поглощая жрецов-еретиков, как останавливается в небесах солнце, дабы продлить час бойни.

То было, короче говоря, нескончаемое воспевание вероломства, убийства и мести; ни единая нота жалости или доброты, простого достоинства или человечности не нарушала фальшь эту летопись гнусности, обретшей кульминацию в мерзейшем зверстве человеческой истории, когда одного человека во всей этой ожесточенной нации, время от времени являющей нам проблески благородного ума, избрали для пыток и смерти в качестве последнего приношения алчущему крови извергу.

Сопровождаемое адским хохотом, второе заклинание последовало за первым: вот демон вернул труп своей жертвы к жизни

и насмеялся, и надругался над ее человечностью, заключив себя в человековидную эту форму, дабы продолжить царствование свое и расширить границы империи под покровом двуличья и лицемерия. Преступления, творимые ранее открыто во имя дьявола, теперь чинились теми, кто звал себя жрецами жертвы его, при помощи нового инструмента стыда и ужаса.

Этим воспоминанием заключалась первая часть церемонии; дух дьявола, так сказать, был успешно приведен в круг. Во второй ее части демона надобно было отождествить с козлом; в третьей объединялись первые две, а козел, умирая, должен был повторить чудо, совершенное в незапамятные времена над тою, другой жертвой, возвратившись снова к жизни очеловеченным прикосновением призрака колдуна.

Недозволительно описывать ритуал этот подробно — слишком он был отталкивающе профессионален; однако турок, возвращенный в религии милосердной и чистоплотной, лишь с немногочисленными следами варварства на ней, дрогнул и почти потерял сознание. Одно лишь его устремленное к Лизе желание, превратившееся уже в душевную бурю, удержало его в кругу.

И, о да, разум их пошел вихрем. Как говорил Элифас Леви, злые ритуалы — настоящий яд для рассудка; они вызывают галлюцинации и безумие с той же верностью, что гашиш. А кто дерзнет утверждать, что бредовые фантомы «нереальны»? Им достанет реальности, чтобы убить человека, разрушить жизнь, толкнуть душу на всевозможные преступления. И, о, мало найдется на свете «реальных» «материальных» вещей, что имели бы такой же вес!

Итак, фантомы были для некромантов совершенно реальны, и ни в один из участвующих разумов не закралось и тени сомнения, что они имеют дело с сущностями действительными и пагубными.

Жуткие вопли пытаемых кошек мешались с торжествующим бляеньем козла и гнусавым бормотаньем Артуэйта, напыщенно возглашавшего строчки гримуара. Самый воздух, казалось им, стал густ и грязен, и из грязи этой возникали бесчисленные ползучие твари, уродливые монстры, недоноски тупиковых ветвей эволюции, существа, недостойные жить на земле и извергнутые ею, будто экскременты. Даже козел,

казалось, сознавал их присутствие и считал самого себя владыкою этих полчищ, ибо скакал под манипуляциями Вескита с такою яростью и гордостью, что Абдул-бею пришлось собрать всю свою силу, чтобы его удержать. Это компания некромантов приняла за очевидный знак успеха: Вескит сделал завершающий жест, Артуэйт перевернул страницу, а Абдул вогнал громадный нож в сердце твари.

Кровь пятнала могильные одежды трех колдунов; сердца их бились тяжело. Отвратительная вонь наполнила круг. Мрачная и зловещая тишина, внезапно сменившая — психология то была или магия? — помпезное жужжание Артуэйта, тишина, в которой вопли кошачьей агонии стали невыносимы, поразила их смертным ужасом. Или, может быть, они впервые в жизни поняли, на борт какого корабля взошли?

А вдруг труп зашевелится? А вдруг Гейтс восстанет в дьявольской мощи и придушит их всех? Пот бежал по ним и мешался с кровью. Смерд закланного козла был поистине ужасен, тело Гейтса разлагалось. Сера, горевшая клочками там и сям, где свечи упали и подожгли ее, добавила ноту ада в зловоние смерти. Абдул-бею внезапно стало совсем дурно; он нырнул носом вперед и распростерся на трупах. Вескит грубо оттащил его назад и дал страшной силы стимулятор, который позволил тому прийти в себя.

Артуэйт тем временем приступил к последнему заклинанию. Это даже языком назвать не получится — визг обезьяньей вольеры, вопли тысячи дикарей, стенания проклятых душ.

Вескит также перешел к последнему этапу. Своим ножом он отсек козлиную голову и всунул ее в полость, вырезанную в животе второго трупа. Прочие части козла он вставил Гейтсу в рот; непотребным воплям кошек вторили маниакальные завывания его коллеги.

А потом случилась одна вещь, которой никто из них не ожидал. Абдул-бей рухнул на останки и принялся рвать их зубами и лакать кровь языком. Артуэйт возопил в ужасе: не иначе, как турок помешался. Вескиту, однако, ясна была правда. Абдул был самым восприимчивым членом миссии и наименее притом развитым — именно в нем вдохновленный демоном дух Гейтса и решил воплотиться.

Так прошло несколько минут; затем турок сел. На лице его запечатлелось крайнее наслаждение: то было освобождение души от мук. Но он, должно быть, знал, что срок его короток, ибо заговорил быстро и серьезно, с лихорадочной энергией. Повелительны и обвиняющи были слова его; ни на мгновение не усомнился Вескит, что с ними был дух, чьи знания далеко превосходили все, чего он сам до сей поры успел достичь.

Услышанное он записал на специально для той цели приготовленных скрижалях.

— Работа их — через луну к солнцу.

Геката придет вам на помощь.

Нападайте изнутри, не извне.

Старуха и юноша принесут вам победу.

Все силы в вашем распоряжении; но они сильнее. Вероломство спасет вас.

Оставьте прямые атаки; ибо даже теперь навлекли вы на себя гибель. Скорее! Ловите веревку. Спрячьтесь на время. Даже и так вы на краю могилы. О, поспешите! Смотрите, кто стоит, готовясь нанести удар!

Но тут голос иссяк. Хорошо еще, что Вескиту удалось сохранить присутствие духа. Некроманты оглянулись и на востоке увидели голубой туман, сгустившийся как бы в яйцо. В его середине был образ Брата Онофрио, стоящего на двух крокодилах, улыбающегося, прижимающего палец к губам. И понял Вескит, что перед ним сила, в тысячу раз превосходящая все, какими владеет он сам. Он мгновенно повиновался приказу, переданному через Абдул-бея:

— Клянусь! — вскричал он, воздев правую руку к небесам. — Клянусь, что никакого вреда тебе мы не мыслим.

Внутренне он зарделся, ибо знал, что это ложь и что бесполезно пытаться отвести нависший над ним удар, — и изыскал другие слова для той же цели.

— Клянусь, что мы не станем пытаться прорваться через ваши защиты.

Это, решил он, удовлетворит стража врат и одновременно позволит им, как они и намеревались, напасть изнутри. Задыхаясь, Абдул-бей прохрипел, что все хорошо, что ничего больше нельзя было сделать и что связь с Белою Ложей пропала.

— *Но ныне наш собственный удар повергнет нас наземь.*

После этого он упал назад, словно мертвый. В следующий миг Артуэйт, с воплем призвав в последний раз то зло, которое искренне полагал всемогущим, ударился в спазматические конвульсии, будто отравленный стрихнином или умирающий от столбняка. Устрашившийся постигшего его компаньонов жребия, Вескит в агонии ужаса и муки взирал на фигуру Брата Онофрио. На устах ее блуждала детская улыбка, и Вескит простер к ней руки.

— Милосердия! — вскричал он. — Милосердия, о, владыка мой!

Артуэйт корчился на трупах в диких судорогах, изрыгая пеною черную кровь из легких.

И увидел старик, что вся жизнь его была сплошною глупостью, что неверен был избранный им путь.

На устах Брата Онофрио все еще блуждала улыбка.

— О, владыка мой! — возопил Вескит, подымаясь на ноги. — Лучше б мне умереть!

Формула человечности состоит в добровольной готовности умереть. И поскольку любовь в мужчине сама по себе обладает природою смерти по собственному произволению, а значит, священного таинства, то любящий умерщвляет себя, а умерщвляющий себя ради того, чтоб могла продолжаться жизнь, становится возлюбленным. Вескит простер руки свои к знаку креста, к символу Того, кто есть податель жизни через смерть свою; кто есть орудие и жизни, и смерти; Того, Священного, кому от сотворения мира было назначено стать его искупителем.

Словно бы в единой вспышке явилось ему прозрение сокровеннейшего Мира посвященного знания, столь простого и столь тайного, что провозгласи его открыто на рыночной площади, и никто не услышит. Глупым стариком ощутил он

себя; слабость и податливость сделали его сообщником злых. И понял, что смерть, принятая ныне, может его спасти.

И все еще улыбался Брат Онофрио.

— Призываю я обращение потока! — провозгласил Вескит громко и в тот же миг, соединив правосудие с самопожертвованием, скончался кончиною праведных.

Образ Брата Онофрио растаял.

Великая некромантическая операция закончилась ничем.

Скрижаль, однако, осталась. Почти день спустя, когда Абдул-бей пришел в себя, она первой попалась ему на глаза. Он машинально сунул ее себе в мантию, после чего, шатаясь, поднялся на ноги и занялся коллегами. У ног его мертвым лежал старик-коронер; Артуэйт, чьи конвульсии прервало близкое к коме изнеможение, головою лежал на мертвечине; язык его, вываленный изо рта, изжеван был в кровавую кашу.

Турок вынес его из часовни. Обширных связей вполне хватило, чтобы молчаливый врач зафиксировал смерть Вескита и позаботился об Артуэйте, у которого один судорожный припадок следовал за другим почти без перерыва. Прошел месяц, прежде чем опасность сочли миновавшей; еще через неделю он уже владел собой. Они немедленно уехали в Париж, чтобы представить дело Дугласу. Даже Артуэйт вынужден был признать, что некоторые его элементы были не вполне удовлетворительны, а кое-какие эпизоды не соответствовали обычным его высочайшим стандартам успеха.

* * *

День после атаки некромантов занимался светлый и радостный. Земля уже высохла, но дышала свежестью. Легкий туман висел в обнесенным стенами саду, над которым на террасе стояла Илиэль.

Луна опускалась, огромная и бледная, в океан; солнце будило волны. Стража Илиэли почти подошла к концу; девушка приготовилась совершить церемонию, которой заканчивался ее день.

Но прежде, чем она отдалась попечению своих прислужниц, в сад сошли Сирил Грей с Братом Онофрио. Руки их были скрещены на груди в торжественной орденской манере.

Алая мантия Брата Онофрио восхитительно оттеняла мягкий зеленый шелк Сирила.

Очи итальянца пылали страстным почтением к младшему, но более одаренному собрату вкупе с чисто человеческим расположением, превышавшем почти пределы дружбы; преданность была в них, самоотверженная и бессонная, доступная лишь тем, кто обладает невероятным прямодушием сердца. Он понимал, что Брат Сирил скроен по более тонким лекалам, чем он; больше на пламя походил он, чем на человека, тонкое и жгучее. Ибо в каждой беседе, стоило ему решить, что он сломил сирилову защиту, как тут же следовал ответный удар, и вот он уже стоит, выронив шпагу и сам того не заметив. Но он пылал постоянным рвением узнать своего идола лучше. В это утро юноша пробудил его тихим шепотом, с улыбкою указывая пальцем в сторону террасы:

— Идем туда, где канцлер казначейства не сможет нас услышать.

И вот они встали и, совершив утреннее поклонение солнцу и проделав ежедневные упражнения по медитации, сошли к бассейну с водяными лилиями.

Брат Сирил был в самом своем беззаботном настроении.

— Помнишь, кто сказал «*Surtout, pas de zèle*»¹? — начал он. — А, впрочем, кто бы это ни был, я сейчас сам это говорю. Братец Онофрио, большой брат, сильный брат, умный брат мой, так дело не пойдет. Ты слишком хорошо справляешься. Вот представь: ты — русский генерал.. если это поможет мощному твоему уму; что ты там думаешь, значения не имеет, пока ты понимаешь, что одерживать слишком много побед так же плохо, как есть *toujours* одних *perdrix* ². Ты не просто защитил превосходную нашу цитадель, за что выношу тебе формальную благодарность от Республики. Можешь поцеловать мне руку. Но ты преследовал поверженного врага, ты уничтожил отборнейшие его полки; а после этой ночи, боюсь, они вовсе оставят мысли об атаке. Ситуация, как видишь, плачевна.

1 «Прежде всего, не усердствуй» (фр.) Совет дипломатам, приписываемый Шарлю-Морису де Талейран-Перигору (1754—1838), французскому политику и министру иностранных дел при трех правительствах.

2 Всегда одних куропаток (фр.).

— Но они же сами призвали поток смерти,— попытался возразить Брат Онофрио. — Откуда мне было знать, что они пошлют старого беднягу Вескита и подготовят операцию настолько внушительную, что она непременно должна была вылиться во что-то определенное, хоть тем способом, хоть другим?

— Но с этим молодым Гейтсом ты поступил как-то совсем не нежно!

— Знаю, дивинации на Таро меня слишком увлекают... но он и сам планировал магическое убийство. С такими вещами нельзя работать иначе, как на их собственном плане. Меч подъявшийся от меча и погибнет.

— Рискну признать, ты прав. Но, боюсь, ты распугал нам всю игру. Дуглас и Баллох были мне нужны здесь — тогда-то и настало бы время пустить в ход машины уничтожения.

— Мог бы мне и заранее сказать!

— Ох, если б я только знал!

Брат Онофрио сделал яростный жест. Вот и снова его обвели!

— Я лишь сейчас понял, сколь достойны и окончательны были труды твои. Теперь же мы сами себе сердце выедем в этом разлагающем мире и капуанской роскоши. Увы! Вспомни судьбу Ганнибала и Наполеона. Все повторяется — слишком много побед, слишком!

— Мир! Роскошь! — вскричал Брат Онофрио, подскочив от изумления. — У нас тут часом не Великий Эксперимент ли идет?

— Что, правда? — томно вздохнул Сирил Грей.

— У нас кризис через месяц!

— В году двенадцать месяцев.

Брат Онофрио взвился от негодования. Он терпеть не мог, когда с ним играли в такие игры. Не видел он смысла в насмешках... если это, конечно, были они; и оправданий грубости не видел, если уж на то пошло.

— Да ты сиди, сиди! — мечтательно сказал ему Сирил. — Ты сам говоришь, кризис — дело не на месяц. Как прекрасен океан, объемлющий пять континентов, словно мать — детей своих. Мне поплыть бы на запад, за Геракловы столпы, и дальше, к штормовым пределам Залива и потом... а, все равно это невозможно! Суровый долг удерживает нас здесь; мы — избранные воины последней битвы, и нам решать, станет

ли человек сам ваять себе судьбу или останется игрушкой рока; мы — первопроходцы Великого Эксперимента. К оружию, Брат Онофрио! Будь неустанен! Будь отважен! Кризис грядет — через месяц, не далее! Возвращайся ко мне со щитом иль на щите! *Dulce et decorum est pro patria mori!*¹

— А! Теперь я тебя понимаю! — воскликнул Онофрио, сжимая его в объятиях по-итальянски порывисто.

— Блестяще! — сияя, сказал Сирил Грей. — Я это высоко ценю.

Брат Онофрио снова поежился.

— Я чуть было не подумал, будто ты знаешь, что Великий Эксперимент обречен на провал, и тебе почему-то все равно.

— Тупость британского дипломата — ничто перед проницательностью честолюбивого, хитроумного и лукавого итальянца.

— Будь оно проклято! Для тебя вообще есть что-нибудь настоящее или истинное?

— Вино, алкоголь, сигары.

— Ты когда-нибудь будешь серьезным? Ты глумишься надо всем самым важным, а из пустяков творишь помпезности. Ты на барабанах станешь играть костями собственного отца, а чтобы жену выбрать, пойдешь в лес и станешь там скакать по грибам-дождевикам!

— А ты вообще обойдешься без музыки, потому что негоже беспокоить папочку, а жену возьмешь по запаху пуховки!

— Да как ты только можешь!

Брат Сирил покачал головою.

— Мне следует объяснить более понятно, — промолвил он. — Позволь тебя спросить, прежде всего, что самое серьезное на свете?

— Религия.

— Точно так. Теперь, что есть религия? Душа доходит до совершенства в божественном экстазе. Что есть жизнь, если не любовь, и что есть любовь, если не смех? Религия, иными словами, — это шутка. Есть дух Диониса и дух Пана; они суть две братские фазы смеха. Религия — шутка. А что самое абсурдное на свете?

— Женщина.

1 Сладостно и прекрасно умереть за отчизну! (лат.) Строфа из Горация.

— И снова верно. И потому она — единственный остров серьезности в океане смеха. Пока мы охотимся и рыболовствуем, и сражаемся, и иными способами получаем удовольствие, она трудится в полях и стряпает, и вынашивает детей. И вот все серьезные слова — насмешка, а все шутки — серьезные. В этом, о, мой брат, ключ к легкой моей и блестящей беседе.

— Но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты снова все перевернешь. В этом-то и идея! Ты продолжаешь все переворачивать, и с каждым разом оно становится все смешнее и все серьезнее, и крутится все быстрее, и вот ты уже не можешь за ним уследить, и голова твоя кружится, и ты становишься той Спиральной Силой, что есть Квинтэссенция Абсолюта. Таков простой и легкий метод достижения вершин совершенства, камень Мудрых, Истинная Мудрость и Абсолютное Счастье.

— Только слушая тебя,— промолвил Брат Онофрио, взмахнув рапирой,— уже достигаешь того же эффекта!

— Тогда восхвали Отца Всего Сущего за то, что сотворил меня, и пойдем уже прервем наш пост!

В трапезной Сирила Грея ожидала телеграмма. Он внимательно прочитал ее, уничтожил и, глядя на Брата Онофрио чудно и странно, нарочито проглотил могучий приступ хохота. Лицо его приобрело чрезвычайно суровое и мрачное выражение.

— Мне очень жаль сообщать тебе об этом,— сказал он, наконец, с тяжелой и веской решимостью,— но ситуация настолько критична, а необходимость — безотлагательна, что я вынужден приступить к немедленным действиям и попросить тебя передать мне сахар.

Брат Онофрио угрюмо повиновался.

— Что сказано в Писании? — продолжал Сирил еще более зловеще. — *Ornithi gluku!* Дадим птичке сахарку!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК РАСКИНУЛИ СЕТЬ ДЛЯ БАБОЧЕК; С УСЛАДИТЕЛЬНЫМ ДИСКУРСОМ О РАЗЛИЧНЫХ ПОРЯДКАХ БЫТИЯ; О ТОМ, КАК ПОЖИВАЛА ЛЕДИ ИЛИЭЛЬ, О ЕЕ ЖЕЛАНИЯХ И О ВТОРОМ ЕЕ ВИДЕНИИ НАЯВУ

Великий мир воцарился на вилле. С каждым днем солнце набирало силу. Западный ветер рассказывал цветам, как птичка ему нашептала, что весна уже не за горами.

Плоды магической инвокации начали уже пробиваться сквозь покров материи, словно молодые крокусы. В саду и доме так веяло томностью и романтикой, что любой гость не смог бы этого не почувствовать, однако, вместе с ними — какой-то робкой, но энергичной чистотой, сосредоточенным магическим устремлением.

Столь же недвусмысленны были и физические признаки. По ночам вся обитель сияла бледным и синим светом, зримым невооруженному глазу; если же вы сидели в саду, резвые блески, словно искорки звезд, перескакивали с цветка на цветок, с дерева на камень — если конечно, вы были тихи и открыты чувствам, как и полагается в таком месте. А если еще и слух ваш был настроен и темперирован должным образом, его то и дело касались легкие всплески некой дальней музыки. Слабые ароматы разливались в воздухе, словно воспоминания о чем-то прохладном, сладострастном и непорочном, и нежном, и полном неги, о тех шелковых тропических любовях, что питаются мечтами.

Все эти явления обладали особым свойством. Не помешает указать этот факт и предложить ему объяснение.

Зрелища эти и звуки воспринимались достаточно ясно, но стоило обратить на них полное свое внимание, как они исчезали. Не выносят они пристального наблюдения — этот аргумент люди поверхностные все время используют для доказательства их нереальности. Глупая точка зрения, и доказать это несложно.

Репертуар чувств наших крайне ограничен. Человеческий чувственный аппарат работает правильно лишь с немногими

из весьма многочисленных стимулов. Даже ребенку известно, сколь узок спектр, сколь скудна шкала музыкальных тонов. Его еще не научили правильно понимать, что это означает, не привели ему с тою же достоверностью великое множество сходных фактов, касающихся иных форм восприятия. И в особенности не знает он пока, что такое разреженное впечатление, невзирая на превосходную повесть мистера Герберта Уэллса под названием «Новейший ускоритель» — она как раз об этом. Наше видение вещей и явлений зависит от их скорости; например, четырехлопастной электрический вентилятор в процессе работы выглядит прозрачным сияющим кругом. В кинематографе отлично видно вращение колес автомобиля, движущегося задом наперед. На определенном расстоянии залп пушки слышно раньше, чем отдадут команду «огонь». Физика буквально нашпигована подобными парадоксами. Сегодня нам известны живые существа, чье восприятие времени значительно отличается от нашего и пересекается с ним лишь в весьма незначительной области. Так обычная муха живет в мире, движущемся так быстро, что движения со скоростью меньше, чем ярд в секунду, она просто не видит, так что ее вполне можно накрыть рукой — если, вы конечно удержитесь от побуждения ее прихлопнуть. Для этой самой мухи, следовательно, крутящийся вентилятор будет выглядеть совсем по-другому: она каждый момент времени может наслаждаться зрелищем каждой из четырех его лопастей.

Так что вот вам прямое доказательство существования «реальных» «материальных» существ, чьи чувства работают на иной, чем наши, частоте.

Также у нас есть основания полагать, что полный спектр, практически, немислимо велик. Дело тут вовсе не в микроскопах и телескопах — они просто помогают расширить диапазон. Мы теперь понимаем, что молекула вещества — вселенная, вращающаяся с быстрейшей скоростью, беспредельный мир, вполне сравнимый с нашим, и электроны ее отделяют друг от друга — в пропорции к их размеру — не меньшие расстояния, чем звезды в космосе. Наше мироздание во всей своей неизмеримой беспредельности в точности соответствует структурно одной молекуле водорода; и вполне возможно предположить, что и само оно — лишь молекула некоего еще большего

в данном предмете отмечают с принятием во внимание того факта (подтверждаемого свидетельствами всех магов), что явления эти можно продуцировать по своей воле при помощи правильно подобранных средств.

Возражение, что в таком случае их должно быть возможно воссоздать «в лаборатории», критически несостоятельно, так как лабораторные условия не сочетаются с самим образом их воспроизведения. Никто не сомневается в реальности явлений электрической природы на том только основании, что электричество не воспринимается напрямую никаким из наших физических чувств, или что истинная его природа остается для нас непостижимой, или что электрик отказывается подчиняться этим самым «лабораторным условиям» из-за иррациональной и явно злонамеренной привычки изолировать провода.

Насколько понимала Илиэль, результат операции был уже более чем очевиден. Саймон Ифф сказал бы, что они зашли даже слишком далеко.

Илиэль стала очень толстой; кожа ее приобрела тяжкую, меловую белизну; глаза были почти постоянно закрыты от изнеможения. Образ жизни ее стал бесконечно чувственен и медлителен. Восстав от ложа, она, скорее, перекатывалась, чем ходила. Вялость была такова, что ей едва хватало сил поесть — что совершенно не мешало ей поглощать еды в пять, а то и в шесть раз больше нормального. Казалось, она все время наполовину спит. На террасе луны для нее устроили колыбель в форме каноэ. Большую часть бодрствования проводила она там, потягивая молоко и лакомясь сливками, приправленными ангеликой. Душа ее совершенно прикипела к луне. Самое тело свое она предлагала ей в приношение.

Ровно накануне февральского новолуния Абдул-бей решил, прежде чем покинуть Неаполь, взглянуть в последний раз на свою обожаемую Лизу. Он без труда отыскал ее и поразился произошедшей с нею физической переменой. Она разожгла в нем страсть сверх всякой меры, ибо теперь перед ним был идеал турецкой любовницы. Она, казалось, едва осознала его присутствие на стене, что возвышалась за вившимся под лунной террасой переулком — но на самом деле поглотила его пыл с ленивым голодом, словно губка. А все потому, что любая деятельность и сопротивление сошли в ней на нет; она принимала

любое впечатление, чувствуя его предельно и всемерно, но без всякой способности на него ответить. Он понял, что она не смогла бы ни отвергнуть его, ни сделать к нему хотя бы шаг, и проклял на чем свет стоит бдительность стражи. Помощь ему нужна была, помощь, и какой бы мукой ни ощущался отъезд из Неаполя, он знал, что без Дугласа не видать ему ничего.

С февральского новолуния призывания Артемиды стали непрерывными. Брат Онофрио и двое его оруженосцев отдавали все время и силы ритуалам, изгоняющим все прочие идеи, кроме одной желанной. Мальчики, впрочем, еще и присоединились к Сестре Кларе и ее девам в тщательно продуманной церемонии, где они четверо представляли четыре фазы луны. Обряд этот совершался трижды в день, но и промежутки тоже были заняты полностью. На всем протяжении двадцати пяти часов тот или иной из заклинателей продолжал чары при помощи словесных формул, музыки или же танцев. Каждый день случались какие-нибудь новые феномены, все более наглядные и устойчивые по мере того, как возрастала неотвратимость лунного влияния, и как личности жрецов обретали все большую способность воспринимать серебряные эти волны.

Один лишь Сирил Грей не принимал во всем этом активного участия. Он представлял солярную силу, энергию, сотворившую все подчиненные светочи; его работа была закончена, когда вся система только еще пришла в движение. Но раз уж Брат Онофрио представлял силу, настолько активную как Марс, он сделался молчаливым сотрудником итальянцу, упруго амортизирующим ярость и пыл его работы. Он превратился в тень этого воина, даруя ему милостивое облегчение — достойную награду за те утомительные труды, которых требовало Поддержание Круга. Ибо изгнания день ото дня становились все ревностнее; преобладание внутри круга лунной энергии создавало высокое напряжение. Все прочие силы природы желали проникнуть в него, чтобы восстановить равновесие. Похожий эффект получится, если погрузить наполненный водой шар в воды моря и постепенно выпускать из него содержимое. Давление на поверхность шара будет при этом постоянно возрастать. Тут можно в скобках заметить, что законы магии всегда те же, что и у прочих природных сил. Все, чего не хватает магии, чтобы встать на те же ноги, что гидростатика

или электротехника, это метод количественного анализа. Качественный уже давно и замечательно работает!

Луна перевалила за первую фазу; было далеко за полночь. Ночи стояли еще холодные, но колыбель Илиэли, высланная верблюжьим руном (ибо животные эти посвящены луне) и покрытая одеялом из седых лис, была похожа на гнездышко в стране грез. Дева могла покоиться на свежем воздухе, не испытывая при этом никаких неудобств, созерцая богиню, величественно плывущую в небесах.

Теперь, когда на нее надвигалась кульминация эксперимента, экзальтация благоговения захватила ее целиком; она находилась ровно в том состоянии, что было необходимо для составленного магами плана. Илиэль пребывала в непрестанной грезе страстного желания и ожидания чуда, что вот-вот должно было с нею случиться.

И вот ночь полной луны. Вскоре после заката взмыла она над хребтом Посилиппо; Илиэль приветствовала богиню из своей колыбельки на террасе тихой песнью поклонения.

Этой ночью она была еще слабей, чем обычно. Тело, казалось, было слишком ей тяжело; ее посетило чувство, так хорошо знакомое курильщикам опиума: они зовут его «*cloué à terre*»¹. Словно бы тело грузно льнет к земле под собственным своим весом, но при этом так нежно, будто ребенок — к материнской груди. В ощущении этом бесконечная усталость мешается с совершенным стремлением. Возможно, оно — вечный визави свободы души, которой есть и вестник, и спутник. В погребальной мессе церкви говорится, что прах возвращается к праху, пыль — к пыли, а дух — к Богу, что некогда дал его. И есть в этом состоянии что-то напоминающее, что оно — родная сестра смерти, не сон даже, ибо душа спящего обычно привязана к земле грубыми его желаниями или воспоминаниями об оных или о последних полученных впечатлениях. Но курильщик опиума, а с ним и святой, сознающие небесную свою природу, не заботятся более о земном и взлетают на крыльях воображения или веры к горным вершинам бытия.

Именно в таком состоянии или каком-то сродни ему и оказалась Илиэль. И постепенно, как под воздействием опиума, тело ее погрузилось в полную расслабленность; пыль

¹ Пригвожденный к земле (фр.).

соединилась с пылью и не тревожила более, не неволила истинное ее Я.

Она со всей силой осознала, что уже не является телом, простертым навзничь в колыбели, на чей бескровный лик льет свет луна. Нет, уж скорее, была она голубым туманом, заполнявшим зачарованный круг, а мысли ее — росными духами, сновавшими туда и сюда, словно серебряные светлячки. И будто бы часть самой себя узрела она Сестру Клару и пажей своих, и служанок под бесконечными звездами. И был каждый из них целым миром блистающей славы, трепещущим божественным произволением, и все кружили по лазурным орбитам небесным, оставляя сияющий шлейф, словно бы кометный хвост, облекая ее движением, которое было музыкой.

Окаймляя пламенем ее сферу, огни круга светили далеко в ночь раздвоенными клинками алого света, пребывающими в непрестанном движении, змеями зримой силы простирались во все стороны, охраняя врата ее сада. Они различала фигуры Брата Онофрио и его паладинов — той же формы, что у Сестры Клары со сподвижницами, но сияющие свирепым и неукротимым жаром, отбрасывающие блистающие языки в окружающую тьму. Ей припомнилось, как этот праздный, простертый в колыбели остов некогда посетил обсерваторию, где ему показали солнечную корону.

Инстинктивно устремила она взгляд на Сирила Грея, но смогла увидеть лишь как бы сокрытое зеленой вуалью сияние, окружавшее сферу Брата Онофрио, и поняла, что перед нею проекция части его личности. Его же самого не нашла она. Ему пристало быть в самом сердце всего этого, являть собою ось, на которой вращался этот мир, но она не чувствовала ничего, совсем ничего. Интуиция сказала ей с не терпящей возражений убежденностью, что его там нет.

Она принялась спорить с самою собой, дабы утвердиться в мысли, что часть его принадлежит ей по праву дара, но устремляя на него взор видела лишь непроницаемый покров. Она знала и понимала, что Бабочка еще не попала в Сачок, и неохотно с тем соглашалась; но отсутствие подле нее возлюбленного в это мгновение всех мгновений окутывало ее тайной ужаса, столь ледяной, что на какое-то время она

усомнилась в самом своем бытии. Луна предстала ей мертвой душой... Илиэль гадала, и гадала, и терялась в догадках.

Она бы устремилась на его поиски, обошла за ним всю вселенную, но, увы, никакие усилия были ей теперь недоступны. Она снова утонула в том восприимчивом состоянии, когда впечатления слетались к ней, будто пчелы к цветку, не бросая ни легчайшей тени на гладь сознания.

В этот миг телесные очи ее отворились. Действие это вернуло ее в тело, но материальный мир сумел удержать ее лишь на миг. Она увидела луну, и в центре ее — нечто крошечного размера, но бесконечной яркости. С быстротою охотницы это нечто приблизилось к ней, сокрыв от взгляда луну, и Илиэль узрела возвышеннейшую Артемиду, обутую в серебряные сандалии, с блистающим луком и колчаном, полным света. Вокруг нее скакали псы, и деве почудилось, что она слышит их радостный лай.

Меж землю и небом стояла богиня и взирала на нее, и взор ее искрился неистовой радостью. Она сняла перевязь и поднесла серебряный свой рог к устам.

Через всю беспредельность небес прокатился его зов и, повинуясь ему, сорвались звезды с престолов своих и поспешили к владычице и склонились перед нею. Что за блестящее общество собралось на эту охоту! Илиэль понимала, что перед нею боле не звезды, но души. Разве не сказал ей как-то Саймон Ифф: «Каждый мужчина и каждая женщина — звезда»? И поняв это, увидела она, что Артемида смотрит на них с почтением — о, даже с благоговейным трепетом! Не ради увеселения была та погоня, ибо обретший победу сам же был дичью. Каждая душа отмечена была абсолютным героизмом; себя приносила она себе в жертву, словно Один; девять ветреных ночей провисел он в космосе, собственным копьем пронзив себе бок. Что за прок в том, она не умела понять; впрочем было ясно, что каждый акт воплощения есть распятие. О, как она ошибалась, вообще полагая эти души охотниками; в этот миг ей казалось, что это она — она охотница! Словно во вспышке она увидела легендарную скалу-магнит, влекущую к себе корабли, исторгающую у них силою магнетизма гвозди и распускающую деревянные части, превращая в груды мятущихся по волнам обломков. Но видение промелькнуло и пропало; души двинулись

к ней. Она уже могла отличить их одну от другой по основному цвету лучей. Души приближались; Илиэль поняла, что лишь те из них, что обладали лунной природой, могли войти в сад. Прочие отпрянули и, показалось ей, затрепетали в удивлении, как если бы отторжение оказалось им в новинку.

Она стояла на террасе Луны рядом с Артемидою, созерцая тело Лизы Ла Джуффрии, покоящееся в своей колыбели. Мертвым было это тело, мертвым, как сама колыбель; не было в нем реальности. Все материальное не имело реальности — лишённые смысла скорлупки, геометрические абстракции, как объяснял ей в первую их встречу Саймон Ифф. Но это тело отличалось от других оболочек в одном отношении, ибо служило фокусом для поразительнейшего электрического явления. (Только в таких категориях могла она думать об этом.) Раскаленный добела конус сверкал перед нею. Ей была видна только верхушка, но она знала, что основание его — само солнце. Вокруг конуса играли и резвились причудливые формы, танцоры, обвитые усыпанными листвой лозами, державшие в руках самые разные предметы — игрушки и домики, и куклы, и корабли, и поля, и леса, и солдатиков в мундирах, и крошечных адвокатиков в париках и мантиях, и бесчисленное множество всяких повседневных вещей.

Илиэль созерцала, как души вступают в сияние конуса и принимают человеческий облик, и в изумлении видела среди них лики величайших представителей человеческого рода.

В пространстве, где проистекало видение, было нечто весьма примечательное: бесчисленные эти сущности пребывали в нем одновременно, но каждая стояла как бы отдельно от других, стоило сосредоточить на ней внимание. Образы не расплывались и не исчезали: каждая душа присутствовала равно в каждый момент времени.

У большинства не было почти ничего, кроме лиц, — не более чем завиток тумана, бесцельно вившийся вокруг. Некоторые, впрочем, представлялись более развитыми; казалось, они сумели обзавестись в придачу к первоначальной своей личности более или менее определенными формами. Что до тех, кого Илиэль сумела вспомнить из истории, — при них было как бы некое символическое изображение натуры человека и общего толка его жизни. Она видела несчастного

Максимилиана¹, некогда императора Мексики — слабое существо, сражающееся с чересчур напряженной для него средою. Он задыхался в собственных тенетах, страхась и остаться там, где был, и приблизиться к конусу.

Не в таком сильном затруднении был генерал Буланже², тоже, однако, страдавший от самых жестоких колебаний и недостатка решительности. Белый его конь снова и снова кидался к конусу, лишь затем чтобы поводья каждый раз быстро и нервно рвали его прочь.

Рядом с ним изящная девическая фигура³ купалась в искрящихся многоцветных волнах музыки; было, однако, видно, что они не излучались ею, но текли сквозь нее. Мужчина невысокого роста и с бледным лицом⁴ стоял подле нее, очень похожий характером на свое сияние; оно было холодней и тусклее и не таким чистым и сильным.

Тут все они расступились и пропустили загадочную фигуру⁵: самое незначительное лицо и облик; но его проекции заполонили собою все небеса. Сфера его была полна туманом, в котором Илиэль инстинктивно признала малярийный; то было, скорее, впечатление, чем видение, — бескрайняя грязная река, струящаяся через болота. Из головы этого человека, заметила она, подобно голубям, вылетали фантомы. Не индейцы и не сыны Израилевы, но было в них что-то от тех и других. Они вились, словно дым, над маленьким этим человеком. В руках у него была книга, которой он потрясал над головой; книгу же саму охраняла ангельская фигура с ликом, необычайно суровым и некрасивым, но черпающая полной мерой и рассеивающая всяческие блага жизни, детей и зерно, и золото. А за всем этим маячила великая толпа народу, а вокруг

1 Фердинанд *Максимилиан* Иосиф фон Габсбург (1832—1867) — младший брат австрийского императора Франца Иосифа, император Мексики с 1863 по 1867 год. Расстрелян республиканцами.

2 *Буланже*, Жорж Эрнест Жан Мари (1837—1891) — французский генерал, политический деятель и вождь антиреспубликанского движения.

3 Жорж Санд (примеч. автора); наст. имя — Амандина Аврора Люсиль Дюпен (1804—1876) — французская писательница, возлюбленная де Мюссе и Шопена.

4 Шопен (примеч. автора); Франсуа Фредерик Шопен (1810—1849) — композитор и пианист-виртуоз польского происхождения.

5 Джозеф Смит (примеч. автора); (1805—1844) — американский религиозный деятель, основатель Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов).

нее — символы изгнания и смерти, и преследований, и злоедающий хохот торжествующих врагов. Все они тяжким бременем ложились на плечи породившего их человечка. Илиэль подумалось, уж не ищет ли он воплощения ради даруемого оным забвения. И все же свет в его глазах был так чист, благороден и притягателен, что, быть может, в новом рождении видел он возможность исправить содеянные ошибки.

Теперь же ее внимание привлекла еще более благородная и — о да! — еще более фантастическая форма¹. То был царственный муж; глаза его сверкали энтузиазмом, подсвеченным едва ль не безумием. Творения его, как и у того, предыдущего, были какими-то смутными и невещественными. Не хватало им чистоты прорисовки. Но за все отыгрывались они блеском и экстравагантностью — изумительная игра мечтаний — но, увы, лишь мечтаний, Илиэль это ясно видела. Последней в этой компании была женщина², горделивая, нежная и меланхоличная. Благородное лицо ее светилось умом, но по горлу бежала алая линия, а очи затмевал ужас. Кровавый туман клубами поднимался вокруг нее. Но тут еще более пышное зрелище развернулось перед Илиэлью.

В этой группе не только сами люди, но и их сферы были четко очерчены и блистающи: прямое и направленное творение сияло здесь, уже не вторичные игры фантазии, перебирающей известные темы. И первым шествовал некто «с челом клейменым, обогранным»³, могучий человек, хотя и страдающий от увечья ноги, мужественный, геркулесоподобный, полный силы, но отмеченный печатью неистовой тоски. В вихре и реве шел он, будто бы от многих вод, и кругом него — многие мужи и жены, почти столь же реальные, как он. Волны (в которых Илиэль опознала музыку) ярились у его ног штормовым морем; и молнии, и громы, и опустошения следовали за ним.

1 Людвиг II Баварский (примеч. автора); Людвиг Отто Фридрих Вильгельм Баварский (1845—1886) по прозвищу «лунный король», был весьма эксцентричным человеком. Под конец жизни объявлен душевнобольным. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

2 Мария-Антуанетта (примеч. автора); (1755—1793) — королева Франции, супруга Людовика XVI, в 1793 году казненная революционером.

3 Байрон (примеч. автора); Джордж Гордон Байрон (1788—1824) — английский лорд и поэт-романтик.

Далее шел другой, в чем-то подобный, но не столь неистовый; вместо музыки мягкий свет, гармоничный и розовый, лился от него; руки были сложены на груди, голова поникла. Явствовало, что в поступке своем видит он святое таинство.

За ним показался сущий парадокс в человеческом облике¹ — крайняя жестокость и с нею невероятная кротость. Вечная война с самим собой! И в экстазе гнева он населил пространство мириадами сверкающих кипучих видений; и были они реальнее, чем у всех прочих, ибо кровью своею непрестанно питал он их. Свириное варварство и возвышенный гений, отталкивающая жестокость и необъяснимая низость, красота и безумие, и святость и самая любящая доброта; все это текло за ним, ликуя и вопия от страсти и полноты жизни.

Близко к нему стоял еще один²; весь — музыка, яростная, дикая, мистическая и по большей части меланхолическая. Волны музыки его походили на сосны в бескрайнем лесу, на всхолмья замерзшей степи; но лик его полнился тихого сияния, тронутого сожалением.

За ним насупился обезьяноподобный гном, словно бы весь охваченный лихорадкой³. В кортеже его теснились люди из разных краев: кроткие индийцы, свирепые малайцы, патаны и сикхи, горделивые норманны, смиренные саксы и множество хрупких женских фигур. Все они, подумала Илиэль, были чересчур самонадеянны, чтобы обрести сравнимую с прочими реальность. Сам же предводитель был даже в гордости своей слишком напряжен, слишком истомлен и неестествен.

И вот грядет чудеснейший образ — почти бог⁴, показалось ей. Возле него кружило облако костей, постоянно составлявших в прелестнейшие живые формы, превращавшиеся одна в другую, но непрестанно прибавляя в росте и величии. На обширном этом челе прочла она знание Единства Вещей, а в очах — радость несказанную, им даруемую. Но ненасытны были они, ненасытны, словно сама смерть; каждая толи-

1 Толстой (примеч. автора); Лев Николаевич Толстой (1828—1910) — русский писатель и религиозный мыслитель.

2 Чайковский (примеч. автора); Петр Ильич Чайковский (1795—1880) — русский композитор.

3 Киплинг (примеч. автора); Редьяр Киплинг (1865—1936) — английский писатель, масон и политик.

4 Гексли (примеч. автора); см. примечание 116.

ка великанской его силы устремлялась к какому-то новому достижению.

И вот еще один из сынов музыки¹. Волны сего мужа были сплошь пламень огненный, подобный змеям скрученным и ужасным. Словно сами небеса, казалось Илиэли, расселись пополам от этой муки. Волна шла на волну, и битву эту пожирала все новые клинки огня, рвавшие из него, когда мановением длани слал он сии батальоны на новую брань. Волны эти были к тому же населены фигурами колоссальными и трагическими; Электра привиделась среди них Илиэли и Саломея, иродиадиной дочь.

За ним в облаке ангелов с серебряными горнами шел некто² с высочайшим челом и пылающими златом очами. В нем само небо звучало гармоничнейшей музыкой и зыбкие формы клубились меж волн, словно рождающаяся из морской пены Венера. Вещественностью не обладали они, как и многие увиденные сегодня Илиэлю; слишком они были велики, слишком богоподобны для людей. Ни единого не было среди них, о ком повернулся б язык сказать: «Наполовину женщиной сотворенный, наполовину богом». И вот эти-то, исполинские и трагические, пламенные, с крылами и сандалиями из чистого света, окружали его и добивались его расположения.

И последним в сонмище этом — о, лишь немногие из видений занесены сюда! — узрела она величайшего из них всех³. С ликом неистовым и резким, но окутанным вуалью из-за нестерпимого блеска глаз, и с толстым шарфом, подобным облаку, вокруг рта, дабы громы слов его не погубили слух человеческий. Столь велик был муж сей, что фигура его закрыла небо; и создания его, шедшие подле, все сплошь были божественны — бесконечно величавее человеческих. Но были они людьми — такими патриархальными, такими могучими, что присутствие их едва не ошеломило Илиэль. На него не осмелилась она даже взглянуть. Даром обладал он, даром делать каждую вещь в тысячу раз больше естественного ее размера. Одно

1 Штраус (примеч. автора); Рихард Штраус (1864—1949) — немецкий композитор, представитель позднего романтизма.

2 Суинберн (примеч. автора); Алджернон Чарльз Суинберн (1837—1909) — английский поэт, декадент и романтик.

3 Блейк (примеч. автора); Уильям Блейк (1757—1827) — английский поэт, художник и мистик.

лишь слово услышала она от него, простой зов, обращенный к питомцу: «Тигр, тигр!» Но прыгнувшее к нему сквозь небесные кущи чудище оказалось таким громадным, что когти его были длиною, как от звезды до звезды. И он улыбался, и мириады крошечных деток цвели перед ним, будто едва народившиеся бутоны. И сей человек ускорил поступь свою, приблизившись к Илиэли; казалось, природа Великого Эксперимента была вполне ему введома.

Но всякая душа в этой блистательной когорте бессмертных, прикоснувшись к конусу, была сметена прочь, словно дробина, брошенная на стремительно вращающийся маховик. И тут-то ей стала понятна причина.

Верхушку ее конуса как бы обмакнули в серебро. Так бел был этот доспех и таким яростным жаром пылал, и так мощно биенье его вибрации, что она решила, будто это часть конуса. Илиэль поняла, что это и есть формула круга, и с болью, а вслед за нею внезапным гневом догадалась: именно она не дает ей соединиться с тем, что могло бы стать ее судьбою, обрести бжюстительство Шопена или Поля Верлена¹.

Но на лике Артемиды читалась радость триумфа. Последняя из душ растворилась во тьме. Человечество сделало попытку и проиграло: попытаться — его право, проиграть — судьба. Теперь настал черед избранных духов, признанных достойными войти во врата твердыни.

Легионы их спускались на террасу валькириями в серебряных доспехах или жрицами в сияющих белизною облаченьях, с завязанными на лбу кудрями, или королевами лесных краев, стремительными охотницами со сверкающими очами и летящими по ветру власами, или маленькими детьми, милыми и кроткими.

Но среди этих сонмищ чернели зловещие фигуры ведьм, согбенных и сморщенных — эти бежали во страхе при виде сияющего конуса. Было и множество животных форм: они, завидев конус, равнодушно отворачивались, словно бы не понимая, что это. Но вот остались одни лишь высочайшие и подобные видимостью человеку формы: они, казалось, пребывали в некоем замешательстве, непрестанно переводя взгляд с Артемиды

¹ *Верлен*, Поль Мари (1844—1896) — французский поэт, символист и импрессионист.

на конус и обратно. Илиэль почти слышала их мысли; то было детское недоумение: «Разве не понимаешь ты? Здесь опасно, очень опасно; зачем ты привела нас сюда? Ты же знаешь: коснуться конуса для нас — смерть!»

Илиэль понимала это. Давно уже души человеческие достигли совершенства, обрели истинный образ космоса, приняв формулу Любви и Смерти; снова и снова творили они великую жертву; ветеранами духовной мировой войны были они, и не желали себе ничего лучшего, чем вернуться назад, в траншеи. Эти же, другие, были неполные души, не достигшие еще человечности. Не понимали они, что дабы расти, нужно слиться с другим существом, чтобы смерть двоих дала жизнь одному, в котором двое снова оживут, прославленные и трансмутировавшие; и тленное облечется нетленностью. Да, для них воплощение было смертью; но не знали они, что в смерти той — жизнь. Не были они покамест готовы к Великому Приключению.

И так стояли они, словно лилии, высокие ростом, вокруг блистающего конуса Света, дивясь, сомневаясь, изнемогая. Но, наконец, явилась еще одна, выше всех прочих и печальнее ликом, и прекрасней чертами; одежды ее были грязны и испятнаны, словно бы от соприкосновения с другими цветами. И во мгновенном отвращении отшатнулась Артемида, и впервые заговорила она.

— Как имя тебе? — вскричала девственная богиня.

— Я — Малка из племени Серпов¹.

— В чем твое преступленье?

— Я люблю смертного.

И снова отпрянула Артемида.

— И ты тоже любила, — молвила ей Малка.

— Своих смертных возлюбленных я возвышала до себя; я не марала свою жизнь об их; я девственна перед Паном!

¹ Малка — «Царица» (др.-евр.); одно из имен сефиры Малкут, Земли, Дочери, в ерметической каббале символизирующей душу человеческую, которая, благодаря контакту со Священным Ангелом-Хранителем (представленным сефирой Тиферет), восходит на трон Матери (сефиры Бина), то есть, обретает божественность. Серп — традиционный символ Сатурна, астрологическо о соответствия сефиры Бина.

— И я тоже дева, ибо тот, кого я любила, уже мертв. Он¹ был поэтом и любил тебя превыше всех жен, «и восседала на престоле своем Царица-Луна и все звездные феи ее толпились вокруг»; одной из них была я и любила его, а он любил Тебя! Но прежде чем я успела хотя бы дать ему знать о себе, умер он во граде Марса и Волка. И сюда я явилась, взыскав жертвоприношения. Истомлена я бледной красою Леваны² и стану искать его даже ценою смерти. Я отвергаю нашу жизнь; я распинаю себя Богу, чье имя мы не дерзаем назвать. Я иду. Привет тебе и прощай!

Руки ее взлетели в неистовом жесте отречения; дева сделала шаг к конусу. Она не спешила, как было бы, если б за волей ее не стояло ничего, кроме импульса, и решительно прижалась персями к конусу. Затем с яростным пылом, словно бы стремясь одним ударом положить конец всему, она неистово кинулась прямо на пылающее острие.

В это мгновение Илиэль лишилась чувств. Она ощущала, что с ней что-то произошло, что-то величественное и потрясающее, и разум в безумии содрогнулся в ней. Но и теряя сознание, она продолжала созерцать последнюю фазу видения. Жертвоприношение Малки создало брешь в рядах амазонок Луны, и теперь их вместе с голубым туманом затягивало в себя вихрящийся водоворот. Все призванные силы втягивало в нее силою Малки, в смертной своей агонии овладевшей этой основой материализации. Как героично — и как самонадеянно! Ибо изо всех свойств, потребных для творения человеческого начала, лишь одним обладала она, за прочими же вынуждена была обращаться к тем остаткам родовой памяти, что еще оставались у нее. Среди людей будет она незнакомкою, созданием, лишенным осознанного опыта своей расы, подверженной всем ошибкам, какие только может причинить неполное видение жизни. Горе, о горе такой личности, если не пребывает она под водительством высших посвященных! И это Сирилу Грею предстояло хранить ее незапятнанной миром и искать применение силам, коими владеет она в превосходстве своем по праву происхождения от белого сияния Леваны!

¹ Китс (примеч. автора); Джон Китс (1795—1821) — английский поэт-романтик.

² Луна (евр.).

Пришедшая звать Илиэль Сестра Клара обнаружила ее все еще в обмороке. Деву отнесли в ее покои. К полудню она пришла в себя.

У ложа ее сидел Сирил Грей. К ее удивлению, он был одет в мирское платье, в лавандовую пиджачную пару.

— Ты уже видела газеты? — радостно вскричал он. — Неаполитанские энтомологи изловили редчайшую бабочку из рода Шедбаршамот Шартатан, вид Малка бе-Таршишим ве-Руахот ха-Шехалим!

— Не пори бред, Сирил! — лениво промурлыкала она, не вполне уверенная, не снится ли ей его внезапное явление.

— Я в совершенно здоровом уме, уверяю вас, дитя мое. Шалость удалась. Мы поймали нашу Бабочку!

— Да, да, — пролепетала она. — Но ты-то откуда знаешь?

— Да раскрой же глаза! — воскликнул он. — Включи свой мо... я хочу сказать, органы чувственного восприятия! Гляди!

Он махнул рукой в сторону окна, и она покорно повела туда глазами.

Ошибки быть не могло. Сад стоял совершенно обычен. Всякий след магической силы исчез как не бывало.

— Лучше и быть не могло, — изрек Сирил. — Мы не знаем, куда движемся, но мы точно на пути. И что бы такое мы ни поймали — мы его определенно поймали!

Мысль ее внезапно обратилась назад, к видению.

— Где ты был прошлой ночью, Сирил?

Мгновение он смотрел на нее и лишь затем ответил.

— Я был там, где пребываю всегда, — медленно произнес он.

— Я искала тебя повсюду в саду и в доме.

— А! Тебе бы стоило поискать меня в Доме Отца моего.

— Твоего отца?

— Полковника сэра Гранта Понсонби Грея, кавалера ордена святого Михаила и святого Георгия, кавалера ордена Звезды Индии, кавалера ордена Индийской Империи. Родился в 1846 году в Раунд Тауэр, графство Корк; образ. Винчестер и Баллиол; лейтенант Королевской Артиллерии 1868 г.; Индийский Политический Департамент 1873; в 1880 — м. Аделаида, единственная д. покойного Достопоч. Лорда Эшли Лавелла, сенат.; единственный с., Сирил Сент-Джон, см. резиденция, Раунд Тауэр, гр. Корк; Бартленд Барроуз, Уилт;

93, Арлингтон-стрит, У. Клуб. Карлтон, Атенеум, Тревеллерс, Хемлок и т.д. Увлечения: охота, трепать языком.

— Дорогой мой неисправимый мальчишка!

Он взял ее руку и поцеловал.

— Я буду теперь видеть тебя почаще?

— О, отныне и впредь мы все — простые смертные. Вопрос только в том, чтобы защитить тебя от происков Дугласа сотоварищи — задачка уж куда попроще, чем отгонять от тебя девять десятых мироздания! Помимо этого мы — превеселая компания друзей; только я буду видеть тебя естественным образом меньше остальных.

— Естественным образом?!

— Ну да, вполне естественным. Тебя надобно беречь ото всех беспокойств и треволнений; а если и есть на свете что-то более докучное и раздражающее, чем жена, так это муж! С другими тебе не о чем ссориться — особенно с Братом Онофрио: если ты попробуешь на нем эти штучки, он просто-напросто запустит смертоносный поток воли, под ударом коего падешь ты мертвой и бездвижной, пораженная без оружия, точно молнией!¹ Ба-бах!

Илиэль хохотала. Затем явилась Сестра Клара с остальным гарнизоном: мальчики и девы нагружены были завтраком и принадлежностями к нему. Ибо то был день праздника и триумфа!

И тут, обменявшись с ним рукопожатием, Илиэль вдруг обнаружила, что ненавидит Брата Онофрио!

¹ «... смертоносный поток <...> точно молнией»: завершающая формула присяги Неофита в Герметическом ордене Золотой Зари.

О ДОКЛАДЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОМ ЭДВИНОМ
 АРТУЭЙТОМ СВОЕМУ НАЧАЛЬСТВУ, И О СЛУЧИВШЕМСЯ
 ВСЛЕДСТВИЕ ТОГО СОВЕЩАНИИ; ТАКЖЕ
 О ЗАГОВОРЕ, ЗАТЕМ СОСТАВЛЕННОМ; С НЕБОЛЬШИМ
 ДИСКУРСОМ НА ТЕМУ КОЛДОВСТВА ВООБЩЕ

Допрежь аз измаливаю преклонения долу отитий Ваших во модусе сугубственно благоутробном, сиречь о василевсовом снисхождении как всенепременнейшем предварении. Понеже прагматики, дефиницирующие маргиналии моего сказания, ex Ventro Genesiaco ad umbilicum Apocalipticum, беху генетликачески бенедиктивны, во конклюдиях же — какоглафиотопичны! Смртопричиняющее делание зачиначось партенородоактилически, колофонировало же танататоскианкоморфически!

И пословный перевод:

«Допрежь (Прежде всего), аз измаливаю (я прошу) преклонения долу отитий Ваших во модусе сугубственно благоутробном (милостиво преклонить слух Ваш), сиречь о василевсовом снисхождении (то есть о царственном даре) как всенепременнейшем предварении (как об обязательном условии). Понеже (ибо) прагматики (факты), дефиницирующие (определяющие) маргиналии (пределы) моего сказания (моего рассказа), ex Ventro Genesiaco ad umbilicum Apocalipticum (лат. — от чрева Творения до пупа Апокалипсиса, или, по-простому, от начала и до конца) беху (были) генетликачески (псевдогреч. — сперва) бенедиктивны (благоприятны), во конклюдиях же (а потом) какоглафиотопичны (псевдогреч. — пошли через задницу)! Смртопричиняющее делание (Работа над убийством) зачиначось (началась), партенородоактилически (псевдогреч. — как розовые персты девы), колофонировало же (псевдогреч. — а завершилась), танататоскианкоморфически (псевдогреч. — приняв образ долины смертной тени)».

Такими поразительными словами начинался официальный доклад главного специального уполномоченного Дугласа. Было бы слишком нудно цитировать здесь целиком все четыреста восемьдесят восемь страниц этого фолио. Даже сам Дуглас его не прочел; сделанная Вескитом запись «пророчества» Абдул-бея и несколько сугубо практических вопросов к последнему сообщили ему все, что нужно.

По окончании аудиенции он отпустил Артуэйта сотоварищи, наказав пребывать в готовности на случай возобновления кампании.

Горьки и долги были раздумия Дугласа; ненависть его к Сирилу Грею питалась отвращением. Очевидным образом, споспешники его откусили кусок не по зубам. Видать, нужно было действовать лично — но он боялся, боялся открыто выйти на бой. Прошлый план его был подкупить или же обманом заставить кого-нибудь из лондонских шакалов от журналистской братии напасть на Грея — хотя тот даже не дал бы себе труда подать в ответ судебный иск.

Но сдаваться Дуглас и не думал. Внимательно и не без колебаний изучал он вескитовские записки, не понимая, насколько можно доверять пророчеству и зачем Вескит вообще решил умереть — а на этот счет молчал даже Артуэйт. Демоны, к которым он обратился за консультацией, отнесли к документу чрезвычайно благосклонно, но не сумели объяснить, каким образом можно ослабить твердыню изнутри.

Природа Греевой операции представлялась ему совершенно ясной; он прекрасно понимал, что слабейшим звеном в ней является Лиза, но как добраться до нее, не ведал.

До раннего утра пробыл он в этом мучительном состоянии; раздумья прервала супруга, возвратившаяся после жалких своих ночных трудов. Переступив порог, она, ни слова не говоря, положила на стол два франка.

— И это все? — проворчал Дуглас. — Весна на дворе, пора бы уже и по пять брать. Хотя куда там, ты уже не так смазлива, как раньше.

Свое приветствие он, по обыкновению, одобрил порцией низменных оскорблений. С другими ему редко случалось пустить в ход даже мягкую божбу — Дуглас страсть как любил величественные манеры; в отношении графини же он не упустил

случая грязью речи подчеркнуть глубину ее падения. Ему не было никакой надобности в приносимых ею подлых деньгах: в его распоряжении имелось с тысячу куда лучших способов раздобыть себе виски. Но на улицу он ее вышвырнул, как не всякий профессиональный сутенер решился бы. С крайне утонченной жестокостью Дуглас никогда не бил ее, чтобы она часом не подумала, будто он ее любит. Она была ему игрушкой, способом упражнять присущую ему страсть к мучениям. Для нее же он был любимым мужчиной.

Жалобно взмолилась она, уверяя, что холодный ночной ливень — а она была мокра поистине до нитки! — разогнал всех парижан с бульваров по кафе, и вдобавок испросила прощения за собственную непривлекательность, из-за которой супруг ее имел полное право застрелиться (ибо самый стыд кроет в себе искру мужества или воспоминание о матери, вечно живое в сердце мужчины).

Однако вместо этого поименованный супруг пообещал ей, что все немедля переменится, как только в Париж снова придет доктор Баллох.

В течение многих лет Дуглас систематически изводил и унижал жену, развращал, клеймил позором, и все же в ней до сих пор жило отвращение к преступлению. Но стоило ей сделать жест омерзения, как Дуглас вскочил на ноги, и пламя ада пылало в глазах его.

— Вот оно! — вскричал он. — Нашел! Отправляйся к себе на солому, смердящая шлюха. И поблагодари свои созвездья за то, что, не будучи украшением мира, принесешь ему хотя бы пользу.

Уже рассвело, когда Дуглас отправился, наконец, спать: великая его идея принесла с собою потоп вдохновения и миллион проблем с деталями. Горничная уже была наполовину одета, готовая приступить к дневным трудам; он велел ей принести ему последний виски, выпил и уснул.

Во второй половине дня он проснулся и послал Кремерс, которую без зазрения совести нагружал всякой тяжелой работой, телеграфировать Баллоху немедленно прибыть и привезти с собой некоего друга по имени Батчер.

Ранее Дуглас отказывался встречаться с этим человеком, чем-то вроде полубандита из Чикаго. Тот заправлял в Америке

фальшивым розенкрейцерским обществом и надеялся, что Дуглас даст ему власть над неуловимым долларом. Дуглас, однако, не нашел в нем никакой пользы; от своих неофитов он требовал, скорее уж, некоторой респектабельности; лишь на высших степенях его Ложи можно было обнаружить лиц с сомнительной репутацией. Это был важный пункт его политики. Теперь же Дугласу пришла на ум одна маленькая деталь касательно этого человека, которая настолько сочеталась с Великой Идеей, что присутствие его в Париже представлялось буквально ответом на молитвы.

Нанести Дугласу визит в жилище его было привилегией редкой, хотя и довольно подозрительной. Он никогда не пускал к себе никого, кроме тех, кто пользовался его высочайшим доверием; празднoлюбoпытствующей герцогине это место вряд ли показалось бы вдохновляющим. У него было еще два логова в Париже: ими он пользовался для двух разных типов посетителей. Дуглас не давал сведениям о своем положении в Черной Ложе распространяться за ее пределы, но значительную часть рыбной ловли брал на себя, особенно когда рыбка попадалась богатая или высокопоставленная. Ибо ручонки у его клеветов были загребушие.

Одним из логовищ были небольшие апартаменты в лучшем квартале Парижа. Здесь он слыл шотландским дворянином старой школы. Декор был роскошным, но отнюдь не кричащим: даже с предками он сумел не переборщить. Почетное место занимал предполагаемый клеймор Роб Роя¹. Дуглас претендовал, в частности, на то, что принадлежал к тому же роду, что и сей горец-разбойник, — посредством интрижки с кем-то из фейри. Другая претензия состояла в том, что он сам был Иаковом IV Шотландским, уцелевшим в битве на полях Флоддена², достигшим адептата, а с ним и бессмертия. Несмотря на мнимую — для профанов — несовместимость этих двух легенд, и ничего уже не говоря о полнейшей неправдоподобности

1 *Клеймор* — шотландский меч с длинной рукоятью и широким клинком, аще двуручный, был в ходу приблизительно в XIII—XVII вв.; *Роб Рой* — Роберт Рой Макгрегор (1671—1734), национальный герой Шотландии; также персонаж оубликованного в 1817 году романа Вальтера Скотта «Роб Рой».

2 *Иаков IV Шотландский* (1473—1513) — король из династии Стюартов, суруг Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII. Заключил союз с Францией против Англии и погиб в битве с англичанами при Флоддене.

каждой из них, обе эти версии были с жадностью проглочены теософской частью его последователей.

Итак, в этих апартаментах он принимал легковверный тип посетителей, на которых производили впечатление титулы. Никто не умел сыграть величие лучше этого старого негодяя.

Другая квартира напоминала, скорее, келью отшельника: крошечная хижина с хорошо ухоженным садиком, какие во множестве были раскиданы кругом Парижа в самых неожиданных местах.

Ему удалось произвести впечатление на старую леди, которая держала для него этот дом. Там он был простым старым джентльменом неизбывной святости, одиноким отшельником-анахоретом, утоляющим голод исключительно травами и бобами, а жажду — тем же, что и Праотец наш Адам. Долгие его отсутствия в священной обители объяснялись погружениями в божественный транс, в котором он, видимо, отправлялся отпустить грехи демонам. Конечно, сюда он навещался только с тем, чтобы принимать посетителей определенного рода, личностей возвышенных и при этом достаточно богатых и знатных, чтобы стремление к истине не носило для них обязательного характера, а также падких на простоту и праведность.

Именно по этому последнему адресу граф и пригласил к себе мистера Батчера, облачившись для этого в строгое и изысканное тонкое черное сукно и нацепив в петлицу розетку Ордена Почетного Легиона (которым и вправду был награжден).

Рядом с таким великолепием американец неизбежно сконфузился, однако, Дуглас прекрасно умел польстить нужному ему человеку, так что тот вскорости принадлежал ему со всеми потрохами.

— Горд и счастлив познакомиться с вами, мистер Батчер,— учтиво начал он. — Могу я попросить вас дать себе труд присесть? Сие седалище вполне достойно вас,— добавил он с улыбкою. — Оно некогда принадлежало Фридриху Великому¹.

Некто, одетый в парадное платье слуги шотландского кланового вождя, подал сигары и виски.

— Ей-ей, вот это виски так виски, граф! *Тут немудрено и снова зенки залить*, Джон, ну, хотя бы на сегодня. Видали,

¹ Фридрих II (1712—1786) — король Пруссии, один из представителей просвещенного абсолютизма.

на что мы способны! — и мистер Батчер удобно устроил ноги на столе.

— Это из частных погребов герцога Аргиллского¹, — тонко парировал Дуглас. — А вы, мистер Батчер? Знал я много лет назад графа Батчера. Вы с ним, часом, не в родстве?

О своем происхождении мистер Батчер имел самое смутное представление. Да и то потому, что мать его сломалась на перекрестном допросе.

— Без малейшего понятия! — отвечал тот, откусывая и выплевывая кончик сигары. — Мы, розенкрейцеры, охотимся за этим, как его, Питейным Золотом, да за длинным зеленым... ну, Камнем, не извольте беспокоиться. В Иллинойсе у нас предков нету.

— Но в магии эти материи чрезвычайно важны, — настаивал Дуглас. — Наследственность отвечает очень за многое. Я был бы весьма рад узнать, что вы из дорсетширских Батчеров, например, или даже из шропширской ветки. В обоих семействах второе зрение — это апанаж.

Тут беседу снова прервал горский слуга.

— Молю о прощении, милорд, — сказал он, сгибаясь в поклоне, — но прибыл его светлость, герцог Гэмпширский. Он просит вашей помощи в неотложном деле, затрагивающем семейную честь.

— Я занят, — бросил Дуглас. — Пусть изложит письменно.

С еще одним напыщенным поклоном слуга удалился.

— Должен извиниться за это беспокойство, — продолжал Дуглас. — Назойливость клиентуры бывает так утомительна. Это наш крест, один из них. Дерзну предположить, что и вам немало докучают по сходным вопросам.

Батчер был бы и рад прихвастнуть, что сам Дж. П. Морган² постоянно пытается занять у него денег, но не решился так откровенно блефовать при хозяине. Он и не догадывался, что Дуглас и сам отдавал должное этой приятной и прибыльной забаве.

¹ *Аргилл* (арх. Аргайл) — область в западной Шотландии.

² Джон Пьерпонт Морган (1837—1913) — американский финансист, банкир и коллекционер, один из монополистов сталелитейной и электрической промышленности своего времени.

— Но перейдем к делу,— продолжал Дуглас, вперив в своего гостя взор и пытаясь убедить себя, что его план уже принес в должное время свой драгоценный плод. — Чего вы от меня хотите? Откровенно говоря, вы мне нравитесь. Я давно уже наблюдаю за славной вашей карьерой. Все, что я могу для вас сделать,— просите и считайте, что оно уже сделано!

— Так это, граф,— отвечал мистер Батчер, сплевывая на пол,— курочки типа в клетке. Но если брать быка за сами знаете что, то я вроде как бы не прочь войти в долю.

— Я вас покорнейше прошу меня извинить,— заметил на это Дуглас. — Долгое пребывание в Париже почти лишило меня способности понимать родное наречие. Вы чего сейчас сказали?

— Ну, вся эта штука с Черной Ложей. Это же просто шик-блеск! Я так понимаю, это черт знает какая любезность с вашей стороны, но мне там в конце доллар подмигивает, так что старый док Батчер покупает билет в один конец и баста.

Дуглас сразу принял зловещий вид.

— Вы понимаете, о чем просите? — грозно прогремел он. — Да отдаете ли вы себе отчет, что тайн, столь несказанных и священных, негоже касаться дланям профанов? Пристало ли мне напоминать вам, что Те, чьи имена нельзя называть, и ныне сторожат у врат Бездны, востря клычья свои на Кубический Камень Неизреченного? О, вы, верховные священнослужители Святилища Несказанных Мерзостей! Услышьте же Кошунственное Слово!

Он говорил быстро и часто, к тому же на неизвестном Батчеру языке. Последний немало встревожился и даже убрал ноги со стола.

— Скажете тоже! — вскричал он. — Будьте человеком, граф! Все чики-пики, кобыла придет первой! Это ж честное предложение, богом клянусь!

— Я уже осведомлен о вашем рвении,— отвечал тот. — Но поистине беспредельная отвага потребна, чтобы противустоять тем устрашающим Сущностям, что ожидают во тьме дерзкого уже у Первых Врат Нисходящей Лестницы!

— Да знаю я про старика Цербера! Будь спок! Дайте мне верхнюю полку на Чикаго, Сент-Луис и в адову душу мать, если мы не возьмем эту кассу. Вы меня догоняете, Стив?

— Я так понимаю, вы упорствуете в своем соискательстве.

— Точняк. Сатана мне свидетель, а он вам не фраер.

— Я с превеликим удовольствием сообщу ваше имя Стражам Врат.

— И как глубоко мне вкапывать?

— Копать? Я что-то не догоняю вашей ремарки.

— Типа в мощну. Прикиньте зелень! Во что мне это станет? Оказаться в очереди за пособием?

— Плата за посвящение — тысяча франков.

— Думаю, это я как-нибудь осилю без того, чтобы столоваться в Чилдсе¹.

— Вы передадите указанную сумму казначею моего личного кошелька. Вот адрес. А теперь будьте так любезны подписать предварительный бланк представления.

Они перешли к бюро (Дуглас на всякий случай приготовился вскользь уронить, что оно из библиотеки Людовика XIV), на котором как бы невзначай валялись частное письмо от кайзера (если верить тисненному гербу и адресу) и записка, приглашающая президента Пуанкаре отужинать («в совершенно неформальной обстановке, дорогой друг мой»), которые Батчер не мог не заметить. Предварительный бланк представления являл собою документ, которому впору было сойти за торжественный пакт самого зловещего свойства; впрочем, Дуглас был выше всяких там шарлатанских подписей кровью. Батчер подписался обычным вечным пером.

— А теперь, мистер Батчер,— заявил Дуглас,— я в свою очередь попрошу вас оказать мне небольшую услугу.

— Валяйте! — сердечно отвечал мистер Батчер. — Ради вас я готов купить иллюстрированное издание О'Генри в девятнадцати томах!

Дугласу было невдомек, что американцы боятся книготорговцев пуще гремучих змей; однако, он догадался, что гость его, судя по всему, пойдет на любое разумное предложение.

— До меня дошли сведения, что вы являетесь священнослужителем Римской церкви — или некогда были им.

— Мое второе имечко — Петр,— признался «розенкрейцер»,— и веселого тут мало.

¹ Чилдс — основанная в 1889 году американская и канадская сеть заведений общепита экономического класса.

— Но — оставим на время в стороне номенклатуру, если позволите — вы действительно рукоположенный священник Римской церкви?

— Типа да. Все итальяшка поп Бенедикт¹. Ну, тут я их наколол, я ж из Миссури. Эти торгаши-мошенники хотели меня нагреть! Вот это был блеф, зуб даю! Будьте-нате, как три дня играть без продыху! Эти сиськи взяли мою лошадку по-честному. Не хухры вам тут мухры!

— Вас отлучили от служения вследствие некоего скандала?

— У меня был славный бордельчик на стороне; ну, они и лишили меня прав за превышение.

— Ваш епископ счел оскорбительной вашу деловую деятельность, которую счел несовместимой с принесенными вами обетами?

— Келли, типа да.

— Ах, епископ Келли. Как же, как же, приверженец, я бы сказал, весьма строгой дисциплины. Но вы все еще священник? Ваш сан пока действует? Совершенные вами крещение или брак имеют силу?

— Верное дело! Гарантийный трест «Аллилуйя», улица св. Павла. Контора между Каином и Авелем, как будете в наших краях, заходите.

— Тогда, сэр, я попрошу вас о любезности быть в немедленной готовности окрестить двоих лиц послезавтра ровно в девять вечера. За этой церемонией последует другая, во время которой вы их обвенчаете.

— Пришкандыбаю как пить дать!

— Могу я положиться на вас в этом одолжении?

— Приеду даже на каталке!

— Относительно транспорта, мистер Батчер, поступайте, как вам вздумается, но молю вас прибыть в точности ко времени и в облачении согласно канону.

— По такому случаю выкопаю с ледника камилавку.

После обмена еще несколькими любезностями в том же духе новый дугласов аколит изволил удалиться.

Тот же самый вечер стал свидетелем еще одной беседы, совершенно не похожей на эту.

1 Видимо, имеется в виду Бенедикт XV, римский папа с 1914 по 1922 гг.

Саймон Ифф развлекал разговором приехавшего отужинать лорда Энтони Боулинга; разумеется, они вскоре свернули на излюбленный предмет старого мистика — Путь Дао.

— Ввиду того, то вы говорите о необходимости иметь с медиумами дело на их территории,— говорила принимающая сторона,— позвольте упомянуть о некоем имеющемся в магии парадоксе. Помните то место в Писании, где в двух практически следующих друг за другом стихах советуется отвечать безумцу по безумию его, а затем сразу же вовсе не отвечать ему? Это библейская версия истины, которую мы формулируем несколько по-другому. Есть два способа иметь дело с оппонентом. Первый — побить его на его же собственной территории; второй — удалиться на более высокий план. С огнем можно бороться огнем, а можно — водой.

Грубо говоря, магия легитимна для разрешения сложной ситуации обоими этими способами. Измени ее или подними уровень выше. Черный маг или, как я предпочитаю его называть, колдун, ибо не след профанировать слово «магия», неизбежно падает на более низкие планы. Возьмем для аналогии совершенно конкретный случай банковского кассира.

Допустим, сей джентльмен находит свою заработную плату совершенно не соответствующей расходам. Он может начать экономить, то есть, перейти к такому модусу жизни, при котором деньги в подобных количествах будут ему не нужны, либо же погрузиться с головой в дела и работать день и ночь на повышение жалования. Третьего пути человеку, обладающему самоуважением, не дано. Личность колдовского типа в свою очередь обратится к низшим планам добывания денег. Она начнет с азартных игр, а потерпев неудачу в них, перейдет к еще более подлым способам хищения. Вполне вероятно в конце концов она попытается покрыть растраты, укокошив собственную мать ради страховки.

Обратите при этом внимание, что по мере снижения плана страхи ее лишь растут. Поначалу нашему колдуну всего лишь досаждают кредиторы; на следующем этапе он боится, что его обжулят партнеры по игорному столу; затем уже полиция слоняется перед его мысленным взором, затмевая ужасом рассудок; и вот, наконец, мрачная фигура палача грозит ему из недалекого будущего.

— Как вы мило это отхогартировали¹, — отозвался лорд Энтони. — Напоминает тот известный факт, что привычка врать неизбежно приводит к невразумительнейшей глупости. У нас, в военном министерстве в прошлом месяце был один случай, связанный с поставкой кое-каких мехов. Как вы знаете, котики обладают весьма ценным мехом. Мех кролика менее ценен, хотя и на первый взгляд похож. Так вот в торговом обороте нецелесообразно называть кролика кроликом — это звучит дешево и гадко, так что все пользуются respectableм письменным «мех под котика», убивая тем самым сразу двух ушастых — Благочестие и Прибыль. Изловив вашего кролика, вы его готовите так и сяк, пока он не начнет смахивать на котика. И вот у вас имеется крашенная кроличья шкурка, которую вы гордо и пока еще честно именуєте «кроликом под котика». Но есть целая сеть переулочков, уводящих нас все дальше и дальше с узкой дороги истины. Повышение спроса на кроликов привело к падению прибыли от кроликов под котика, так что возникла надобность отыскать что-нибудь на замену и притом подешевле. Рискую смертельно оскорбить древних египтян, мы нашли спасителя в лице некоего одомашненного младшего отпрыска львиного семейства, служащего утешением нашим благородным старым девам. Замаскировав шкуру до полной неузнаваемости, мы сталкиваемся теперь с задачей замаскировать и имя. Из покупателя нужно вытянуть стоимость кролика под котика и, более того, заставить его думать, что он именно его и получает; в итоге «кошка» непринужденно превращается в «промыслового кролика под котика», и если только вы не в курсе всей истории, проследить происхождение таинственного незнакомца не представляется возможным. Ложь становится просто не вполне корректным наименованием.

— С англо-саксонским лицемерием всегда так, — согласился Саймон Ифф. — Намедни у меня был прелестный пример в статье, которую я писал для «Ревью» — излишне стыдливые граждане, надо вам сказать. Мое эссе завершалось словами: «Так Наука подставляет девственную свою главу ласке Магии». Редактор счел термин «девственная» чересчур «наводящим на всякие размышления» и заменил его на «девическая».

¹ *Хогарт, Уильям* (1697—1764) — английский художник, автор сатирической графики на «современные моральные сюжеты».

— Вы мне напомнили нашего гримторпского vicария, Амброзия. У него «нога» много лет была не совсем приличным словом; когда возникала совсем уж нестерпимая надобность ее упомянуть, вежливый осел говорил «член телесный».

Более того, вследствие утонченной своей чувствительности vicарий прекрасно понимал всю неделикатность поминания члена, раз уж все знали, что имеется в виду нога, так что он время от времени пытался дополнительно упаковать ее в какую-нибудь благопристойно-туманную латынь. Впрочем это его не спасало. Как-то сей достойный муж отказался идти играть в крокет на том основании, что давеча, посещая старую миссис Послтуэйт, жестоко растянул себе член.

— Что за злосчастное падение в самолично выкопанную яму, — сокрушился Ифф. — И снова все сказанное вполне применимо к магии. Вопрос в девальвации понятий. Я, надо вам сказать, чрезвычайно симпатизирую индийским аскетам и их монашествующим подражателям в Европе. Они придают высшую ценность духовным дарам и посвящают все свои низшие силы развитию высших. Разумеется, не обошлось без ошибок; следуя принципам, они зашли слишком далеко. Им хватило глупости начать вредить своим низшим силам неуместными постами, бичеваниями и даже прямым самокалечением. Они вбили себе в голову ложную идею о том, что тело им враг, в то время как оно — слуга, и притом единственный имеющийся в наличии. Но идея-то была правильная: они пытались обменять изгарь на золото. А вот колдун ничтоже сумняшеся меняет золото на изгарь, пытаясь продать свои высшие силы за деньги или удовлетворение какой-нибудь мести или ревности. Христианский ученый¹, абсурдно так именуемый, есть колдун низшего сорта, ибо предает все сокровища религии за укрепление физического здравия. И это тем более глупо, что, по его же основному догмату, тело есть не более чем иллюзия.

— Справедливо ли будет предположить, что обыденная жизнь пребывает где-то посередине между этими двумя крайностями? Человек благородный ставит свое материальное богатство на службу возвышенным целям — продвижению науки, искусства или еще каким-нибудь истинным идеалам,

1 Т.е. последователь «Христианской науки», см. примеч. 2 на стр. 214.

а низменный делает совершенно противоположное и сосредоточивает все свои способности на накоплении богатств?

— В точности так. В этом и состоит подлинное различие между художником и буржуа, или, если предпочитаете, между джентльменом и хамом. Деньги и все, что можно за них купить, не имеют ценности, так как здесь речь идет не о творении, а только об обмене. Дома, земли, золото, драгоценные камни, даже уже существующие произведения искусства можно передавать из рук в руки; да так оно постоянно и происходит. Но ни вы, ни я не в состоянии написать сонет, а то, что у нас действительно есть — наше чувство искусства, восприятие прекрасного — мы не купили за деньги. Мы получили в наследство завязь и выпестовали ее, вскормив собственным потом и кровью. Обладание деньгами немало нам помогло, но лишь тем, что дало нам свободное время, возможности и средства на путешествия. Принцип, как бы там ни было, вполне ясен: низшее нужно принести в жертву высшему, но прежде хорошенько откормить и разукрасить его, как мудро поступали греки со своими быками, ибо так жертва получится куда лучше.

— А что будет, если пойти по другой дорожке?

— Если продать золото за свинец, ты станешь беднее. Колдун продает душу за деньги, затем тратит деньги и обнаруживает, что больше ему нечего продавать. Вы обращали внимание, что христианские ученые редко когда отличаются крепким здоровьем? Они отдают свои духовные способности за довольно-таки фантастический стандарт физического благополучия, и получается, что силы, достаточно хорошо заботившиеся о теле без их глупого вмешательства, вдруг оказываются истощены и заменяны по мелочам. Я ежедневно молюсь о великой войне, которая выкорчует подлый страх смерти и бедности из умов этих жалких тварей. Смерть должна быть — как в Средние Века и даже в еще большей степени в языческую эпоху — достойной наградой и кульминацией жизни, которую не боялись ставить на кон ради благородных целей; а бедность — святым и благословенным состоянием, что пристало лишь высочайшим и счастливейшим из умов, и только им одним.

Но вернемся к нашему барану — я имею в виду, к колдуну. Не то чтобы я много против него имел, но он выбирает продавать свой меч за золото. Варвар, если у него есть меч,

естественным образом пускает его в дело, чтобы это золото себе вернуть. Иными словами, дьявол, сторговав душу за деньги, все равно возвратит их себе, так как колдун станет тратить полученные средства на его, дьяволовой, же службе. На следующей стадии колдун прибегает уже к преступлению и тем самым объявляет войну всему человеческому роду. Для достижения своих целей он пользуется вульгарными и грубыми средствами, а ценой за них может оказаться уже свобода. И наконец, в последней отчаянной попытке вернуть себе все одним ударом, он может потерять и самую жизнь. Когда я был помоложе и понеопытнее, у меня случилось множество битв с колдунами. Каждая из них заканчивалась в то мгновение, когда мистер Колдун преступал закон. С того мгновенья он сражался уже не со мною, но с консолидированной волей человечества. Нападать на меня у него времени уже не было — тут бы волнолом успеть построить.

И снова это приводит на память мои дела. У нас есть один юный друг, так вот, он сейчас в совершенно безвыходном положении: за ним охотится худшая на свете банда демонов. Я все задаюсь вопросом, не поступил ли я неправильно, в такой степени предоставив его самому себе. Я просто хотел, чтобы все лавры достались ему, — он еще достаточно молод, чтобы желать их.

— Думаю, я знаю, кого вы имеете в виду, — с улыбкой заметил лорд Энтони. — И, скорее всего, вам не о чем беспокоиться. В жизни не видал никого, способного лучше позаботиться о себе.

— Это все хорошо, но в сей самый момент он находится в страшной опасности. Он навлек на себя величайший возможный риск и одержал победу. Но то были лишь аванпосты; враг ныне собирает силы — конница, пехота и артиллерия — алчущий возмездия, отчаянно страшщийся пробудить изначальную ненависть. Увы, в плане кампании мальчик сделал ряд фундаментальных ошибок.

— Так и Наполеон ошибался! Йена¹ стала результатом его собственных неуклюжих просчетов — как, до некоторой степени и Аустерлиц. О, не беспокойтесь! Чем они больше, тем

¹ Сражение при Йене и Ауэрштедте (октябрь 1806 г.) — битва наполеоновской армии с прусскими войсками.

громче падают, как говорил ручной боксер моего отца. А теперь пора убегать: у меня сеанс с дамой, которая материализует демонических опарышей. Не забудьте занести мое имя на скрижали мучеников!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Весна собрала многоцветные покровы свои и широко раскинула их по окрестностям неаполитанского залива. Се величайшая сила природы, ибо в горне ее слышны зовы творения. Именно она — наместница Всеотца, и от духа Своего наделил Он ее тройною сущью.

В южных краях ты чувствуешь грядущий приход весны еще до того, как Равноденствие распахнет врата перед победоносными армиями ее. Легковооруженные легионы текут сквозь бреши в редутах зимы, и кличу ее из глубочайших подземелий души вторят те, кого она явилась освободить.

Но в руках у нее один лишь меч и ничего более. Она — возмутительница равновесия, в котором упокоился умирающий год после долгих радостей своих и агоний. И так же с душой: в тихий ее покой вторгается весна в набатном звоне, трубя тревогу. Душа, подобная илиэлиной, от природы склонная принимать любое влияние, множить его и превращать в действие, особенно чувствительна, сама того не зная, к космическим силам, пребывающим в сродстве с внутренней ее бурностью.

В самые праздные свои времена Лиза Ла Джуффрия отправилась бы и в Китай, дайте ей самый малейший повод и час на сборы (чтобы не успела подумать).

Она могла взять себе любовника или бросить его по дюжине раз за год и чрезвычайно удивилась бы и возмутилась, если бы кто-то посмел назвать ее вертихвосткой. Она совсем в том не лицемерила, но верила до самой глубины своей души, что каждый сиюминутный импульс и был Истинной Волей всего ее существа. Как-то в канун Рождества в «Савое» невинная беседа ее с Лавинией Кинг запустила круговорот

бедствий, захвативший весь Лондон. Лиза мгновенно увлекла все честное собрание на улицу, прихватив весь фонд серебряной мелочи, имевшийся в распоряжении отеля, и ринулась на набережные спасать безработных. В тот вечер Лиза сыграла роль эдакого супер-Шефтсбери¹; она на гора выдала с дюжину планов, как выкорчевать проблему бедности от корней до самой макушки одним махом. На следующее утро портиха застала ее по уши в калькуляциях.

Однако тут как раз случилась новая мода, и с тем же пылом Лиза погрузилась в разработку совершенно космополитических схем реформы женского платья.

Для личности такого типа не нашедший удовлетворения импульс чреват почти что крушением души. Илиэль уже открыто негодовала из-за ограничений, на которые обрек ее собственный же выбор. Никогда доселе не была она матерью, и теперь все то, на что она оказалась физически неспособна из-за своего положения, раздражало ее — и прежде всего из-за самой своей непривычности.

Волнение Охоты за Бабочками поддерживало Илиэль в бодрости, а окружавшие ее странные коллизии помогали переносить испытания. То, что она оказалась замковым камнем столь величественной арки, призванной соединить землю и небеса, немало льстило тщеславию Илиэли. Новые обстоятельства и ослабление с недавнего ее напряжения разом сокрушили всю ее экзальтацию. Эксперимент закончился — ну, так и заканчивался бы, но нет, ей предстояло еще много месяцев откровенной скуки, и ничто не укрепит ее на этом пути, кроме соображений обычного человеческого долга. Лиза была из тех, кто, повинувшись мгновенью, принесет любую жертву, отдаст последнюю рубашку, лишь бы помочь другу, но при этом совершенно не способен каждую неделю аккуратно выписывать чек на пустячную сумму, сколь бы важна ни была цель.

А март и апрель не принесли ей ничего, кроме запнувшихся на скаку, не обретших удовлетворения импульсов. Сама продиктованная соображениями безопасности необходимость оставаться под защитой круга, была ей отвратительна.

¹ Видимо, имеется в виду Энтони Эшли Купер, 7-й граф Шефтсбери (1801—1885) — знаменитый политик и филантроп викторианской эры.

Но неведомо для нее самой воли бдительных ее стражей держали Илиэль в полном подчинении.

Луна в астрологии, помимо прочих ее толкований, означает также «простых людей», покоряющихся (сами не понимая, почему) любой независимой воле, которая сумеет выразить себя с достаточной энергичностью. Толпа, гильотинировавшая мягкого и умеренного Людовика XVI, с радостью отправилась умирать за Наполеона. Подлинная демократия невозможна именно из-за этой психологии толпы. Как только люди объединяются в группу, они утрачивают индивидуальность. Состоящий из мудрейших и сильнейших мужей нации парламент склонен вести себя, как банда школьников на перемене, переворачивающих парты и швыряющихся друг в друга чернильницами. Для сотрудничества есть один-единственный шанс, и заключается он в дисциплине и автократии, которую люди, бывает, устанавливают во имя равных для всех прав.

Ныне Илиэль представляла собою лунный микрокосм, и все ее возмущения либо обращались в энтузиазм своевременно сказанным Сестрой Кларою или кем-нибудь из других словом, или же оставлялись совершенно без внимания. Народ — долготерпеливое бессловесное животное, ишак, покорно гнувший спину под тяжким бременем, и для того, чтобы возроптать, ему нужно не просто невыносимое обращение, но и указующий выход вождь. Все импульсы Илиэли были бесцельны, негативны по своей природе — скорее, идеи побега и избавления, чем хотя бы намеки на некую определенную программу. Ей хотелось выпрыгнуть из поджаривающей ее сковородки; она не боялась огня, но и не имела никакого понятия, что станет делать, когда в него попадет. Никакие фантазии о других возможных вариантах будущего не посещали ее; одни лишь беспокойные, несносные муки морфиниста, отлученного от своего снадобья, снесли душу Илиэли.

Она была, так сказать, местом, где дуют сразу все четыре ветра, а такие места опасны для кораблей, не имеющих внутреннего движителя. Потерявшим мачты, покинутым командой баркасом болталась она на буксире у Сирила Грея, и канат любви, привязывающий ее к нему, скреплял ее скрипящий, измученный остов.

Первым свидетельством этих, пока еще весьма неопределенных чувств стало возросшее ее неблагоразумие. Повинуясь суровой дисциплине церемониала, она была слишком хорошо вышколена, слишком поглощена своей задачей, слишком подвержена прямым влияниям призванных сил, чтобы ощущать или выражать какое бы то ни было стеснение или принужденность. Ныне же сама необходимость поддерживать элементарную гигиену вызывала у нее все большее раздражение и недовольство. Точно такие же явления характерны и для демократий: лучше всего они себя чувствуют, когда их как следует страшат и изводят.

Раз или два она устраивала Сирилу сцены, однако, по молодости тот оказался достаточно бестактным, чтобы не только не разозлиться, но и извинить вспышки ее деликатным положением. Такое отношение женщин Лизиного типа глубоко оскорбляет: гнев продолжает тихо и удушливо тлеть в них. И ссора, и ласка утроили бы ее страсть к нему. «Что за прок быть китайским божеством,— могла бы резонно спросить Лиза,— если ты отказываешься ублажать своих почитателей китайскими пытками?»

И все же главной манифестацией новой ее моральной нестабильности стала череда причуд.

Причиной их до некоторой степени было, без сомнения, ее физическое состояние, но умственное напряжение подняло эту тенденцию на недостижимые высоты, словно ледник, стиснутый и выпученный между двумя горными хребтами. В этом мире, увы, непременно нужно быть сделанным из чего-то потверже, чем окружающая среда. Но у Илиэли не было ни малейших амбиций к какому бы то ни было действию — она просто работала зеркалом и полагала своей волей простую реакцию на внешнее впечатление. И вот она принялась насаждать среди терпеливых своих пастырей разнообразные фантазии: сегодня ей жалалось непременно одеться странно и причудливо; завтра она хотела масок или шарад. Но все эти забавы не доставляли ей истинного удовольствия. Сирил Грей усердно шел навстречу всем ее желаниям. От изощренных ограничений второй стадии эксперимента осталось всего два запрета: она не могла быть чрезмерно близка с ним и не имела права в какой бы то ни было форме сообщаться с внешним миром.

Иными словами, и цитадель, и бастионы содержались в полной боеготовности. Между ними оставалось довольно места для маневров и прихотей. И все же она не знала довольства: как раз эти две запретные вещи и преследовали ее пуще всего. (И вообще, змея в историю о грехопадении вставили гораздо позже!) Бессознательное стремление нарушить правила вылилось в неприязнь к тем, кто воплощал для нее их незыблемость — а именно, к Сирилу Грею и Брату Онофрию. Лихорадочный ее разум тем временем уже начал объединять эти независимые объекты под эгидой общего отвращения.

Вылилось это в безумную ревность к их совершенно естественной и необходимой близости. Бывало, когда мужчины сидели, загорая, на стене одной из террас, она в ярости мчалась к ним через сад с какой-нибудь глупой историей, и Брат Онофрио тщетно старался скрыть досаду. Он старался извлечь из общения с более продвинутым адептом все, что только мог, и потому врожденное священническое презрение к женщинам уже начинало прорываться сквозь толщу хороших манер. Превосходное терпение Сирила доставляло ей еще больше страданий.

— Ты мне любовник или дедушка? — в сердцах крикнула она ему как-то ночью, когда он выказал еще большую, супротив обычного, тактичность.

Если бы все этим и ограничилось, ей уже было бы достаточно плохо. Но разум человеческий — поистине странный инструмент. «И для самых ленивых рук Сатана найдет занятие», — вот вам великолепный образчик психологической точности. Илиэль было решительно нечем занять свой разум, ибо никто никогда не учил ее сосредоточивать поток мыслей на чем-нибудь одном в ущерб всему остальному. Страсть к вязанию не одну женщину спасла от улицы, а то и от холодных речных вод. И подобно тому, как в болотной трясине образуется метан, а блуждающие огоньки увлекают ни в чем не повинных пейзажистов навстречу илистому их фатуму, так и в праздном уме плодятся и множатся чудища. У Илиэли началось настоящее умственное расстройство, принявшее форму мании преследования. Она принялась воображать, будто Сирил Грей и Брат Онофрио строят против нее некие таинственные козни. Просто чудо, что все в доме обладали медицинской квалификацией и опытом

(и как раз с психологической специализацией) и отлично знали, как с нею в этой связи обращаться.

Но в конечном счете самое это знание стало опасным. Необычайные способности сознания (конечно, направленные лишь в определенные и весьма ограниченные стороны), которые безумие часто на время пробуждает в своих жертвах, позволили ей быстро понять, что состояние ее ума считают критическим. Эту ситуацию она сочла объявлением войны, а не честным дружеским сотрудничеством, и принялась маневрировать, чтобы перехитрить своих противников. Те, кто сталкивался на своем пути с безумием или с его родственником, наркотическим неврозом, знают, как адски проста эта задача. О, сколько несчастных женщин, прижимая к устам платок и истекая слезами, исповедовалось специалисту и молило его избавить их от пагубного пристрастия к виски, и ничтоже притом сумняшеса заглывали под этим самым платком с добрую пинту указанного напитка.

Илиэль заметила те состояния ума, которые ее сторожа считали благоприятными, и попросту симулировала их. Мирная растворенность в природе, особенно созерцание луны во всем ее блеске, особенно их радовало. Илиэль предавалась этим занятиям, прекрасно зная, что никто ее в них не потревожит. Заручившись же этой защитой, она открывала свой разум самым ужасным мыслям.

Фактически, то были помыслы безумца. Просто поразительно, как подчас самые безвредные состояния ума, самые верные мысленные ходы идут рука об руку с опаснейшим помрачением. Разница только в том, что безумец хранит свои фантазии в тайне. Истории лорда Дансени¹ — прекраснейшие драгоценности прозы, ограненные и отполированные с великим мастерством, пронизанные лучами воображения, которое есть во всем богоподобный сын Отца Всей Истины и Света; но если бы он держал их про себя, они превратились бы в симптомы неизлечимого повреждения мозга. Сумасшедший станет скрывать даже Ужасную Тайну, что «нынче среда» — возможно, это «дьявол ему сказал так

¹ Эдвард Джон Мортон, 18-й барон Дансени (1878—1957) — англо-ирландский писатель и драматург, издававший свои работы в жанре фэнтези под псевдонимом «лорд Дансени».

сделать». «Я — Тот, кто есть Истина», — похвалялся великий мистик Мансур¹, и его побили за это камнями, как побивают всех, кто изрекает истину; но скажи он: «Цыц! Я есмь Бог», — его посчитали бы просто маньяком.

Итак, Илиэль обзавелась привычкой проводить большую часть дня в своей колыбельке и тешить там свой разум всевозможными ужасами. Самый факт, что она никак не могла перейти от них к действию, делал ситуацию много хуже. Фатальная ошибка — дать любому естественному импульсу, физическому либо ментальному, застояться. Сокрушите его, если вам того надо, и покончите с этим; удовлетворите его и исключите из рабочей системы; но не позволяйте ему остаться в ней и загнить. Подавление нормального полового инстинкта, к примеру, принесло тысячу зол. В пуританских странах неизбежно сталкиваешься с болезненной одержимостью сексом на пару со всевозможными формами извращений и вырождения. Пагубное пристрастие к выпивке или к наркотикам, практически неизвестное в латинских странах, тем паче усиливает испытываемое нами перед англо-саксонским характером восхищение.

И вот застойные воды разума Илиэли начали порождать кошмарные вещи. Час за часом пышная процессия недужных помыслов шествовала через мрачные пучины ее хаотического духа. Призраки принимали перед ней формы, то соблазнительные, то угрожающие; но даже самые зловещие и жестокие символы яростно влекли ее к себе. Был среди них жук-олень с пламенеющими глазами — тварь размером со слона, с пребывающими в непрерывном движении когтями, угрожавший ей с завидным постоянством. И неистово его боясь, она так же неистово им любовалась, рисуя в воображении, как внезапно погружает он эти страшные жвалы ей в бока. Самая ее новообретенная толщина служила ей источником странного извращенного наслаждения. Одной из излюбленных грез ее было представлять себя в окружении каннибалов и наблюдать, как отрубают они от ее тела большие шматы плоти и варят их в котлах или жарят на вертелах над огнем, и кровь и жир шипят и капают в огонь. В каком-то безумном или же атавистическом смятении рассудка видение это всегда распознавалось

¹ Шейх Абу Абдуллах ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж (858—922) — исламский богослов и мистик, первый мученик суфизма.

ею как любовное. Какой-то заднею мыслью она теперь понимала, почему суффражистки провоцируют мужчин применять к ним насилие — то подавленный половой инстинкт прорывается на поверхность сознания в виде памяти поколений о взятии в жены силой.

Но еще опаснее даже этих идей были многие другие — их она научилась объединять под именем, что дала одна из них. Имя это — не из тех, что можно запечатлеть буквами какого-то из алфавитов; оно походило на короткий легкий кашель, не больше чем звук прочистки горла; совершенно добровольный такой кашель извиняющегося типа. Илиэли довольно было издать этот крошечный звук, и тут же перед нею раскидывался некий пейзаж. Она шла по узкой белой ленточке тропы, вившейся вверх по пологому склону холма. Обширные каменистые осыпи простирались по обе стороны от нее, с редкими пучками травы и жидких кустарников, выглядывавшими среди камней. Тропка вела в ложбину между двух холмов, а ближе к верху гряды высились две башни — по обе стороны пути, как бы охраняя его. Приземисты и мерзки на вид были эти башни, лишенные окон; только стрелковые бойницы прорезали сумрачный камень, и не было в них ни следа обитания. И тем не менее она знала, что Нечто живет там, и ощущала страстную муку приблизиться, увидеть это, кто бы или что бы это ни было. Луна — вечно на ущербе — ярко сияла над догорой, но свет ее едва озарял узкие эти пределы. Бледные тени различала она на осыпях: кажется, там рыскали твари, подобные шакалам или гиенам, ибо она слышала вой и хохот, перемежавшийся яростными рыками и воплями, словно бы битва шла «в жестоком этом кругу». Но ничто не пересекало тропу, и она шла вперед с ощущением поразительной легкости и блаженства. Илиэли хотелось достичь башен, но путь ей всегда преграждала Старуха.

На крутом повороте тропинки, огибавшей гигантский валун, являлась ей эта фигура, выступая из расселины в каменном лике его. В первый раз Илиэль сама обратилась к ней со словами приветствия, и спросила, не нужна ли ей помощь. Ибо Старуха сидела на земле, занятая тяжелой работой.

— Может, я вам помогу? — промолвила Илиэль. — Что бы вы там ни делали.

Горько вздохнула Старуха и сказала, что пробует разжечь огонь.

— Но у вас же нету хвороста.

— Мы никогда не берем хворост, чтобы разжечь огонь.. в этих краях.

Последние три слова прозвучали распевом.

— Тогда что же вы жжете?

— То, что круглое; то, что красное; то, что крепкое... в этих краях.

— А как вы его разжигаете? У вас есть спички, или вы трете палочки одну о другую, или ловите солнечный луч через увеличительное стекло?

— Тише ты! Нет тут ни фосфора, ни палочек, ни солнца.. в этих краях.

— Так откуда же вы берете огонь?

— Нет здесь огня... в этих краях.

— Но вы же сказали, что разжигаете огонь!

— Пробую разжечь огонь, моя милая; мы все пробуем и никогда не получается... в этих краях.

— И как давно вы уже... пробуете?

— Нет здесь времени... в этих краях.

Илиэль уже наполовину загипнотизировали эти монотонные повторяющиеся отрицания и особенно последние слова Старухи. Она вступила в игру.

— Что ж, Старуха, есть у меня кое-что круглое, красное и крепкое, чтоб разжечь здесь огонь. Я дам его тебе, если ты угадаешь, что это такое.

Но покачала головой Старуха.

— Нет ничего круглого, нет красного, нет крепкого... в этих краях.

— Ну, так я тебе скажу: это яблоко. Если хочешь его, на, возьми.

— Мы никогда ничего не хотим — в этих краях.

— Тогда я пойду дальше.

— Нет никакого дальше... в этих краях.

— Нет есть, и я пошла!

— Знаешь ли ты, какое сокровище мы храним — в этих краях?

— Нет... что за сокровище?

Старуха исчезла в расселине камня и через мгновение снова явилась, неся мартышку, мышеловку и мандолину.

— Я начала,— объяснила она,— с алембика и с аспиды, и с аркебуза; в начале всегда подстерегают страшные опасности... в этих краях.

— Но зачем они нужны?

— Низачем — в этих краях. Но я поменяю их на норку, нарвала и невод в надежде, что однажды доберусь до конца, где нужны будут яйцо, ял и ягдташ, а уже их всегда можно обменять на то, что круглое, то, что красное и крепкое — в этих краях.

Илиэль словно бы рассказывала детскую сказку — сама себе, только вот рассказчик был независим от сознательного ее разума, и что будет дальше, она не знала. А Старуха была та еще персона! Во вторую встречу она показала Илиэль, как пользоваться сокровищами. Мартышку она заставила играть на мандолине, а рядом расставила мышеловку; норка и нарвал, конечно, приплыли на звуки музыки и благополучно туда попались. Что до невода, то Старуха обменяла три своих сокровища у Илиэли на сетку для волос.

— Боюсь, она недостаточно прочная, чтобы в нее ловить всякое,— засомневалась Илиэль.

— Мне только надобны осьминог, обои да оранжад, а их довольно легко поймать — в этих краях.

Мало-помалу Старуха очаровала Илиэль, и в один прекрасный день, когда они вдвоем ломали голову, как изловить скрипку, сову и соху при помощи рояля, рома и рыси, она прервала речь на полуслове и в упор сразила девушку вопросом, не желает ли она часом посетить шабаш на Вальпургиеву ночь, что в канун Майского дня,— потому что «есть туда короткая дорожка, деточка — прямо из этих краев».

Илиэль испытала прилив неистового отвращения: от предложения пахло чем-то мерзким, но Старуха ее успокоила.

— Конечно, мы тебя спрячем; негоже, чтобы тебя признали Сирил и Брат Онофрио, и Сестра Клара; не по нраву им придется, что ты живешь в этих краях.

— И вовсе я не живу,— возразила Илиэль довольно сердито. — Я сюда просто погулять пришла, развлечения ради.

— Ах, моя милая,— закудаhtала Старуха,— а ведь развлечения ничем не хуже рыб — в этих краях. А ты ведь помнишь,

что рыба выпустила Иону-пророка не там, где он хотел, но там, где его хотел кое-кто другой. Такого рода рыбы у нас есть — в этих краях.

— А откуда ты знаешь, что они там тоже будут, на Вальпургиевой-то ночи?

— Откуда ничем не хуже ондатры — в этих краях. Чего не знает ондатра, спроси у оленя, а чего олень не знает, спроси у осла, а уж чего не знает осел, того и вовсе знать не надобно — в этих краях.

Илиэль разгневалась на друзей своих черным гневом — почему они не позвали ее с собой на шабаш? И вернулась в тот день домой в прескверном расположении духа.

Это приключение со Старухой было лишь одним из многих, но зато самым живым — потому что самым последовательным и связным. Конечно, оно привело к кое-каким важным результатам, ибо Илиэль согласилась! Согласилась отправиться на шабаш в Вальпургиеву ночь. Относительно транспорта Старуха приняла чрезвычайно загадочный вид. По этому пункту Илиэль ожидала чего-то приличного или хотя бы привычного, но Старуха сказала ей:

— Нет тут ни метел, ни козлиц — в этих краях, — и на том замолчала.

Большинство же видений Илиэли представляло собой бесформенный и бессвязный кошмар. Глупые думы ее и бессмысленные импульсы принимали образ каких-то искаженных животных, причем таких вязких и слизистых, что для любого позвоночного это выглядит самой отвратительной из всех возможных форм жизни, — а все потому, что сами они этой линии развития в свое время избежали, и теперь она ими воспринимается исключительно экскрементально. Но для болезненного воображения Илиэли очарование этих тварей было непреодолимо. Она находила неестественное и угрюмое удовольствие, наблюдая за тем, как каракатица медленно раздавливается в жижу, черную и скользкую, словно гигантский слизень, а та в свою очередь выпускает тонкие струйки-ложноножки, похожие на потеки моторного масла, жирные и отвратительные, с грязною пеной на поверхности, пока существо не начинает выглядеть жуткой пародией на таранула. А затем уже и она гибнет, словно бы утомленная непосильной

борьбой с гравитацией, и медлительно растекается в лужу гнили, полную, тем не менее, бешеной жизни и даже обладающую, как будто, некой индивидуальностью в силу одной только способности всасывать что угодно в сферу своих чувственных ощущений. Ей пришло в голову, что эти твари суть образы Желания, жестокого и ненасытного стремления, лишенного какой бы то ни было воли или даже способности сделать хоть единый шаг к удовлетворению. Она поняла, что такое состояние есть ужаснейшая и нескончаемая пытка, агония без малейшего лучика надежды, бессилие слишком полное, чтобы даже умереть. И, о, да! — она знала, что все эти призраки — порождения ее же собственных слабостей; но, бесконечно далекая от того, чтобы восстать и безжалостно растоптать их в разуме своем, она восхищалась их чудовищностью, их мучениями, наслаждалась их болью, которая была ее болью, питала их сутью своей личности и воли. Эта духовная *nostalgie de la boue*¹ паразитировала на ней, росла, как рак или гангрена, предательства самого тела, единственное средство против которых — вырвать их немедленно с корнем, ибо как только плоть покидает воля к плотности, организованности, специализированному развитию, распад ее в бесформенную гниль становится стремителен, как бег вниз по склону, что на глазах делается все круче и круче.

О, как тонка нить, по которой человек взбирается к звездам! Какое сосредоточение подсознательной воли всего нашего рода на протяжении тысячи поколений задало ее неукротимое восхождение! Одно лишь мгновение вялости, один лишь неверный шаг, и вот уже мы валимся в болото, где и без того все еще болтаются наши ноги! Изю всех возможностей, что так щедро дарит нам жизнь, упадок — самая фатально легкая, ибо беспощадный тяж космической инерции, давление всего мироздания, стремящегося к однородности, гнет нас вниз непрестанно и тем более дает о себе знать, чем дальше уходим мы по пути дифференциации. Атлант, держащий вселенную на плечах, и Геракл — человек, хотя и рожденный божественно, но обреченный вернуть себе Олимп в трудах свирепых и лютых — который принимает на свой хребет бесконечный этот груз — это не просто легенда.

1 «Тоска по грязи» (фр.).

Бессчетна цена каждого шага по пути прогресса: даже в миллионах принесенных добровольно в жертву жизни не исчислить ее. И каждый, кто не верен себе, не просто пребывает в состоянии войны с суммой всех вещей, но и самые его товарищи обратятся против него и сокрушат, уничтожат его личность и его энергию, и поглотят его своей стремительно множасьщейся массой. Поистине это сила Римской Империи воздвигла крест над Голгофой, но должны явиться еще и Каифа, и Ирод, во слепоте своей убивающие единственную надежду на спасение от этого железного ига. И предатель тоже нужен — и непременно из тех, кто однажды «бросил все и последовал» за Сыном Человеческим.

И кто дерзнет отказать человечеству в истинной Божественности, если ни единое поколение его не осталось без Спасителя, сознающего неотвратимый свой рок и готового встретить его, обратив твердо свой лик к Иерусалиму?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВЕЛИКОЕ КОЛДОВОСТВО

Операция, задуманная Черной Ложей, была проста и колоссальна как в теории, так и на практике. Основана она была на главном принципе симпатической магии: если вы разрушите что-то, связанное с искомой личностью, личность тоже пострадает. Дуглас искусно воспользовался тем преимуществом, которое дала ему аналогия между его собственной домашней ситуацией и таковой Сирила Грея. Не было никакой надобности нападать на юного мага непосредственно, да и на Лизу тоже; он предпочел нанести удар в самую слабую точку из всех — в то существо, чье бытие все еще было под вопросом. Ничего сверх того не потребуется, ибо если ему удастся свести сирилову магию к нулю, экзорцист будет уничтожен откатом собственного экзорцизма. Законам силы нет никакого дела до человеческих предрассудков касательно добра и зла; если вас переедет паровоз, с физической точки зрения, будет совершенно все равно, пытались ли вы покончить с собой

или спасали ребенка. Разница результатов имеет место лишь на высшем плане.

У свойственной колдунам недалёковидности есть один несомненный признак: они чрезвычайно довольны своим колдовством. И если они думают, будто могут избежать действия этого самого высшего закона, которому как раз есть дело до причин духовного и морального свойства, то тем хуже для них. О, Дуглас мог изгнать врага своего с поверхности этой планеты, но лишь усилив тем самым заключенное в его жертве бессмертное божественное Я, так что она вернулась бы в еще большей силе и мудрости, в то время как все его успехи в возвеличивании себя — как он по глупости это называл — лишь оставляли лучшую его часть истощенной и расщепленной безо всякой возможности обновления и ремонта. Он походил на человека, который собрал вокруг все свое имущество, да и поджег собственный дом. Подлинные же адепты тем временем разоряют себя, на деле превращая земные богатства в то, что огню неподвластно.

Зрение колдуна всегда затменно. Он надеется, что в конечном итоге накопленные им тленные блага перевесят законы Природы. Так и вор верит, что наворовав достаточно, сумеет подкупить судей и сам закон, как повсеместно происходит в Америке. Но законы природы не человек установил, и не человеку их преступать; их вообще никто не устанавливал, между прочим. Законов Природы не существует в том смысле, какой обычно вкладывается в слово «закон». Они суть просто сведенные к общим формулам в соответствии с требованиями рассудка констатации фактов, наблюдаемых в природе; это определения свойств, присущих материи. Законов этих невозможно избежать, их действие невозможно приостановить, ему нельзя противостоять, ибо само направленное на это усилие пребывает в согласии с ним, а компенсация, хотя какое-то время она и не видна, будет выверена с абсолютной точностью, ибо независима от каких бы то ни было источников ошибок. Никакие уловки, никакие манипуляции ни на миллионную долю миллиграмма не изменят содержания кислорода в миллиарде тонн воды. Ничто сущее не уничтожается, не увеличивается и не уменьшается, хотя и меняет форму, переходя от одной многокомпонентной структуры к другой. И если

сказанное верно для атома углерода, который есть лишь одна из кружащихся у нас в голове идей, то насколько же более верно оно для той в наивысшей степени простой вещи, что стоит за всеми мыслями — для души человеческой? Сомневаться *в этом*? И тут же приходит ответ: а *кто* сомневается?

Колдун, возможно, — и в лучшем случае — пытается создать из имеющихся в его распоряжении ингредиентов нечто постоянное, подобно тому, кто тщится получить золото из пригоршни праха. Но большинство колдунов так в природу вещей не углубляются — они поглощены сиюминутными выгодами. Дуглас, скорее всего, нимало не заботился об окончательной своей судьбе; возможно даже, он намеренно избегал думать о ней. Но как бы там ни было, в данный момент он, вне всяких сомнений, беспощадно мчал туда, куда влекла его ненависть к Сирилу Грею.

Для больших операций — подлинных шедевров дьявольской своей пиротехники — у колдуна есть особое место, отделенное от остального пространства и должным образом подготовленное. У Дугласа это был старый винный погреб на улочке между Сенной и бульваром Сен-Жермен. Парадный вход выглядел сравнительно прилично, так как принадлежал дешевому публичному дому, которым Дуглас и Баллох — под прикрытием некой дамы — владели совместно. Под домом был погребок, где парижские апаши собирались потанцевать и посоставлять заговоры против общества. Так, по крайней мере, гласила легенда, и потому двое дородных *sergents de ville*¹ со штыками и револьверами, чинно лежащими пред ними на столе, надзирали за бунтовщиками. Дуглас на самом деле пришел к выводу, что настоящие апаши тратят как-то слишком мало денег и что выгоднее будет переделать подвал в выставку живых картин для американцев, кокни, немцев, провинциальных кузенов, приехавших в Париж ради увеселений, и прочей публики, охочей пощекотать себе нервы преступной жизнью Парижа. Никто опаснее зеленщика уже много лет не переступал порог этого заведения, так что мнимые апаши, пьющие, сквернословящие, пляшущие мнимый же канкан и время от времени кидаящиеся друг в друга бутылками и ножами, были на самом

1 «Полицейских» (фр.).

деле честнейшей публикой, в поте лица своего отработывавшей скудное жалованье, что платила им жульническая фирма Дугласа.

Но под этим уже подвалом, неизвестный даже полиции, имелся еще один, некогда использовавшийся для хранения алкоголя. Он находился ниже уровня реки. Крысы, сырость и выдохшиеся спиртные напитки придали ему атмосферу, характерную именно для таких мест и ими, к счастью, ограничивающуюся. Нет на свете более законопослушного места, чем дом с дурной славой, над которым постоянно висит полицейский надзор; проницательность колдуна, подсказавшая использовать его в качестве святилища для вызывания демонов, была стократ вознаграждена полной свободой от беспокойства и подозрений. Всякий мог войти сюда в любое время дня и ночи под покровом строжайшей тайны, не вызвав у караульных из полиции ничего кроме взрыва хохота.

Вход в берлогу колдуна был сокрыт похожим способом — именно хитростью, а не более очевидными и банальными методами.

То была крошечная клетушка, добраться до которой из дансинга можно было лишь по приставной лестнице, а из верхних покоев дома — преодолев пару ступенек; она носила гордое имя «убежища Троппмана¹», ибо поговаривали, будто прославленный этот убийца как-то прятался в ней несколько дней кряду. Его автограф и несколько чрезвычайно поганых четверостиший (все дело рук некоего изобретательного певца кабаке) красовались на стенах на потребу публике. По этой причине было только естественно и совсем не подозрительно, если кто-нибудь из визитеров вдруг лез по лестнице в эту комнатенку, такую маленькую, что в ней помещался лишь один человек среднего размера за раз. Тот факт, что обратно он не показывался, тоже никого не удивлял, так как из кельи имелся другой выход — им посетитель в конечном итоге и выходил. Однако очутившись в одиночестве и зная некий секрет, он нажимал потайной рычаг, и пол тут же уносил его вниз. Оказавшись в коридоре, трижды поворачивавшем под прямым углом, — его при необходимости можно было затопить за несколько секунд — он вскоре сталкивался с последним препятствием:

1 *Троппман*, Жан-Батист (1848—1870) — французский серийный убийца.

самой обычной на вид сейфовой дверью. Это был аварийный выход из подвала, также устроенный весьма хитроумно. Дверь вела во что-то вроде торпедного аппарата, открывавшегося в Сену под поверхностью воды и оснащенного камерой сжатого воздуха. Желаящему спешно эвакуироваться довольно было влезть в капсулу из тонкой пробки и выстрелить собою в реку. Даже худший из пловцов мог без особого труда добраться до ближайшей набережной. Но эту тайну знал только Дуглас и с ним еще кое-кто.

Первые шаги по пути того прямолинейного колдовства, которое практиковал Дуглас, требуют от новичка обезобразить и изувечить свою человеческую природу путем приучения к ряду моральных преступлений, которые огрубляют душу исполнителя и делают его нечувствительным ко всем тем эмоциям, которые люди обычно ценят и лелеют — и прежде всего, к любви. Черная Ложа предписывает всем своим членам регулярно упражняться в жестокости и низости. Перу Ги де Мопассана принадлежат два из самых отвратительных на свете сюжетов: один про мальчика, который ненавидел лошадь, и второй о крестьянском семействе, мучившем слепого родича, оставленного на их попечение. Мерзости, описанные божественной рукою этого великого художника, не допускают повторного их пересказа; почтительного упоминания будет вполне довольно.

Достаточно будет сказать, что предварительным требованием к кандидатам в Черную Ложу было удушение в себе всех естественных импульсов. На высших ступенях ученик брался уже за манипуляции тонкими силами. Дуглас, витриолизировавший сердце своей супруги, используя ее любовь к нему, по мнению самых придирчивых знатоков, уже годился в живые классики.

Внутренний круг Ложы — четырнадцать человек во главе с Дугласом и некой еще более таинственной личностью, перед которой благоговел даже он, дамой, известной лишь как «Анни» или «А.Б.»¹ — был связан с ним самыми ужасными из всех уз. Черной Ложе нет никакой нужды в клятвах, ибо от чести там

¹ Прототип этого персонажа — Анни Безант (1847—1933), английская писательница, теософ, борец за права женщин; с 1908 г. — президент Теософского общества. — *Примеч. ред.*

избавляются в первую очередь: клятвами впору лишь пугать дураков. Но тому, кто претендовал стать одним из Четырнадцати, или *Гаагаазль*, как они себя называли, должно было совершить хладнокровное убийство и представить Дугласу неопровержимые тому доказательства. Каждый шаг к колдовству есть в то же самое время и шаг к рабству, и тот факт, что один человек отдает такую власть в руки другому — и неважно ради каких выгод или в какой надежде, — представляет собой одну из величайших тайн извращенной психологии. Высшая степень в Ложе именовалась *Таумизль-Керетиэль*, и ее достигли лишь двое — «Анни» и Дуглас, и лишь они одни в полной мере ведали все секреты этого собрания. Ключи к погребу были только у них, да у Четырнадцати, и только они знали комбинацию двери.

Здесь посвящали неофитов, и способ их представления был столь же изобретателен и убедителен. В особняк их привозили на автомобиле, лишив зрения при помощи простой пары мото-очков с закрытыми стальной пластиной окулярами.

В самом погребу было устроено постоянное место для эвокаций, и куда более комплексно, чем у Вескита в Неаполе, ибо от него зависела безопасность Ложи. Пол покрывали символы, которые даже Четырнадцать понимали не вполне. Стоило по недомыслию наступить на любой из них, и он мог превратиться в магическую ловушку для предателя; а поскольку именно этим, по сути, каждый из Четырнадцати и доказывал свое право на высшую степень посвящения, все относились к этой Несвятой Несвятых с самым подобострастным ужасом.

В назначенный час мистер Батчер явился в апартаменты графа, был оснащен соответствующими очками и препровожден в *Бет Хол*, или Дом Ужасов, как скромно именовался погреб на колдовском жаргоне.

Баллох, Кремерс, Абдул-бей и жена Дугласа уже ждали его там.

Первая часть процедуры состояла в том, что миссис Дуглас формально отреклась от принятых на себя во время крещения обетов, сиречь совершила ритуальное отступничество от христианства. Сделано это было не из враждебности к этой религии, но единственно ради того, чтобы принять новое крещение под девичьим именем Лизы. За этим турок отверг ислам и получил крещение под именем маркиза Ла Джуффрии.

Далее священник-американец подтвердил их в христианской религии и приобщил Святых Тайн.

После этого он их обвенчал. Самой кошмарной в сей долгой профанации церковных тайн была, пожалуй, деловая простота процедуры.

Можно вообразить себе милосердие верующего христианина, способного найти оправдание Черной Мессе, если она служит выражением бунта агонизирующей души или истерии полубезумного развратника: он все равно будет верить в покаяние и схождение божественной благодати вслед за просветлением. Но это хладнокровное оскорбление священнейших ритуалов, их небрежное применение в качестве прелюдии к преступлению, что в глазах любого благонамеренного человека равносильно убийству, даже вольнодумцу или язычнику показалось бы совершенно непростительной мерзостью.

Дуглас ничего не пожалел, чтобы все прошло как надо. Баллох и Кремерс стали крестными обоих «дитятей», а сам Дуглас, будучи, так сказать, правообладателем, отдал свою жену замуж за турка.

Для консуммации кощунства нужен был грубально реалистический штрих, и им, разумеется, не пренебрегли.

Дуглас откровенно наслаждался этим жалким и преступным фарсом; наибольшее удовольствие он получил, разумеется, от страданий своей супруги. Каждая новая порция грязи выворачивала ее сердце наизнанку, тем более, что она прекрасно понимала: эти глумления — лишь пролог к акту дьявольского насилия, куда более ужасному, чем все они вместе взятые.

Выполнив свои обязанности, мистер Батчер, Кремерс и Абдул-бей были выпровождены из погребца прочь. Баллох остался — чтобы произвести операцию, служащую источником большей части его доходов.

Однако нужно было еще совершить гораздо более тайное колдовство. Дуглас давно уже привык к сильнейшей ментальной концентрации на работе и теперь успешно заставил себя поверить, что церемонии, которым он только что стал свидетелем, были совершенно подлинными, а вовсе не пародийными, что жена его и вправду стала Лизою, а Абдул-бей — маркизом. Сердцем и мозгом операции был он! Следующая задача — и главная загвоздка всего искусства — заключалась в том,

чтобы ввести в контекст делания Сирила Грея. С нею справились, воспользовавшись образцом его подписи. Далее нужно было посвятить жертву Гекате или, скорее, еврейскому варианту этой богини, Нааме, пожирательнице малых детей, ибо она представляет один из аспектов луны. Раз уж Лизу отдали во власть этой планеты, ее заместителю нужно было пройти такое же посвящение.

В искусстве эвокации Дуглас поднаторел до чрезвычайности, склад ума имел материалистический и практический, а во всякие тонкости попросту не верил. Он радостно предавался изнурительному труду вызывания духа к зримому воплощению там, где менее осторожный или более утонченный разумом колдун стал бы работать на иных планах. Своим искусством он овладел до такой степени, что в месте, подобном находившемуся ныне в его распоряжении и давно привычном к подобного рода сценам, умел вызвать зримый образ, практически, любого демона не долее, чем за полчаса. Ибо место здесь очень важно, так как оно располагает к сосредоточению умственных сил. Нелегко не испытать прилива религиозных чувств в часовне Кингс Колледжа в Кембридже, или, наоборот, глубочайшего скептицизма и даже *язычества* — в римском соборе Святого Петра с его «востоком» на западе, статуей Юпитера, переделанной в святого патрона сей достойной церкви, и всей архитектурой, свидетельствующей, что истинное ее имя — Власть Преходящая. Готика — вот единственная мистика; тамплиеры и византийцы единственные знали религию через сексуальность; вертикальное моральнее духовного — так что современную архитектуру можно просто выбросить.

В Бет Холе на угольной жаровне всегда кипела чаша свежей бычьей крови.

Наука постепенно и вынужденно снова обращается к вере в то, что есть в жизни нечто большее, чем простая химия да физика. Практикующие оккультные искусства никогда в этом и не сомневались. Динамическое свойство живой субстанции не покидает ее немедленно после смерти. Следовательно, идеи, ищущие воплощения в жизнь, должны обретать его либо через инкарнацию, либо похищая для этой цели какую-то пока еще живую материю, покинутую владеющей ею идеей или душой. С этой целью колдуны пользуют

пары свежей крови, служащие материалом для манифестации демонов, которых они желают вызвать. Все просто: враги рода человеческого всегда рады наложить лапу на чувственную жизнь. Нередко они находят достаточно невежественных или глупых людей, которые просто-таки предлагают себя им в качестве одержимых, сидя в темной комнате без магической защиты и приглашая любого праздношатающегося духа или призрака взять в оборот их тело и душу. Это отвратительное безумие именуется спиритуализмом, а успешных его практиков всегда легко признать, что мозги у них не годятся больше ни на что вообще. Они становятся неспособными ни на ментальную концентрацию, ни на связную последовательность мыслей. Слишком часто одержавший дух обретает умение брать их в полон по собственному произволу и изрыгать их устами грязь и глупость, когда только придет ему такая блажь. Приверженные истине души никогда не станут искать столь подлых способов манифестации в земную жизнь, ибо пути их святы и пребывают в полном согласии с Природой.

Но если истинная душа реинкарнирует из самоотречения, принося божественное свое бытие и экстаз в жертву ради искупления тех, кто еще не освободился от смертных желаний, демоны стремятся воплотиться лишь для того, чтобы потешить неутоленные похоти свои.

Словно измученное бессловесное животное созерцала жена Дугласа, как муж ее вершит свой жуткий ритуал, отвратив, как и предписано, лице свое: ибо никто не в силах взглянуть на Гекату и остаться в здравом рассудке. Заклинать ее должно проклятиями всему обновлению жизни; евхаристия ее — смертельная белладонна или белена, а угодная ей жертва — черный агнец, исторгнутый до рождения из чрева черной же овцы.

Именно это с сардонической задней мыслью, любезной Гекате, колдун и обещал богине, как только присутствие ее стало осязаемым. Кто знает, смогли бы они увидеть хоть что-то, если б осмелились посмотреть? Но ледяное дуновение пронеслось под сводами погребца, как если б некая сущность и вправду была вызвана произнесенными словами и совершенными ритуалами.

Ибо Геката есть то, что в Писании зовется «второй смертью». Естественная смерть для человека — величайшее из Таинств,

которому все прочие лишь символы. Она — окончательное и абсолютное Единение с творцом; она — Столп Храма Жизни, даже в материальном мире, ведь Смерть есть Любовь.

Жена Дугласа, конечно, ощутила явление злобной этой сущности, вызванной из Тартара. Холод пробрал ее до костей. Ничто так не разрывало бедной женщине сердце, как постоянный отказ мужа позволить ей исполнить человеческую свою судьбу. Даже проституцию, раз уж к ней принудил ее единственный человек, которого она любила, можно было вынести — если бы только... ах, если бы только...

Но на помощь всегда призывался Баллох, и всегда, всегда в ужасных страданиях и еще более ужасной опасности ее отворачивали от сокроуенной цели всей ее жизни. То было даже не столько осознанное желание, хотя и весьма сильное, сколько страстное физическое стремление самой ее природы, настоятельное и пожирающее, словно голод или жажда.

Баллох, всю свою жизнь проработавший верховным жрецом Гекаты, никогда доселе не присутствовал при вызывании силы, которой служил. Он задрожал (и не слегка), когда колдун принялся перечислять убийственные его подвиги — верительные грамоты служителя, представшего перед богиней. Трусливые свои преступления творил он единственно ради наживы и как орудие шантажа. Магический смысл этого бизнеса нимало его не заботил, а магическая работа почти исключительно сводилась к удовлетворению чувственных потребностей аномальными и нечеловеческими способами. И вот теперь неистовая гордость сотрясала все его чувства, одновременно мешаясь с серьезным упадком духа — ибо он вдруг со всей очевидностью понял, что в любовницах у него вечно ходила бесплодность и смерть, а именно смерти страшился он больше всего! Циническое спокойствие Дугласа испугало его; он признал превосходство этого великого колдуна — и надежда когда-нибудь занять его место умерла в груди Баллоха.

В это мгновенье сама Геката вошла в него и неразрывно обвилась вокруг его разума. Он принял уготованную ему судьбу ее верховного служителя; ради радости услужить ей он в будущем совершит и убийство! Все прочие любовницы укрошены перед ликом ее! Глубинный трепет туга-душителя охватил его и в спазмах маниакальной экзальтации он снова

и снова клялся служить ей. О, она будет единственной богиней Черной Ложи — пусть только покажет ему, как избавиться от Дугласа! И в тот же миг план возник у него в голове. Он вспомнил, что «Анни» была верховной жрицей Гекаты, и еще в большем смысле, чем он сам, ибо не только пользовалась мрачной славой открытой защитницы подобного рода убийств, но и чудом избежала тюрьмы по соответствующему обвинению. Он рискнет уговорить Дугласа избавиться от «Анни» — а затем предаст его в ее руки.

Столь мощным было пожиравшее его чувство, что Баллох затрясся от возбуждения и рвения. Поистине великая ночь случилась сегодня: участие в такой грозной церемонии — огромный шаг в инициации! Нервическая экзальтация охватила его; он бы и в пляс пустился! Геката, греясь в старых его костях, вдохнула в душу дьявольское ликование.

Пробил час снова опробовать свои силы!

— Геката, порождающая одну лишь смерть, пожирательница всей жизни! — воззвал Дуглас в последнем заклинании. — Ибо предаю я хладным клыкам твоим сей тайный ключ человеческий, и да будет так со всем, что ему подобно! И как станет с тем, что возлагаю я на твой алтарь, так пусть и будет со всем потомством Лизы Ла Джуффрии!

Завершил он обряд тринадцатью возгласениями того страшного проклятия, что начинается со слов: «*Epicloume se ten en to keneo pneumati, deinan, aoratan, Pantokratora, theropoian kai eremopoian, e misonta, oikian, efstathousan*», — вызывающего к «той, что обитает в местах необитаемых, пустой, ужасной, неумолимой, творительнице страха и опустошения, ненавистнице дома процветающего» и предающего «означенное и запечатанное, названное и неназванное» разрушению.

Затем он обратился к Баллоху и приказал действовать. Три минуты спустя хирург выругался и спал с лица: помимо ее воли крик сорвался с искусанных губ отважной женщины, возлежавшей на алтаре.

— Почему нельзя было дать ей анестезию? — рыкнул он.

— А что не так? Все плохо?

— Все просто ужасно. Черт бы его побрал! Ничего у вас нет из того, то нужно!

Но нужно не было ничего. Он и так сделал больше, чем даже предполагал.

Миссис Дуглас невероятным усилием повернула лик свой, искаженный и белый, как мел, к мужу.

— Я всегда любила тебя,— прошептала она. — И сейчас люблю... и умираю.

Голова ее с глухим стуком упала на стол. Неизвестно, успела ли она услышать ответ супруга:

— Вот свинья! Испортила весь спектакль!

Ибо женщина произнесла верховное имя Любви, и в любви сказала она его; и заклинание рассеялось быстрее сновиденья. Не было боле ни Гекаты, ни даже колдуна; лишь двое убийц и тело мученицы между ними.

Дуглас не стал тратить на Баллоха ругательств.

— Приберись тут,— бросил он с небрежностью, что ранит пуще насмешки и злобы, и вышел прочь.

Предоставленный сам себе Баллох впал в истерику. В акте своем он признал первые плоды божественной одержимости; приношение его богине было изумительно, колоссально. Вся экзальтация вернулась к нему: о, да! теперь Геката превознесет его выше всех!

Ему оставалось только затащить тело в верхние комнаты. Старая леди все прекрасно понимала. Он констатирует смерть, а шума вокруг бедной шлюхи никто поднимать не будет. Далее он отправится напрямиком в Лондон и вступит в переговоры с «А.Б.».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Весна в Неаполе шла семимильными шагами, и самой походкой являла истину божественной своей природы. К концу апреля на Апеннингах, в Албании и на Апулийских холмах не осталось ни следа снега.

Последний день месяца выдался жарким и тихим, будто в середине лета. Склоны Посилиппо тщетно вымаливали

у Океана хоть дуновение. Над морем висела такая густая дымка, что не только Капри, не только лазурный пик, пронзающий закат, но даже и сам Везувий было не разглядеть с виллы, где угнездились Илиэль сотоварищи.

Закат был темен и величествен; солнечный диск растворился в расплывчатом пятне яростной киновари. Его агония пролила сквозь дымку сумрачного шафрану. Края фантастически вылепленных штормовых облаков на горизонте порождали настоящие миражи — преувеличенные и искаженные отражения собственных своих рубцеватых гребней, которые плыли и таяли, так что впору было поклясться, что чудища — драконы, гиппогрифы, химеры — пляшут в тумане сатурналией фантазмов.

Илиэль с нетерпением ждала темноты, чтобы встретиться, наконец, со Старухой и устремиться на шабаш. Она заметила, что Сестра Клара о чем-то долго совещалась с обоими мужчинами, и не сомневалась, что они и сами готовятся к отбытию. Подозрения только укрепились, когда один за другим они зашли пожелать ей спокойной ночи. Больше чем когда-либо она утвердилась в мысли, что непременно последует за ними.

К девяти часам вечера сад погрузился в покой. Лишь Брат Онофрио нес вахту, меряя шагами верхнюю террасу и возглашая тихим, но непреклонным и хорошо поставленным голосом экзорцизм, который уже много веков поют магические стражи. Рефрен его звучал так: «На них налагаю я волю мою, Закон Света».

Илиэль, как обычно, кашлянула и немедленно очутилась на так хорошо знакомой тропинке. Через несколько минут она уже была у скалы, где ждала ее Старуха.

— Должна предупредить тебя, милая, — начала та безо всяких экивоков, — чтобы ты самым тщательным образом делала в точности то, что я тебе говорю — в этих краях.

Все тем же распевом звучал ее голос, лишь слова менялись — да и те не особенно.

— Прежде всего, никогда и ничего не называй по имени — в этих краях. Увидишь дерево на холме, так скажи о нем: «Гляди, вон зеленое на высоком»; именно так у нас говорят — в этих краях. И что бы ты ни делала, найди ложную причину так поступать — в этих краях. Если грабишь прохожего, скажи, это чтобы помочь и защитить его: такова этика — в этих

краях. Все, что ценно, ценности здесь не имеет вовсе — в этих краях. Ты должна быть совершенной посредственностью, если хочешь быть гением — в этих краях. Все, что любишь, притворись, что не любишь; все, что здесь, притворись, что его здесь нет — в этих краях. И всегда, всегда говори, что жертвуешь собой ради религии и морали, человечности и свободы, и прогресса, когда хочешь обдурить ближнего своего — в этих краях.

— Боже ты мой! — вскричала Илиэль. — Мы что, в Англию едем?

— Место это они называют Стоунхенджем — в этих краях.

И, ни слова больше не говоря, она втащила Илиэль в расщелину скалы. Там было темно, очень темно; Илиэль сразу споткнулась на усыпавших пол камнях. Затем Старуха распахнула маленькую дверку, и Илиэль очутилась на узком карнизе подоконника. Дверь за нею стремительно захлопнулась, чуть не выбросив ее наружу. За карнизом не было ничего, кроме полной Звезд Бездны. Страшное головокружение охватило ее. Она бы тут же и упала в жестокую эту пустоту, но тут снова раздался голос Старухи:

— Что я говорила снаружи, был вздор, чтобы только сбить гвалкинов со следу, моя милая. Есть только одно правило, и это принимать вещи такими, как они есть — в этой стране.

Тут она спихнула Илиэль с подоконника, и с диким криком та полетела во тьму. Но упитанный старый священник объяснил девушке, что ей надлежит отправиться в замок на острове. До него было совсем недалеко — лишь немножко пройти по льду замершего озера, но только вот никакого входа, хоть ты тресни. Замок хитро лепился к неправильностям скалы, так что и не различишь ничего, кроме каменной кладки. И никакого следа дверей, а окна — все высоко-высоко в стенах. Но Илиэль все же пошла к нему и вдруг очутилась внутри, и так и не поняла, каким это образом. Вскарabкаться по лестнице на поле для гольфа было совсем не сложно, но главная палуба галеона оказалась скользкой от масла, которое било из тысяч его фонтанов. Как бы там ни было, Илиэль добралась, наконец, до гардероба, где висела ее щетка для волос, а времени на поиски нужных жаворонков тратить и вовсе не пришлось. Путь был свободен! Сосновые леса слева, муравейники справа; прямо через буруны к вересковой пагоде, где

заблаговременно прибывшие пухленький клирик и Старуха уже вовсю поклонялись Китайскому богу.

Ну, конечно! Это же все время были Сирил с Братом Онофрио и Сестрой Кларой — какая она была дурочка!

Но всему мешали жабы с вечной их болтовнею и хихиканьем; да и драгоценностей они напялили слишком много и чересчур уж напоказ.

Тут она увидела, что Сирил и двое его товарищей составили еще один треугольник из тех бесчисленных тысяч; и каждый треугольник был узлом в паутине исполинского паука. При каждом узле была такая группа из троих, и каждая отличалась от других. Должно быть миллионы таких богов было там и с каждым — пара молящихся; все расы, все страны и времена были там. Она видела богов Мексики и Перу, Сирии и Вавилона, Греции и Рима, темных болот Эфиопских, пустынь и гор. И на каждой ниточке паутины от узла и к узлу плясали невероятные насекомые и причудливые животные, и жуткие рептилии. Они танцевали, пели и неистово кружились, так что вся сеть шевелилась и сотрясалась в великом беспорядке. Перед глазами у нее закружилось. Однако теперь Илиэль наполнилась престранным гневом: в голове у нее кружилось, что Старуха ее предала. Приблизиться к треугольнику было никак невозможно, и вот почему: девушка была вне себя от ярости, что Сестра Клара сама привела ее на шабаш — и все ради кого-то другого! Весь этот низкий кутеж был ей отныне бесконечно отвратителен. Теперь-то она видела, что у каждой пары почитателей были на руках новорожденные дети — их они и предлагали в жертву своему богу, который брал их и тут же швырял в самый центр сети. Проследив за сими жестокостями взглядом, она увидела и паука с шестью его страшными лапами. Голова его и туловище образовывали единую черную сферу, сплошь покрытую вращающимися глазами, испускавшими лучи тьмы во всех направлениях, и ртами, непрестанно и безо всякой жалости высасывавшими добычу и вновь выплевывавшими ее в виде новых вибрирующих паутинных нитей.

Илиэль задрожала от жуткого этого видения; то был для нее кромешный, невыразимый ужас, и все же она взирала на него, беспомощная и замороженная. Глубоко внутри она чувствовала, что однажды и сама станет добычей сей погибельной и демонической силы тьмы.

Глядя в страхе на эту картину, она понимала, что и сами боги, и их верующие суть не более чем лакомые кусочки для пастей ее. Поминутно одна из лап паука обвивалась вокруг треугольника и рвала, и тащила его — бога, святилище и адораторов — в черноту раздутого паучиного брюха, вскоре с яростью извергавшего их обратно в несколько ином виде и лишь затем, чтобы повторить пугающий ритуал сначала.

Содрогнувшись всей собою, Илиэль смогла, наконец, оторваться от inferнального зрелища. Куда девалась благодатная земля со всем своим светом и краскою? Во имя Господа, зачем она оставила Лавинию Кинг и отправилась странствовать по жутким этим краям — иллюзии? Воображения? Реальности, более темной и опасной, чем сама жизнь? Какая разница, чего. Скорее! Нужно только вернуться назад, к людям, к простой здравомыслящей жизни, которой она жила всегда. Да, не была она ни благородной, ни интересной, но уж куда лучше этого кошмара фантомов, жестоких, чудовищных и пагубных, этой фантазмагии проклятий.

Она рванулась прочь и на мгновение совершенно потеряла сознание, а потом очнулась — у себя в кровати на вилле. С лихорадочной энергией она спрыгнула с кушетки и кинулась к гардеробу, чтобы надеть дорожное платье. Соскочить со стены террасы в переулок будет несложно, а уже через час она окажется в безопасности в Неаполе. Тут она обнаружила, что платье, прежде чем надеть, нужно перешить, и азартно ринулась в работу. Илиэль как раз заканчивала, когда дверь отворилась и рядом с нею оказалась Сестра Клара.

— Идем, Илиэль,— сказала она. — Время приветствовать Утро Мая!

В негодовании девушка отскочила: гнев и отвращение охватили ее. Но Сестра Клара стояла рядом с улыбкой светлой и нежной. Почти против своей воли Илиэль подняла на нее глаза и боле не могла отвести взор от сияния всего ее существа, от игравшей кругом физической ауры света, от пламени глаз, совершенных, сияющих серафическим счастьем.

— Они ждут нас в саду,— промолвила она, беря Илиэль за руку, словно сиделка — недужного. Она накинула на илиэлины плечи великолепную лунную мантию из синего бархата, расшитую серебряными полумесяцами и талисманами луны,

и тяжелыми кистями из мелкого жемчуга, а на голову ее возложила тиару из лунных камней.

— Идем, нас ждут.

И вот Илиэль разрешила еще раз отвести себя в сад. На востоке первые лучи солнца уже золотили гребень Посилиппо и трогали розовыми пальчиками бледную синеву небосвода. Вся честная компания собралась и построилась фалангой, дабы приветствовать Владыку Жизни и Света.

Не могла Илиэль участвовать в этом хоре поклонения. В сердце ее царили тьма и ненависть; во рту было тошно. Что за подлость кроется за этой ясной и светлой наружностью! Да пусть его, скоро она будет уже далеко.

Как только последние звуки величавого их песнопения замерли в гулком утреннем воздухе, Сирил подошел к ней с Братом Онофрио и заключил в объятия.

— Идем! Мне нужно многое тебе сказать.

Он отвел ее к мраморной скамье и заставил на нее опуститься. Брат Онофрио и Сестра Клара последовали за ними и уселись подле на пьедестал громадной статуи, копии с Марсия и Олимпа¹ в зеленой бронзе.

— Дитя! — начал Сирил чрезвычайно серьезно и мягко. — Посмотри на восточный склон Посилиппо! И взгляни на звезды — как ярко они сияют! И вон на ту стаю сверкающей рыбы, что идет глубоко под водою залива! И на левое ухо свое посмотри! Что за пропорции, какой абрис! Какой нежный розовый цвет!

Илиэль была слишком зла, чтобы даже сказать ему не строить из себя идиота. Она ограничилась презрительной улыбкой.

Он, однако, продолжал.

— Но все это — там. Ты их не видишь, потому что условия не располагают. Но есть и другие вещи, которые глаз твой

¹ Марсий и его ученик Олимп — персонажи древнегреческой мифологии. Сатир Марсий славился как искусный игрок на флейте; но, дерзнув вызвать на состязание самого Аполлона, он проиграл и был сурово наказан: разгневанный бог подвесил его на сосне и содрал с него кожу. Согласно преданию, содранная кожа сатира начинала двигаться, как в танце, когда неподалеку раздавались звуки флейты. Олимп — полусторическая личность, певец, по преданию, введший в Элладе законы музыкальной гармонии; некоторые мифы называют его учеником Марсия, перенявшим у него искусство игры на флейте, а после гибели сатира похоронившим его тело. В изобразительном искусстве со времен античности распространен сюжет «Сатир Марсий учит юношу Олимпа игре на флейте». — *Примеч. ред.*

видит, а ты — нет, потому что ты не научилась видеть их такими, как они есть. Взгляни на Капри в лучах утреннего солнца! Откуда тебе знать, что это остров, а не сон, не облако и не морское чудовище? Только благодаря сравнению с прошлыми знаниями и опытом. Ты умеешь видеть лишь те вещи, которые уже присутствуют в твоём сознании — или те, которые настолько на них похожи, что тебе достаточно приспособиться к весьма небольшой разнице. Но совершенно тебе незнакомое ты не в силах ни увидеть, ни предвидеть иначе как посредством тренировки и опыта. Как для тебя выглядел алфавит, когда ты впервые стала его учить? Ты буквы не путала? Арабский глядится тебе совершенно «фантастическим», как и латинский — арабу. Один ты запоминаешь с первого взгляда, а над другим мучительно корпишь, продираешься от буквы к букве, а потом все равно пишешь с ошибками. Вот что случилось с тобой прошлой ночью. Я знаю, где ты была, и учитывая, что ты не прошла посвящение, могу себе представить, чего ты там насмотрелась. Ты увидела все «достоверно», насколько могла увидеть; иными словами, ты восприняла проекцию, отбрасываемую в твой разум чем-то реально существующим. Какими правдивыми бывают такие видения и все же какими лживыми! Вот взгляни на мою руку!

Он вдруг поднял правую руку, а другой поставил между ней и Лизиными глазами книгу.

— Но я ее не вижу! — недовольно воскликнула она.

— А ты на ее тень на стене посмотри!

— Это голова дьявола!

— А я, между прочим, просто делаю благословляющий жест.

Он опустил книгу, и она вынуждена была признать справедливость его утверждения.

Она глядела на него, широко раскрыв глаза и заодно рот. Он всегда поражал ее живописностью аллегорий и способностью драматически их подавать.

— И что с того?

— Именно это на самом деле и случилось прошлой ночью — только вот такой вещи как время не существует. Вот что ты должна была увидеть и что однажды увидишь, если только будешь держаться высшего, что в тебе есть.

Он вытащил из кармана записную книжку из тонкого пергамента и стал читать.

О, вихрь Орла и Льва!
О, древо на горе Сионской!
О, звездного луча брак с прахом!
Мистический Шабáш Святых Господних —
Летят они на метлах, коим имя —
В Человеке Бог!
Пришпорь косматого козла — то тайный Пан!
Пред сим Жезлом несправедно и Небо;
А под копытами его все звезды — горстка пыли.
О, вейся ввысь, моя душа!
Одним лишь шагом наш измерен космос,
А время, будто мака цвет,
Рукою левой смято, правою ж стремишься
Схватить Грааль Богов и поднести к устам?
О, вот, смотри! Шумливы стрелы Света,
И сеть могучая, где водам бытия
Прилив, отлив — одно биеньем сердца,
И крайностей извечно напряженье —
Друг друга победив, уйдут в Ничто.
Свет вьется через Свет — веретено желанья;
Крест на Кресте стихийного огня;
Жизнь окружает Жизнь — превыше всех цветов та Роза,
В кровосмешенье сем они — Любовь.
Скорей гляди! На каждой пике Славы
Горит и пламенеет мир —
Вращается, крутится и рыдает
И вокруг него, держа его в орбите —
Священный Змей, отец его всесилья:
Он с сердцем Человека, гривой Льва
И крыльями широкими Орла —
Питаем силой и питает, самосуший.
Возвышенный в величии своем,
Он оперенье Феникса
Сжигает враз в бессмертный пепел,
Которого частица — семя духа,
В кружении рождающая солнце.

Свет, напоенный Светом, спазм искрящий,
Что радужным мостом встает над бездной;
Жизнь, сгущенная в Жизнь, блистающая в Свете:
Их магия, достигнув совершенства,
Рождает плод Любви и все величье
Единства Неизбежности с Свободой,
В котором — весь закон; цветок четвероаякий
Божественной природы: лист, и плод,
И цвет, и семя корня одного,
Собравшего сияющую суть
В экстазе своего благоуханья.
В сиянье том, мерцающем рососою
Скоплений звездных, сущее парит
В полете вдохновенья; все живое
Смеется в пляске пылкого огня;
Пылинки в свете том, они пьяны
Вином своей любви и вьются в танце.
Скрестились Свет и Свет — и вся любовь вселенной
Свелась в одно; и каждый здесь — алтарь,
И каждый — Бог, и каждый — жрец и жрица,
И каждый совершенен без изъяна,
Окружность — каждый, каждый — средоточье!
В Едином Трое вечно сплетены,
И натрое Единое дробится,
И в Духе суть их мчится, порождая
Нетленный мир — дитя Того, кто держит
Все сущее в себе, но пребывает
Над ним и выше собственного света,
Кто видит все и из очей струит
Живительную силу мирозданья;
Кто все в Себя приемлет, призывая
Неизреченным Именем все души,
От мала до велика,
На невообразимый брачный пир
И таинстве его воссоздает
Их сущность Словом; Сам же остается
Вне собственных приливов и отливов,
В безмолвье мысли, слова и деянья,
И потому зовем его «Ничто»

Иль говорим, что нет Его. Вот Правда,
Сокрытая за ложным званьем Бога;
Вот то, что от начала наполняет
Пустыню неба и земную глину,
Вот средоточье всех орбит, вот пламя
Людей и звезд, Душа за всякой формой,
Источник Жизни, ось вращения мира,
Вот неподвижный Движитель всего.
Не чти Его: Он сам перед тобою
Склоняется в почтенье, ибо Ты —
Его зеркало, тень Его бессмертья.
Восстань же! Разорви свои оковы:
Превыше звезд поднимется твой стан!

Сирил закрыл книжку.

— Речь, — сказал он, — была развита от самых своих примитивных корней людьми, настолько страстно сосредоточенными на Высочайших Идеалах продажи сыра, минуя всякие вербальные погрешности и неточности, что некоторые другие моменты они неизбежно просмотрели. Невозможно передать словами мистический опыт. В лучшем случае можно описать некие явления с холодной и деревянной точностью, или же намекнуть на экстаз самой неопределенностью. Ты помнишь эту строчку — «О, ветреная звезда, что вихрем сброшена с небес!» Она ничего не значит, если ее проанализировать, но при этом ясно содержит некую идею, хотя и невозможно сказать, какую именно. Увиденное тобой, возлюбленная моя Илиэль, примерно так же относится к сказанному мною, как сказанное мною к увиденному Сестрою Кларой — или, скорее, к тому, чем она была. Отсюда мораль: когда оборачивается Сестра, все мы оборачиваемся. Это я, между прочим, извинился за тот факт, что нагрузил тебя своими жалкими стихами. На этом с развлечениями нынешним утром все. Брат Онофрио соберет гербарий. Тот, кто подает бедным, подает Господу; детали по процентным ставкам и ценным бумагам — по представлению у бармена. Либеральная душа должна жиреть; но я есмь Пост, и постится олень на водах ключей лесных. Поливающий да полит сам будет: я лично перед погружением принимаю холодный душ. Собрание Совета Матерей — как всегда в четверг

в полдевятого вечера. Те, кто еще не стал Матерями, но желает ими стать, будьте любезны обратиться ко мне в ризницу по окончании службы. Сестра Клара, прошу вас, пожалуйста, покончите с паствой и поскорее!

Весь этот бред Сирил выпалил журчащим тоном викария, поучающего какую-нибудь Милую Крошку; так он обычно возвращал атмосфере легкость и непринужденность.

Илиэль с улыбкою взяла его под руку и отправилась к завтраку; но на душе у нее все еще было беспокойно. Она спросила о том, как так оказалось, что Сестра Клара — то же самое что и ее Старуха.

— Да-да,— отвечивал он,— лучше всего было поставить ее на страже снаружи (я имею в виду, на астральном плане), чтобы не дать тебе вляпаться в слишком уж большие неприятности. Но никакого подлинного вреда все равно не может быть, пока ты держишь слово и остаешься внутри круга. Это единственное, что здесь важно.

Верхнее сознательное «я» Илиэли — то есть лучшая ее половина по причине рациональности и преимуществ, даруемых хотя бы поверхностным, но все же обучением, не дававшим ей безоглядно повиноваться собственным импульсам по мере возникновения — этим полностью удовлетворилось. Она была рада, она была горда сотрудничеством с настоящими адептами. Но оставалась в ней некая подсознательная слабость, которая ненавидела всех их и завидовала именно из-за их над нею превосходства. Она прекрасно знала и понимала, что ценою таких достижений как раз и было подавление этой самой тьмы животных инстинктов и дикарских предрассудков, что составляла ее главное наслаждение в жизни. Поэт сказал о «рыбах, что бесконечно ярятся обрести крылья»; но если взять рыбу и популярно объяснить, что ей придется оставить любимое занятие качать воду через жабры, она, весьма вероятно, с охотою пойдет с вами на компромисс — на несколько миллионов поколений. Имейте в виду, что если назвать ее летучей рыбой, она может и оскорбиться; плавучая птица — куда более приличный и вежливый вариант.

Сестра Клара постоянно ей досаждала. На свои экскурсии Илиэль убегала с основною целью избавиться от Сирила и его магии; и он даже не пришел туда с ней поздороваться, а замест

этого подослал эту тетку сбить ее с толку, запутать и вывести тайные мысли! Какая же, однако, гадость!

Сирил, конечно, сделал все что мог, дабы представить дело в истинном свете. Он даже рассказал ей одну историю.

— Некая очаровательная дама (супруга приятеля лорда Боулинга), чьи физические и ментальные черты не дают мне откомендовать ее иначе как миссис Пышку, была как-то раз брошена одна-одинешенька на необитаемом острове Манхэттене, в то время как муж ее охотился на привидений в компании лорда Энтони вот в этом самом Неаполе, который ты видишь прямо перед собой. (Немного левее, дитя мое!) Миссис Пышка была добродетельна, какими иногда бывают американки, если судьба отказала им в иных возможностях, и, следует признать, весьма далека от привлекательности. Однако в мире духов, судя по всему, другие стандарты красоты, чем на Пикок-элли или Таймс-сквер, так что вскоре у нее уже был регулярный регламент «любовников-духов». Они ей говорили, что и как делать: есть, пить, читать, музицировать и все прочее нужно было под строгим духовным контролем. И вот в один прекрасный день ей сообщили, что у них есть для нее великая и прекрасная работа — не иначе это было возрождение человечества и все такое прочее: в общем, наверняка дело с приветом. К тому времени дама уже была совершенно неспособна относиться к своим действиям критически; рассудок со здравым смыслом приказали долго жить. Глас «духов» равнялся для нее гласу Божьему. В общем они послали ее сначала в банк за деньгами, а потом в пароходную компанию за билетом в Европу. Из Ливерпуля ее направили в Лондон, оттуда в Париж, оттуда в Геную. В Генуе ей сказали, в каком отеле поселиться, а потом — где купить револьвер и патроны к нему. Затем она получила указание взвести курок, приставить дуло себе ко лбу и выстрелить. Пуля, надо сказать, произвела мало впечатления на сплошную бронированную кость, так что дама выжила и смогла поведать нам свою историю. Ей даже не хватило ума рассказать ее как-то по-другому. Вот почему, милое мое дитя, так важно иметь подле себя доброго друга, который присмотрит за тобой, если тебе вздумается пофлиртовать с каким-нибудь развеселым, хотя и вероломным повесой из астрального мира.

— Надеюсь, ты не считаешь меня женщиной такого сорта!

— Все женщины — такого сорта.

Она прикусила губку. Однако здравый смысл подсказал ей, что в основном он был все же прав. Если бы ей только удалось придушить свои бесформенные порывы, такие обольстительные и одновременно такие опасные! Но, увы, не могла она обитать всецело ни на высотах духовного устремления, ни на мирных равнинах земной жизни. Голоса болот и недр взывали к ней непрестанно.

Так что внешнее примирение не пустило корней глубоко. На пару недель она поздоровела телом и душой, а потом благополучно свалилась обратно в хандру и снова занялась «сказочками», как она их называла, но на сей раз — с непоколебимой решимостью остерегаться вмешательств Сестры Клары. Илиэль начала потихоньку знакомиться с законами иного мира и могла уже до некоторой степени различать символы и читать их смысл и даже вызывать некие формы и изгонять их. Между собой и Сестрой Klarой она опустила толстенный шлагбаум и отдалась целиком творениям собственных импульсов, не отпуская себя ни на шаг влево иль вправо с избранной тропинки.

В земной своей жизни характер ее тоже очевидным образом испортился, а поскольку для женщин ее типа месть всегда означает только одно, Илиэль принялась развлекать гарнизон упорными попытками флиртовать. Правила гостевого дома подразумевали целомудрие, причем активное, положительное и страстное — не ту бесцветную абстиненцию и стагнацию, что сходят за него в пуританских странах и порождают больше зла, чем все пороки на планете вместе взятые; пакость, которой привержены люди пустые и бесполезные.

Илиэль была достаточно сообразительна, чтобы за несколько часов понять, до какой степени она выставляет себя на посмешище, но и это не улучшило ее нрава, как уже имели случай продемонстрировать нашим психологам многие благочестивые дамы от Дидоны до жены Потифара.

Ситуация день ото дня становилась более напряженной; время от времени раздавался взрыв, который ненадолго очищал атмосферу. Дисциплина гостевого дома не давала возмущениям расползаться; однако Сирил Грей как-то признался Брату Онофрио, что больше чем когда-либо досадует на то,

как успешно Эдвин Артуэйт и его brave ребята были выведены из дела.

— Я бы уши свои прозакрал,— глубокомысленно сказал он,— чтобы только увидеть, как добрый Эдвин рука об руку с Люцифугом Рофокалем поднимается от залива сокрушить нас к чертовой матери при помощи Таинственного Амулета рабби Соломона (дарующего здоровье, богатство и счастье, сумочка в комплекте; также мушки на удачу и любовные талисманы; для регулярных подписчиков «Окалт Ревью» цены снижены).

Но с наступлением июня великие и счастливые перемены случились с Илиэлю. Ее целиком захватила мечта о чуде, что вот-вот расцветет у нее на груди. Хандру как рукой сняло; девушка была весела и беспечна от рассвета и до заката. Утомление и неудобство она переносила без единого слова жалобы и даже подружилась обратно с Сестрою Кларой и часами болтала с ней, трудясь не покладая иглы над задачей необходимой, а теперь еще и усладительной — творением крошечных изящных оправ для грядущей драгоценности. Докучность внутреннего устава ничуть ее более не занимала; вся радость и бодрость юности вернулись к ней, так что приходилось даже придерживать удила по части физической деятельности. Никаких больше болезненных фантазий, никаких вредных для здоровья наслаждений злыми идеями. Небеса любви стали ей домом — ей, героине самого чудесного романа на свете. Любовь к Сирилу вдруг вступила в новую, нежную и более возвышенную фазу; достоинство и ответственность внезапно пробудились в ней, а кроме того — ощущение Природы, которого у нее в жизни не бывало. Илиэль чувствовала себя сестрою каждому листочку и цветочку в саду; рассказывала сама себе истории о любви рыбаков, чьи паруса усеивали синеву залива; раздумывала, какие романы крутятся на палубах огромных белых лайнеров, приплывших из Америки показать себя Средиземноморью; хохотала от радости над ужимками детишек, игравших на склонах под террасами, и рдела от мощи дюжих крестьян, тащивших корзины рыбы или цветов и вязанки хвороста вверх и вниз по проулкам, на которые выходил сад. Была там одна совершенно пленительная старая рыбачка: сморщенная и потрепанная целой жизнью тяжких трудов, она сияла радостью день напролет. Согбенная сверкающей своею

ношей, она ни разу не упустила случая помахать Илиэли рукой и крикнуть что-нибудь вроде:

— Бог благослови тебя, милая госпожа, и пошли тебе день счастливый и благополучный! — с искренней теплотой итальянских селян.

Жизнь стала, наконец, прекрасна, Сирил — самым дорогим мальчиком на свете, а она сама — счастливейшей в нем женщиной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ВЕЛИКОГО НАСТУПЛЕНИЯ И О ТОМ, КАК ОНО ПРОХОДИЛО

Смертью жены Дуглас был раздосадован донельза. В конце концов, она уже стала привычкой — полезной и удобной ломовой кобылой, с которой все ясно и понятно. Ну, и конечно, ему особенно остро недоставало удовольствия ее мучить. Раздражение лишь укрепляло подозрения относительно *bona fides*¹ Баллоха.

Именно в этот тягостный миг его карьеры на выручку пришла Кремерс. Некий овдовевший друг оставил на ее попечении дочку (у Кремерс был великий дар пробуждать к себе доверие). Девушка воспитывалась в монастыре где-то в Бельгии. Старуха немедленно ей телеграфировала и вскоре представила Дугласу, посыпав комплиментами по сезону. Ничего более своевременного и приятного она сделать не могла! То было милое невинное дитя, прелестнее и нежнее которого он в жизни не видал. В игре «польсти колдуну» хитроумная Кремерс сразу заработала кучу очков — и тут же рьяно принялась подчинять себе его дух. Сперва он подозревал в ней эмиссара своей коллеги, «А.Б.», которая вполне естественно могла желать его уничтожить. Ибо всякий колдун, тщащийся быть первым и единственным, планирует мало помалу избавиться ото всех соперников, врагов и друзей. Маг же стремится к превосходству в Единстве, постоянно ища единенья

¹ «Добрых намерений» (лат.).

с другими и обретая себя равно в каждой части бытия. В этом разница между любовью и ненавистью.

Он тщательно изучил Кремерс магически и не обнаружил ни следа «А.Б.» в ее «ауре». Напротив, он заключил, что амбиции ее состоят в том, чтобы выжить «А.Б.» и самой занять ее место, а это отлично сочеталось с его собственными идеями. Но прежде нужно ввести ее в круг Четырнадцати и забрать над нею вечную власть.

Сама она, с другой стороны, жаждала, судя по всему, лишь одного — стать для него настоящим сокровищем. Ей была известна мука, постоянно и безжалостно глодавшая его печень, — ненависть к Сирилу Грею — и вот эта особа решила завоевать его полностью и всецело, преподнеся скальп искомого джентльмена, и принялась вострить свой лингвистический томагавк.

Одним прекрасным апрельским днем она решительно приперла его с этим к стенке.

— Эй, великий, нам бы с тобой надоть глянуть еще раз на эти духовные писульки. Сдается мне, там чего-то нечисто.

Движением головы она указала в сторону реки.

— И я тебе скажу, что ты с Баллохом сделал — самый верняк.

Дуглас бросил на нее взгляд пронзительный и опасный. Что и откуда знала она об их недавних маневрах? Дама, однако, безмятежно продолжала.

— Ты вот что. Нам надоть этих парней взять. И взять их прямо у них в хате. Ты до сих пор долбил им в самое крепкое место. Так я тебе кой-чего скажу. Эта девка пять лет жила с Лавинией Кинг, чтоб ее дернуло! Я видала эту дочь типа Терпсихоры минут пять и скажу тебе, мораль туда не завозили от слова совершенно, нет, сэр. Ты сюда слушай, большой вождь. Ты им по воде лупишь, вот рыба натурально и уходит. А тебе не того надоть! Вот что, я теперича сама этим делом займусь. Мне для того дай только леску да крючок, да наживки ведерко, и если я ее тебе не прищучу, можешь мне больше не верить от слова вообще. Я тебе не кто-нибудь, в конце концов! Я тебе ажно Блаватскую сделала? Сделала. А эта фифа после нее — как печеньку заглотить.

Колдун на некоторое время задумался. Потом посоветовался с демонами. Знаменья оказались какие-то непонятные. Он решил, что, наверное, поставил вопрос довольно двусмысленно,

и попробовал сказать то же, но другими словами. Сперва он неопределенно поинтересовался, «преуспее ли Кремерс в ее миссии», и получил весьма положительное «да», на пару с которым пришло довольно невразумительное послание, где упоминались «обман», «Лжедмитрий» и «другая лошадь», плюс какой-то явный бред про Шотландию и остров. Тогда он спросил, удастся ли Кремерс заманить Лизу на погибель. Ответ оказался более благоприятный, хотя и довольно робкий. Правда со времени смерти жены демоны вели себя как-то подозрительно. Они, казалось, пали жертвой нерешительности, а то и страха. Как бы там ни было, а голоса их звучали в унисон с собственными его убеждениями, так что предложение он принял.

Вечер они провели в милых забавах — пытали кошку, выкалывали ей глаза, а потом поливали из спринцовки серной кислотой. Наутро Кремерс, вооружившись в качестве наживки Абдул-беем, отбыла в Неаполь. Оказавшись в благословенных этих краях, она отправила турка погулять и подышать воздухом: когда час пробьет, его позовут. Кремерс была старухой чрезвычайно практичной. На бесов святого Иакова, верующих и дрожащих, она совершенно не походила: она не верила — но все равно дрожала. Она ненавидела Истину, ибо Истина дарует людям свободу, а через нее и счастье. Но чтобы откровенно закрывать на это глаза она была чересчур умна. В предпосылках магии она сомневалась, на всю духовную теорию плевать хотела, но отрицать следствия попросту не могла. Уничтожение Блаватской не было пустой похвальбой. На пару с еще одной женщиной она червем прорыла ход в щедрое сердце матери всех теософов и в нужный момент ее безжалостно предала. Потом она пробовала сыграть в ту же игру с другим адептом, когда же ее разоблачили (и она о том узнала), он.. ничуть не изменился в благожелательном к ней отношении. Ей оставалось только покаяться либо слечь с мозговой горячкой. Она выбрала горячку.

Неверие в магию за руку привело ее к своей сестре — вере в смерть. Ее единственной она боялась — помимо самой магии. Но тут она была достаточно осторожна и не впадала в ошибку торопливости. Характером Кремерс обладала сильным, хотя и по-своему, а уж запасами терпения — поистине неисчерпаемыми. Партию она разыгрывала безо всякой мысли

о победе, а в этом-то и состоит полсекрета большинства действительно важных игр. Поступать правильно ради правильности есть праведность, но стоит применить это правило к искусству, как филистимляне тут же кидаются вас поносить, а состояние вашей морали оказывается под вопросом.

В зловредности Кремерс была подлинным художником. Она даже не особенно ликовала, когда удалось повредить подруге и благодетельнице, пусть даже и непоправимо; ничто вообще не могло доставить ей радость, но довольна собой по таким случаям она бывала, ощущая что-то вроде исполненного долга. Она отказывала себе во всех возможных удовольствиях, а счастье абстрактно ненавидела в истинно пуританском духе. Она и сама отказалась бы съесть хороший обед, но и другому бы его не отдала. Главной причиной, по которой она стала помогать Абдул-бею в исполнении заветного его желания, была циничная уверенность, что Лиза еще отольет ему крепкого супчику, будьте-нате.

* * *

Лето давно началось. Солнце снова обратилось к южному полушарию. Оно гордо вступило в знак Льва и с жаром яростным и царственным покрывало рубцами иссушенные склоны Посилиппо. Большую часть времени Илиэль проводила на террасе Луны за шитьем, наблюдая за проплывавшими кораблями или за крестьянскими трудами и досугами.

Стоял первый день августа; солнце почти закатилось. Илиэль стояла, облокотившись на стену террасы. Сестра Клара удалилась наверх в дом, чтобы подготовить все к поклонению заходящему солнцу. По неровной брусчатке переулка внизу ковыляла старая рыбачка, как всегда, с тяжелой ношей. Она глянула вверх с обычным своим веселым приветствием и тут поскользнулась и упала.

— Ой, батюшки,— заплакала она, воззвав к какому-то святому,— уж не спину ли я повредила! Не могу подняться!

Илиэль, понимала она там итальянские слова или нет, вряд ли могла ошибиться в природе инцидента. Без колебаний она спустилась со стены, наклонилась и протянула бедняжке руку.

— Вот что, моя милая,— сказала ей женщина на внезапном английском. — Тут есть один мальчик, так он совсем ума решил от тебя, а собой он лучше любого мужика на божьей земле. Не хочешь перемолвиться с ним словечком?

От удивления Лиза раскрыла рот.

— Кто? Чего? — пролепетала она.

— Да вот, этот сладенький турок, Абдул. Да ты ж его знаешь, душенька!

Кремерс глядела Лизе в лицо: ответ был написан на нем крупными буквами. Она свистнула, и тут же из-за угла улочки вынесся Абдул-бей. Он схватил Лизу в объятия, и поцелуи летним ливнем хлынули ей в уста.

Она даже и не думала сопротивляться. Случившееся вогнало ее в глубокий транс. Пленная царевна, интрига, прекрасный принц — каждый слог этой фразы был поэмой.

— Я так ждала тебя! Каждый час, долгие-долгие месяцы,— восклицала она между поцелуями. — Почему, почему ты не пришел за мной раньше?

Ей и в голову не приходило, что все это неправда. Вихрь нового импульса начисто вымел прошлое у нее из головы; сад с зачарованным кругом остался позади, обеты разлетелись в клочья, и ничто о них больше не напоминало.

— Я здесь теперь,— слова слетали сполохами с его губ. — Идем, нас ждет яхта.

— Увези меня! О, увези меня скорее — куда хочешь!

Кремерс уже благополучно стояла на ногах, проворная и деловая.

— Нам бы лучше делать ноги,— заметила она. — Смываемся!

И, подхватив Лизу под руки, они с Абдул-беем ринулись вниз по ступеням, что вели на набережную.

За всем этим сверху наблюдал патруль Брата Онофрио. Он не обратил на сцену особого внимания, ибо поставлен тут был не для таких случаев. Впрочем, когда прозвучал призыв к Поклонению, о происшествии было сообщено начальству.

Брат Онофрио воспринял новость в полном молчании и проследовал к надлежащей церемонии.

Час спустя, по окончании вечера по дому прокатился колокольный звон. Посетителем оказался сам Саймон Ифф.

Он нашел Сирила одетым в партикулярное платье вместо зеленой мантии. Юноша курил сигару на террасе, где читал Лизе свое стихотворение назавтра после Вальпургиевой ночи.

Он не встал, чтобы приветствовать учителя.

— Скажите претору, что видели изгнанника Гая Мария сидящим на руинах Карфагена! — мрачно воскликнул он.

— Не принимай это так близко к сердцу, мой милый мальчик! — возразил старый мистик. — Тот, кто не совершает ошибок, не совершает ничего. Однако мой долг тебя выбрать, и лучше мы покончим с этим побыстрее. Вся твоя операция замыслена плохо; тем или иным образом она была обречена на провал. Ты выбрал женщину, не обладающую никакой моральной силой — даже без того кодекса согласия, который помогает слабым созданиям совладать с искушениями. Я с самого начала предвидел, что рано или поздно она бросит Эксперимент.

— Ваши слова трогают меня глубочайшим образом — потому что я тоже с самого начала это предвидел.

— И все же продолжал начатое дело.

— Ох, нет,— Сирил наполовину закрыл глаза.

— Что еще за «ох, нет»! — резко вскричал Ифф. Своего Сирила он читал как раскрытую книгу.

— Да я даже не начинал,— сонно пробормотал юноша.

— Было бы вежливо объяснить.

Губы Саймона с некоторой жестокостью впились друг в друга.

— Вот эта телеграмма немало утешила меня в горе моем,— промолвил Сирил, с истомленной грацией извлекая из кармана клочок бумаги. — Она пришла на той неделе.

Саймон Ифф повернулся к свету.

— «Гораций»,— прочитал он. — Не иначе кодовое слово. Но она пришла с Айоны, из Святого Дома, где пребывает Сам!

«Самим» в Ордене называли его Главу.

— Да,— бархатно сказал Сирил. — Мне повезло заинтересовать Экспериментом Самого. Сестра Кибела побывала там под руководством Махатеры Фанга.

¹ *Гай Марий* (157— 86 до н.э.) — римский полководец и политик, одно время находился в изгнании в Африке.

— Ах ты чертенок! — впервые за сорок лет с уст Саймона Иффа слетело что-то наподобие ругательства. — Так ты сам устроил это представление, чтобы вызвать огонь противника?

— Конечно, безопасность Сестры Кибелы была прежде всего.

— А «Гораций»?

— Это не код. Это, думаю, из римской истории.

— Три отрока!

— Довольно много, правда?

— Они понадобятся, — мрачно заявил Саймон Ифф. —

Я тоже, знаешь ли, занимался магией.

— Расскажите.

— Плавание за Золотым Руном, Сирил. Я сеял драконовы зубы, помнишь о них? Вооруженные воины вырастали и убивали друг друга.

— Но я что-то не вижу никаких вооруженных воинов.

— Увидишь. Газеты читал?

— Никогда не читаю газет. Я — поэт и люблю мою милую ложь в том виде, в каком меня научила ей мать.

— Ну, так в Европе война. Я добыл для тебя твой старый чин с назначением офицером разведки в штаб генерала Криппса.

— Звучит как-то анархично. От каждого по способностям, каждому по потребностям, да? А, кстати, по какому поводу сыр-бор? Или без повода?

— Люди думают, все дело в нарушении священных договоров и прав малых наций и тому подобном; правительства — что в коммерческой экспансии; но я, кто все это заварил, знаю что происходит кровавое крещение Нового Эона. Как провозглашать Закон Свободы в мире, где всякая Свобода задушена индустриализмом? Род человеческий погряз в таком рабстве, что подчиняется законам, которые произвели бы революцию в любой другой стране от начала мира; их регистрационные карты тяжелее железных кандалов! Люди позволяют своим тиранам лишать себя всех удовольствий — даже тех, которые им еще остаются по бедности. Есть только один способ превратить кассира в Курция, а фабричную девчонку — в Корнелию, и я им воспользовался.

— Как вы это сделали?

— Труд был долгим, но как вам известно, сэр Эдвард у нас мистик. Статью про рыбную ловлю вы, полагаю, видели?

— О, да, это я знал. Но не предполагал, что она еще более... определена.

— Именно это он и сделал. Но теперь он потеряет место; он слишком непредубежденный, а уже через год им потребуются фанатики. Все в порядке, они просто повышибают друг другу мозги, а затем вернуться философы и построят новую цивилизацию, поблагороднее.

— Помнится, вы *меня* не так давно обвиняли в применении слишком сильных средств.

— Это я практиковался на вас в британском лицемерии. Мне на той неделе предстояла встреча с премьер-министром. Уж простите, если я воздаю юмористу по юмору его. Я хочу вам показать, насколько необходимым был этот шаг. И обратите внимание: настоящий преступник — всегда буржуа.

— В этом я с вами абсолютно согласен.

— А посмотрите на свидетельства литературы. Во дни рыцарства наши симпатии целиком на стороне донкихота, занятого исправлением зла, и короля, чьи храбрость и мудрость избавляют народ его от врагов. Но когда королевская власть стала тиранией, а феодализм — угнетением, мы стали выбирать себе героев из бунтовщиков. Робин Гуд, Хервард Смелый¹, Красавчик принц Чарли, Роб Рой; отныне художники увлекаются исключительно отверженными. Но тут верховную власть забрал индустриализм, и мы — с байроновских времен — принялись симпатизировать бандитам и корсарам. А сейчас уже и этих смело, и сегодня (или, точнее, где-то с позавчера начиная) мы пали до любви к подлинным мерзавцам вроде Арсена Люпена, Раффлза², Стингари³, Фантомаса и еще сотни других или же к частным детективам, также занятых тем (хотя они вроде бы и на стороне общества), чтобы выставлять полицейских полными идиотами. В этом и заключается все очарование Отца Не-помню-как-его-там у Габорио⁴, и Дюпена, и Шерлока Холмса. Никогда в литературе вы не встретите по-настоящему

1 *Хервард Смелый* (1035—1072) — лидер сопротивления норманнскому завоеванию Англии. Также известен как Хервард Изгнанник.

2 *Артур Раффлз* — персонаж, созданный в 1890-е гг. Э.Ц. Хорнунгом, «джентльмен-вор» и «взломщик-любитель».

3 *Стингари* — еще один персонаж Хорнунга, джентльмен-разбойник.

4 *Эмиль Габорио* (1832—1873) — французский писатель, основоположник современного детектива.

симпатичного детектива, который бы ладил с полицией! А надо помнить, что художник всегда представляет бессознательную волю народа. Ни один писака, потакающий буржуазии и делающий себе героев из сынков миллионеров, так покамест и не создал стоящего персонажа и, поверьте, не создаст. Когда публика сочувствует грабителям и ненавидит судей, нужно что-то подправить с судьями.

— Но вы-то что делаете здесь, в пучине мирового кризиса?

— Я тут, чтобы купить Италию. Вы знаете, Боулинг купил Бельгию уже некоторое время как. Он крепко дружен с Леопольдом, но старик слишком умен, чтобы с ним можно было иметь дело. Он понимал, что в случае войны его раздавят первым. Но Альберт прикарманил доброе червонное золото безо всякой задней мысли. В этом отчасти и заключается корень проблемы: Германия обо всем узнала.

— А зачем покупать Италию? Чтобы Австрии было чем заняться, я так понимаю? Едва ли эти макаронники могут надеяться форсировать границу, особенно с трентинским участком вклинения на фланге.

— В том-то и идея. Было бы лучше и дешевле купить Болгарию. Но Грей этим заниматься не будет. А нужно еще помнить про вечный страх перед Россией. На Балканах мы сражаемся сразу с обеими сторонами! Это вселяет в Россию нерешительность и ставит под удар всю Антанту. Но все это не имеет особого значения, если только убить достаточно народу. Душам выживших хватит места развернуться и заодно памяти о героических подвигах в жизни ближних, чтобы обуздать вечный соблазн материального благополучия. Когда герои вернутся, проведя несколько лет в окопах, они быстро разберутся с благочестивыми ханжами, посмевающимися читать им лекции о вреде и зле курения, мясоедения и пивопития, а также по-улицам-шляния после одиннадцати вечера, девушек целования, романов чтения, в карты играция, в театры хождения и свиста по субботам!

— Надеюсь, вы правы. Вы стары, а это, видимо, делает вас оптимистом. В моих юных ушах всегда звенят вопли раба, которому предложили срубить с него мечом кандалы.

— Вся Европа будет вопить и вонять в грядущие годы. Зато новое поколение не станет страшиться ни бедности, ни смерти. Оно будет страшиться слабости, будет страшиться позора.

— Что за великая программа! *Qui vivra verra!*¹. А тем временем мне, надо думать, следует доложиться генералу Криппсу.

— Если побежишь со всех ног, встретишь его, думаю, где-нибудь в Европе. Будет большая удача, если Париж спасется. Как тебе известно, на то, чтобы натянуть сапоги, у Англии обычно уходит года три. Если бы мы слушали тех, кто знал лучше, и организовали армию в три миллиона человек, войны могло бы и не быть, по крайней мере, с настолько запутанными связями. Случилась бы, весьма вероятно, социальная революция, презренная свара алчности с алчностью, после которой люди стали бы еще более злыми и поработенными, чем когда-либо. А так народные массы с обеих сторон уверены, что сражаются за идеалы; одним только правительствам известно, какое лицемерие и притворство там правят бал. Так что идеалы победят — и у победителей, и у побежденных. Человек! Всего три дня назад Франция была Францией Панамы, Дрейфуса, мадам Юмбер², мадам Штейнхейль³ и мадам Кайо⁴, а сегодня она уже Франция Роланда, Генриха IV, Дантона, Наполеона, Гамбетта и Жанны д'Арк!

— А Англия теперь — Англия бурской войны, ирландской резни, скандала Маркони⁵ и Трэнби Крофта⁶?

— Да дайте же Англии время! Прежде чем ей станет лучше, ей должно стать много хуже!

— Если говорить о времени, мне пора собирать чемодан, раз уж я хочу поспеть на утренний поезд в страну Надежды и Славы.

1 «Поживем — увидим» (фр.).

2 Юмбер, Тереза (1856—1918) — французская светская дама невысокого происхождения, самозванка, выдававшая себя за наследницу несуществующего американского миллионера Роберта Кроуфорда и получавшая займы под воображаемое состояние.

3 Штейнхейль, Маргарита (1869—1954) — женщина, связанная с таинственными смертями президента Феликса Фора (любовницей которого состояла), своего мужа и мачехи. Сенсационный процесс, впрочем, признал ее невиновной.

4 Кайо, Генриетта (1874—1943) — супруга французского министра финансов, убившая журналиста, который опубликовал компромат на ее мужа. Признана невиновной, так как убийство было совершено женщиной в состоянии эмоционального аффекта.

5 Английский политический скандал 1912 года, связанный с компанией Маркони и контрактом на Имперскую Радиосеть.

6 Скандал усадьбы Трэнби Крофт, или история с королевским баккара (в этот период игра находилась под законодательным запретом) — игорный скандал 1890 года с участием будущего короля Эдуарда VII.

— Железнодорожное сообщение полностью дезорганизовано. Я прибыл из Тулона на эсминце; он же отвезет вас обратно. Командует им Джек Маннерс. В Тулоне доложите командиру. Выезжайте через полчаса, встретимся благополучно на борту. Мой автомобиль ждет у дверей. Вот ваше назначение.

Сирил Грей сунул документ в карман и вместе с учителем ушел в дом.

Через час они уже были на борту эсминца. После безмолвного рукопожатия Саймон Ифф сошел обратно по трапу, и Маннерс отдал команду. По пути на север они прошли под ветром от яхты Абдул-бея, где Лиза по самые очи в шампанском ласкала и нежила своего нового возлюбленного.

Крошечные ее пороссячи глазки так и сверкали через заплывавший их жир; щечки, цветом и текстурой напоминавшие зрелый камамбер, свисали, покачиваясь, над украшенной многими подбородками шеей, выглядевшей так, словно дева страдала зобом. Вся эта конструкция венчала одну из тех примечательных фигур, что так любезны инженерам (поскольку дают почти бесконечную пищу для фантазий об опорах и несущих конструкциях). Луна изливала теперь на нее свою полную силу, ничем не сдерживаемую и несбалансированную, и поскольку природа женщины была всецело телесна, а мозг ее пропорционально так же мал, как у носорога, результаты наблюдались преимущественно на физическом плане. Разум ее превратился в трясину мясистой, сочной роскоши. Так что она восседала на подушках, вся качаясь и перекатываясь вокруг Абдул-бея. Кремерс решила про себя, что больше всего девица похожа на уже начавшего подтаивать снеговика.

С сардонической улыбкой старуха помахала влюбленным ручкой и отправилась на палубу. Яхта уже была далеко в открытом море и направлялась в Марсель. Там Кремерс должна была сойти на берег, чтобы возвратиться в Париж и доложить о своем успехе Дугласу; счастливая пара же следовала дальше, наслаждаясь медовым месяцем. Дул свежий юго-западный ветер, и Кремерс (отличный вообще-то моряк), чувствуя бортовую качку, приблизилась насколько возможно к состоянию чистой радости и уже рисовала себе в воображении нашу Мисс Теплое Крем-брюле в каком-нибудь салуне, где ей самое место.

А тем временем эсминец, устремившись носом в море, как хорек — в кроличий садок, страстно неся в Тулон. Прозрение и экстаз так и сияли на лице Сирила Грея; Джек Маннерс был даже вынужден просить его, что случилось.

— Мне всегда казалось, что вы из тех граждан, для которых все люди братья,— сказал он. — А тут вы наострились пуще горчицы извести брата нашего немца.

— Каламбуры — вот эскадренные миноносцы военно-морского разума,— отвечивал Сирил Грей. — Считайте, что вас подбили. Ваша несравненная разведслужба и тут вас не обманула, насколько я могу судить. Все люди и в самом деле братья. Как маг я обнимаю, ласкаю и обшлюнявливаю щеки Кровавому Биллу. Но сражаться в армии — это вам не магический ритуал. Это бессмысленный, идиотский спектакль, разыгрываемый тупицами — иными словами, поступок настоящего джентльмена. И поскольку, к вечному моему стыду я родился именно в этом классе, я люблю это дело. Но будьте благоразумны! Мне как бессмертному богу чиханье не доставляет никакого удовольствия. Я решительно отказываюсь выставлять себя на посмешище перед прочими олимпийцами подобным унижением; но если мое тело решило простудиться, высморкаться для него будет достойно и правильно. Я не одобряю и даже не участвую в этом, и, как следствие, мой организм получает еще большую свободу действовать сообразно своей природе и самостоятельно прочищает себе носоглотку куда жестче, чем если бы я приложил к этому руку. Вот оно, преимущество быть магом: все наши разнообразные части свободны действовать с максимальной энергичностью и в соответствии со своей природой, потому что другие части им в этом нисколько не мешают. Вы же не посылаете своих штурманов в кочегарку, а кочегаров — в рубку. Первейшее из искусств адептата — рассортировать и специализировать, и организовать, и подчинить общей дисциплине все ваши части. На этом первый урок считайте законченным. Пойду-ка я спать.

— Это немного выше моего понимания, Сирил. Я только знаю, что намерен рискнуть жизнью за хорошее дело.

— Но это к чертовой матери поганое дело! Мы изолировали Германию и подрубили ее со всех сторон за четыре года, как сотню лет назад сделали с Наполеоном. Вильгельм, хотевший

мира по той простой причине, что он в нем жирел, почитал нас за своих настоящих врагов. В девяносто девятом он подпал под волну объединения Европы супротив нас — как раз во время инцидента с Фашодой¹. Мы его побили, и с тех пор он с каждым мгновением увязает все глубже. Новая попытка была во время англо-бурской войны. Он пробовал угрозы, дипломатию, да вообще все что мог. Балканская война и Адагир поставили ему на вид всю его полнейшую беспомощность. Королевство Албанское! Война в Триполи доказала, что на Италию ему полагаться больше нельзя. А когда Россия пошла на бесстыдное сараевское убийство — да что тут говорить! Англия — пират и всегда им была. Этому она научилась у Хенгиста и Хорсы² и у викингов. Вильгельм Завоеватель был пиратом, не говоря уже о Френсисе Дрейке. Поглядите на Моргана, произведенного в рыцари, и прочий разбойный люд! А поглядите на саму систему каперства! Про «Алабаму» когда-нибудь слышали? Мы открыли тайну власти над морями, мы можем перерезать пищевод любой нации в Европе — кроме Швейцарии и России. Отсюда и страх перед Россией! Это Веселого Роджера вам надо бежать, Джек Маннерс! Мы выстояли против немецкой экспансии; мы называли себя ее двоюродным братом, но когда сестрица затеяла у себя военно-морской флот, это была уже совсем другая рыбка!

— Это, знаете ли, уже совсем невыносимо!

— Ободритесь! Я тоже из вашей команды, пират!

— Да вы просто капитан Кидд!

— Я вам уже говорил, какого мнения придерживаюсь о дискурсивной ценности каламбуров. Так я иду спать. А вы займитесь делом и найдите себе какой-нибудь нейтральный корабль на разграбление.

— Я буду всеми силами поддерживать морской закон.

— Придуманый пиратом, чтобы не мешал его пиратским играм. Бог ты мой! Не понимаю, почему бы нам не включить

¹ Пик территориальных споров Франции и Англии в Восточной Африке пришелся на 1898 год. Две державы оказались на грани войны, но дело кончилось дипломатической победой Англии. Инцидент назван по городу Фашода в Восточном Судане.

² *Хенгист* (Жеребец) (первая половина V в. — ок. 488) — легендарный первый король Кантия (Кента), датского или англосаксонского происхождения. *Хорса* (Лошадь) — его брат.

здравый смысл. С чего мы поминаем закон и евангелие всякий раз, как собираемся сделать что-нибудь грязное? Мне достанет силы характера поубивать всех немцев, до кого дотянусь, не уговаривая себя, что я их спасаю от прусской тирании! Спокойной ночи!

«Молодежь нынче либо совершенно невразумительна, либо аморальна,— подумал про себя Маннерс, обращая лицом к мерцающей пене морской. — Но держу пари, этот действительно поубивает немало немцев!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О ЗАРЕ, ВОШЕДШЕЙ НАД СТАРЫМ НАШИМ ДРУГОМ,
БУЛЬВАРОМ АРАГО; О ЛЮБВИ ЛИЗЫ ЛА ДЖУФФРИИ
И АБДУЛ-БЕЯ И ОБ ИХ БЛАГОДЕНСТВИИ.

О ТОМ, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА
ВЕЛИКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, И О СОВЕТЕ
МЕЖДУ ДУГЛАСОМ И ЕГО ПОДЧИНЕННЫМ

Лорд Энтони Боулинг был одним из трех деятелей военного министерства, в совершенстве владевших французским; не смотря на этот серьезный недостаток, его выбрали вести переговоры с французским командованием в Париже. Там он и повстречал Сирила Грея, чрезвычайно занятого переговорами с портным. Молодой маг уже когда-то носил капитанский чин в гусарском подразделении, но год, проведенный в Индии, чрезвычайно обострил в нем врожденную любовь к странным местам и людям. Он испытал сильное искушение оставить службу и сдался ему, после чего отправился исследовать Центральную Азию и ужасные края за пределами Ассама. Спорт, поло и флирт были выше его сил. Саймон Ифф время от времени подкидывал ему намеки на то, к чему может привести магия, если вдруг разразится война, и юноша извлек из них весьма практическую пользу. Временный план был составлен.

С лордом Энтони он повстречался по чистой случайности на Итальянском бульваре, отобедал с ним и, обнаружив, что по распоряжению военного коменданта Парижа, все

развлечения, в том числе и разглядывание окружающего мира с террасы кафе, должны отныне прекращаться в восемь вечера, предложил провести вечер за курением опиума «chez Zizi»¹, премилой юной особы, которая жила с неким блестящим английским журналистом на Марсельском бульваре. В полночь, пребывая в безмятежной уверенности, что Бог, по утверждению покойного Роберта Браунинга, точно сидит у себя на небесах, они решили завершить вечер у Сирила в ателье. Там молодой маг «воссоздал сцену преступления» с таинственной графиней и ее прыгающими шариками и пересказал эпизод с Тварью в саду к великому удовольствию «Мэйферского Тритона». Затем он предложил усовершенствовать боулинговский герб путем введения в него двенадцати креветок кушан², багряных, с лазурными бантиками, а также замены дикарей герцогского щита незабвенным полтергейстом.

Скромно отклонив эти геральдические почести, лорд Энтони ответно попотчевал хозяина остроумной историей о некоем джентльмене из Швеции, материализовавшем многочисленнейших призраков из — как потом выяснилось при обстоятельствах, которые иначе как драматическими не назовешь — содержимого стального цилиндра двенадцати дюймов в длину и трех в диаметре, который при обыске медиума, полностью при этом раздетого, поначалу никак не могли обнаружить.

Однако ни одного из них собственные истории понастоящему не интересовали; бессознательное возбуждение, рожденное войной, делало разговор на любую другую тему прискорбно искусственным. Рассказ Боулинга привнес в беседу рассеянность; воцарилось тяжелое молчание: мужчины раздумывали над способами сокрытия официальных сообщений от рыщущих повсюду шпионов. Исследования спиритуализма — превосходная тренировка для тайной разведывательной службы: быстро привыкаешь к всевозможным уловкам.

Но тут Сирил Грей снова взгромоздился на магическую кафедру.

— Германия сейчас в отличном положении, — возвестил он. — Она в состоянии войны; мы же просто решили подраться

¹ «У Зизи» (фр.).

² Couchant (фр.) — «лежащий»; геральдический термин, описывающий позу фигуры на гербе.

на уик-энде. Главное условие успеха в магии — чистота цели. Нельзя позволять никаким иным соображениям вмешиваться в дело, которым вы заняты. Но мы-то в Англии все лицемеры; мы мямлим и компромиссничаем. Когда за дело берется маг, все идет как нельзя лучше: вы только поглядите как Просто Саймон мастерски изолировал Германию! Но даже и тут ему помешало министерство финансов: пять миллионов в нужное время и в нужном месте купили бы нам Балканы. Во сколько нам обойдется, по-вашему, эта маленькая экономика, прежде чем все будет кончено? Что до глупости оставить Турцию в сомнениях, то это уже ни в какие ворота не лезет!

— Да,— согласился Боулинг,— нам бы с самого начала поддержать Абдул-Хамида. Лучший подвид английского джентльмена — кровный брат лучшему подвиду мусульманина. Он храбр, справедлив, искренен, мужествен и горделив. Нам бы следовало всегда заключать союзы с исламом против раблепствующих индусов и так называемых христиан. Куда девался дух паладинов и тамплиеров, дух рыцарей Круглого Стола? Современный христианин — буржуа, и в основе его характера — страх и лживость.

— Есть преимущественно два типа животных в природе: один, чья защита — прятаться, избегать опасности, беречься смерти, и другой, который защищается, нападая.

— Да, все идет хорошо, пока нас боятся. Но викторианское ханжество обратило наших тигров в волов. Вдруг выяснилось, что неправильно драться, опасно пить пиво, безнравственно любить. А сейчас вдобавок жестоко есть говядину, аморально смеяться и само дыхание уже ведет к неминуемой смерти. Вездесущий микроб ввергает нас в панику. И вот мы — жирные, трусливые рабы. Я слышал, Китченеру¹ было нелегко собрать первую сотню тысяч человек. Откликнулись только частные школы для мальчиков. Лишь джентльмены и спортсмены по-настоящему любят Англию — и это те, кого здесь в последние несколько лет неизменно проклинаят за тиранию и либертинизм.

— Только мужчин.

¹ *Китченер*, Гораций Герберт (1850—1916) — английский военный деятель, фельдмаршал.

— И ведь как мало их осталось в целой толпе отребья, старух, халтурщиков, слабаков и прочих чокнутых!

— Упокой, Господи, душу Эдуарда VII! Я-то думал, все наладится после смерти Виктории, ан нет...

— Не тот нынче час ночи, чтобы ударятся в поэзию! В Германии с ее Социал-Демократической партией все почти так же плохо.

— Вы вправду так думаете? — вскричал резко Сирил, садясь. Движение его было сильным, но истолкованию не поддавалось и казалось каким-то несообразным небрежной банальности Боулинга.

— Я это знаю. Это одна из главных причин войны. Забернский инцидент¹ продемонстрировал прусским юнкерам, что сидеть в безопасности им осталось год, от силы два; после этого народ станет уже слишком горд, чтобы драться, — отвечал лорд Энтони, предвкушая хамелеонью мелодраму во всей ее красе.

— И что? — голос Сирила уже дрожал, судорога напряжения пробежала по телу; он даже в одно мгновение протрезвел.

— Двор хотел войны, чтобы вернуть нации дух мужества и, между делом, сохранить себе место под солнцем.

Юноша с громким вздохом осел в кресло. Тон его возвратил себе прежнюю надменную небрежность.

— Кровавый Билл испугался за династию?

— Не то слово. Аж позеленел.

— Помолчите минут пять, будьте хорошим мальчиком! У меня такое странное чувство... — как будто я сейчас начну думать!

Лорд Энтони послушно замолчал. Пять минут, однако, превратились в двадцать. Затем Сирил, наконец, заговорил.

— Мне, пожалуй, будет лучше явиться к Криппсу с удвоенной быстротой, — промолвил он. — Я все-таки его офицер разведки, так что, думаю, мой долг — поставить его в известность о планах немецкого великогенерального штаба.

— О, да, это вы точно должны сделать! — со смехом отвечал на это лорд Энтони.

1 *Забернский инцидент* — кризис внутренней политики Германской империи в конце 1913 года, привел к ухудшению обстановки в провинции Эльзас-Лотарингия и значительному падению реноме кайзера.

— Тогда идемте бродить по бульвару. Уж занимается заря. *Café-brioche*¹ в «Ротонде», потом немного потиранить портного и в путь!

Они вышли в холодное утро. В трехстах ярдах от них, у ворот тюрьмы Санте собралась небольшая толпа. Центром внимания оказалась прелюбопытная конструкция: две узкие вертикали, увенчанные переключиной, под которой в бледных сумерках мерцал треугольный кусок металла.

— У мира — свои победы, не менее прославленные, чем у войны! — цинично протянул Сирил. — Признайте, что я вас королевски развлек! Вот вам достойное завершение нашего пиршества.

Лорду Энтони не удалось скрыть ужаса и отвращения: он прекрасно понял, какое зрелище уготовал им случай. Если бы характер его хоть в какой-то мере походил на Сирилов, чары смерти не влекли бы его с такой неотвратимостью. Друзья приблизились к толпе. Полицейский кордон держал оцепление вокруг конструкции.

Ровно в это мгновение ворота тюрьмы отворились, выпускающая небольшую процессию. Все взгляды тут же устремились на следовавшую в центре фигуру — старого-престарого мужчину с раззявленным ртом, из которого несся сиплый вой, монотонный и совершенно не человеческий. Глаза словно пытались вылезти прочь из черепа, а выражение их лучше даже не описывать. Руки были плотно примотаны к бокам. Двое человек наполовину поддерживали, наполовину толкали его вперед. Помимо ужасного этого вопля не было слышно ни звука. Ни движения, ни даже шепота из толпы. Официальные лица исполняли свой долг, будто какие-нибудь машины. Через мгновение заключенного швырнули на доску и вдвинули в вертикальную раму. Кошачий концерт внезапно умолк. Голосом кого-то из чиновников прозвенел отрывистый приказ. Нож упал. Из толпы грянул совершенно кошмарный звук — тихое «Ах!», такое низкое, такое яростное, что в нем не было ничего человеческого. Лорд Энтони Боулинг никогда потом не мог сказать, до или после этого он услышал стук головы, упавшей в корзину.

— Кто это был? — спросил Сирил какого-то зеваку.

1 «Кофе и бриошь» (фр.).

— *Un anglais*,— ответили ему. — *Le docteur Balloch*¹.

Сирил даже отшатнулся. Он не признал своего старого врага.

И тут же с ним заговорила некая личность, которую он, напротив, узнал бы из тысячи, и к тому же одетая, как и он сам, в форму французского полковника. Это был Дуглас. На локте его висело едва держащееся на ногах дитя с личиком, уже затуманенным пьянством, с вращающимися глазами, всклокоченными волосами, распяленным мокрым ртом, заливающимся вульгарным и бесстыдным пьяным хохотом.

— Доброго утра, капитан Грей. Какая встреча, какая поистине прекрасная встреча! — начал Дуглас, победоносный и оттого учтивый. — Надеюсь, вы прелестно провели время в Неаполе.

— Совершенно прелестно,— ответил Сирил.

— А вот Доктор Баллох перешел мне дорожку,— продолжал Дуглас. — Я очень рад, что вам представился случай поглядеть на его конец.

— И я рад,— заверил его Сирил.

— А какой конец, по вашему мнению, я уготовал для вас? — спросил колдун с внезапной пеной дикости на губах.

— Уверен, что-то прелестное,— самым шелковым голосом ответил Сирил. — Я вашей работой, знаете ли, всегда восхищался. Особенно переводом «Книги священной магии Абрамелина-мага».

— Вы, конечно, помните тот пассаж о злом Антонии Пражском,— продолжал он с внезапной силой и торжественностью. — Поразительные вещи творил он и какого процветания добился! И как его потом нашли на обочине дороги: язык наружу, и псы пируют его потрохами! Знаете, что до сих пор вас спасало? Одна лишь преграда между вами и полным уничтожением — любовь вашей жены, которую вы умертвили!

Тут Сирил прокричал громко три слова на странном языке и, не дав собеседнику ни единого шанса ответить, стремительно пошел прочь вместе со своим другом.

Дуглас долго не мог прийти в себя. Его словно громом поразило. Откуда мальчишка узнал о смерти его жены? Ладно, это еще можно понять, но откуда ему стал известен тот окутанный строжайшей тайной факт, что со времени этого преступления демоны его утратили всякое присутствие духа? Он поскорее

¹ «Англичанин. Доктор Баллох» (фр.).

стряхнул это странное ощущение и снова повернулся к месту казни, чтобы еще раз порадоваться смерти Баллоха.

— Кто это был? — спрашивал тем временем Боулинг.

— Главная Шишка собственной персоной и с круглой пимпочкой сверху! Это Дуглас!

— Глава Черной Ложи?

— Бывший.

— Ясно как день. Баллоха приговорили за преступление, совершенное двадцать лет назад. Дуглас об этом, должно быть, знал и выдал его.

— Обычное дело.

— А каким образом он заделался полковником французской армии?

— Понятия не имею. Он близко якшался с парой министров; с Бекассо особенно, надо думать. В оккультизме вообще куча политиков, представьте себе.

— Я это обдумую. Можно будет сегодня же спросить министра. Но, скажу вам, сейчас нам больше не до шуток. С тех пор, как все наши мобилизационные планы отправились в утиль из-за того, что Льеж и Намюр не смогли устоять, рассеяние правит бал и не обычною любовницей, но законной женой и сводней Владыкам Ада!

— Нечего цитировать Теннисона, пусть даже через слово, когда над нами висит тень Бельфорского льва¹! Что же до шуток, то на войне их нет. Не верите мне — спросите немцев.

Чуть погодя, после того как «Ротонда» на бульваре Монпарнас освежила их своим превосходным кофе и бриошами, напоминающими первые поцелуи далекой юности, они дошли пешком до Площади Согласия и там расстались.

Сирил двинулся в сторону Оперы, где на Рю Де Ла Пе обитал его портной. Голова его была полна деталями пришедшей в нее недавно великой идеи, прозрения относительно целей врага. Его догадка изрядно насмешила лорда Энтони. Самому ему было совершенно не до смеха; творческий гений пламенем сжедал его изнутри. Одновременно Сирил боялся, что все его труды падут на почву неплодную.

¹ *Бельфорский лев* — монументальная скульптура Фредерика Бартольди, установленная в память о сопротивлении Бельфора (Эльзас) прусским войскам во время войны 1870 г.

Слишком хорошо он знал, как тяжело заставить Власть при- слушаться к Разуму!

На углу площади Оперы он поднял, наконец, глаза, чтобы убедиться, что переход свободен.

* * *

Разум же Абдул-бея пребывал в смятении. В первую ночь на яхте он благополучно погряз в разврате. Проснулся он, однако, с весьма ясной головой и тут же оказался лицом к лицу со всей сложностью сложившейся ситуации. Лично он торжествовал победу; ничто в частных его делах не внушало ни малейшего беспокойства. Однако будучи сотрудником турецкой тайной службы в Париже, он достаточно хорошо представлял себе политический расклад. Он знал, что Турция рано или поздно разыграет свои германские карты, и сомневался, мудро ли будет в такой ситуации возвращаться во Францию. С другой стороны, горн долга звал его, и пальцев в пирог он хотел запустить как можно больше. После долгих раздумий он решил, что пристанет в Барселоне и, воспользовавшись американским паспортом — у него, конечно, были документы большинства стран — выдаст себя за рассеянного миллионера. Спутники — оба американские граждане — иллюзии лишь поспособствуют. В случае неприятностей или подозрений эта уловка должна сработать, а в Париже уже можно будет оценить, как легли карты, и действовать по обстоятельствам.

Он отдал капитану приказ плыть в Каталонию. Путешествие было бедно событиями, если не считать краткого визита патруля, который, впрочем, не обнаружил никакой контрабанды. На самом деле Абдул и Лиза все это время были попросту пьяны. Лишь однажды, уже близ испанских берегов, блаженство Лизино медового месяца нарушил ветер. Было у него и другое последствие, уже более серьезное. Как только они сошли на берег в Барселоне, Лиза внезапно и сильно разболелась. Неделю спустя доктора пришли к выводу, что требуется радикальное вмешательство — ни много ни мало, операция. На следующий день в этот мир вошла девочка, весьма живенькая, невзирая на всю необычность входа. И поистине необычное дитя! Очень красивый младенец с темно-синими глазами,

четырьмя зубами и волосами в шесть дюймов длиной, такими светлыми, что казались серебристо-белыми. И, словно татуировка, над сердцем голубел бледный полумесяц.

От недомогания Лиза оправилась быстро — но недостаточно скоро для любвеобильного турка, который к тому же, к вящему своему удивлению и досаде, обнаружил, что к ней вернулись былая грация и деятельность. За три недели недуга весь жир с нее сошел, а к тому времени, как она смогла выходить и тем более ездить в город, Лиза снова выглядела почти как в ту ночь, когда Сирил впервые ее увидел: веселой, здоровой, жизнерадостной молодой женщиной. Эта перемена охладила абдулов пыл, а от этого стали другими и ее чувства. Неряшливость возлюбленного стала внушать ей отвращение. Что до ребенка, то он был причиной вечного раздражения для обоих. Кремерс, опять же, едва ли можно было назвать веселой компаньонкой. Она вогнула бы в пущую депрессию и ипохондрика, отправившегося на похороны любимого дядюшки и узнавшего, что тот ему ничего не завещал. Не прошло и три дня после того, как Лиза встала с постели, и грянул кризис. Она инстинктивно почувствовала, что в Париже ей весело не будет, и вознамерилась плыть в Америку. Абдул со своей стороны не желал медлить с отбытием в Париж. Кремерс по каким-то своим причинам вдруг передумала докладываться Дугласу; 186-я Западная улица неусыпно звала ее домой, по крайней мере, она так сказала. Взрыв произошел за обедом, когда выяснилось, что испанская нянька не сумела должным образом закутать ребенка.

— Вот ведь черт! — выразился Абдул-бей.

— Видит бог, не хочу я эту мелкую тварь! — добавила гордая мать младенца.

— Гляди-ка! — вставила Кремерс. — А вот я хочу. То еще дитятко, ей-ей!

— Вот ведь черт! — повторил Абдул-бей.

— А гляди-ка! Дайте мне бабок, и я ее заберу на ту сторону лужи. Вот вам и вот! Три тысячи баксов плюс издержки, и по три тысячи каждый год, и дело в шляпе. Вы, ребята, едите себе восвояси и хоть Париж в розовый цвет красьте! Чем не вариант?

Абдул-бей немедленно просиял. Одна лишь мысль охлаждала его радость.

— А как же Дуглас? — спросил он неуверенно.

— Я и с этим разберусь.

— Вот хороший план,— пробормотала Лиза. — Давай уедем сегодня же! Меня тошнит от этой дыры,— и она нежно приласкала своего турка.

Увы, Париж больше не был Парижем ее мечты, Парижем праздной роскоши, «куда отправляются после смерти американцы, которые хорошо себя вели». Теперь это был военный Париж суровой дисциплины, патриотического энтузиазма — словом, сущего кошмара для соотечественниц знаменитой леди, растившей сына не для того, чтобы он стал солдатом. Лиза во всем обвинила Абдула, который только пожал плечами и напомнил ей, что иметь чем сегодня пообедать уже хорошо, потому как через неделю или около того немцы войдут в Париж. Она в ответ принялась над ним издеваться, а он спустил с поводка родовое, унаследованное от предков отношение к женщинам, которое спит, глубоко похороненное в каждом из нас — по крайней мере, в тех, кто еще не совсем выродился душою, сколь бы свободная мораль не изъела его ржавчиной на поверхности. Она грозно встала в автомобиле (который как раз проезжал площадь Оперы) и сломала ему об голову свою парасольку, после чего наострила ногти ему в глаза. Он кулаком двинул ей в живот, так что она с криком рухнула на сиденье. Именно крик и отвлек внимание Сирила Грея от созерцания внутренним оком военных замыслов Германии.

Совершив беспримерный прыжок, юноша в мгновение ока вцепился Абдул-бею в горло, вытащил из машины и немедленно перешел к общему бичеванию пороков при помощи ботинок. Однако вмешалась полиция; трое с обнаженными саблями подскакали к ним и положили конец приключению. Арестованы были все стороны конфликта, но Сирил Грей сей же час выпутался, продемонстрировав бумагу, завоевавшую ему такое уважение несколько месяцев назад на руинах железнодорожной станции в Море.

— Мне нужно к портному: дело министерства,— заметил он с цинической улыбкой и был отпущен с изъявлениями глубочайшего уважения.

— В конце концов, это совершенно не мое дело,— бормотал он, ввинчиваясь в новую свою тунику к бесконечному

восхищению портного. Восторг перед мужской красотой, свойственный этому племени, напрямую зависит обычно от стоимости костюма.

— Лучше уж любить и потерять, чем никогда не любить вообще. Вот когда их еще и потерять не можешь, тут действительно беда. Бедная старушка Лиза! Бедняга Абдул! Впрочем, как я уже сказал, это не мое дело. Мое дело — выяснить планы врага и — боже ты мой, сколько еще ждать? — убедить власти в том, что я прав. Учítывая, что понадобилось предъявить им восемь миллионов марширующей пехоты, чтобы доказать что Кровавый Билл хочет войны, задача эта, боюсь, будет совсем не похожа на синекуру.

Он отправился напрямик в казармы, где его ждал военный автомобиль, и ужасно остроумно велел шоферу везти его к генералу Криппсу.

Что же до Лизы и турка, то через двадцать четыре часа их таки выпустили на свободу. Встреча с Сирилом и то, как поспешно он бросился на ее защиту, заново разожгли в Лизе пламя ее полусумасшедшей страсти. Она кинулась в ателье, чтобы немедленно увидеться с ним: оно оказалось заперто, и консьерж ничем не смог ее порадовать. Она помчалась в гостевой дом на Монмартре: там ей сказали, что он уехал, чтобы вступить в действующую британскую армию. Взволнованные метания по официальным кругам привели ее в конце концов к лорду Энтони Боулингу. Он искренне посочувствовал ей. Девушка понравилась ему с первого взгляда, но, увы, он никак, никоим образом не мог помочь устроить их с Сирилом встречу.

— Для вас есть только один способ попасть на фронт, — заявил он. — Вступите в Красный Крест. Моя сестра тут как раз формирует секцию. Если хотите я дам вам записочку к ней.

Лиза так и подпрыгнула от этого предложения. Очевидный результат представился ей живее, чем наяву. Сирил, конечно, будет страшно ранен, ведя последнюю победоносную атаку драгун на стены Берлина; она эффектно вернет его к жизни — возможно, для этого понадобится перелить ему ее кровь; затем, возведенный в пэрство маршал Эрл Грей Кельнский (именно там он переплыл Рейн и, вырвав ключи от города из трясущихся лап остолбеневшего бургомистра, швырнул их назад через реку своим не столь решительным камрадам) поведет ее,

сия с мужественных персей Крестом Виктории (сплошь золото и бриллианты), к алтарю церкви святой Маргариты, что в Вестминстере.

Поистине стоило учиться магии, чтобы добиться подобных высот в ясновидении! Она бросилась прочь (все еще на максимальной доступной человеку скорости), чтобы скорее встретиться с леди Марсией Боулинг.

Ни единая мысль об Абдуле не пришла ей в голову. Да он бы никогда и не показался ей привлекательным, если б не было так трудно его заполучить.

Что касается самого этого джентльмена, если горе и рвало когтями струны его сердца, продемонстрировал он это той ночью довольно необычным способом. Возможно, то была лишь симуляция философической стойкости духа — копать глубоко никакой надобности нет — но во всяком случае в действия она вылилась довольно интересные: они заключались в отлове котки на Итальянском бульваре и ужине с нею в Кафе де Пари. В заключение трапезы, которую любой доктор с уверенностью прописал бы в качестве радикального средства от горя любому своему пациенту (кроме, разве что, страдающих расстройствами пищеварения), к их столику приблизился с поклоном метрдотель и протянул конверт. Абдул открыл его: внутри был вызов от Дугласа с требованием явиться немедленно в апартаменты на Фобур Сен-Жермен.

Турку оставалось только повиноваться. Он испросил у прекрасной гостии извинения при помощи стофранковой купюры и спешно отбыл на randevu.

Дуглас принял его с крайней любезностью.

— Тысяча поздравлений, мой дорогой юноша, с такой блестящей победой! Вы преуспели там, где люди постарше и поопытнее вас потерпели ужасный крах. Я вызвал вас сюда этим вечером, чтобы сообщить: вы заслужили себе место среди Четырнадцати, в Гаагаазеле, ибо место это с нынешнего утра вакантно.

— Так Баллоха казнили?

Дуглас кивнул со злорадною улыбкой.

— Но почему вы его не спасли, учитель?

— Спасти его! Да это я уничтожил его, когда он попытался меня предать. Учтите это, кандидаты!

Абдул завозражал, что уж его-то верность и преданность..

— Главную проверку,— прервал его Дуглас,— невозможно нормально провести в военное время. Слишком многое нужно сделать безотлагательно. Но — в качестве предварительной меры — как вы относитесь к Германии?

Абдул чуть не отскочил, разом лишенный всякого присутствия духа.

— К Германии? — заикаясь, проговорил он. — С чего это вдруг, полковник?

Чин он намеренно подчеркнул.

— Я ничего о ней не знаю. От моего правительства никаких инструкций не поступало...

Тут он встретил взгляд своего повелителя и прочел в нем холодное презрение.

— Я... я..

— Посмеете играть со мной?

Молодой человек запротестовал, что, дескать, подобная мысль ему и в голову не могла прийти.

— В таком случае,— нажал колдун,— вы и понятия не имеете, что это означает.

Он вытащил из кармана пятидесятифранковую купюру и протянул ее турку. Тот подхватил ее и на мгновение выпучил от удивления глаза.

— Рассмотрите ее! — холодно бросил Дуглас.

Турецкий тайный агент машинально поднял ее к свету. Среди цифр номинала оказалась парочка крошечных булавочных проколов.

— Аллах! — вскричал он. — Так вы...

— Да. Возможно, вам также известно, что моя коллега по Ложе, «А.Б.», намерена устроить ряд неприятностей в британской Индии. На определенные классы индийского общества она пользуется весьма большим влиянием. Вы со своей стороны можете, не привлекая к себе внимания, поработать с мусульманской частью французских войск, той, что из Африки. Но будьте осторожны — у вас есть и более важная и неотложная работа: ни больше ни меньше как уничтожения французской армии на поле брани. Давайте посмотрим, на что вы способны. Я pošлю вас в мой маленький приют отшельника, где время от времени появляюсь

в обличье великого аскета; там вы найдете одну преданную мне старую даму. Пусть один из ваших лучших людей притворится йогом. В саду — вот его план — вы найдете проволочный вывод. Есть и еще один — в том доме, где вас крестили и венчали, помните? Через Сену кабель идет в другой коттедж, где живет один старый бельгийский мистик, друг Метерлинка. Ха-ха! Его настоящее имя — фон Вальдер, он из Дрездена. Он отвечает за другой кабель, подземный, три сотни миль длиной — спасибо Бекассо, который помогал нам с путевыми расчетами — ведущий в некое место, которое сейчас в руках крон-принца. Все, что вам надо сделать, это посадить туда вашего человека и пусть делает вид, что медитирует — а сам перехватывает сообщения. Я стану посылать вам массу информации с фронта. Моего агента вы узнаете по застегивке на брючной пуговице. Каждое послание будет пронумеровано, так что вы узнаете, если хоть одно заблудится по дороге. Вам все ясно?

— Превосходно! Нет нужды заверять, как я горд обнаружить, что мы с вами на одной стороне. Меня премного напугала ваша униформа!

— *L'habit ne fait pas le moine*¹, — весело отвечал ему Дуглас. — А теперь, сэръ давайте проведем ночь за подробным обсуждением наших планов и совершенно отменным виски, который у меня тут как раз случился.

Эту двойную задачу шпионы с безжалостной энергичностью решали, пока утро не вступило в свои права. Позже тем же днем Дуглас отбыл в Суассон. Он был приписан к французской армии как командир сигнального батальона — снова спасибо любезности Бекассо. План его был прост и совершенен — шутка ли, его лелеяли пятнадцать лет!

1 «Не ряса делает монаха» (фр.).

О ПРИБЫТИИ КИТАЙСКОГО БОЖЕСТВА НА ПОЛЕ
БРАНИ; ОБ УСПЕХАХ ЕГО ПРЕД НАЧАЛЬСТВОМ
И О ВИДЕ, КОТОРЫЙ ОТКРЫЛСЯ ЕМУ С ДОРОГИ
НА ПАРИЖ. ТАКЖЕ О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НИМ
ПОСЛЕ ЭТОГО И О ЗАВЕРШЕНИИ ВСЕХ ЭТИХ СОБЫТИЙ,
ПОЛОЖИВШЕМ НАЧАЛО КОЕ-КАКОМУ НАЧИНАНИЮ

Отступление британской армии из Монса не знает себе равных в истории. Войска были захвачены врасплох; им пришлось сражаться три недели, прежде чем они смогли отойти; победоносный враг превышал их числом в три раза; согласованность действий с французской армией отсутствовала, так что последняя не смогла поддержать их в самый критический момент. И все же они вели этот жуткий и упрямый бой — от дома к дому, от поля к полю, через лиги и лиги Северной Франции. Фронт по мере отступления непрерывно удлинялся; и сам отход, и потери истощили его до пределов человеческих возможностей. К счастью для Англии, воины ее выкованы из такого металла, что чем тоньше ты крутишь из него проволоку, тем она прочнее.

Впрочем, на каком-то этапе разомкнутый строй уже напоминает туалет для званого обеда, надетый нарядною американкой — весьма и некстати *décolletée*¹. Именно об этом думал генерал Криппс, когда к нему явился представляться новый офицер разведки. Было около шести вечера; Криппс со штабом стояли на бивуаке в мэрии крошечной деревеньки и обдумывали перспективы дальнейшего отступления сей же ночью.

— Садитесь, капитан Грей, — тепло поприветствовал Сирила командующий. — Отужинайте с нами — как только мы подготовим приказ по армии — да вы слушайте, сразу станет понятно, что к чему — поговорим с вами после ужина — уже по дороге.

¹ «Открытое, декольтированное» (фр.) Платье для званого обеда, согласно этикету, должно быть закрытым, с длинными рукавами или жакетом.

Сирил взял себе стул. К вящему его удовольствию, *aide-de-camp*¹ лорд Ювенций Меллор, элегантный юный денди, отличавшийся томною шепелявостью, и в бытность свою в мирное время ученик и личный секретарь Саймона Иффа, подошел поздороваться с ним.

— Ю, мальчик мой, выручите меня. Мне нужно кое-что сказать Криппсу, но он точно решит, что я спятил. Это, конечно, блеф, но в то же время и чистая правда — и единственный на свете шанс.

— Конечно!

— Мы что, снова отступаем?

— Всю ночь напролет. Удержать Париж нет ни малейшей возможности, а фронт растягивается каждый час все больше.

— Да не волнуйтесь вы о Париже — он в такой же безопасности, как Бордо. Даже, пожалуй, в большей — потому что в Бордо сидит правительство!

— Мой бедный друг, может, вам лучше устроиться в одном из домов?

Никаких иллюзий относительно создавшегося положения у британской армии не было. То была узкая, грязная шеренга героев — очень на самом деле узкая и очень грязная, но зато и в героизме их сомневаться не приходилось, как и в том, что с ними случится, если у немцев вдруг объявится достаточно инициативный командир. До сих пор вражеские легионы наступали согласно строгим правилам и со всеми приличными случая научными предосторожностями. Командир, одаренный сразу и темпераментом, и интуицией, мог бы без труда прорвать тонкую эту линию. Но наука столь же непреложна, сколь и медлительна, и вся армия это знала. Она готовилась продать свою жизнь за самую дорогую цену и непременно с мужественной простотой и благородством. Она еще не догадывалась, что пресса и духовенство сделали из них всемирное посмешище, выдумав глупейшую историю о Монских ангелах².

1 «Адъютант» (фр.).

2 Осенью 1914 года Артур Мэйчен опубликовал в газете «Ивнинг ньюс» сенсационную статью о том, как под Монсом британское подразделение бы о спасено от втрое превосходящего его численностью врага, благодаря вмешательству ангелов. Через год автор признался, что статья была литературным вымыслом.

Лорд Ювенций Меллор был чем-то вроде героепоклонника. Любые слова Саймона Иффа он принимал с абсолютным благоговением, а ремарка Грея была весьма в стиле Иффа, то есть столь же дерзкой, сколь и абсурдной. Париж должен был пасть с тою же неотвратимостью, с какой садится солнце. Шутить об этом было очень-очень дурным тоном.

— Да ну вас! — сказал Сирил. — Я серьезно.

— Еще того хуже! — ужаснулся Меллор. — Вам точно надо в дом.

— Если бы мы с вами разговаривали о магии, вы бы так себя не вели.

— Точно так.

— Тогда вы, молодой человек, осел. Я говорю о магии. Если у вас есть уши, растворите их!

— Но как?

— Все на свете есть, по большому счету, магическое явление. Но война — это чистая магия. Итак, походи и поразмысли со мною, сказал Господь. Я совершил дивинацию на Таро при помощи метода, рассказать о котором не могу, так как он относится к степени посвящения, куда более высокой, чем ваша, и вы никогда даже не слышали его названия; так что теперь мне подробнейшим образом известны планы немецкого генерального штаба.

Тон Сирила превратил эту идиотическую сентенцию в нечто настолько сивиллическое, оракульное, дельфийское и кумское сразу, что собеседник его едва не задрожал. *Verus incessu patuit Deus*¹ — когда Сирил считал необходимым произвести впечатление на непосвященного. Большинство народу примет золото за отбросы, если только не завернуть его в мишуру и не надписать большими цифрами цену раз в десять больше реальной и слово «жертва» в придачу. Проглядеть золото умеют и самые преуспевающие коммерсанты.

— О! Я не знал!

— Сами понимаете, что объяснить это Криппсу было бы затруднительно; тут нужно спрясть из соломы чуток золота.

— О, да-да.

¹ «Настоящего бога видно по походке» (лат.) Парафраз цитаты из Энеиды Вергилия: «*Vera incessu patuit Dea*» — «Настоящую богиню видно по походке» (о явившейся Энею Венере).

Золото на самом деле было уже благополучно спрядено: для дивинации Сирил не пользовался никакими средствами, более оккультными, чем присущая ему от природы пронизательность. Просто лорд Ювенций был из тех, кто преклоняется лишь перед тою властью, на чьей стороне стоят тайна и изрядная доля балагана — а все потому что разум их неразвит. Такие люди великолепны на вторых ролях в любой кампании, ибо их вера в своего командира производит нужное впечатление на постороннего, не подозревающего, насколько они в действительности умственно жалки. Говорят, никто не герой пред своим лакеем. Да ничего подобного: каждый — Бог своему секретарю; если же нет, от такого секретаря лучше поскорее избавиться!

Лорд Ювенций никак не поспел бы за хитроумными калькуляциями Сирила Грея, которые он намеревался представить генералу Криппсу. Однако за точность гадания на Таро, такого темного, что даже о методе его ему не полагалось знать, и, к тому же, в действительности даже не состоявшегося (о, да! ибо было оно выдуманно бессовестным магом на волне момента), он, лорд Ювенций, с уверенностью поставил бы на кон свою жизнь.

— Я ему скажу, что военное положение вещей в данный момент неразрывно связано с политическими и династическими соображениями. Надо будет многозначительно бросить что-нибудь насчет *Anschauung*¹ и *Welt-politik*²!

Лорд Ювенций восхищенно захихикал.

— Кстати,— продолжал Сирил. — Вы имеете какое-то влияние — я имею в виду, личное — на старика?

Лорд Ювенций наклонился к нему, полуприкрыв веки, и понизил голос до конфиденциального шепота.

— В тот день, что встречаю нас свел,— прошелестел он.

— Отлично. Но я думал...

— Давняя история. Это совершенно бесспорно.

Подобным беседам, с точки зрения человека постороннего, недостает понятности; но человеку постороннему тут, собственно, и нечего понимать. Диалоги такого прелюбопытного

1 «Взглядах» (нем.).

2 «Мировой политике» (нем.).

рода неизменно сопровождают самые значительные события в жизни английского света и высокой политике.

— Тогда проследите, чтобы он принял меня всерьез.

— Конечно, *Kurille*!¹

— *Præcetur oculis mellitis*!²

— *Kurille, Catulle*!³

Когда англичане вдруг пускают в ход один из мертвых языков, это явный признак того морального состояния, о котором в Псалтири сказано, будто оно напоминает святой елей, что потек с главы аароновой на подол одеяний его.

Ординарцы пригласили штаб к ужину. Сирил в качестве гостя вечера воссел одесную главнокомандующего.

— Вас мне чрезвычайно рекомендовали,— молвил старый командир кавалерии, когда дошло дело до сигар,— и я позабочусь о том, чтобы придать вам соответствующие отличия. Вы, разумеется, поступите под командование полковника Мэйвора и станете докладываться непосредственно ему.

— Можно мне сообщить кое-какую информацию лично вам напрямую? — спросил Сирил. — Дело, насколько я понимаю, не терпит отлагательств. Вам следует узнать об этом немедленно, и, откровенно говоря, лучше этого шанса мне вряд ли представится.

— Весьма забавное начало, черт его раздери,— проворчал генерал. — Ладно, давайте!

Дозволение было не то чтобы очень любезным, но нарушение норм в британской армии — вещь серьезная. Генерал Криппс просто сделал плохое еще хуже.

— Неофициально, имейте в виду, исключительно неофициально,— добавил он, прежде чем Сирил успел раскрыть рот.

Вот вам типичная английская уловка, чтобы слушать, не слыша, или сказать, как бы ничего не имея в виду. Официальная беседа такой стерильной быть не может; она подразумевает всякие ноты, меморандумы, декларации, рекомендации, доклады, распределение полномочий, бесконечную обдуманность и взвешенность, новые доклады, запросы парламенту, внесение законопроектов и все такое прочее.

1 Латинизированная форма греческого имени Кирилл, то есть, Сирил.

2 «Сладостным взором его умоляют!» (лат.).

3 «Да вы настоящий Катулл, Сирил» (лат.).

В итоге оказывается, что не сделано ничего, в точности как в случае неофициальной беседы; так что выбирайте сами, сэр, и ну вас к черту!

— Неофициально, конечно, неофициально, генерал! — согласился Сирил. — Я хочу просто раскрыть вам планы немецкого генерального штаба.

— Благодарю вас, капитан Грей, — саркастически отвечал на это великий муж. — Вот это будет служба так служба. Чтобы сэкономить время, начинайте сразу с оккупации Парижа фон Клюком через четыре дня от сего момента.

— Невозможно, генерал! Фон Клюк никогда не возьмет Париж. И кстати, человек этот в действительности плебейского происхождения.

— После ужина — и только тогда — такие наблюдения отдают превосходным вкусом. Продолжайте!

— Я ни в малой степени не шучу, генерал. Фон Клюку не позволят даже попытаться взять Париж.

— Это по меньшей степени любопытно, ведь он движется маршем напрямиком на город!

— Только для того, чтобы растянуть наш фронт, сэр. Вы обратили внимание, что немцы двигают клин в сторону Сент-Мийеля?

— Да. И что?

— Их цель, сэр, я утверждаю, состоит в том, чтобы отрезать Верден от юга.

— Да ну?

— Почему Верден, спросите вы? Потому что крон-принц стоит во главе угрожающей ему армии. Париж не будет взят никем, кроме этого новоявленного цезаря!

— В этом что-то есть, допускаю. Эта мелкая тварь совершенно непопулярна в народе.

— Они обязаны сделать из него национального героя любой ценой.

— А где вмешаться нам?

— Что может быть яснее! Их правое крыло где-нибудь провет наш фронт или, по крайней мере, атакует фланг. Верден окажется в изоляции. *Der Kron-prinz* (благослови Боже его благородное сердце!) пройдет через него и церемониальной

поступью двинется на Париж. Для династии Гогенцоллернов это единственный шанс.

— С военной точки зрения, это безумие.

— Они уверены, что у них достаточно ресурсов, чтобы пойти на этот риск. Но слушайте, сэр, ради бога, дослушайте же до конца! Если я прав, фон Клюк вынужден будет свернуть на восток прямо через нашу линию фронта и там-то мы его сомнем!

— Он не рискнет осуществить такой безумный маневр.

— Попомните мое слово, сэр, именно так он и поступит.

— И что вы предлагаете мне со всем этим делать? Неофициально, капитан Грей, совершенно неофициально!

— Готовьтесь к атаке, сэр — разумеется, совершенно неофициально.

— Ну, сэр, я вас поздравляю — вы сморозили самый занятный вздор, какой я слышал со времени последней беседы с генералом Баллером! А теперь вам нужно официально доложить полковнику Мэйвору — вы все-таки офицер разведки. В этой армии нам нужны факты.

Тон генерала был высокомерен.

— Психологические факты — тоже факты, генерал.

— Вздор, сэр; вам тут не дискуссионный клуб и не чаепитие в ученом кругу.

— Вот об этом последнем, сэр,— холодно отвечал на это Сирил Грей,— я глубоко и тщетно сожалею.

Однако лорд Ювенций Меллор испортил весь эффект этой бестактной тирады. Устремивши томный взор на багряную физиономию ветерана, он обратился к нему своим ласкающим шелестящим шепотом:

— Пардон, генерал; позвольте нам еще пять минут в неофициальном порядке!

— Ну, мальчик?

— Думаю, было бы справедливо дать генералу Фошу насладиться этой шуткой. Я слышал, настроение у него в последнее время было неважное.

— Ему она, возможно, шуткой не покажется. Француз не оценит забаву, когда на кону стоит его страна.

— Зато он сможет пристрелить беднягу Сирила, *mon vieux!* Дайте ему увольнительную дня на два, пусть съездит, прежде чем докладывать Мэйвору.

— Ну, ладно. Разведывательная служба, осмелюсь заметить, вполне сможет обойтись без своего главного угадывателя пару дней. А вы давайте побыстрее, Грей! И ради вашего же благополучия советую вам присовокупить к вашей шутке фактик-другой.

Сирил отдал честь и ретировался. Ювенций догнал его уже у автомобиля.

— Я умаслю старого осла,— прошептал он старому другу. — Я заставлю его выстроить нужную диспозицию, не нарушая слишком уж линию фронта. Так что если Фош паче чаяния усмотрит в вашей схеме какой-то смысл, мы в этом авангарде не будем слишком уж в арьергарде.

— Молодец! Ну, до свиданья!

— Благодарю!

И Сирил уехал. Путешествие до штаб-квартиры Фоша было поистине устрашающим. Линия фронта то там, то сям зловеще прогибалась, так что приходилось давать кругалю. Дороги были забиты не только транспортом со всевозможными боеприпасами (все в полном беспорядке!), но также беглой солдатней и гражданскими — нагруженными домашним скрабом, ранеными: агония волочила свой длинный шлейф по тылам. Территории уже патрулировали стаи лишившихся хозяев одичавших собак, за месяц войны превратившихся в койотов и динго. Но Сирил просто вопил от радости. Уверенность его росла с каждой милей; он уже придумал себе «фактик» в духе генерала Криппса, который непременно убедит французского военачальника.

Прибыв в *château*², где квартировал генерал, он без особого труда обрел благодарную аудиторию. Статный француз, чей взгляд так и искрился беспокойным умом, тут же отдал посетителю все свое внимание.

— Вы приехали от генерала Криппса?

— Да, мой генерал, но под свою личную ответственность. У меня есть одна идея...

1 «Старина» (фр.).

2 «Замок, большой загородный особняк» (фр.).

— Но вы же в британской униформе! — прервал его Фош с выражением непринужденного галльского удивления.

— *Cucullus non facit monachum*¹, — парировал Сирил Грей. — И потом я наполовину шотландец, наполовину ирландец.

— В таком случае, молю, не сочтите за труд продолжить.

— Должен предвариться, я уже поделился идеей с генералом Криппсом, который пришел к выводу, что я либо идиот, либо шутник.

Это и был тот самый факт, он же главный аргумент. Он сработал, как баллиста. Лицо Фоша немедленно приняло выражение хитрое и нетерпеливое.

— Рассказывайте же! — генерал уже тянулся за докладной запискою.

Грей расхохотался. В нескольких словах он пересказал свою теорию германских планов.

— Но это же ясно, как божий день! — вскричал Фош. — Мгновение! Простите, я должен немедленно позвонить!

Он вышел из комнаты и вернулся минут через пять.

— Не беспокойтесь, капитан Грей, — промолвил он. — Мы возьмем фон Клюка на повороте. Не окажете ли вы мне любезность отвезти эту записку обратно вашему командиру? Британцы должны быть готовы ударить в тот же момент, что и мы. Не стану приглашать вас остаться сейчас — но прошу обязательно отобедать со мной после победы.

Невозможно передать, как звучит слово «*victoire*²» в устах французского солдата! В нем вздох меча, вошедшего в дом свой по самую рукоять; в нем вопль возлюбленного, схватившего любимую в объятия; в нем рыданье мученика, в мгновение смерти своей падающего на руки Богу.

Сирил возвратился в британскую штаб-квартиру и официально передал через полковника Мэйвора послание генерала Фоша.

События следующей недели стали достоянием истории. Жестокий натиск был со всей очевидностью отражен. Более того, сия первая большая победа не только раз и навсегда спасла Францию, но и продемонстрировала, что сыны Бонапарта вновь на пике морального величия, а 1870-й год — не более, чем

1 «Ряса еще не делает монаха» (лат.).

2 «Победа» (фр.).

временная, преходящая слабость, вроде того самого года позора, когда Ван Тромп повымел наши корабли со всех морей.

Генерал Криппс вызвал Сирила Грея в свою ставку.

— Боюсь, — заявил он, — невозможно воздать вам по достоинству за вашу службу. То, что ваша сумасшедшая теория оказалась верной, есть еще один пример — а у нас таких предостаточно каждый день — действия законов случая. Даже прогноз погоды не может каждый раз ошибаться! Но даже если ваш подвиг заслуживает величайшей награды, мы все равно бессильны — наша с вами беседа, как помните, была совершенно неофициальной. Однако какой бы неофициальной она ни была, вы получите повышение и станете Командором Ордена Бани. Фаворитизм, сэр, чистой воды фаворитизм! А теперь отправляйтесь к генералу Фошу, майор — он желает представить вас двум джентльменам по имени Жоффер и Пуанкаре соответственно. По коням! Прохлаждаться времени нет! — добавил он поспешно, дабы пресечь всякие выражения благодарности. Но когда мужчины обменялись рукопожатием, очи их туманила мысль об Англии.

И вот Сирил уже мчит по дороге в Париж, где у него назначена встреча.

Виктория изменила облик страны в тылу, словно декорации — по мановению режиссера. Нет больше беженцев, нет разрухи: только длинные караваны раненых по-прежнему забивают дороги. Но инфекция победы расходуется быстро — будто солнечный свет течет по омытому грозою небу. Поезда снабжения так и излучают надежность: повсюду новые орудия, новые фургоны, новые лошади. На каждом повороте дороги свежие части с веселым пением идут на фронт. Вид войск восхищал Сирила. Их бодрость и способность быстро оправляться от ударов поражали его до глубины души.

В какой-то момент он столкнулся с батальоном турок, перебрасываемым на другой участок фронта: каждый с трофеем великой битвы. Горячая любовь к дикарям, к настоящим людям, не испорченным цивилизацией, почти завладела им: он едва не кинулся с ними обниматься. Он зрел перед собою триумф жизни, сокрушение вражеской грозы; радость затопила его сердце, горло охватил огонь, и песнь порхнула в уста.

Но в следующее мгновение холод потек у Сирила по спине, ибо глазам его предстало жуткое зрелище.

У дороги стоял указательный знак, пика щпаги, воткнутая в закраину канавы с прибитою к ней доской, на которой грубо мелом накарябано было единственное слово — «*Espion*»¹. Убийственное любопытство влекло его туда. Он подошел. Дикие псы, дравшиеся вокруг зловещего знака бросились врассыпную, оставив мерзкую свою трапезу.

Из живота трупа торчала шпага; язык был вырван. С одного взгляда можно было признать работу алжирских частей, потерявших треть боевого состава из-за предательства немецких шпионов. Но несмотря на все случившиеся с обликом перемены, Сирил узнал не только это — но и сами останки. Некогда эта падаль была Дугласом.

И тут Сирил Грей сделал нечто странное: такого с ним не случалось долгие-долгие годы. Он захлебнулся рыданиями.

— Теперь я понимаю, — пробормотал он сквозь слезы, — как прав был Саймон Ифф. Вон он, Путь Дао! И мне надо идти им — куда более тяжким путем, где всякий продвигающийся вперед отступает назад.

Он дал лошади шенкелей. Через полчаса взору его предстал рассвет, блистающий на шпиле Эйфелевой башни и на крыльях одной из тех птиц, что доблестно кружат над нею, неся стражу и попечение о Париже.

На следующее утро он явился с докладом к британским властям, и не кто иной как лорд Энтони Боулинг представил его президенту и главнокомандующему.

На банкете Сирил внезапно обнаружил себя рыцарем Почетного Легиона. Но блеск и жизнерадостность его куда-то делись. Он отобедал в настроении тусклой благопристойности. Мысли его все возвращались к позорному трупу в придорожной канаве. Он извинился и рано оставил Елисейский дворец. У ворот стоял автомобиль. Из него выпрыгнула Лиза Ла Джуффрия и кинулась его обнимать. История ее безумия, и к чему оно привело, и как она от него исцелилась, и как тщательно следила за его, Сирила, передвижениями, и как твердо намеревалась вернуть его любой ценой — все вылилось из нее

¹ «Шпион» (фр.).

единым потоком. Он молча слушал — в молчании неисцелимой печали — затем покачал головой.

— Неужели ты мне ничего не скажешь? — вскричала она нетерпеливо, раздираемая агонией чувств.

— Неужели ты мне ничего не подаришь? — отвечивал он. Она поняла.

— О, ты человек! Ты теперь человек! — заплакала Лиза.

— Я не знаю, что я такое, — сказал он. — Вчера я видел, как закончилась игра — кое для кого!

И в нескольких словах он рассказал ей о придорожном кошмаре.

— Вперед! — сказал он ей в заключение. — Возьми эту девушку, последнюю жертву Дугласа себе в горничные. Поезжай в Америку и отыщи там Дитя Луны. Для нас будут и другие задачи — или не будут. Я ничего не знаю — время покажет.

— Я поеду, поеду, — воскликнула она. — Я отправлюсь немедленно. Но только сперва поцелуй меня!

И снова глаза мага наполнились слезами: глубже, чем когда-либо в жизни, постиг он Мировую Скорбь. Он узрел, до какой степени несовместимы все человеческие идеалы с Законами Жизни. Медленно и нежно принял он ее в свои объятия — и поцеловал. Но Лиза ему не ответила; она поняла, что перед нею совсем не тот мужчина, которого она любила: нет, этого она совсем не знала и не дерзала любить. Человек, на которого смотрят издалека; идея, которой восхищаются! Она знала, что недостойна, и отступила в тень.

— Я поеду, — молвила она, — искать Дитя. Привет тебе и прощай!

— Привет и прощай!

Девушка неровной походкой пошла к автомобилю. Сирил Грей, повесив голову, углубился в кущи Елисейских Полей.

Невыразимая усталость снизошла на него. Уж не заболел ли я, отрешенно думал юноша. Зрелище обелиска на Площади Согласия вызвало у него потрясенное удивление. Он не заметил, как покинул сень дерев. Обелиск вернул ясность его мыслям; очертания его привели на память Мистерии Египетской Магии. Ощущение оказалось бодрящим, как нырок в холодную воду. Он двинулся дальше, к Монмартру.

Гостевой дом Ордена превратили в госпиталь. И кто же вышел встречать его как не Сестра Кибела?

Рядом с нею возвышалась суровая фигура Саймона Иффа; позади стояли еще двое. Сирил совсем не удивился при виде своего прежнего учителя, Махатеры Фанга, но кто другой? О, то был Абдул-бей.

— Иди сюда и пожмите друг другу руки,— вскричал Саймон Ифф.

— Я вовсе не бездействовал, Сирил,— добавил старик. — Я давно уже наблюдал за нашим юным другом и в нужный момент наложил на него руку. Я показал ему, что шпионаж — собачья игра, и в конце ее ждет собачья же смерть. Он отрекся от старых своих заблуждений и теперь стал Послушником нашего Святого Ордена.

Молодые люди поприветствовали друг друга: турок — бормоча просьбы о прощении; другой — за смехом пряча замешательство.

— Сирил, да ты же болен! — воскликнула Сестра Кибела.

И правда, юноша едва держался на ногах.

— Действие и противодействие равны и взаимоположны,— радостно возвестил Саймон Ифф. — Ты пойдешь спать Брат Сирил, а затем проведешь семь дней в медитации, в одном из высших трансов. За продолжительностью твоего отпуска я присмотрю.

— Есть такая медитация,— твердо сказал Сирил,— доставшаяся нам от Будды,— на труп, раздираемый дикими тварями. Именно ею я и займусь.

Саймон Ифф согласился, не задавая лишних вопросами. Не ведал он, что Сирил узнал в трупe Дугласа свой собственный; что на него снизошло осознание тождества себя со всеми живыми существами на земле, которое и вознесло его к великому Адептату.

Но кое-кто распознал природу и суть этого посвящения. По дороге в предназначенную для грядущего затворничества комнату Сирил, опиравшийся на руку Сестры Кибелы, вдруг узрел великий свет. Свет этот безмятежно изливался из очей Махатеры Фанга.

ЧЕРЕЗ ПУЧИНУ

Перевод Алексей Осипов

Редактор Анна Блейз

Корректор Евгения Сафонова

Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина

Компьютерная верстка Надежда Саламахина

ООО «Издательство «Ганга»

117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501

GANGA.RU

Подписано в печать 29. 07. 2011. Формат 84x108/32

Объем 13 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 4300

Гарнитура OriginalGaramond BT. Печать офсетная

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА» в полном соответствии

с качеством предоставленных материалов

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru